В. Пискорскій.

КРѢПОСТНОЕ ПРАВО

ВЪ

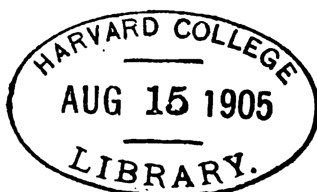
КАТАЛОНІИ

ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1901.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій за 1901 г.

Оглавленіе.

Предисловіе.

Соціальная исторія средневѣковой Испаніи еще мало изучена. Разработку ея необходимо вести монографически, по отдѣльнымъ областямъ, въ виду ихъ самобытнаго развитія. Избирая предметомъ спеціальнаго изслѣдованія крѣпостное право въ Каталоніи, я желалъ восполнить одинъ изъ пробѣловъ въ исторической литературѣ на основаніи самостоятельнаго изученія какъ изданныхъ источниковъ, такъ и рукописнаго матеріала, собраннаго мной въ архивахъ Барселоны, Хероны, Вика и Перпиньяна.

Испанія условный географическій и политическій терминъ, подъ которымъ скрывается весьма разнообразное содержаніе, въ видѣ отдѣльныхъ областей, имѣвшихъ самостоятельную исторію и отличающихся еще и теперь другъ отъ друга по языку, учрежденіямъ частнаго права и народному характеру. Изъ различныхъ частей Пиренейскаго полуострова Кастилія и Каталонія наиболѣе рѣзко различаются между собою и по историческимъ традиціямъ, и по современнымъ тенденціямъ. Среднее положеніе между ними въ этомъ отношеніи занимаютъ другія области съ самобытной исторіей, какъ Арагонъ, Наварра и др. Въ то время какъ Кастилія была изолирована отъ остальной Европы многовѣковой борьбой съ маврами въ большей степени, чѣмъ другія области Испаніи — Пиренейскими горами, борьбой, заставившей народъ вращаться въ узкомъ кругу національныхъ идей и интересовъ, Каталонія, войдя въ составъ монархіи Карла Великаго, восприняла отъ нея феодальныя учрежденія и, рано сравнительно покончивъ борьбу съ маврами, постоянно поддерживала культурное и политическое общеніе съ различными странами Европы, особенно съ Франціей. Вслѣдствіе этого, общественное развитіе Каталоніи представляетъ больше аналогій съ общеевропейскимъ, чѣмъ съ кастильскимъ.

Феодализмъ, достигшій въ Каталоніи полнаго и всесторонняго развитія, едва лишь привился въ Кастиліи [1], и насколько высоко было въ этой странѣ общественное положеніе крестьянъ, уже въ XIII в. достигшихъ личной независимости и политическихъ правъ [2], настолько низко было оно въ большей части Каталоніи, гдѣ крѣпостное право отличалось большей силой и живучестью, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ Пиренейскаго полуострова, за исключеніемъ развѣ Арагона [3].

Въ своемъ трудѣ я задался цѣлью показать, какъ образовалось крѣпостное право въ Каталоніи, какія формы оно приняло въ пору наивысшаго развитія, какъ и почему оно разлагалось, и какъ процессъ разложенія былъ ускоренъ крестьянскими возстаніями второй половины XV в. Я старался представить, насколько позволяли источники, очеркъ эволюціи одного изъ крупнѣйшихъ явленій общественной жизни Каталоніи. Будучи выраженіемъ опредѣленной стадіи экономическаго развитія, крѣпостное право существовало въ Каталоніи на такихъ же началахъ, какъ и въ другихъ странахъ Европы, хотя формы его отличались нѣкоторыми особенностями, въ зависимости отъ мѣстныхъ историческихъ условій. Для своей работы я пользовался грамотами и хрониками, изданными

---

[1]) Краткую схему развитія феодализма въ испанскихъ государствахъ даетъ профессоръ Аскарате (G. Azcarate, Ensayo sobre la historia del derecho de propiedad y su estado actual en Europa, t. II, p. 114, Madrid, 1880), по мнѣнію котораго феодальная система получила преобладаніе въ тѣхъ странахъ, которыя находились подъ наибольшимъ вліяніемъ Франціи и наименѣе были заняты борьбой съ маврами. Существующія на испанскомъ языкѣ монографіи по вопросу о феодализмѣ уже не отвѣчаютъ современнымъ научнымъ требованіямъ. Таковы, напр., сочиненія Листá (Memoria sobre el feudalismo en España, 1828), Экосуры (D. Antonio de la Escosura y Hevia, Juicio critico del feudalismo en España y de su influencia en el estado social y politica de la Nacion. Madrid, 1856), Карденаса (D. Francisco Cardenas, Ensayo sobre la historia de la propiedad territorialen España, Madrid, 2 t. 1873) и др.

[2]) Por todos estos medios las clases serviles de León y Castilla logran á principios del siglo XIII poco menos que la plenitud de su libertad personal, y vienen á sumarse, en parte, con la clase media de las villas, en punto á su significación social. R. Altamira y Crevea, Historia de España, I, 406 (Madrid, 1900).

[3]) En cuanto á los siervos, colonos etc. (conocidos con el nombre de *vasallos de parada* y otros), créese que al principio gozaban de condición bastante favorable, pudiendo los colonos libres cambiar á voluntad de domicilio; pero en el siglo XIII se produjo marcada agravación en su dependencia de los señores, alcanzando éstos una potestad absoluta, que llegaba hasta el derecho de matar á aquellos de hambre, sed ó frío. Ibidem, I, 450—451.

Балюціемъ, Флоресомъ, Виллануэва, бенедиктинцами конгрегаціи св. Мавра, Аларомъ и др., трактатами средневѣковыхъ каталонскихъ юристовъ, собраніями каталонскихъ законовъ и обычаевъ [1]. „коллекціей документовъ Архива короны арагонской", и т. д. Значительный матеріалъ, частью въ сыромъ, частью въ переработанномъ видѣ, дали мнѣ и авторы областныхъ монографій, какъ Пелла-и-Форгасъ, Королеу, Чіа, Саппере-и-Микель, Монсальватже и др., работавшіе по неизданнымъ источникамъ. Болѣе подробныя указанія на печатные источники и литературу предмета читатель найдетъ въ дальнѣйшемъ изложеніи и ссылкахъ къ нему.

Но далеко не по всѣмъ вопросамъ я могъ найти отвѣтъ въ названныхъ источникахъ. Нѣкоторые отдѣлы моей работы основаны почти исключительно на архивномъ матеріалѣ, часть котораго издана мною или въ видѣ приложеній къ статьѣ „Вопросъ о значеніи и происхожденіи шести „дурныхъ обычаевъ" въ Каталоніи" (Кіевъ, 1899 г.), или въ примѣчаніяхъ и приложеніяхъ къ настоящей работѣ. Рукописный матеріалъ почерпнутъ мною изъ слѣдующихъ архивовъ: 1) Королевскаго Арагонскаго (Archivo General de la Corona de Aragon; въ ссылкахъ на рукописи этого архива названіе послѣдняго сокращено такъ: A. C. A.),

2) Муниципальнаго Барселонскаго (Archivo del Ayuntamiento или Municipal de Barcelona; ссылка: A. M. B.),

3) Королевскаго патримоніальнаго (Archivo del Patrimonio Real; ссылка: A. P. R.) [2],

4) Соборнаго Херонскаго (Archivo del Cabildo de Gerona; ссылка: A. C. G.),

5) Викарнаго Херонскаго (Archivo del vicariato general del obispo de Gerona; ссылка: A. V. G.),

---

[1] О законодательныхъ источникахъ и трудахъ каталонскихъ юристовъ см. прим. 1 къ стр. 3—4 статьи „Вопросъ о значеніи и происхожденіи „6 дурныхъ обычаевъ" въ Каталоніи". Къ перечисленнымъ тамъ изданіямъ слѣдуетъ присоединить собраніе актовъ каталонскихъ кортесовъ, которое стала издавать Мадридская Академія Исторіи, подъ редакціей Фиделя Фита и Біенвенидо Оливера, начиная съ 1896 г., и которымъ я пользовался въ настоящей своей работѣ. До сихъ поръ вышло 3 тома. Въ 1-й части перваго тома помѣщены „Барселонскіе обычаи" на лат. языкѣ, числомъ 152 (pp. 10—46), и на кат. яз., числомъ 120 (pp. 6 и сл.), съ указаніемъ на различные списки и печатныя изданія этого памятника (Ap. IV—V). Появленіе этого памятника издатели датируютъ временемъ не позже 1064 г. (p. 4), но безъ достаточной мотивировки. Въ своей работѣ я пользуюсь текстами „Барселонскихъ обычаевъ" по изданію Маричаляра и Манрике.

[2] Вышеназванные архивы находятся въ г. Барселонѣ.

6) Муниципальнаго Херонскаго (Archivo Municipal de Gerona: ссылка: A. M. G.),

7) Провинціальнаго пріюта г. Хероны (Archivo del Hospicio Provincial de Gerona: ссылка: A. H. G.),

8) Соборнаго Викскаго (Archivo del Cabildo de Vich: ссылка: A. C. V.),

9) Муниципальнаго Викскаго (Archivo del Ayuntamiento de Vich; ссылка: A. M. V.),

10) Куріи Викской (Archivo de la Curia Fumada [1]); ссылка: A. C. F.),

11) Муниципальнаго Манрезскаго (Archivo Municipal de Manresa: ссылка: A. M. M.),

12) Департамента Восточныхъ Пиренеевъ (Archives des Pyrénées—Orientales; ссылка: A. D. P.).

Кромѣ того, я пользовался въ Муниципальной Библіотекѣ г. Перпиньяна (ссылка: B. M. P.) собраніемъ документовъ, переписанныхъ собственноручно архиваріусомъ Перпиньяна г. Аларомъ (Alart). Эти документы относятся къ исторіи Руссильона отъ конца X вѣка до времени соединенія его съ Франціей (1653 г.) [2]). Наконецъ, въ мое распоряженіе любезно были предоставлены нѣкоторыя рукописи каноникомъ викскаго собора г. Колелемъ (J. Collell), херонскимъ адвокатомъ г. Ботетомъ-и-Сизо (J. Botet y Sisó), алькальдомъ г. Манресы г. Миро (Ol. Miró) и манресскимъ архиваріусомъ Солеромъ (Leoncio Soler).

---

[1]) По поводу этого архива José Serra y Campdelacreu (El Archivo Municipal de Vich. Vich. 1879) замѣчаетъ: Dícese que lleva este nombre á causa de un incendio que sufrió no sabemos en que época. Su origen se remonta á principios del siglo XIII. Contiene „documentos importantísimos que son el fundamento y la historia de la propiedad territorial de este país" (pp. 113—114).

[2]) О замѣчательныхъ трудахъ Алара см. Vidal, Notice sur la vie et les travaux de Julien-Bernard Alart, Perpignan, 1896.

КРѢПОСТНОЕ ПРАВО ВЪ КАТАЛОНІИ ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

Изслѣдованіе Владиміра Пискорскаго.

ГЛАВА I.

Происхожденіе „ременсы“.

Легенды о происхожденіи „ременсы“ и ихъ критика.—Скудость извѣстій о положеніи крестьянъ въ первые вѣка „реконквисты“.—Внутреннее устройство Испанской Марки подъ франкскимъ владычествомъ.—Свободное крестьянство и крестьянская собственность въ IX—X в.—Развитіе бенефиціальной системы и вліяніе ея на судьбу крестьянской собственности.—Выдѣленіе Каталоніи изъ состава Франкской монархіи и продолженіе „реконквисты“.—Вольные колонисты и зависимые люди.—Ухудшеніе положенія держателей земельныхъ участковъ и улучшеніе быта рабовъ, какъ источники образованія крѣпостного крестьянства.—Кодексъ „Барселонскихъ обычаевъ“ и значеніе его въ исторіи земледѣльческаго населенія Каталоніи.—Развитіе крѣпостной зависимости крестьянъ въ XII в.—Отношеніе законодательной власти къ крестьянскому сословію въ XIII в.—Образованіе „ременсы“, какъ юридическаго института.

Земледѣльческое населеніе Каталоніи въ средніе вѣка представляло въ правовомъ и хозяйственномъ отношеніи далеко не однородную группу. Одна часть его пользовалась личной свободой и владѣла землей на болѣе или менѣе льготныхъ условіяхъ, обыкновенно на началахъ наслѣдственной эмфитевзы, тогда какъ другая, до послѣдней четверти XV в., находилась подъ гнетомъ такъ называемыхъ „дурныхъ обычаевъ“, представлявшихъ одну изъ формъ крѣпостного права. Первое литературное извѣстіе о существованіи въ Каталоніи юридическихъ различій въ положеніи

крестьянскаго населенія мы находимъ у барселонскаго каноника Пере Альберта, жившаго въ половинѣ XIII столѣтія. Онъ составилъ компиляцію каталонскихъ обычаевъ, изъ которой видно, что крестьяне Старой Каталоніи, въ отличіе отъ земледѣльцевъ Новой, не могли оставлять земли сеньора, не уплативши раньше такъ наз. „ременсы“, т. е. выкупа за свою личность; отсюда и вся группа лицъ, подлежавшихъ такому выкупу, получила потомъ названіе крестьянъ ременсы. Старая Каталонія, по словамъ Пере Альберта, охватывала епископство Херонское, половину Барселонскаго и большую часть Викскаго; Новая отдѣлялась отъ нея рѣкою Лобрегатомъ и охватывала земли, расположенныя на западъ отъ этой рѣки. Дѣленіе это установилось въ половинѣ XII вѣка, въ эпоху графа Барселонскаго—Рамона Беренгера IV [1]), когда завоевана была большая часть земель, получившихъ, въ отличіе отъ прежнихъ владѣній графовъ Барселонскихъ, названіе Новой Каталоніи, и южныя границы ея достигали р. Эбро. Пере Альбертъ только констатировалъ данное явленіе, но не объяснилъ, какъ оно образовалось. Юристы и хроникеры послѣдующей эпохи интересовались знать, какъ возникло въ ихъ отечествѣ крѣпостное право, почему оно существовало въ одной части Каталоніи и почему его не было въ другой. Отвѣта на эти вопросы они искали въ древнихъ народныхъ преданіяхъ, которыя, различаясь въ подробностяхъ, сходились между собою въ томъ, что признавали арабовъ виновниками установленія въ Каталоніи „ременсы“. „Послѣ измѣны графа Юліана, повлекшей за собою завоеваніе Испаніи маврами, многіе христіане, говоритъ Сокарратсъ, юристъ XV в., взяты были въ плѣнъ. Король Карлъ, предпринявъ завоеваніе страны, расположенной на востокъ отъ р. Лобрегата, извѣстилъ порабощенныхъ христіанъ о своемъ намѣреніи начать войну противъ саррацинъ, приглашая соединиться съ нимъ и возстать противъ невѣрныхъ въ заранѣе условленный день. Однако, христіане, сомнѣваясь въ успѣшномъ исходѣ предпріятія, не пожелали помочь королю Карлу и его войску. А имъ, съ Божьей помощью, удалось побѣдить саррацинъ и покорить христіанской вѣрѣ эту страну. Тогда сподвижники Карла стали совѣтовать ему умертвить плѣнныхъ христіанъ за то, что они не захотѣли сражаться за вѣру. Но Карлъ, принявъ въ расчетъ, что воины не могутъ сами воздѣлывать землю, сохранилъ этимъ

[1]) D. Pedro Nolasco Vives y Cebria, Constituciones de Cataluña, t. II, pp. 90—92 (Costumbre XXXIII), Barcelona, 1862.

христіанамъ жизнь съ тѣмъ, чтобы они выполняли тѣ повинности, которыя возложены были на нихъ невѣрными“ [1]). Изложивъ это преданіе, Сокарратсъ замѣчаетъ: „Но въ гористой части Херонской епархіи существуетъ приходъ Ривидарій, жители котораго свободны отъ этихъ повинностей, потому что, какъ я слышалъ, ихъ предки оказали повиновеніе королю Карлу“ [2]). Итакъ, изъ разсказа Сокарратса слѣдуетъ, что не все населеніе Старой Каталоніи находилось въ крѣпостномъ состояніи; жители нѣкоторыхъ мѣстностей ея пользовались свободой, такъ какъ когда-то послѣдовали на призывъ Карла Великаго и за это были отличены имъ отъ прочей массы населенія.

Другой писатель XV вѣка, хроникеръ Пере Томикъ, также приписываетъ арабамъ установленіе въ Каталоніи ременсы и „дурныхъ обычаевъ“, но въ эпоху болѣе позднюю, чѣмъ та, которую называетъ Сокарратсъ: именно послѣ смерти Карла Великаго [3]). Въ сочиненіи Чіа „Bandos y bandoleros en Gerona“ находимъ новую версію преданія о началѣ ременсы, сохраненную въ одной рукописи XV вѣка. Послѣ погрома, нанесеннаго арабамъ франкскими и испанскими отрядами въ Каталоніи, гласитъ это преданіе, нѣкоторыя мусульманскія семейства остались тамъ жить, причемъ одни перешли въ христіанство, другія сохранили вѣрность исламу; первыя освободились отъ повинностей, установленныхъ арабами и носившихъ названіе „дурныхъ обычаевъ“, послѣднія продолжали нести ихъ. Въ началѣ повинности эти были пріурочены только къ извѣстнымъ семействамъ, а потомъ—къ тѣмъ участкамъ земли, которые они населяли, т. е. пріобрѣли территоріальный характеръ, выражавшійся въ томъ, что къ несенію ихъ привлекались и христіане,

---

[1]) Socarrats, De consuetudinibus Cathaloniae inter dominos et vasallos, p. 501 (Barcelona, 1551).

[2]) Sed in diocesi Gerund. apud montaneos est quaedam parochia vocata de Rividario, quae est exempta a dictis juribus, ex eo quia, ut audivi, homines de illa parochia fuerunt obedientes dicto regi Carolo... ibidem.

[3]) Axi que es de saber lo que escriu Pere Tomich, dihent que en lo temps apres de aquest, quant se anava conquistant y lleuant part de Cathalunya als Moros, mort Carlo Magno Rey de França, y Emperador de Alemanya, los Moros tornaren à apretar tant als christians, que fonch necessari consentir y donar lisencia, se fessen tributaris als Moros, perque los dexassen viurer, y diu, quels pagaren per tribut los mals vsos, que encara son dits axi en Catalunya. De manera, ques trau de aqui, que los mals vsos foren los tributs, o vectigals, y servituts pagauan, y feyan los subjectes christians, als vensedors Moros. Pujades, Coronica Universal de Catalunya, libre sise, f. 359, cap. CLII (Barcelona, 1609).

разъ они селились на одномъ изъ такихъ участковъ [1]). По этому преданію, ременса уже не служитъ признакомъ отличія между побѣдителями и побѣжденными; она существуетъ и среди самихъ арабовъ, и освобожденіе отъ нея объясняется здѣсь иными мотивами, чѣмъ тѣ, которые выставлены въ другихъ разсказахъ, именно не готовностью христіанъ помочь своимъ освободителямъ, а принятіемъ христіанства самими же арабами.

Уже Іеронимъ Пужадесъ, авторъ „Хроники каталонскаго принципата", составленной въ началѣ XVII в., находитъ весьма труднымъ рѣшеніе вопроса о началѣ ременсы и дурныхъ обычаевъ. „Очень трудно, говоритъ онъ, дать ясную и вѣрную характеристику того подчиненія, въ которомъ находились христіане у мавровъ, и тѣхъ повинностей, которыя они обязаны были нести въ ихъ пользу. И хотя до сихъ поръ ни одинъ изъ тѣхъ авторовъ, которыми я пользовался (а ссылаюсь я въ своемъ сочиненіи болѣе чѣмъ на 225—230 авторовъ), не далъ мнѣ удовлетворительнаго объясненія или точныхъ свѣдѣній по данному вопросу, все-таки надѣюсь при Божьей помощи пролить на него свѣтъ на основаніи нѣкоторыхъ ясныхъ указаній" [2]). Ссылаясь на авторитетъ Томика, Сольсоны, Томаса Міереса и другихъ, Пужадесъ объясняетъ происхожденіе ременсы приблизительно такъ же, какъ и Сокарратсъ, а въ опредѣленіи границъ ея распространенія слѣдуетъ Пере Альберту, хотя и не называетъ его. „Конквистадоры, говоритъ онъ, не получивъ требуемой помощи отъ христіанъ, жившихъ въ епископствѣ Херонскомъ, въ большей части Викскаго и въ половинѣ Барселонскаго и болѣе боявшихся мавровъ, чѣмъ Бога, рѣшили наказать ихъ тѣмъ, что оставили ихъ въ томъ же порабощеніи, въ какомъ находились они у мавровъ, тогда какъ другимъ христіанамъ, возставшимъ противъ мавровъ, предоставлена была полная свобода,

---

[1]) Bandos y bandoleros en Gerona, por Julián de Chia, t. II, p. 48 (Gerona, 1888). Рукопись херонскаго муниципальнаго архива, на которую ссылается Чіа, носитъ названіе „Libro de convocatoria general para la abolicion de los malos usos. 1448 (ib., p. 49, n. 1).

[2]) ... Totavia, seria gran cosa poder donar alguna clara y certa especificacio de la servitut en que los Moros tenian als christians y los tributs exhigian y cobrauan. Y si be fins vuy, ningun autor dels que jo he vists (de mes de 225 o 230 que en lo discurs de aquesta obra tinch allegats) men ha donada expresa raho, ni perfeta noticia: pens ab la ajuda de Deu, donarne algun llum, trahentlo de alguns indicis mafests. Pujades, op. cit., f. 359, cap. CLII.

причемъ первые получили потомъ названіе „крестьянъ или вассаловъ ременсы“ [1]).

Такимъ образомъ, установленіе „дурныхъ обычаевъ“, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ традиція приписываетъ арабамъ; конквистадоры, начиная съ Карла Великаго, являются, по традиціи, освободителями только той части христіанскаго населенія, которая согласилась возстать противъ мавровъ и которая населяла Старую Каталонію. Впрочемъ, и въ Старой Каталоніи, какъ замѣтилъ Сокарратсъ, существовало свободное крестьянство, именно въ приходѣ Ривидаріи, обязанное своимъ положеніемъ тому обстоятельству, что согласилось помочь Карлу Великому противъ мавровъ. Но этотъ фактъ представляется исключеніемъ изъ общаго правила, а общее правило заключалось въ томъ, что жители Старой Каталоніи, какъ не возставшіе противъ мавровъ, оставлены были въ прежней неволѣ (remanserunt in servitute), тогда какъ прочіе, откликнувшіеся на призывъ единовѣрцевъ, получили свободу. Совпаденіе, хотя и не полное, юридическаго дѣленія крестьянскаго населенія Каталоніи на крѣпостныхъ и свободныхъ, съ географическимъ дѣленіемъ этой страны на двѣ части, объясняемое столь простыми мотивами, уже само по себѣ возбуждаетъ недовѣріе къ сохранившимся на этотъ счетъ преданіямъ. Еще болѣе подрываетъ довѣріе къ нимъ то, что̀ извѣстно намъ относительно политики арабовъ по отношенію къ побѣжденному населенію: по крайней мѣрѣ въ первое время своего господства въ Испаніи они отличались полною терпимостью къ христіанамъ и не измѣняли тѣхъ порядковъ и отношеній, которые заставали въ завоеванной странѣ. Сами крестьяне, по словамъ Суриты, обращавшіеся къ королю Фердинанду Католику съ настойчивыми просьбами объ освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости и дурныхъ обычаевъ, указывали ему, въ качествѣ сильнаго аргумента въ пользу необходимости такого освобожденія, на то обстоятельство, что даже „невѣрные не допускаютъ у себя существованія

[1]) ... Que à les hores los conquistadors, per la falta los auian feta los christians requerits, que temeren mes als moros que à Deu: volgueren, que aquells christians, particularment en tot lo Bisbat de Gerona, en la major part de Vich, y meytat del de Barcelona, y tot lo resto, que es desdel riu Lobregat vers lleuant (com diuhen los nostres Francesch Solsona y Thomas Myeres) fossen punits ab allo matex de que auian tingut temor, o almenys, ab allo de que nos auian volgut ajudar à exir, y deslliurarse. Axique, auent fets franchs y immunes als quels avian ajudat, y valgut: feren restar als altres ab la matexa servitut en que estauan en poder dels moros, etc. Pujades, op. cit., ff. 359—360.

подобныхъ обычаевъ“ [1]). Точно также и относительно испанской политики франкскихъ королей приведенные разсказы не отличаются достовѣрностью: въ грамотахъ этихъ королей, какъ увидимъ дальше, не заключается указаній объ оставленіи ими одной части христіанскаго населенія Каталоніи подъ гнетомъ „дурныхъ обычаевъ“ и освобожденіи отъ нихъ другой, хотя, въ виду важности подобныхъ мѣропріятій, несомнѣнно о нихъ было бы упомянуто, если бы они въ дѣйствительности имѣли мѣсто. Съ другой стороны, традиція впадаетъ въ анахронизмъ, распространяя эти мѣропріятія и на тѣ области, въ которыхъ не могли распоряжаться франкскіе короли, такъ какъ тогда онѣ находились еще подъ арабскимъ владычествомъ и завоеваны были уже въ ту пору, когда Каталонія перестала быть составною частью Франкской монархіи [2]). Если бы кругъ наблюденій каталонскихъ лѣтописцевъ и юристовъ былъ нѣсколько шире, они замѣтили бы, что, кромѣ собственной Каталоніи, „ременса“ и „дурные обычаи“ подъ тѣми же названіями существовали и въ сосѣднихъ областяхъ—Серданьѣ и Руссильонѣ [3]), а подъ другими названіями—нѣкоторые изъ „дурныхъ обычаевъ“ имѣли мѣсто въ различныхъ странахъ западной Европы, гдѣ общественныя отношенія подверглись феодализаціи. И тогда не было бы надобности прибѣгать къ чрезвычайнымъ объясненіямъ даннаго явленія арабскимъ вліяніемъ и политикой франкскихъ королей, уже по тому одному, что аналогичныя явленія развивались и тамъ, гдѣ вовсе не было арабовъ. Впрочемъ, не одна трудность подыскать разумное объясненіе сложнаго общественнаго явленія, какимъ была ременса, заставляла каталонцевъ обращать свои взоры на отношенія арабовъ къ побѣжденнымъ: отличаясь ненавистью къ арабамъ, они предпочитали искать у арабовъ, а не у своихъ предковъ начало непопулярныхъ по своей несправедливости порядковъ и обычаевъ. Въ связи съ такимъ объясненіемъ происхожденія ременсы, какъ общественнаго явленія, давалось и своеобразное толкованіе этимологіи этого слова. Слово „remensa“ производили отъ причастія глагола remanere-remansi.

[1]) Çurita, Anales de la Corona de Aragon, t. IV, pp. 326—327 (Çaragoça, 1610).

[2]) См. Marca Hispanica, lib. III, c. XI, § 1: De Tomichii fabulosa Cataloniae divisione etc. (Aiunt praeterea alienum videri à prudentia Karoli ut eas civitates ordinaret in iisque magistratus poneret quas nondum acquisierat armorum vi neque deditione ut sunt Tarraco, Dertosa et Ilerda).

[3]) Alart, Notices historiques sur les communes du Roussillon, 1-ère série, pp. 199—200, 187, 221. (Perpignan, 1868).

означавшаго въ данномъ случаѣ, съ прибавленіемъ словъ „in servitute“, людей, оставленныхъ Карломъ Великимъ или другими конквистадорами въ рабскомъ состояніи, между тѣмъ достовѣрно извѣстно, что каталонское слово remensa происходитъ отъ латинскаго redimentia и равнозначуще ему въ смыслѣ выкупа, который обязаны были платить крестьяне своему сеньору въ случаѣ перехода съ его земли на другія мѣста [1]).

Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что разсмотрѣнная нами традиція не отличается достовѣрностью и имѣетъ характеръ легенды, сложившейся въ XIV или XV вѣкѣ съ цѣлью объяснить раздѣленіе каталонскаго населенія на крѣпостныхъ и свободныхъ. Поэтому мы не можемъ воспользоваться ею для объясненія происхожденія ременсы и должны выяснить ея генезисъ другимъ путемъ. Но раньше чѣмъ обратиться къ этому изслѣдованію, посмотримъ, какъ рѣшается вопросъ въ современной исторической литературѣ, хотя, надо замѣтить, онъ не служилъ предметомъ спеціальнаго изученія. Современные изслѣдователи, затрогивающіе въ своихъ сочиненіяхъ различные вопросы аграрной исторіи Каталоніи, различнымъ образомъ относятся къ только что разсмотрѣнной нами традиціи. Одни, какъ Манрике и Маричаларъ, принимаютъ ее на вѣру, безъ всякой критики. „Къ той же группѣ крѣпостного населенія, говорятъ они, относились и такъ называемые крестьяне ременсы, находившіеся еще въ худшихъ условіяхъ, такъ какъ предполагалось, что они остались въ томъ же положеніи, какъ и въ эпоху арабскаго владычества, ибо, въ наказаніе за равнодушіе или боязнь оказать помощь въ изгнаніи арабовъ изъ Барселоны, Людовикъ Благочестивый оставилъ ихъ предковъ въ такомъ же подчиненіи у христіанскихъ сеньоровъ, въ какомъ находились они у арабовъ, съ обязательствомъ платить подати и повинности въ видѣ „дурныхъ обычаевъ“ [2]). Другіе, какъ Паджесъ-и-Пратсъ и Чіа, обнару-

---

[1]) См. D. Luis Cutchet y D. Victor Balaguer, Cataluña vindicada, p. 168 (Barcelona. 1858). Мы допускаемъ даже возможность искусственнаго образованія всего преданія о происхожденіи ременсы съ цѣлью объяснить терминъ remença, значеніе котораго перестало быть понятнымъ для позднѣйшихъ поколѣній. Насколько неясно представляли себѣ каталонскіе писатели этимологію этого слова, видно уже изъ того, что Хуанъ Буада, современникъ и очевидецъ событій 1462 г., въ которыхъ главная роль выпала на долю крестьянъ, называетъ ихъ въ своей хроникѣ *pagesos de rasa mensa*. См. Villanueva, Viage literario á las Iglesias de España, t. XIV, p. 301.

[2]) A. Marichalar y C Manrique, Historia de la legislacion y recitaciones del derecho civil de España, t. VII, pp. 330—331 (Madrid, 1863).

живаютъ скептическое отношеніе къ ней, но не даютъ себѣ труда подвергнуть ее критическому анализу; первый изъ нихъ утверждаетъ, что обычай ременсы представлялъ собою ничто иное, какъ налогъ, изобрѣтенный феодальными сеньорами для собственной выгоды, и что происхожденіе крестьянъ ременсы (pagesos de remensa) не имѣетъ ничего общаго ни съ Оджеромъ Каталономъ (съ этимъ именемъ связано еще одно сказаніе о происхожденіи „дурныхъ обычаевъ“), ни съ Карломъ Великимъ, ни съ Людовикомъ Благочестивымъ, ни съ сарацинами, изгнанными изъ каталонской территоріи за четыре вѣка до установленія ременсы [1]). Чіа также выражаетъ сомнѣніе относительно достовѣрности нашей традиціи, но отказывается отъ рѣшенія вопроса о происхожденіи ременсы, замѣчая: „Итакъ, для насъ не важно знать, появились ли здѣсь „дурные обычаи“, какъ проклятіе неба, раньше или послѣ реконквисты, установлены ли они были сразу, или одинъ за другимъ, постепенно“ [2]). Третьи, наконецъ, какъ Королеу, Бофаруль и др., вовсе игнорируютъ преданіе и ограничиваются замѣчаніями общаго характера по вопросу о происхожденіи ременсы, считая ее однимъ изъ продуктовъ феодальнаго развитія каталонскаго общества, но, къ сожалѣнію, сколько-нибудь вѣскихъ доказательствъ въ пользу этого положенія, представляющагося намъ единственно вѣрнымъ рѣшеніемъ вопроса, мы не находимъ въ трудахъ этихъ историковъ. Посвятивъ довольно большую статью вопросу о феодализмѣ и крѣпостномъ крестьянствѣ въ Каталоніи, широкое заглавіе которой далеко не соотвѣтствуетъ содержанію, представляющему главнымъ образомъ сводъ сырого матеріала для крестьянскаго возстанія XV в., Королеу даетъ краткую характеристику уже сложившихся феодальныхъ обычаевъ въ Каталоніи, но не выясняетъ ихъ развитія, ограничиваясь общимъ замѣчаніемъ: „Какъ бы то ни было, нужно признать, что всѣ эти дурные обычаи, какъ послѣдствія феодальной системы, преобладавшей въ тѣ времена, не были спеціальнымъ недостаткомъ каталонскаго законодательства, но допускались и практиковались въ жизни другихъ странъ, гдѣ господствовалъ феодализмъ, и если въ чемъ-нибудь отличалась отъ нихъ Каталонія, то развѣ только въ томъ, что дѣйствіе этихъ обычаевъ ограничено было только одною частью ея территоріи“ [3]). Также и

---

[1]) Pagés y Prats, Discurso, p. 38 (Certamen de la Asociacion literaria de Gerona, 1883).

[2]) Chia, op. cit, t. II, pp. 48 - 49.

[3]) D. José Coroleu é Inglada, El feudalismo y la servidumbre de la gleba en Cataluña, p. 328 (Gerona, 1878. Asociacion literaria de Gerona).

авторъ многотомной „Критической исторіи Каталоніи“, Антоніо Бофаруль, мало останавливается на интересующемъ насъ вопросѣ. Считая источникомъ образованія „ременсы и дурныхъ обычаевъ“ злоупотребленія феодальныхъ сеньоровъ, онъ не развиваетъ этого положенія и не подкрѣпляетъ его фактическими данными [1]). Не удовлетворяетъ насъ и недавно вышедшая въ свѣтъ объемистая монографія Балари „Историческія начала Каталоніи“, въ которой „ременсѣ“ онъ посвящаетъ одну только страницу, высказывая взглядъ, что она образовалась въ періодъ, предшествующій реконквистѣ [2]). Очень остроумное, но мало обоснованное объясненіе происхожденія этихъ обычаевъ предлагаетъ Пелла-и-Форгасъ въ своей „Исторіи Ампурдана“. Онъ старается доказать, что въ сельскихъ округахъ Каталоніи XV в. сохранились слѣды древнихъ учрежденій и обычаевъ кельтовъ, римлянъ и готовъ. Основой феодальной организаціи, по его словамъ, служилъ древній племенной строй; феодальные замки сѣв. Каталоніи выросли на почвѣ древнихъ castra и служили выраженіемъ общиннаго союза земледѣльцевъ и сеньора, такъ тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ, что образовывали какъ бы одно цѣлое. Всѣ личныя и имущественныя повинности вассала по отношенію къ сеньору вытекали изъ того обстоятельства, что феодъ являлся какъ бы возрожденіемъ племенной общины (tribu comunista), а сеньоръ—патріархомъ рода [3]). Эти замѣчанія, высказанныя авторомъ вскользь, мало убѣдительны потому, что не основаны на изученіи послѣдовательныхъ измѣненій личныхъ и земельныхъ отношеній въ Каталоніи въ различныя эпохи ея историческаго существованія и имѣютъ характеръ простого предположенія, основаннаго на аналогіяхъ, но не имѣющаго за собою фактическихъ данныхъ.

Такимъ образомъ, современная литература оставляетъ открытымъ данный вопросъ. Для разрѣшенія его необходимо обратиться къ непосредственному изученію источниковъ, достовѣрность которыхъ не подлежала бы сомнѣнію.

Каково было положеніе земледѣльческаго населенія Каталоніи въ началѣ ея исторіи, когда еще не существовало подраздѣленія ея на Старую и Новую? Было ли крѣпостное право исходнымъ пунк-

---

[1]) D. Antonio Bofarull y Broca, Historia critica, civil y eclesiastica, de Cataluña (9 v. Barcelona, 1876—1879), v. II, pp. 416—417.

[2]) D. José Balari y Jovany, Los origenes historicos de Cataluña (Barcelona, 1899), p. 498.

[3]) D. José Pella y Forgas, Historia del Ampurdan, pp. 650—653 (Madrid, 1883).

томъ ея общественнаго развитія, какъ представляетъ дѣло традиція, или же образовалось впослѣдствіи, какъ результатъ продолжительнаго процесса измѣненій общественныхъ отношеній? Таковъ вопросъ, на который мы постараемся дать посильный отвѣтъ въ настоящей главѣ.

Первоначальная исторія каталонскихъ крестьянъ мало извѣстна вслѣдствіе скудости сохранившихся источниковъ для первыхъ вѣковъ „реконквисты“. Частыя вторженія арабовъ на территорію Испанской Марки, начавшіяся сейчасъ же послѣ ея образованія, сопровождались опустошеніями, грабежами и пожарами, и въ это время погибла большая часть памятниковъ письменности [1]), которые помогли бы освѣтить должнымъ образомъ соціальныя отношенія Каталоніи въ тотъ періодъ ея существованія, когда, подъ именемъ Marca Hispanica, она вошла въ составъ Франкской монархіи и восприняла отъ нея главныя основанія общественнаго устройства. Начало Испанской Марки относится ко времени похода Карла Великаго въ Испанію. Въ пограничныхъ мѣстностяхъ сѣверовосточной части Пиренейскаго полуострова и въ юго-восточной части Франціи онъ учредилъ нѣсколько графствъ, число которыхъ потомъ было увеличено. Въ началѣ IX в. Марка состояла изъ графствъ Руссильона, Серданьи, Урхеля, Пальярса, Эмпуріаса (или Ампурдана), Безалю, Хероны и Барселоны; нѣсколько позже основано было графство Аусона; точно опредѣлить время основанія отдѣльныхъ графствъ мы не можемъ, вслѣдствіе отсутствія данныхъ въ нашихъ источникахъ [2]). Раздѣленная на графства территорія Испанской Марки,

---

[1]) .... quando sarraceni ipsum castrum et villam de Ager ceperunt, omnes scripturas, quas ibi repererunt, cremaverunt et deleverunt. Viage literario á las iglesias de España. Su autor D. Jaime Villanueva, t. IX, p. 244 (Valencia, 1821). Рядъ другихъ указаній на судьбу испанской письменности въ эту эпоху можно найти въ соч. Origenes historicos de Cataluña por et doctor D. José Balari y Jovany, p 274.

[2]) Ib. pp. 284—285. Подъ Испанской Маркой авторы Исторіи Лангедока разумѣютъ вообще всю страну, расположенную между Пиренеями и р. Эбро; подраздѣлялась она, по ихъ словамъ, на двѣ части: на готскую или септиманскую марку и на гасконскую; въ составъ первой входила почти вся Каталонія, въ составъ послѣдней—часть Арагона и часть Наварры, расположенныя по лѣвому берегу р. Эбро. Histoire générale de Languedoc avec des notes et les pièces justificatives par Dom Cl. Devic et Dom J. Vaissette, religieux bénédictins de la congrégation de Saint-Maur, t. I, pp. 863—864 (Toulouse, 1874). Въ другомъ мѣстѣ (pp. 919—920, 953) они уже отождествляютъ Испанскую Марку съ Готіей или тою частью Каталоніи, которая въ IX в. подчинена была франкскимъ королямъ. Намъ кажется, что безполезно стараться точно опредѣлить границы Марки: строго говоря, она

за немногими исключеніями, представляла обширныя пространства невоздѣланной земли; частыя войны и набѣги арабовъ лишили отдѣльныя ея части населенія [1]). Только кое-гдѣ, въ графствѣ Барселонскомъ, да въ Септиманіи, уцѣлѣли остатки готскаго населенія, пережившаго болѣе чѣмъ семидесятилѣтній періодъ арабскаго господства. Обладаніе этой страной, служившей крайнимъ южнымъ оплотомъ христіанской Европы противъ мусульманскихъ вторженій, представляло для франкскихъ королей большую важность. Необходимо было упрочить за собою новыя владѣнія, колонизовать ихъ, дать имъ средства самозащиты и прочную внутреннюю организацію. Колонизація шла съ двухъ сторонъ: изъ Франціи и изъ Испаніи.

Съ установленіемъ франкскаго владычества въ Каталоніи какъ бы заново начинается ея историческая жизнь. Мѣропріятія франкскихъ королей, имѣвшія цѣлью урегулировать внутреннее устройство Испанской Марки, касались главнымъ образомъ поземельныхъ отношеній. Это понятно въ виду той роли, какую играла земельная собственность въ разсматриваемую эпоху, когда, при господствѣ натуральной системы хозяйства, тѣ или другія условія землевладѣнія опредѣляли не только большую или меньшую степень хозяйственной самостоятельности и обезпеченности даннаго лица и способность его выполнять государственныя повинности, но также его юридическое положеніе, когда то или другое отношеніе даннаго лица къ земельной собственности обусловливало его соціальную цѣнность и мѣсто въ общественной іерархіи.

Франкскіе короли распредѣляли завоеванную территорію между своими непосредственными вассалами (vassi dominici), въ возна-

---

ихъ не имѣла, а если и имѣла, то условно и временно, такъ какъ границы должны были передвигаться на югъ по мѣрѣ дальнѣйшаго завоеванія непріятельской территоріи. Наиболѣе правильное, на нашъ взглядъ, опредѣленіе Испанской Марки даетъ Балари: Con el nombre de *Marca,* importado por los francos, significábase el pais de los cristianos en contraposicion del de los sarracenos ó paganos, que era llamado *Hispania* (op. cit., p. 25). Онъ считаетъ слово *Марка* синонимомъ каст. слова *„эстремадура“* (p. 27).

[1]) Peccatis vero exigentibus illorum qui tunc habitatores erant illarum terrarum, ut omnes nostis, barbarico gladio divino iuditio traditi sunt, ita ut ne aliquis christianorum in praedicto pago Ausonae remaneret (Villanueva, VI, 263)... quae (владѣнія монастыря св. Сатурнина возлѣ г. Урхеля) olim fuerant regulariter constituta, et nunc (914) deficientibus abbatibus et monachis ita sunt destituta, ut non solum qui in his regulariter Deo serviat nullus appareat, verum etiam nec esset qui terras et vineas incoleret nec laboraret. ib., X. 253.

гражденіе за оказанныя ими военныя услуги, подъ условіемъ соблюденія вѣрности коронѣ и дальнѣйшаго несенія военной службы. Въ свою очередь королевскіе вассалы раздавали пріобрѣтенныя въ силу королевскаго пожалованія земли своимъ „вѣрнымъ" (fideles) въ качествѣ бенефиція или на условіи уплаты ценза. Подъ вліяніемъ религіознаго чувства короли и ихъ вассалы, крупные и мелкіе собственники, отдѣльныя лица и вновь возникавшія общины раздавали также не мало земель въ пользу церквей и монастырей, число которыхъ, начиная съ IX в., сильно возрастало [1]). Примѣры такихъ пожертвованій можно найти въ большомъ количествѣ документовъ, изданныхъ Виллануэвой, Балюціемъ и др. [2]). Мы приведемъ только нѣкоторые изъ нихъ: въ 815 г. графъ урхельскій и серданскій Фределай (Fredelaus) пожертвовалъ въ пользу бенедиктинскаго монастыря св. Сатурнина, въ Урхельской области, на землѣ, уступленной ему королемъ Людовикомъ въ качествѣ бенефиція (in beneficium quod accepi), десятины, первые плоды, приношенія вѣрныхъ въ селеніи Сограмортуа (villa sogra mortua), дома и хижины, сады и огороды, нивы и виноградники, воздѣланныя земли и пустоши, сѣнокосы и пастбища, лѣса и рощи, источники и пруды, рыбныя ловли и мельницы, всякаго рода деревья и камни, дороги и все прочее" [3]); въ 819 г., по освященіи церкви св. Маріи въ Урхелѣ, епископъ Сисебутъ и графъ Суньефредъ пожертвовали ей „деревушки и поселки (villulis atque vilarunculis), десятины и первые плоды, которые получались съ земель, расположенныхъ въ равнинахъ, горахъ и долинахъ и пріобрѣтенныхъ путемъ захвата и расчистки (de aprisionibus vel rupturis) въ Урхельской области [4]); въ 834 г. херонскій епископъ Вимеръ просилъ Людовика Благочестиваго принять подъ свое покровительство епископскую каѳедру и земли, пожалованныя ей Карломъ Великимъ и другими благочестивыми людьми [5]); съ подобною же просьбой обратился къ королю Карломану другой херонскій епископъ, Теотарій, указавъ на пожалованія Людовика Благочестиваго въ пользу этой церкви [6]). Королевскія

[1]) Въ періодъ отъ IX до XII в., по даннымъ Виллануэвы (XII, 1—53), въ одной только Урхельской епархіи основано было до 30 монастырей.

[2]) Villanueva, X, 222 (пожертвованіе графа Раймунда въ 792 или 796 г. въ пользу монастыря Gerrensis).

[3]) ib., X, 228—229.

[4]) ib., IX, 288—289.

[5]) Marca Hispanica, Appendix IX, 773.

[6]) Villanueva, XIII, 229.

пожалованія и частныя даренія не были единственными источниками права на земельную собственность въ колонизуемой странѣ. Захваты пустопорожнихъ земель, расчистка ихъ и тридцатилѣтнее владѣніе ими также обусловливали право собственности на землю какъ за отдѣльными лицами, такъ и за цѣлыми общинами.

Одно и то же лицо могло обладать земельною собственностью на томъ и другомъ основаніи. Въ 781 г. нѣкто Спанель (Spanellus), именовавшій себя лицомъ королевскаго происхожденія (ex regali progeniei descendens) и родственникомъ Карла Великаго (Karoli imperatoris et Augusti, ac consanguinei mei), выставилъ основаніемъ права своего на земельную собственность—захватъ и королевское пожалованіе [1]); другія земли достались ему по наслѣдству отъ родителей [2]). Всѣ перечисленныя имъ земли и доходы съ нихъ, въ видѣ десятины, первыхъ плодовъ, цензовъ и повинностей (censibus ac serviciis) и т. д., онъ пожертвовалъ въ пользу монастыря св. Викентія въ графствѣ Пальярскомъ [3]). Подобнымъ же образомъ въ 850 г. священникъ Фроиланъ основывалъ свое право на земли, расположенныя въ Лавакской долинѣ, въ Урхельской епархіи, на томъ фактѣ, что вывелъ эти земли изъ дикаго состоянія (traxit de eremo), воздѣлалъ и застроилъ ихъ (plantavit, et hedificabit [4]).

При рѣдкой населенности и наличности массы незанятыхъ земель, захватъ ихъ еще долго продолжалъ служить однимъ изъ главныхъ средствъ пріобрѣтенія правъ на земельную собственность. Монахи, особенно бенедиктинцы, были главными піонерами земледѣльческой культуры въ Каталоніи и много содѣйствовали ея колонизаціи. Они не гнушались земледѣльческаго труда и собственноручно приводили пустыри изъ дикаго въ годное для земледѣлія состояніе [5]). Въ тоже время они заботились и о привлеченіи населенія въ свои владѣнія. Такъ, аббатъ монастыря св. Маріи, получивъ въ даръ отъ графа Суньефреда въ 865 г. помѣстья Прата

[1]) Adveniunt autem michi haec omnia per aprisione et per concessionem Domini mei Karoli Imperatoris.

[2]) Et ipsam meam sortem quae michi advenit de jure parentorum meorum.

[3]) Villanueva, XII, 254—255.

[4]) ib., X, 238—239.

[5]) .... omnibus apprehensionibus quas ipsi monachi propriis manibus de heremo traxerunt.... in nostre immunitatis mundeburdo. . recipimus, говорилъ въ 881 г. Карломанъ въ грамотѣ, подтверждавшей владѣнія аббатства св Маріи въ Валлеспирѣ. Alart, Cartulaire Rousillonais, pp. 8—9 (Perpignan, 1880). Въ 886 г. аббатъ и братья монастыря Виланова въ графствѣ Пальярскомъ хлопотали передъ графомъ Фриделемъ объ иммунитетѣ монастырскихъ владѣній, которыя они „de squalido labore contraxerunt“. Villanueva, XII, 235. См. также Hist. de Languedoc, II, 242.

и Мата, пожалованныя ему королемъ Карломъ, „явился въ мѣсто, называемое Мата и привелъ туда людей для поселенія“ [1]).

Рядомъ съ частною колонизаціей развивалась и правительственная. Задача франкскихъ королей, заботившихся объ увеличеніи народонаселенія и укрѣпленіи границъ Марки облегчалась тѣмъ, что христіане сосѣднихъ испанскихъ областей, подчиненныхъ арабамъ, сами не прочь были переселиться во франкскія владѣнія, при условіи предоставленія имъ извѣстныхъ льготъ. Такія переселенія, судя по грамотѣ, изданной Карломъ В. въ 812 г., начались еще въ концѣ VIII в. [2]), а объ условіяхъ поселенія испанскихъ выходцевъ въ Маркѣ можно составить себѣ понятіе на основаніи грамотъ, изданныхъ какъ Карломъ Великимъ, такъ и его преемниками, Людовикомъ Благочестивымъ и Карломъ Лысымъ. Въ грамотѣ, изданной въ 844 г., послѣдній подтвердилъ за испанскими выходцами дарованныя его предшественниками права и распространилъ ихъ и на туземныхъ жителей Марки [3]).

Колонистамъ предоставлялась полная свобода выбора мѣста для поселенія въ Септиманіи и Готіи, подъ которой, кажется, разумѣлись графства Барселонское, Херонское и Ампурданское [4]). Пустопорожними землями могъ владѣть первый захватившій и пріобрѣталъ надъ ними право полной собственности послѣ тридцатилѣтняго пользованія, при условіи соблюденія вѣрности коронѣ и исполненія тѣхъ повинностей, какія вообще возлагались на свободныхъ людей франкскаго происхожденія (с. 6). Повинности эти заключались въ участіи, по призыву и подъ начальствомъ графа, въ войскѣ на собственный счетъ, въ сторожевой службѣ (excubias — wactas), въ присутствіи на судебныхъ засѣданіяхъ (malla), происходившихъ подъ предсѣдательствомъ графа, и въ предоставленіи королевскимъ посланцамъ убѣжища (paratas facere) и подводъ (veredos—с. 1). Никакихъ другихъ повинностей отъ жителей Каталоніи графъ не имѣлъ права требовать и долженъ былъ довольствоваться добровольными приношеніями подданныхъ въ свою пользу. Въ судебномъ отношеніи они подлежали графской

---

[1]) Sic nos uidentes venit Elias abbas et adraxit ibidem omines ad abitandum per beneficium suum in locum ubi dicitur Mata. Alart, Cart. Rouss., p. 3

[2]) ... aliqui pagenses... tollant nostram vestituram, quam per triginta annos seu amplius vestiti fuimus. Praeceptum pro hispanis (812 . Mon. Germ. Hist.-Capitularia regum francorum, t I, p. 169 (ed. Boretius, Hannov. 1881).

[3]) ib, II, 258—260

[4]) Hist. de Languedoc, I, 942.

юрисдикціи по важнѣйшимъ уголовнымъ (убійство, грабежъ, поджогъ) и гражданскимъ дѣламъ; прочія тяжбы они могли разбирать и разрѣшать собственнымъ судомъ, руководствуясь готскими законами (с. 3), сохранявшими силу до конца XI в. и даже позже. Итакъ, колонисты были признаны свободными собственниками и поставлены были въ зависимость только отъ государственной власти. Своею землей они могли располагать вполнѣ по собственному усмотрѣнію; имъ предоставлялось право продавать ее, дарить, мѣнять, завѣщать потомкамъ, въ случаѣ же бездѣтной смерти имущество покойнаго наслѣдовали ближайшіе родственники (с. 7).

Кромѣ частной собственности существовала и общинная. Луга, лѣса и воды объявлены были франкскими королями въ общемъ владѣніи, согласно стародавнимъ обычаямъ (с. 8). Повидимому и пахотныя земли могли быть предметомъ общиннаго владѣнія и въ такомъ случаѣ, вѣроятно, подлежали періодическимъ передѣламъ между жителями данной общины. Намекъ на это заключается въ грамотѣ 881 г. слѣдующаго содержанія. Въ этомъ году въ одномъ изъ селеній Ампурдана имѣла мѣсто тяжба между уполномоченнымъ епископа херонскаго Стремиромъ и нѣкіимъ Андреемъ [1]). Стремиръ оспаривалъ у Андрея право собственности на земли, расположенныя въ окрестностяхъ селенія Уліано [2]) и незаконно имъ присвоенныя [3]). Андрей доказывалъ противное, выставивъ законныя основанія права собственности на эти земли. Такими основаніями были: заимка, королевское предписаніе и общинное владѣніе жителей селенія Битинги; на этихъ же основаніяхъ, по его словамъ, владѣютъ землей и „прочіе испанцы“ [4]). Судьи постановили измѣрить спорныя земли и раздѣлить ихъ между сторонами согласно готскому закону [5]). Кажется, что въ лицѣ Андрея мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ колонистовъ, владѣвшихъ землей и въ силу частной заимки, и въ силу принадлежности къ извѣстной общинѣ.

Рядомъ съ этими условіями свободнаго землевладѣнія въ грамотахъ франкскихъ королей мы находимъ указанія и на зависимыя держанія въ формѣ пожизненныхъ бенефицій; именно жителямъ

---

[1]) in villare quod dicitur Purtos quod est in territorio Impuritano in Mallo publico.

[2]) terras qui sunt infra terminos de villa Uliano.

[3]) retinet injuste et contra lege.

[4]) non eos teneo injuste sed per legis ordine eos teneo, per aprisione et per praeceptum Regis et pro partibus de supradicta villa Bitinga, sicut ceteri Hispani faciunt.

[5]) Sicut lex Gothorum commemorat. Villanueva, XIII, 232.

графствъ предоставлялось избирать себѣ покровителей въ лицѣ графовъ, виконтовъ и другихъ могущественныхъ лицъ, которымъ за оказываемое покровительство они обязаны были выполнять извѣстныя услуги. Въ отношеніи бенефиціальной системы испано-готское населеніе приравнивалось къ франкскому. „Да будетъ извѣстно испанцамъ, читаемъ мы въ грамотѣ 844 г., что мы разрѣшили имъ коммендироваться въ вассальныя отношенія графамъ на томъ же основаніи, какъ и прочимъ франкамъ, и буде кто получитъ отъ того лица, кому коммендировался, извѣстный бенефицій, то обязанъ за это оказывать ему тѣ же услуги, какія вообще выполняютъ наши люди своимъ сеньорамъ“ (с. 10). Для обработки своихъ земель жители графствъ могли привлекать другихъ лицъ (alios homines de aliis generationibus venientes); уступивъ имъ въ пользованіе земельные участки, собственники вправѣ были требовать отъ нихъ исполненія извѣстныхъ услугъ (с. 14) и, по грамотѣ 815 г., пользовались надъ ними судебной властью по всѣмъ дѣламъ, кромѣ уголовныхъ, которыя были подвѣдомственны графскому суду, т. е. сами могли становиться сеньорами по отношенію къ держателямъ ихъ земельныхъ участковъ [1]). Зависимымъ людямъ однако не возбранялось переходить съ одного мѣста на другое, при условіи возвращенія сеньору полученной отъ него земли (с. 5). Если это условіе было выполнено, вассалъ могъ коммендироваться другому сеньору, причемъ прежній не имѣлъ права водворять его на прежнемъ мѣстожительствѣ.

Такимъ образомъ, среди испанскихъ колонистовъ были сильные и слабые люди: были такіе, которые могли захватывать большое количество земель и воздѣлывать его при помощи посторонняго труда, были и такіе, которымъ трудно было вести самостоятельное хозяйство и нести государственныя повинности и которые поступали въ зависимое положеніе къ болѣе сильнымъ хозяевамъ. Первые являлись аллодіальными собственниками, вторые были держателями земельныхъ участковъ, принадлежавшихъ на правѣ собственности другимъ лицамъ. Изъ грамоты 816 г. еще яснѣе выступаетъ фактъ существованія неравенства среди испанскихъ колонистовъ. Нѣкоторые изъ нихъ жаловались королю Людовику, что тѣ испанцы, которые были постарше и посильнѣе (hi qui inter eos maiores et potentiores erant), явившись ко двору, получили королевскія грамоты и, ссылаясь на ихъ авто-

[1]) et liceat illi eos distringere ad iustitias faciendas quales ipsi inter se definire possunt. Cetera vero iudicia, id est criminales actiones, ad examen comitis reserventur. M. G. H. Capitularia regum francorum, I, 262, cap. 3.

ритетъ „пытались согнать младшихъ и болѣе слабыхъ (eos qui inter illos minores et infirmiores erant) съ занятыхъ ими мѣстъ, хотя послѣднія и хорошо ими воздѣлывались (loca tamen sua bene excoluisse videbantur), или подчинить ихъ своей волѣ (ab eisdem locis depellere aut sibi ad servitium subiicere conati sunt)[1]. Къ этому первичному неравенству, которое приносили съ собою колонисты изъ прежней своей родины, присоединялось новое, представлявшееся результатомъ установленія бенефиціальной системы, какъ среди франковъ, такъ и среди испанцевъ, поселившихся въ Маркѣ; послѣдніе коммендировались не только своимъ сильнымъ единоплеменникамъ, но и франкскимъ графамъ, королевскимъ вассаламъ и подвассаламъ, подвергаясь тѣмъ же невыгоднымъ и тяжелымъ условіямъ подчиненія, какія имѣли мѣсто при подчиненіи сильнымъ испанцамъ и которыя также были предметомъ жалобъ въ 816 г.[2]). Хотя бенефиціальная система, предполагавшая расчлененіе права собственности на составныя его части, извѣстныя въ позднѣйшей терминологіи подъ названіемъ dominium directum (право верховнаго владѣнія) и dominium utile (право пользованія) и осуществленіе перваго изъ этихъ правъ, въ силу акта коммендаціи, сеньоромъ, а второго—вассаломъ, еще только вводилась въ Испанской Маркѣ и не имѣла характера обязательной нормы общественныхъ отношеній, но вліяніе ея быстро распространялось какъ на пришлые, такъ и на туземные элементы Марки, содѣйствуя слiянію ихъ въ одну организацію. Пока эта система не сдѣлалась господствующей нормой общественныхъ отношеній, до тѣхъ поръ, на ряду съ зависимыми держателями земли, существовалъ болѣе или менѣе многочисленный классъ аллодіальныхъ собственниковъ, одинаково хорошо извѣстныхъ какъ франкскому, такъ и вестготскому законодательству[3]). Въ разсматриваемую эпоху каждый могъ захватывать никѣмъ незанятыя земли и воздѣлывать ихъ, если для этого обладалъ доста-

[1]) Constitutio Hludovici de Hispanis secunda. M. G. H. Capitularia regum francorum. t. I, p. 263 (ed. Alfredus Boretius, Hannoverae, 1881).

[2]) Simili modo de Hispania venientes, et ad comites sive vassos nostros vel etiam ad vassos comitum se commendaverunt et ad habitandum atque excolendum deserta loca acceperunt; quae, ubi ab eis exculta sunt, ex quibuslibet occasionibus eos inde expellere et ad opus proprium retinere aut aliis propter praemium dare voluerunt. ib.

[3]) Il paroit que toutes les terres étoient alors possédées en franc—alleu (у готовъ)... Il n'étoit permis de posséder des terres qu'aux seules personnes libres qui les faisoient valoir et cultiver par leurs serfs. Hist. de Languedoc, I, 769; см. также Secrétan, De la féodalité en Espagne, Revue historique de droit français et étranger, t. VIII, pp. 625—670 (Paris, 1863).

точными средствами и предпріимчивостью; каждый могъ, смотря по личной выгодѣ, коммендироваться сеньору или сохранять независимость.

Что такая независимость въ половинѣ IX вѣка еще доступна была для мелкаго собственника, личнымъ трудомъ воздѣлывавшаго свою землю, что тогда еще существовало свободное крестьянство, обозначаемое въ актахъ IX в. словомъ pagenses, доказываютъ слѣдующіе факты. Нѣкоторые крестьяне (pagenses) Эльнскаго діоцеза въ 832 г. пытались присвоить себѣ земли (aprisionem facere), расположенныя въ окрестностяхъ Арльскаго монастыря. Аббатъ послѣдняго, считая эти земли монастырскими, воспротивился захвату и обратился къ графу Беренгеру съ жалобой на крестьянъ. Графъ распорядился произвести дознаніе, чтобы удостовѣрить, кому должна принадлежать спорная земля; въ качествѣ свидѣтелей были призваны мѣстные же крестьяне [1]). Слѣдствіе оказалось въ пользу аббата, и жалоба его была признана справедливой. То обстоятельство, что одни крестьяне оспаривали у аббата извѣстныя земли, считая ихъ своею собственностью, а представитель власти, графъ, призналъ возможнымъ существованіе въ данномъ случаѣ крестьянской собственности, допустивъ состязаніе сторонъ, и то, что другіе крестьяне выступили въ качествѣ свидѣтелей, что̀ служило признакомъ свободнаго состоянія лица, даетъ основаніе думать, что крестьяне были свободными людьми, и что среди нихъ существовали земельные собственники. Еще болѣе утверждаетъ насъ въ этой мысли процессъ 843 г., возникшій между графомъ ампурданскимъ и херонскимъ епископомъ изъ-за таможенныхъ пошлинъ (teloneo), —процессъ, въ которомъ свидѣтелями были крестьяне, прямо названные въ актѣ „людьми, внушающими довѣріе и пользующимися матеріальнымъ достаткомъ" [2]). Также были призваны крестьяне, въ качествѣ свидѣтелей, внушавшихъ довѣріе, на разбирательство тяжбы, возникшей въ 844 г. между графомъ Аларикомъ и монахомъ Гіемундомъ изъ за владѣнія замкомъ Talon и его угодьями въ Херонскомъ діоцезѣ, причемъ крестьяне выступили въ данной роли, наравнѣ съ лицами духовнаго и военнаго званія [3]). Количество примѣровъ существованія мелкой

---

[1]) Marca Hispanica, Ap. V.... sic misit exinde exquisitionem inter pagenses illius territorii qui veritatem ex inde dicerent.

[2]) testes veraces homines pagenses perspicui fide atque rebus pleniter opulenti. Ib., Ap. XVI.

[3]) Giemondus monachus protulit nobis testes veraces IIII presbiteri et IIII milites et VI paienses. Villanueva, XIII, 226. Документъ этотъ, изданный Вилла-

аллодіальной собственности можно увеличить, если не искать непремѣнно въ документахъ термина pagensis или rusticus для обозначенія свободнаго собственника, личнымъ трудомъ или трудомъ всей семьи воздѣлывавшаго свою землю. И безъ упоминанія этого термина легко догадаться, что въ томъ или другомъ случаѣ документъ имѣлъ въ виду никого иного, какъ крестьянина,—т. е. свободнаго собственника и земледѣльца одновременно. Въ самомъ дѣлѣ, кого иного, какъ не такого рода собственниковъ мы должны признать въ лицѣ Манція, Ильи и Домнулуса, жителей замка Лильето (nos homines commanentes in castro Lilieto), подарившихъ въ 834 г. Урхельской церкви св. Маріи шесть квартатъ пахотной земли, Аспанда, подарившаго полмодія такой же земли (ex terra arravile capiente semodio), и Лонговарда, пожертвовавшаго одного быка? [1]) Къ классу свободнаго крестьянства должны быть отнесены и Дезидерій, и Сальваторъ, и др., принесшіе въ даръ церкви св. Маріи въ Херонскомъ діоцезѣ въ 901 г. нѣсколько виноградниковъ, участковъ пахатнаго поля (campos), огородъ и т. д.[2]). Все это —мелкія пожертвованія, которыя могли быть произведены только мелкими собственниками.

Свободное земледѣльческое населеніе той эпохи образовывало сельскія общины, члены которыхъ, какъ это отчасти мы уже видѣли, помимо индивидуальнаго владѣнія, пользовались еще и общинными угодьями. Это можно заключить, между прочимъ, изъ тѣхъ пожертвованій, какія сдѣлали въ 890 г. жители общины Ардокале, въ Урхельскомъ діоцезѣ [3]), въ пользу выстроенной ими церкви въ честь св. Климента [4]). Они принесли ей въ даръ часть того имущества, которое было достояніемъ всей общины и находилось

нуэвой на основаніи копіи XIII в. внушаетъ подозрѣніе въ подлинности (ib. p. 18), между прочимъ, въ виду такихъ анахронизмовъ, какъ упоминаніе въ ней Каталоніи, — термина, возникшаго не раньше XII в., и признаніе за графомъ Аларикомъ власти „super totam Cataloniam“. Тѣмъ не менѣе Виллануэва придаетъ ему значеніе историческаго источника въ виду его древности, восходящей къ XIII в. Не можемъ и мы игнорировать этого документа, такъ какъ, признавъ его даже подложнымъ, думаемъ, что онъ составленъ по аналогіи съ документами IX в. и цитируемое нами выраженіе, вѣроятно, было обычнымъ въ ту эпоху.

[1]) Villanueva, X, 232.

[2]) Ib., XIII 235.

[3]) nos omnes homines cohabitantes in iam dictam villa Ardocale.

[4]) placuit in animis nostris.... donare.... ad ipsa eccelesia.

въ ея предѣлахъ [1]), именно: усадьбу въ селѣ (in ipsa villa casal), одной стороной выходившую на улицу, другой—соприкасавшуюся съ домомъ Агапія; огородъ (hortum), расположенный вблизи села (qui est subtus ipsa villa), одной стороной соприкасавшійся съ огородомъ Сунегильда или его наслѣдниковъ, другой—выходившій на дорогу; участокъ поля въ урочищѣ Brocuinerus, одной стороной граничившій съ землей Донадея, другой — съ землей Исинверта, величиной въ три квартаты; другой участокъ поля, въ урочищѣ Campo maiore, граничившій съ обѣихъ сторонъ съ землями Анзилана и требовавшій для засѣва одинъ модій зерна (in seminatione modiata una), и третій участокъ въ урочищѣ Iubellum, одной стороной выходившій на дорогу, другой—на земли сыновей Фахилона, и требовавшій для засѣва шесть сестератъ зерна [2]). То обстоятельство, что названныя угодья пожертвованы были церкви отъ имени всѣхъ членовъ общины, указываетъ на фактъ общаго владѣнія; опредѣленіе границъ этихъ угодій владѣніями отдѣльныхъ лицъ указываетъ на одновременное существованіе и частнаго владѣнія крестьянъ. Подобнымъ же образомъ, жители общины Лакорре, Урхельскаго діоцеза, Бергитанской области, названные въ документѣ 900 года просто „homines", сдѣлали наравнѣ съ епископомъ, пожертвованія въ пользу выстроенной ими церкви въ честь Богоматери, состоявшія изъ одного участка земли въ урочищѣ Спуга, другого — въ урочищѣ Uxos и виноградника въ Спугѣ. Эти пожертвованія, сдѣланныя отъ лица всей общины, также свидѣтельствуютъ о существованіи общественныхъ угодій. Кромѣ того, были и частныя пожертвованія: такъ, Фруга подарилъ церкви ту землю которую купилъ у Сиделаны и Оливаны, мѣрою въ три „квартераты" [3]). Фруга и его односельчане представляются намъ мелкими свободными собственниками, мелкими—по величинѣ ихъ пожертвованій, свободными—по самому факту свободнаго распоряженія своимъ имуществомъ. Слѣды существованія крестьянской собственности можно подмѣтить отчасти и въ грамотахъ болѣе поздняго времени. Такъ, въ 958 г. въ пользу церкви де Біанія въ Херонскомъ діоцезѣ нѣкіе Фронла, Эльдовадъ, Леопадрія и Анимія пожертвовали (donamus) одинъ участокъ поля, въ урочищѣ Moleira, какъ принадлежавшій имъ земельный надѣлъ (ipsa nostra porcione) [4]).

---

[1]) **damus infra pau Tollonense, infra fines de villa iam dicta Ardocale.**

[2]) **Villanueva, X, 242, 243.**

[3]) **Villanueva, VIII, 254—257.**

[4]) **Villanueva, XIII, 250.**

Какъ ни скудны сохранившіяся отъ IX в. данныя о положеніи крестьянъ, несомнѣнно, что среди нихъ достаточно еще было свободныхъ. Тѣ документы, которые говорятъ о крестьянахъ, говорятъ о нихъ, какъ о свободныхъ собственникахъ; другихъ же документовъ, въ которыхъ говорилось бы о крестьянахъ (pagenses), какъ о крѣпостныхъ, мы не знаемъ. Если капитуляріи франкскихъ королей и указываютъ на то, что собственникъ могъ привлекать для обработки своихъ земель „другихъ людей", сдавать имъ участки поля и требовать взамѣнъ извѣстныя услуги, то такого рода отношенія ничего общаго не имѣли съ крѣпостнымъ правомъ, представляя характеръ добровольной сдѣлки, нисколько не уничтожавшей личной свободы земледѣльца и не ограничивавшей его права свободнаго перехода съ одного мѣста на другое.

Однако, положеніе этихъ собственниковъ уже въ IX в. оказывалось недостаточно прочнымъ. Предоставляя льготы испанскимъ выходцамъ въ Маркѣ, франкскіе короли не были въ состояніи обезпечить за ними дарованныя имъ права. Еще Карлу В. колонисты жаловались на вымогательства и злоупотребленія графовъ. Король поручилъ своему сыну Людовику разслѣдовать дѣло и обратился въ 812 г. къ восьми каталонскимъ графамъ съ предписаніемъ отказаться впредь отъ насильственныхъ дѣйствій по отношенію къ колонистамъ, не захватывать и не обременять налогами обработанныхъ ими земель и возвратить владѣльцамъ незаконно захваченныя у нихъ земли, на которыя тѣ имѣли полное право собственности послѣ 30-лѣтняго пользованія при условіи соблюденія вѣрности коронѣ и пр. [1]). Но распоряженіе Карла В. не достигло цѣли: графы продолжали притѣснять поселенцевъ, вслѣдствіе чего Людовикъ Благочестивый, занявъ отцовскій престолъ, долженъ былъ 1-го января 815 г. напомнить графамъ объ ихъ обязанностяхъ по отношенію къ колонистамъ, какъ лицамъ, пользовавшимся всѣми правами свободныхъ подданныхъ франкскаго короля. „Нѣкоторые люди, говорилъ Людовикъ въ своей грамотѣ, по причинамъ несправедливаго гнета и жесточайшаго ига, которое наложило на ихъ выю племя сарацинское, самое враждебное по отношенію къ христіанству, бѣжали изъ Испаніи къ намъ, покинувъ свои жилища и имущество, которымъ владѣли на наслѣдственномъ правѣ, и перешли на жительство въ Септиманію и въ ту часть Испаніи, которая обращена

---

[1]) M. G. H. Capitularia regum francorum, t. I, p. 169 (Praeceptum pro Hispanis).

была нашими маркграфами въ пустыню; ускользая изъ подъ власти сарращинъ, они свободно и добровольно сдѣлались нашими подданными, и вотъ мы желаемъ довести до вашего свѣдѣлія, что, принявъ этихъ людей подъ свою защиту и покровительство, мы рѣшили оставить ихъ въ свободномъ состояніи“ [1]). Тотъ фактъ, что это распоряженіе Людовикъ повторилъ 16 февраля 816 г. [2]), а затѣмъ 11 іюня 844 г. Карлъ Лысый [3]), доказываетъ, что королевскія предписанія не достигали цѣли, разбиваясь о цѣлый рядъ препятствій, которыя создавалъ болѣе сильный, чѣмъ королевская воля, развивавшійся тогда процессъ поглощенія мелкой земельной собственности крупною и обращенія аллодіальныхъ собственниковъ въ зависимыхъ держателей. Пока земля представляла негодные для обработки пустыри, графы и сеньоры не мѣшали колонистамъ свободно устраиваться тамъ и воздѣлывать ихъ, но какъ только земля была расчищена и воздѣлана и могла приносить доходъ, графы и сеньоры старались узурпировать ее или подчинить себѣ ея владѣльцевъ. Тѣ условія рекоммендаціи, которыя въ грамотахъ франкскихъ королей разсматривались лишь какъ возможныя и предоставлялись взаимному и свободному соглашенію сторонъ, на практикѣ становились все болѣе обязательными и неизбѣжными. Сперва захваты и насилія со стороны могущественныхъ собственниковъ, затѣмъ трудность существованія аллодіальнаго собственника, окруженнаго со всѣхъ сторонъ опасностями и искавшаго покровительства со стороны болѣе могущественнаго лица, тяжесть общегосударственныхъ повинностей, становившихся все болѣе не подъ силу мелкому собственнику, который могъ освободиться отъ нихъ лишь промѣнявъ свою свободу на зависимое положеніе, и, наконецъ, религіозное рвеніе, побуждавшее благочестивыхъ людей отказываться отъ своего имущества въ пользу той или другой церкви, того или другого монастыря и становиться въ вассальныя къ нимъ отношенія--таковы были главныя причины постепеннаго исчезновенія мелкой аллодіалной собственности и замѣны ея крупнымъ землевладѣніемъ и феодальными держаніями, причины, дѣйствовавшія съ равной силой какъ въ Каталоніи, такъ и въ прочихъ частяхъ Франкской монархіи.

Параллельно исчезновенію частной крестьянской собственности измѣнялся и характеръ общиннаго землевладѣнія подъ

[1]) Capitularia regum francorum, t. I, p. 261 (ed. cit). Constitutio de Hispanis in francorum regnum profugis prima.

[2]) Constitutio Hludovici de Hispanis secunda. ib. t. I, pp. 263—264.

[3]) Praeceptum pro hispanis, ib., t. II, pp. 258—260.

вліяніемъ того же процесса феодализаціи общественныхъ отношеній. Вспомнимъ, что въ грамотахъ франкскихъ королей лѣса, пастбища и воды объявлены были общимъ владѣніемъ. Въ X—XI вв., и даже раньше, эти угодья переходили въ частное владѣніе. Такъ, въ 966 г. графъ Безалю Олива пожаловалъ аббатисѣ монастыря св. Хуана Фрегебургѣ пастбища въ Coma de Vaca и Coma de Freser и запретилъ населенію посылать туда скотъ на выпасъ безъ разрѣшенія аббатисы [1]). Изъ этого факта видно, что общинное пользованіе данными угодьями, если и не уничтожалось, то ограничивалось извѣстными условіями. Другой документъ показываетъ, что пользованіе тѣми угодьями, которыя раньше разсматривались, какъ общее достояніе, въ XI в. влекло за собою извѣстныя обязательства цѣлыхъ общинъ по отношенію къ частнымъ собственникамъ. Въ 1027 г. между жителями общины Ажъ (Age), подданными монастыря св. Маріи въ Риполѣ, и жителями общины Пальерольсъ (Pallerols), возлѣ Пучерды, возникъ споръ изъ за сосѣднихъ пастбищъ, принадлежавшихъ Рипольскому монастырю. На предложенный судьями вопросъ, на какомъ основаніи послѣдніе претендуетъ на эти пастбища, они сослались на тридцатилѣтнюю давность владѣнія. Но судьи нашли возможнымъ предоставить имъ только въ пользованіе эти пастбища, подъ условіемъ ежегодной уплаты опредѣленнаго ценза, соотвѣтственно числу скота, и несенія натуральной повинности „iova“ въ пользу Рипольскаго монастыря, причемъ изъ этого пользованія исключены были огороженные и засаженные луга (preter prata defensa et plantata) [2]). Въ 1088 г. графъ Серданьи Вильгельмъ, разрѣшивъ названному монастырю пользованіе пастбищами для овецъ въ долинахъ, расположенныхъ вблизи Nuria, лишилъ этого права подчиненное ему населеніе (ommes meos) долины Рипписъ и предоставилъ ему только право рубки лѣса [3]). Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени и общинныя угодія превращались въ особый видъ земельнаго держанія, находившагося въ рукахъ не отдѣльныхъ лицъ, а цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ.

Сложный процессъ образованія различныхъ формъ земельнаго держанія продолжался и въ ту эпоху, когда Каталонія вышла изъ состава Франкской монархіи. Наслѣдственность бенефицій и государственныхъ должностей, ставшая совершившимся фактомъ

---

[1]) Alart, Cart. Rouss., p. 23.

[2]) ib., p. 51.

[3]) ib., pp. 96—97. См. также Villanueva, X, 229.

во Франкскомъ государствѣ уже во второй половинѣ IX в., привела къ распаденію его на рядъ независимыхъ феодальныхъ сеньорій. Испанская марка слѣдовала участи монархіи и сама распалась на рядъ самостоятельныхъ графствъ, изъ которыхъ Барселонское, какъ самое могущественное, постепенно пріобрѣло главенство надъ остальными и приняло на себя тѣ задачи государственнаго управленія и защиты, которыя раньше принадлежали франкскимъ королямъ. Первымъ самостоятельнымъ графомъ барселонскимъ былъ Вифредъ I (874—898). При немъ, какъ и при его преемникахъ, южныя и западныя границы постепенно передвигались, по мѣрѣ новыхъ завоеваній, и отличались, вслѣдствіе этого, полною неустойчивостью и неопредѣленностью. Уступая въ 1026 г. нѣкой женщинѣ Гинедильдѣ и ея сыновьямъ замокъ Серверу въ графствѣ Аусонскомъ, графиня Эрмесиндисъ и сынъ ея Беренгеръ Рамонъ I относительно западной границы владѣній этого замка выразились такъ: „а опредѣленіе западной границы мы предоставляемъ одному только Богу и уступаемъ (это владѣніе) въ надеждѣ, что оно удержано будетъ отъ сарраципъ“ [1]). Новыя территоріи завоевывались скорѣе, чѣмъ успѣвали колонизовать раньше покоренныя. Обширныя пространства вновь завоеванныхъ владѣній оставались невоздѣланными и лишенными населенія. Въ 1038 г. Рамонъ Беренгеръ I уступилъ Мирону Фогету и Бернату Аллопу мѣстность Пучъ де Форесъ съ тѣмъ, чтобы они построили тамъ крѣпость. Характеръ этой мѣстности грамота опредѣляетъ такъ: „земля наша, расположенная противъ племени измаилитянъ, пустынна; ни одинъ человѣкъ на ней не живетъ, и быки не ходятъ подъ плугомъ“ [2]). Каждая пядь завоеванной территоріи закрѣплялась за новыми обладателями путемъ колонизаціи на тѣмъ болѣе льготныхъ условіяхъ, чѣмъ опаснѣе было существованіе въ пограничныхъ мѣстностяхъ, чѣмъ сложнѣе оказывалось дѣло ихъ защиты. Образчикомъ тѣхъ вольностей, которыми надѣляли графы барселонскіе поселенцевъ служитъ грамота, данная Вифредомъ I жителямъ основаннаго имъ замка Кардона въ 887 г. и подтвержденная въ 986 г. графомъ Борреломъ. Не только обезпечивалось свободное владѣніе ихъ имуществомъ и изъятіе отъ несенія какихъ-либо повинностей, но тѣ же права распространялись и на всѣхъ другихъ лицъ, желавшихъ поселиться тамъ, хотя бы то

[1]) ... in occidui partem soli Deo terminanda relinquimus et a potestate sarracenorum servanda expectantes confidimus. Balari, 307.

[2]) .... terra nostra erma qui est contra gentes hismaelitarum ubi homo nullus habitat nec bovos non arant. Ib., 308.

были рабы и преступники. Единственными обязанностями ихъ были поддержаніе укрѣпленій замка, на что требовалось отъ каждаго по одному дню работы въ недѣлю, и военная служба подъ начальствомъ виконта. Внутреннія отношенія между ними должны были регулироваться на основаніи готскихъ законовъ [1]).

Территоріальное образованіе Каталоніи закончено было въ половинѣ XII в., когда завоеваны были города Тортоза (1148) и Лерида (1149) и южныя границы принципата достигли р. Эбро. Въ эту же эпоху (1137) графы барселонскіе становятся и королями арагонскими. Лерида и ея территорія были завоеваны совмѣстными усиліями графа барселонскаго Беренгера IV, графа урхельскаго Арменголя и рыцарскаго ордена темпліеровъ. Участники предпріятія, по окончаніи похода, получили заранѣе условленныя доли добычи: Рамонъ Беренгеръ получилъ двѣ трети завоеванной территоріи, причемъ одну пятую часть ея уступилъ темпліерамъ, Арменголь — одну треть. Темпліеры отдали свои земли въ держаніе чиншевикамъ; такой же порядокъ продолжался и тогда, когда темпліеровъ смѣнили іоанниты [2]). Эмфитевтическое или чиншевое землевладѣніе составляло также характерную особенность и Тортосской области, какъ это видно изъ кодекса Тортосскихъ обычаевъ, обнародованныхъ въ половинѣ XIII в. [3]). Личная свобода земледѣльческаго населенія южныхъ областей Каталоніи обставлена была всевозможными гарантіями (secundum leges et bonas consuetudines Barchinonensis curiae), какъ это видно изъ хартій вольностей, которыми пользовались жители различныхъ провинцій—Таррагонской [4]), Тортосской [5]) и др.

Въ иномъ направленіи развивались земельныя отношенія въ старыхъ владѣніяхъ Каталонскаго принципата, служившихъ точкой опоры завоевательной дѣятельности графовъ барселонскихъ. Зависимыя отношенія между вассалами и сеньорами имѣли здѣсь, какъ и въ прочихъ частяхъ з. Европы, первоначально личный характеръ и основывались на договорномъ началѣ. Общей

---

[1]) Carta populatoribus Cardonae. Villanueva, VIII, 276—283.

[2]) Cartoral dels templers de les comandes de Gardeny y Barbens per Joaquim Miret y Sans, p. 32 (Barcelona, 1899): „possehex censals emphiteotes e bens scents en la ciutat e territori de Leyda“.

[3]) Historia del derecho en Cataluña, Mallorca y Valencia.—Codigo de las costumbres de Tortosa por el Dr. Bienvenido Oliver, t. I. Madrid. 1876.

[4]) Villanueva, XIX, 223—224, 274, 275.

[5]) Ib, V, 273.

нормы для установленія вассальныхъ отношеній до половины XI в. не существовало. Въ каждомъ данномъ случаѣ обязательства договаривавшихся сторонъ опредѣлялись взаимнымъ соглашеніемъ, какъ это видно изъ слѣдующаго примѣра: „Я, Беренгарій, сынъ Бернарда, читаемъ въ одной грамотѣ XI в., дарую Господу Богу и обители св. Стефана въ Баньоласъ свой наслѣдственный участокъ земли (meam porcionem vel hereditatem), называемый „мансъ Риба", съ его строеніями, пахотью, виноградникомъ, всякаго рода деревьями, со всѣми его принадлежностями и т. д., дарую съ тѣмъ, чтобы въ теченіе своей жизни я могъ владѣть всѣмъ вышепоименованнымъ въ зависимости отъ св. Стефана, доставляя ему ежегодно, въ знакъ признанія послѣдней, по одному пирогу, и чтобы послѣ смерти моей имущество это осталось за св. Стефаномъ безъ всякаго спора" [1]). Передъ нами примѣръ обращенія мелкаго аллодіальнаго собственника въ зависимаго держателя: Беренгарій приноситъ въ даръ, очевидно, изъ религіозныхъ побужденій, свою наслѣдственную землю монастырю въ Баньоласъ и получаетъ ее обратно уже не какъ собственность, а какъ пожизненное держаніе въ зависимости отъ монастыря, выраженіемъ которой служитъ ежегодное приношеніе въ его пользу по одному пирогу (fogacam)[2]). Такая форма зависимости представляется весьма легкой, и, помимо нравственнаго удовлетворенія, могла доставить Беренгарію и болѣе спокойное обладаніе даннымъ участкомъ земли, нежели это было возможно при сохраненіи его прежней независимости. Иначе дѣло стояло, когда обязательства, возникавшія въ силу земельныхъ держаній, вмѣстѣ съ послѣдними, переходили отъ отца къ сыну; для послѣдняго начала свободнаго договора уже не существовало; онъ долженъ былъ по необходимости становиться въ то зависимое положеніе, какое добровольно призналъ его отецъ. Уже одно это въ сильной мѣрѣ ограничивало личную свободу держателей земли: они должны были пользоваться землей на тѣхъ условіяхъ, которыя заключали ихъ отцы съ сеньорами. Что касается этихъ условій, то едва ли сами по себѣ они могли представить достаточныя гарантіи противъ злоупотребленій сеньоровъ. Права сеньора надъ личностью вассала могли быть обширны или ничтожны не столько въ зависимости отъ характера договора, сколько отъ силы сопротивленія, какое могъ оказать вассалъ сеньору въ тѣхъ случаяхъ, когда притязанія послѣдняго переходили законные предѣлы, или отъ того, насколько велика была возможность для вассала пользоваться судебной защитой. Но все-таки большая

[1]) Alart, Cart. Rouss., p 107.

[2]) Такъ объясняетъ это слово Balari, op. cit., 596.

или меньшая опредѣленность размѣра и характера повинностей и платежей, слѣдуемыхъ по договору сеньору съ наслѣдственныхъ держателей земельныхъ участковъ, представляла нѣкоторую гарантію противъ возможныхъ злоупотребленій, и, наоборотъ, неопредѣленность такого договора открывала широкій просторъ для всякихъ вымогательствъ со стороны сеньора, особенно, если онъ пользовался судебною властью надъ своими вассалами. Такія злоупотребленія, практиковавшіяся уже въ эпоху каролинговъ, съ теченіемъ времени усиливались и входили въ обычай. Въ 978 г. херонскій епископъ Миронъ уступилъ въ пользу монастыря св. Петра въ Безалю рядъ земель (alodes), расположенныхъ въ различныхъ мѣстностяхъ его діоцеза. Въ селеніи Фредеберто онъ подарилъ монастырю аллодъ, принадлежавшій раньше человѣку, по имени Адальберту, а по прозвищу Bono homine, и женѣ его Сесенандѣ и отданный ими епископу въ качествѣ штрафа по присужденію епископскаго суда (quod mihi dederunt in compositione pro placito quod ante me habuerunt). Далѣе онъ подарилъ четыре манса, продолжавшіе находиться въ держаніи крестьянъ селеній Asenarii и Cocollellos (mansos IIII cum omne alodem meum quod ipsi homines retinent qui ibi dem habitant), и мансъ, переданный ему Сесемундомъ въ качествѣ штрафа за сообщничество въ убійствѣ, совершенномъ человѣкомъ, по имени Адроаріемъ. Наконецъ, въ числѣ земель, уступленныхъ монастырю св. Петра, названы два манса, которые перешли во власть епископа отъ человѣка, по имени Адальберта, и его братьевъ за то, что они „не задумались произвести въ этой странѣ скандалъ и возмущеніе (qui scandalum vel conturbationem in ac terra movere non dubitarunt) [1]. Сопоставляя между собою приведенныя данныя, можно видѣть, что епископъ былъ не только крупнымъ собственникомъ, но и пользовался значительною судебною властью надъ крестьянами и, по собственному рѣшенію, могъ лишать ихъ земельныхъ участковъ или переуступать крестьянъ съ землею въ другія руки, что однимъ изъ мотивовъ лишенія крестьянъ ихъ земель послужило произведенное ими возмущеніе, быть можетъ, служившее протестомъ противъ усиливавшагося гнета помѣщичьей власти.

О характерѣ повинностей, которыя обязаны были нести крестьяне въ пользу сеньора и о которыхъ мы будемъ говорить подробно въ слѣдующей главѣ, можно судить на основаніи слѣдующихъ примѣровъ. Въ 1032 г. нѣкто Вифредъ и жена его Адалесъ получили въ наслѣд-

[1]) Villanueva, XV, 257.

ственное держаніе отъ монастыря св. Бенедикта де Баджесъ, въ графствѣ Манресскомъ, усадьбу съ землями и виноградниками, воздѣланными и невоздѣланными, подъ условіемъ ежегоднаго доставленія въ пользу монастыря извѣстной части урожая хлѣба и винограда (таска), исправной обработки этихъ земель и обѣщанія не избирать себѣ другого сеньора, кромѣ аббата названнаго монастыря [1]). Размѣръ повинностей и условія держанія въ данномъ случаѣ были точно опредѣлены, и съ этой стороны положеніе держателя было обезпечено. Менѣе опредѣленными были тѣ повинности, которыя обязаны были нести жители помѣстья Помпіано въ пользу графа Безалю, въ видѣ десятой части урожая, ценза и добровольныхъ приношеній, какъ это видно изъ грамоты 1027 г. [2]). Изъ документовъ 1029 г. оказывается, что тотъ же графъ пользовался на земляхъ монастыря св. Петра въ Безалю правомъ гостепріимства (parata) и что въ силу имъ же установленнаго вреднаго обычая (perversum usum quod ego constitui) мѣстные жители обязаны были нести въ его пользу различныя военныя и натуральныя повинности, отъ которыхъ, впрочемъ, онъ отказался, получивъ отъ аббата 300 солидовъ [3]). Подобнымъ же образомъ въ 1055 г. онъ отказался въ пользу херонскаго епископа отъ всѣхъ принадлежавшихъ ему на законномъ или незаконномъ основаніи повинностей, лежавшихъ на жителяхъ помѣстья Баскара [4]), а преемникъ его, графъ Бернардъ, черезъ 11 лѣтъ подтвердилъ ту же уступку [5]). Самый языкъ этихъ документовъ съ полной очевидностью указываетъ на происхожденіе многихъ тяжелыхъ поборовъ и повинностей, какъ результатъ злоупотребленія властью, принадлежавшею сеньорамъ надъ крестьянами. Постоянныя правонарушенія, съ одной стороны, и полная беззащитность, съ другой — вотъ главный источникъ образованія различныхъ сеньоріальныхъ правъ надъ крестьянами, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ „дурныхъ обычаевъ“ [6]), изъ которыхъ нѣкоторые даже получили признаніе закона. Изъ этихъ обычаевъ—кугусія (право сеньора на часть имущества крестьянина, жена котораго совершила пре-

[1]) Villanueva, VII, 286—287.

[2]) ib., XV, 255—253.

[3]) ib., XV, 270.

[4]) .... et quicquid ullo modo recte aut injuste inhereat mihi in dominicatura quam dicunt Bescara. Ib., XV, 250.

[5]) ib., XIII, 261.

[6]) Этотъ терминъ (mali usatici) становится употребительнымъ въ грамотахъ не ранѣе X в.; юристъ XV в. Marquilles (Comentaria super Usaticis Barchinonensibus, Barcelona, 1505, f. XIII) говоритъ, что уже въ 968 г. графъ Боррель освободилъ отъ malae consuetudines 900 крестьянъ, помогшихъ ему отнять отъ

любодѣяніе), арсія или арсина (право на часть имущества крестьянина, въ усадьбѣ котораго случался пожаръ) и экзоркія (право на часть имущества крестьянина, не оставившаго послѣ себя прямого потомства) были тѣ, о которыхъ находимъ наиболѣе раннія упоминанія въ грамотахъ. Уже въ 963 г. названныя права были предметомъ дара, сдѣланнаго графомъ серданскимъ Бернатомъ въ пользу монастыря св. Михаила де Кучà [1]). Злоупотребленія эти, вначалѣ имѣвшія мѣсто въ единичныхъ случаяхъ, съ теченіемъ времени учащались и возводились на степень обычая, регулировавшаго, за отсутствіемъ положительнаго закона, взаимныя отношенія между сеньоромъ и держателемъ его земли (longa enim consuetudo pro lege habetur, читаемъ мы въ мѣстномъ кодексѣ XI в.). Въ то же время сфера злоупотребленій сеньоріальнымъ правомъ постепенно расширялась и охватывала самыя разнообразныя стороны быта крестьянъ, пока, наконецъ, фактически они не сдѣлались крѣпкими землѣ сеньора. Случаи крѣпостной зависимости, которые можно констатировать уже въ теченіе X вѣка, въ послѣдующее время учащались. Такъ, въ 1030 г. графъ пальярскій принесъ въ даръ монастырю св. Генезія въ Белларіи селеніе S. Tirsi „со всѣми мужчинами, ихъ женами и дѣтьми, уже рожденными, и тѣми, которыя родятся, со всѣми постройками, виноградниками, лѣсами, лугами, выгонами“ и т. д. [2]). Ясно, что въ данномъ случаѣ крестьяне и ихъ семейства раздѣляли участь земли, на которой сидѣли, переходя вмѣстѣ съ ней изъ рукъ въ руки. Въ 1065 г. каноникъ Херонской церкви Вильгельмъ уступилъ капитулу рядъ земельныхъ участковъ и угодій: два манса въ селеніи Альбареда, которые держалъ Маркезусъ, одинъ мансъ, находившійся въ держаніи Сентрера, одну борду, гдѣ жили Исуардъ, одинъ мансъ, гдѣ жилъ Гилабертъ, и т. д., вмѣстѣ со строеніями и прилегавшими къ нимъ пастбищами, лѣсами, виноградниками, оливковыми рощами, воздѣланными землями, пустошами и т. д. [3]). Въ 1085 г. Бернатъ Сенмиръ подарилъ урхельскимъ каноникамъ селеніе Cabanabona и всѣхъ жившихъ въ немъ крестьянъ (et omnes meos pagenses quod teneo in ipso vilarunculo) [4]). Съ перемѣной владѣльца положеніе держателей манса не измѣнялось: они продолжали нести прежнія повинности, но уже въ пользу новаго владѣльца. Такъ, въ 1066 г. гра-

арабовъ г. Барселону и за то возведенныхъ въ рыцарское званіе (homines de paratico, или paratge).

[1]) Balari, 518.

[2]) Villanueva, XII, 244.

[3]) ib., XII, 307—312.

[4]) Balari, 499.

финя урхельская Санція пожертвовала въ пользу церкви св. Петра въ Ager'ѣ мансъ, на которомъ жилъ Миронъ Вивесъ де Суссіадосъ, съ пашнями и виноградниками и слѣдовавшими оттуда въ пользу собственника десятинами и другими повинностями и налогами (cum omnibus decimis et servitiis atque tributis) [1]).

Итакъ, въ теченіе X—XI в. мы можемъ констатировать существованіе крѣпостной зависимости въ Каталоніи. Зависимость эта явилась, какъ результатъ продолжительныхъ общественныхъ измѣненій, заключавшихся въ постепенномъ исчезновеніи мелкихъ свободныхъ собственниковъ, въ образованіи класса держателей земельныхъ участковъ на феодальномъ правѣ и въ ухудшеніи участи ихъ подъ вліяніемъ увеличенія юрисдикціи сеньоровъ. Если захваты въ сферѣ поземельныхъ отношеній вели къ образованію крупной собственности, то злоупотребленія въ области правовыхъ отношеній, которыя ускользали изъ подъ контроля правительственной власти, подъ вліяніемъ развитія иммунитета сеньоріальныхъ владѣній [2]), имѣли своимъ послѣдствіемъ все большее подчиненіе личности держателей земельныхъ участковъ волѣ сеньора.

Однако, есть основаніе думать, что составъ крѣпостного населенія увеличивался еще другими путями. Мы знаемъ, что въ эпоху франкскихъ королей существовалъ классъ людей, лично свободныхъ, но не обладавшихъ земельной собственностью, а потому пользовавшихся чужой землей, подъ условіемъ несенія повинностей и подчиненія юрисдикціи своихъ господъ. Если мелкіе свободные собственники съ теченіемъ времени могли понести ущербъ въ своихъ личныхъ и имущественныхъ правахъ, то еще скорѣе и въ большей степени должно было ухудшиться положеніе этихъ лично свободныхъ, но матеріально необезпеченныхъ людей. Были и такіе люди, для которыхъ прикрѣпленіе къ землѣ представляло извѣстный выигрышъ въ соціальномъ отношеніи, такъ какъ служило для нихъ выходомъ изъ рабскаго состоянія. Документы IX и X в., свидѣтельствуя о существованіи свободныхъ земледѣльцевъ-собственниковъ, содержатъ въ себѣ и указаніе на существованіе рабовъ. Подъ названіемъ servi, famuli, mancipia, ancillae, они служили предметомъ даренія и завѣщанія съ землей, на которой жили, или

---

[1]) ib., IX, 269—272.

[2]) ... jubemus ut nullus judex publicus vel quilibet ex judiciaria potestate in ecclesias aut loca vel agros seu reliquas possessiones praefati monasterii (in pago Bisuldunense) ... ad causas audiendas ... aut homines ipsius monasterii tam ingenuos quam servos super terram ipsius commanentes distringendos ... ingredi audeat ... sed

отдѣльно отъ нея, т. е. разсматривались, какъ вещь. Такъ, изъ грамоты 843 г. мы узнаемъ, что Карлъ Лысый уступилъ нѣкоему Сикфриду, своему „вѣрному", въ вознагражденіе за службу, виллу Каноасъ, расположенную въ Руссильонѣ, со всѣми принадлежавшими ей угодьями и рабами обоего пола (cum mancipiis utriusque sexus)[1]). Въ 888 г. графъ Вифредъ подарилъ церкви св. Маріи въ Риполѣ своего раба (servum nostrum), по имени Аигфреда, безъ земли[2]). Въ 901 г. графъ Вифредъ и супруга его Винидильисъ подарили Рипольскому монастырю мансъ де Оррето съ рабами Тудерикомъ и Провинціо (nostros famulos)[3]). Въ 967 г. Сеньофредъ завѣщалъ своему адвокату Адону раба Адифонса съ сыновьями и братомъ его, а сыну своему Ардмагну—всѣхъ прочихъ рабовъ (alios servos meos et ancillas)[4]) и т. д. Имена отдѣльныхъ рабовъ, упоминаемыя въ грамотахъ, указываютъ на то, что они были христіане, а документъ 2-й половины IX в., содержаніе котораго мы передадимъ, даетъ основаніе думать, что то были рабы вестготскаго происхожденія. Въ 874 году графъ Миронъ возбудилъ искъ противъ нѣкоего Лаврентія, доказывая, что послѣдній, какъ рожденный отъ несвободныхъ родителей, долженъ быть servus fiscalis. Лаврентій опровергнулъ основаніе иска, сославшись на то, что онъ и родители его были свободны отъ рабскаго ига въ теченіе срока достаточнаго, по готскому закону (sicut lex gothorum continet), для признанія свободнаго состоянія лица. Свидѣтельскія показанія подтвердили заявленіе Лаврентія, и судьи рѣшили дѣло, согласно готскому закону, начинающемуся словами „si quis ingenuum ad servitium addicere voluerit"[5]). Итакъ, готское законодательство, признававшее рабство наслѣдственнымъ, сохраняло свою силу и въ Каталоніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ продолжали существовать и рабы готскаго происхожденія. Этотъ источникъ рабства въ Каталоніи исчезалъ по мѣрѣ развитія обычнаго права, ослабленія вестготскаго законодательства, а также, можетъ быть, и дороговизны содержанія рабовъ и вліянія христіанскихъ идей на соціальныя отношенія[6]). Бывшіе рабы-готы, очевидно,

---

liceat memorato abbati suisque successoribus ... res praedicti monasterii sub immunitatis nostrae defensione quieto ordine possidere. Hist. de Languedoc. II, pp. 342—343. См. также pp. 180 (№ 82), 285 (№ 138), 348—349 (№ 170), 359—360 (№ 176); Marca Hispanica, Ap. I, и др.

[1]) Marca Hispanica, Ap. XV.

[2]) ib., Ap. XLV.

[3]) ib., Ap. LXI.

[4]) Alart, Cart. Rouss., p. 26,

[5]) Marca Hisp., Ap. XXXIV.

[6]) Примѣры отпущенія рабовъ на волю приведены у Balari, op. cit., pp. 502—

вступили въ ряды зависимаго крестьянства, такъ какъ въ XI в. въ кодексѣ „Барселонскихъ обычаевъ“ рабы представлены только одной категоріей лицъ—взятыми въ плѣнъ маврами [1]).

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію этого кодекса и постараемся опредѣлить, какую стадію знаменуетъ онъ въ развитіи крѣпостного права въ Каталоніи. „Барселонскіе обычаи“ (Usatici Barchinonae) являлись продуктомъ всего предшествовавшаго общественнаго развитія Каталоніи, начиная съ установленія въ ней франкскаго владычества, и обнародованы были графомъ Рамономъ Беренгеромъ Древнимъ въ 1068 г. Причины, побудившія его издать этотъ кодексъ и изложенныя въ предисловіи къ нему, заключались въ томъ, что готскіе законы оказывались уже недостаточными для рѣшенія всѣхъ тяжбъ, возникавшихъ въ странѣ. Дѣйствіе вестготскаго законодательства ограничивалось все меньшимъ количествомъ случаевъ, по мѣрѣ того какъ общество проникалось началами феодальной іерархіи и увеличивалось количество феодальныхъ держаній, чуждыхъ этому законодательству. Положительное право нисходило на степень второстепеннаго, нормы общественныхъ отношеній регулировалъ обычай. Произведенная по почину Рамона Беренгера запись обычнаго права представляла регламентацію феодальнаго строя и отвѣчала настоятельнымъ потребностямъ того времени. Если въ политическомъ отношеніи въ этомъ кодексѣ уже замѣчается тенденція возвысить власть графовъ барселонскихъ надъ феодальной аристократіей и провести въ жизнь принципъ quod principi placuit legis habet vigorem (U. 64), то какихъ либо существенныхъ измѣненій въ общественномъ устройствѣ Каталоніи онъ не внесъ, а скорѣе закрѣпилъ сложившіяся естественнымъ образомъ отношенія, и въ этомъ заключается его историческое значеніе.

Крестьяне въ кодексѣ Рамона Беренгера называются rustici и pagenses; какъ синонимы слова agricultores, термины эти означали людей, занимавшихся земледѣліемъ [2]). Трудъ земледѣльца, по рыцарскимъ понятіямъ эпохи, считался низменнымъ; лицамъ, занимавшимся имъ, отводилось послѣднее мѣсто въ общественной іерархіи, и жизнь крестьянина цѣнилась вдвое дешевле, чѣмъ жизнь простого рыцаря: за убійство

504: „ради спасенія своей души“ (propter remedium anime sue) графъ Безалю Бернатъ завѣщалъ въ 1021 г. освободить всѣхъ находившихся въ его домѣ рабовъ-мущинъ; такое же распоряженіе относительно своихъ рабовъ сдѣлалъ графъ Серданьи Гунфре въ 1035 г.: omnes fiant ingenui.

[1]) Мы пользуемся этимъ кодексомъ въ изданіи Marichalar y Manrique, Historia de la legislacion y recitaciones del derecho civil de España (Madrid, 1863), t. VII, pp. 232 и сл.; см. Usatge 110 и U. 111.

[2]) Socarrats, 502, §§ 5—6.

крестьянина установлена была вира въ размѣрѣ 6 золотыхъ унцій,— вдвое меньше, чѣмъ за убійство рыцаря. Никакого другого достоинства, кромѣ христіанскаго, за крестьяниномъ не признавалось [1]). Въ средѣ самого крестьянства существовали извѣстныя правовыя различія, о которыхъ говоритъ обычай „sacramenta rustici“ (U. 49.). Крестьяне, державшіе мансъ и обработывавшіе его парой быковъ, допускались къ присягѣ въ тяжбахъ, оцѣнивавшихся до 7 серебряныхъ солидовъ, тогда какъ другіе, называвшіеся „baccallarii“, допускались къ присягѣ только въ тяжбахъ, стоимость которыхъ не превышала четырехъ валенсійскихъ „mancusi“ [2]); для тяжбъ болѣе высокой цѣнности тѣ и другіе крестьяне, вмѣсто подтвержденія своихъ показаній клятвой, должны были подвергаться испытанію горячей водой. Другихъ, болѣе опредѣленныхъ указаній на различія, существовавшія въ средѣ самихъ крестьянъ, мы не находимъ въ „Барселонскихъ обычаяхъ“, но не трудно догадаться, что они заключались въ большей или меньшей зажиточности ихъ. Несмотря на низкое положеніе крестьянъ въ общественной іерархіи, между ними и другими сословіями еще не замѣтно рѣзкихъ юридическихъ различій; наоборотъ, можно указать въ положеніи тѣхъ и другихъ рядъ общихъ признаковъ, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что диффеpенціація сословій еще не была вполнѣ закончена, по крайней мѣрѣ, если судить о ней на основаніи названнаго законодательнаго памятника. Двоякаго рода отношенія существовали между сеньоромъ и вассаломъ, независимо отъ того, какое мѣсто занимали они въ общественной іерархіи: личныя и матеріальныя. Первыя вытекали изъ ленной присяги, налагавшей на вассала обязанность быть вѣрнымъ сеньору, а на сеньора—оказывать поддержку и покровительство вассалу въ различныхъ случаяхъ жизни. Основой вторыхъ служило полученіе вассаломъ феода въ держаніе отъ сеньора и обязанность оказывать ему за это извѣстныя услуги, воен-

[1]) U. De rustico interfecto.

[2]) Cum de valore subscriptarum monetarum de quibus in Usaticis Barchinone mencio fuit, sepe in iudiciis dubitetur, declaramus... quod.. argenteus vero solidus valet 2 sol. monete predicte (Barch de terno), mancusus auri Valencie valet 16 den. ipsius monete. Постановленіе перпиньянскихъ кортесовъ 1350—1351 г. см. Cortes de los antiguos reinos de Aragon y Valencia y principado de Cataluña, publicadas por la Real Academia de la Historia, t. I. Cortes de Cataluña, parte I, p. 395, § XXXVI (Madrid, 1896). Приравнивая приведенныя въ U. 49 цыфры къ монетной единицѣ 1350 г., видимъ, что крестьяне первой категоріи допускались къ клятвѣ въ тяжбахъ до 14 сер. солидовъ, а вторые—въ тяжбахъ стоимостью до 5 сер. солидовъ и 4 динаріевъ.

ныя или хозяйственныя, въ зависимости отъ характера феода и положенія лица, получившаго его въ держаніе. „Do ut facias“ такова сущность феодальнаго договора, выражавшагося въ актѣ „homenaje“. Въ теоріи легко разграничить личныя отношенія отъ имущественныхъ, но на практикѣ они настолько смѣшивались, что сеньоръ пріобрѣталъ извѣстныя права и надъ личностью вассала, былъ ли то рыцарь или вилланъ: и тотъ, и другой становился „homo“ сеньора, человѣкомъ, ему принадлежавшимъ, и въ силу ленной присяги, и въ силу держанія манса или бароніи. Въ этомъ заключалась наиболѣе характерная особенность феодальныхъ отношеній не только въ Каталоніи, но и во всей з. Европѣ, гдѣ существовалъ феодализмъ. Одна личность господствовала надъ другой, каждая группа вассаловъ, подчиненныхъ одному и тому же сеньору, составляла съ нимъ одно цѣлое, одинъ союзъ, являлась какъ бы клѣточкой феодальнаго организма. Какъ составная часть того общества, члены котораго подчинялись одни другимъ въ силу ленной присяги, крестьяне также приносили присягу въ вѣрности своимъ господамъ и назывались ихъ людьми, „homines solidi“ (позже съ прибавленіемъ слова „proprii)[1]. Вассалъ назывался solidus или non solidus въ зависимости отъ свойства присяги, которую приносилъ онъ своему сеньору, получая отъ него въ держаніе феодъ или мансъ. Присяга была двухъ родовъ: homagium solidum и homagium non solidum; вассалы, приносившіе homagium solidum, принимали на себя обязательство безусловной лойяльности и вѣрности по отношенію къ своему сеньору и обязанность помогать ему противъ всѣхъ лицъ, за исключеніемъ только того, кому принадлежала верховная юрисдикція въ странѣ; тогда какъ homagium non solidum заключало въ себѣ обязательство помогать сеньору противъ всѣхъ, за исключеніемъ верховняго сеньора и тѣхъ лицъ, которымъ также обѣщана была вѣрность. Отсюда слѣдуетъ, что первая присяга не исключала возможности другой и что одно и то же лицо могло быть одновременно homo solidus по отношенію къ одному сеньору и homo non solidus по отношенію къ другому или даже по отношенію къ нѣсколькимъ сеньорамъ, въ силу полученныхъ отъ нихъ феодовъ или мансовъ, но невозможно было быть homo solidus у двухъ сеньоровъ[2]).

Помимо ленной присяги, зависимость вассаловъ отъ сеньора

[1]) U. 47 (omnes homines tam milites quam rustici jurent senioribus suis), U. 23 (De placito senioris et vassali), U. 33 (Qui solidus est), U. 20 (Omnes homines debent firmare directum senioribus).

[2]) Antiquiores Barchinonensium leges quas vulgus usaticós appellat, cum Comentariis supremorum iurisconsultorum Iacobi a monte iudaico Iacobi et Guillermi a

выражалась въ извѣстныхъ феодальныхъ обычаяхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были общими для крестьянъ и для рыцарскаго сословія: таковы, напр., интестія (U. 28) и экзоркія (U. 64), хотя эти сеньоріальныя права и осуществлялись различнымъ образомъ для каждой изъ названныхъ общественныхъ группъ. De jure защитой закона крестьяне пользовались наравнѣ съ другими классами каталонскаго общества. Ни въ одномъ изъ „Барселонскихъ обычаевъ" мы не встрѣчаемъ указаній на то, чтобы сеньоръ могъ безнаказанно угнетать своихъ вассаловъ или дурно обращаться съ ними, что̀ допускалось въ арагонскомъ законодательствѣ о крестьянахъ [1]). Наоборотъ, обычай „si quis se dixerit fatigatum (U. 115) признаетъ за каждымъ вассаломъ, несправедливо преслѣдуемымъ, право жаловаться на своего сеньора, хотя бы то былъ графъ или епископъ.

Но рядомъ съ этими чертами сходства въ положеніи крестьянъ и другихъ сословій мы замѣчаемъ рядъ обычаевъ, ограничивавшихъ личныя и имущественныя права крестьянъ и ставившихъ ихъ въ особое положеніе, по сравненію съ членами другихъ группъ. 112-й обычай, начинающійся словами: „Quod rusticus damnificatus", ограничиваетъ самостоятельность крестьянъ, запрещая имъ вчинять иски или искать правосудія противъ лицъ, нанесшихъ ущербъ ихъ личнымъ или имущественнымъ правамъ, иначе какъ съ согласія и при помощи сеньора. Такое ограниченіе крестьянскихъ правъ объясняется тѣсною связью матеріальныхъ интере совъ крестьянъ и сеньоровъ, которымъ, въ силу 95 обычая (Quam partem emendae habeant domini), принадлежало право на $^1/_3$ часть виры, получавшейся крестьянами съ ихъ обидчиковъ, и которымъ важно было въ каждомъ данномъ случаѣ обезпечить себѣ полученіе этой доли; съ другой стороны, защита интересовъ вассаловъ на судѣ входила въ кругъ обязанностей сеньора. Но не думаемъ чтобы уже тогда закрѣпощеніе крестьянъ получило легальную санкцію, какъ полагаютъ авторы коллективной исторіи испанскаго права— Марчаларъ и Манрике (VII, 346), основываясь на неправильной, на нашъ взглядъ, интерпретаціи текста 14 обычая [2]). Въ этомъ текстѣ

---

valleseca et Iacobi Calicii cum indici copiosissimo (1543) f° CIII (Calicius); Socarrats, op. cit., pp. 313 (§ 29), 318 (§§ 1), 350 (§ 1); Constituciones de Cataluña (изд. 1704 г.), tit. 30, lib. IV, l. I.

[1]) Danvila y Collado, Las libertades de Aragon pp. 117—119 (Madrid, 1881).

[2]) Captus a curia et in castro missus propter justitiam, non exeat inde sine licentia. Quod si praesumpserit, nisi mori forte timuerit, damnum evasionis habebit, id est XXX solidos curiae dabit, et reversus in castro, emendet culpam quam habuerit, sicut curia judicaverit.

рѣчь идетъ вовсе не о крестьянахъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ, а вообще о вассалахъ, подвергнутыхъ предварительному аресту въ замкѣ сеньора, откуда они не должны были выходить иначе, какъ съ согласія подлежащей власти, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда жизни ихъ угрожала опасность и бѣгство признавалось позволительнымъ; въ противномъ же случаѣ, бѣжавшій обязанъ былъ уплатить штрафъ въ пользу куріи въ размѣрѣ 30 солидовъ и, по водвореніи въ замкѣ, обязанъ былъ подвергнуться наказанію, согласно судебному приговору. Намъ кажется, что приведенный обычай не даетъ ни малѣйшаго основанія приписывать Рамону Беренгеру I установленіе закона, стѣснявшаго свободу крестьянскихъ переходовъ, тѣмъ болѣе, что въ U. 134 мы находимъ косвенное признаніе законности такихъ переходовъ [1]). Но не соглашаясь съ первымъ изъ выводовъ, дѣлаемыхъ изъ 14-го обычая Маричаларомъ и Манрике, мы вполнѣ можемъ согласиться со вторымъ, именно, что „Барселонскіе обычаи“ не давали сеньорамъ права жизни и смерти надъ вассалами. Если 112-й обычай ограничивалъ личныя права крестьянъ, то другіе обычаи, 102 и 130, ограничивали имущественныя: именно, сеньоръ получалъ такъ наз. интестію, т. е. третью часть или половину имущества крестьянина въ томъ случаѣ, если онъ умиралъ, не оставивъ завѣщанія, и т. наз. экзоркію, т. е. извѣстную долю его имущества, въ томъ случаѣ, если крестьянинъ умиралъ, не оставивъ дѣтей.

Кромѣ крестьянъ, какъ держателей мансовъ, въ „Барселонскихъ обычаяхъ“ находимъ указаніе еще на одну общественную группу, служившую какъ бы промежуточнымъ звеномъ между крестьянскимъ населеніемъ и рыцарскимъ сословіемъ; именно, тамъ говорится о такъ наз. bajuli, т. е. о съемщикахъ небольшихъ земельныхъ участковъ. Эти мелкіе арендаторы раздѣлялись на благородныхъ и неблагородныхъ, причемъ признакомъ благородства однихъ и неблагородства другихъ былъ исключительно экономическій моментъ: первые ежедневно ѣли пшеничный хлѣбъ и обладали конемъ, почему за убійство ихъ устанавливалась вира въ томъ же размѣрѣ, какъ и за убійство простого рыцаря; вторые, не имѣвшіе возможности ежедневно ѣсть пшеничный хлѣбъ и не обладавшіе конемъ, приравнивались въ соціальномъ отношеніи къ крестьянамъ, такъ какъ за убій-

[1]) ... si vero culpa domini aut necessitate rerum coactus domum deserat, veluti propter regionis famem, aut propter gueras, aut propter impressionem alicujus potentis, tunc materiae pretium dominus ei reddere cogetur... eadem omnia intelligenda sunt de eo qui seminat, aut plantat, aut silvam infructuosam extirpat.

ство тѣхъ и другихъ установлена была одна и та же вира (U. 9). Какъ благородные, такъ и неблагородные арендаторы обязаны были платить сеньорамъ извѣстную ренту за снятые участки земли, и, въ случаѣ отрицанія долга, подвергались испытанію горячей водой. Арендной землей они пользовались, повидимому, безсрочно, но не могли передавать ее своимъ наслѣдникамъ беъ согласія сеньора (U. 49). Грамоты поясняютъ нѣкоторыми подробностями сущность контракта, называемаго въ кодексѣ bajulia. Въ 1085 г. между аббатомъ и кананикомъ монастыря св. Михаила (de Monmagastre) возлѣ Ager'а, съ одной стороны, и Вильгельмомъ Бонефиліусомъ и женой его Садоніей, съ другой, состоялось слѣдующее соглашеніе: первые дали вторымъ для обработки (per laborationem) монастырскую землю (alodium quod habet S. Michaele ad S. Saturninum), состоявшую изъ оливковаго сада, пахотной земли и виноградника, на условіяхъ поддержанія тамъ порядка и производства улучшеній, доставленія въ пользу монастыря $^{2}/_{3}$ урожая съ оливковыхъ деревьевъ, половины урожая хлѣба и $^{1}/_{4}$ части урожая винограда, одного окорока, 6 хлѣбовъ, и 1 сектарія вина [1]). Въ 1186 г. херонскій епископъ сдалъ въ вѣчно-наслѣдственную аренду (dono tibi et vestris perpetuo) Беренгарію Вентри помѣстье въ приходѣ св. Маріи де Уліано [2]) подъ условіемъ ежегоднаго доставленія ему четвертой части урожая и другихъ приношеній натурою [3]).

Барселонскіе обычаи, какъ мы сказали, не произвели измѣненій въ общественномъ строѣ Каталоніи. Они закрѣпили только тѣ порядки, которые до этого времени основывались на обычномъ правѣ. Но сравнивая законы Рамона Беренгера съ тѣми явленіями современной ему жизни, которыя они имѣли въ виду и о которыхъ можно составить болѣе конкретное представленіе на основаніи грамотъ частнаго права той эпохи, мы не замѣчаемъ между ними полнаго соотвѣтствія. Оказывается, что въ различныхъ грамотахъ X и XI в., опредѣляющихъ взаимныя отношенія между сеньорами и держателями ихъ земель, упоминаются извѣстныя повинности, которыя взимались съ послѣднихъ „несправедливо“ и „беззаконно“, между тѣмъ о такихъ повинностяхъ въ кодексѣ Рамона Беренгера

[1]) Villan., IX, 265—266.

[2]) Omnem bajuliam totius mei honoris culti et heremi.

[3]) Et de omnibus expletis omnium illarum terrarum quartum fideliter. Vill. XIII. 297.

не упоминается; далѣе, современная дѣйствительность уже тогда представляла не мало примѣровъ крѣпостной зависимости крестьянъ, передачи ихъ, вмѣстѣ съ владѣемой ими землей, изъ рукъ въ руки, на основаніи дара, завѣщанія и т. д., тогда какъ о такого рода отношеніяхъ „Барселонскіе обычаи“ не заключаютъ постановленій. Словомъ, въ этомъ кодексѣ кое-что не досказано, а не досказано, вѣроятно, потому, что нѣкоторыя явленія представляли результатъ не права, а злоупотребленія, и такое происхожденіе ихъ еще живо сознавалось всѣми, чтобы возможно было дать имъ законодательную санкцію; съ другой стороны, злоупотребленія, выражавшіяся въ установленіи незаконныхъ поборовъ съ крестьянъ и прикрѣпленіи ихъ къ землѣ съ цѣлью непрерывнаго полученія съ нея доходовъ, не получили значенія общаго явленія; законодателю же не было никакого интереса въ данномъ случаѣ предварять самую жизнь, устанавливать, какъ общую норму, тѣ обычаи, которые еще не сложились окончательно или не получили достаточно широкаго распространенія въ странѣ. Но законодатель и не поставилъ преградъ дальнѣйшему ухудшенію крестьянскаго быта; наоборотъ, санкціонируя обычаи, ограничивавшіе въ пользу сеньора нѣкоторыя личныя и имущественныя права крестьянъ, онъ какъ бы облегчалъ ихъ дальнѣйшее и болѣе полное подчиненіе волѣ сеньоровъ, которые, въ видахъ обезпеченія себѣ правильнаго поступленія земельныхъ доходовъ со всей совокупности принадлежавшихъ имъ земель, при отсутствіи вольнонаемнаго труда, стремились создать изъ крестьянской семьи одно хозяйственное цѣлое, тѣсно связанное съ находившейся въ ея пользованіи землей, путемъ обезличенія крестьянъ и стѣсненія ихъ въ правѣ перехода.

Въ эпоху, слѣдующую за изданіемъ „Барселонскихъ обычаевъ“, все чаще приходится констатировать случаи крѣпостной зависимости, аналогичные тѣмъ, какіе имѣли мѣсто и до изданія этого кодекса. Такъ, въ 1070 г. нѣкто Беренгарій, сынъ Рикарда, пожертвовалъ Урхельской церкви помѣстье, расположенное въ Ayguatebia; въ дарственной грамотѣ, при перечисленіи его состава, упомянуты и населявшіе его люди и слѣдуемыя съ нихъ повинности [1]); въ 1090 г. супруги Гунтарды пожертвовали въ пользу церкви св. Маріи въ Урхельскомъ діоцезѣ „все селеніе Фонтанедо со всѣми его обитателями, какъ тѣми, которые пребываютъ въ немъ въ настоящее время, такъ и тѣми, которые и впредь будутъ находиться

[1]) .... cum ipsis hominibus commanentibus in eisdem domibus et eorum servitia. Alart, Cart. Rouss., pp. 74—75.

тамъ, со всѣми повинностями, чиншами, барщинами и всѣмъ тѣмъ, что обязаны выполнять жители этого селенія и его окрестностей" [1]); въ 1091 г. графъ пальярскій продалъ Лавакскому монастырю за 450 валенсійскихъ золотыхъ манкусовъ мансъ Арталло, расположенный у замка Сассо и находившійся въ держаніи у Петра и его семейства, состоявшаго изъ жены и двухъ сыновей; предметомъ продажи былъ не только мансъ, но и „нынѣшніе и будущіе обитатели его и все ихъ имущество", при этомъ монастырю вмѣнялось въ обязанность сохранять въ цѣлости какъ мансъ, такъ и его постройки, и предоставлялось право переселять обитателей манса съ одного мѣста на другое [2]); въ 1134 г. король Рамиро подарилъ церкви св. Викентія де Рота нѣкоего Бласко Рича съ женой, дѣтьми его и съ землею, которою они владѣли на наслѣдственномъ правѣ (cum quanta hereditate habent), и принадлежавшіе королю чинши съ нихъ [3]); въ 1194 г. король Альфонсъ подарилъ монастырю Villae bertrandi, въ приходѣ Lagusteria, одного человѣка, по имени Ѳому, въ приходѣ св. Стефана de Calidis—Вильгельма, сына Сикфрида, и Вильгельма, сына Веньямина, съ ихъ мансами, движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, отказываясь отъ всякой власти надъ этими людьми и дѣлая ихъ и ихъ преемниковъ по держанію мансовъ людьми названнаго монастыря (fiant et efficiantur proprii et solidi homines jam dicti monasterii), обязанными исполнять въ пользу послѣдняго всѣ должныя и недолжныя повинности" [4]) и т. д.

Нѣтъ надобности, думается намъ, увеличивать число этихъ примѣровъ. Уже изъ нихъ видно, что несвободное крестьянство существовало не только на земляхъ дворянства и духовенства, но и на королевскихъ. Это свидѣтельствуетъ о значительномъ развитіи крѣпостного права въ Каталоніи въ XII в. Вмѣстѣ съ тѣмъ слово „ременса" или redempcio, раньше употреблявшееся въ значе-

[1]) ... omnem Villam de Fontanedi, cum omnibus hominibus commorantibus inibi, et deinceps usque in eternum in ea moraturis cum omnibus servitiis illorum et sensibus et operibus cunctis et totum quidquid facere deberent ulli homini de Villa illa, et de terminis illius. Villan., XII, 249—250.

[2]) Vindo vobis ipsum capud mansum ab integrum, et ipsos homines, qui ibidem sunt vel adveniendi sunt, cum omnia quae habent vel habere debent, vel in antea adcrevere potuerint, excepto quod in ipso castro nullum mansum mihi destruuntur. Et si vultis eos educere ex villa Sasso, et deducere in alio vestro loco, licentiam habeatis ut facere valeatis cum omnia sua ab integrum, excepto hoc quod ipsas suas mansiones non valeant destruere. Ib., XVII, 294.

[3]) ib., XV, 370.

[4]) .... et faciant sepedicto monasterio.... quicquam servitii debiti sive indebiti facere teneantur. Ib., XV, 227.

нія выкупа, который платили рабы изъ плѣнныхъ мавровъ за свое освобожденіе (U. 18), теперь получаетъ новое значеніе: изъ рукописной грамоты 1123 г., цитируемой Балари, видно, что байльи приходовъ св. Маріи и св. Хуана въ Урхельскомъ діоцезѣ имѣли право взимать „redemptiones mansorum", т. е. выкупъ съ мансовъ или съ лицъ, оставлявшихъ мансъ; изъ грамоты 1177 г., цитируемой тѣмъ же авторомъ, видно, что Бернатъ де Рокофортъ получилъ извѣстную сумму денегъ „за выкупъ человѣка, ушедшаго изъ Кларано и явившагося въ Калидасъ" [1]. „Ременса" получаетъ значеніе выкупа, который платилъ держатель манса своему сеньору въ случаѣ перехода на другое мѣсто.

До сихъ поръ мы констатировали существованіе крѣпостной зависимости, основываясь исключительно на памятникахъ частнаго права, и это потому, что прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ совершилось раньше, чѣмъ призналъ его законъ; такое признаніе наступило только въ половинѣ XIII в. послѣ того, какъ законодательная власть рѣшительно приняла сторону землевладѣльцевъ въ ихъ стремленіи поработить себѣ населявшихъ ихъ земли крестьянъ. Дѣло въ томъ, что политическое развитіе Каталоніи создало такія формы представительнаго правленія, которыя отдавали законодательную власть въ руки высшихъ сословій. Послѣднія и воспользовались преимуществомъ положенія для упроченія своихъ интересовъ на счетъ массы земледѣльческаго населенія, не имѣвшаго представительства въ кортесахъ. Уже въ началѣ XIII в. законодательство кортесовъ лишаетъ крестьянъ тѣхъ гарантій личности и собственности, которыя еще признавались за ними по кодексу Рамона Беренгера IV. Кажется, что прежде всего ухудшилось положеніе крестьянъ, жившихъ на рыцарскихъ земляхъ. Такъ, въ постановленіяхъ Божьяго мира, изданныхъ въ 1173, 1188 и 1200 г.г., запрещалось въ случаѣ междуусобій разрушать и поджигать жилища вилллановъ, расположенныя не на рыцарскихъ владѣніяхъ [2]; кромѣ того, кортесы 1200 г. запретили взиманіе какихъ либо незаконныхъ платежей и повинностей съ крестьянъ, жившихъ на королевскихъ, церковныхъ и городскихъ земляхъ; на вилллановъ же рыцарскихъ владѣній запрещеніе это не распространялось [3].

[1]) ... de illo homine qui se redemit et exivit de Clarano et venit ad Calidas, Balari, 500.

[2]) Cortes.... de Aragon y Valencia y principado de Cataluña, t. I, parte I, pp. 58 (§ VII), 65 (§ III), 80 (§ VII): Neque mansiones villanorum, nisi sint in alodio militum.... aliquis diruat vel incendat.

[3]) Praeterea sancimus ut nullus in mansis nostris vel Ecclesiarum vel locorum Religiosorum vel hominum in villis habitantium quicumque teneat, invitis habitatori-

Кортесы 1202 г., созванные въ г. Серверѣ, лишили крестьянъ судебной защиты противъ злоупотребленій сеньоровъ и такимъ образомъ косвенно дали послѣднимъ возможность угнетать и грабить крестьянъ, которымъ не позволено было искать на нихъ суда. Исключеніе, впрочемъ, сдѣлано было въ пользу крестьянъ, населявшихъ королевскія и церковныя земли и продолжавшихъ пользоваться защитой закона [1]). Далѣе, кортесы 1218 г., издавшіе въ Виллафранкѣ постановленіе о личной и имущественной неприкосновенности путешественниковъ по Каталоніи, исключили изъ дѣйствія этого закона крестьянъ, которые могли быть схвачены по дорогѣ ихъ сеньорами [2]). Въ половинѣ этого столѣтія, какъ было замѣчено вначалѣ, каноникъ Пере Альбертъ записалъ окончательно сложившійся къ тому времени обычай, по которому крестьяне наслѣдовали положеніе и обязательства отцовъ и не могли оставлять земли сеньора, не уплативши раньше выкупа за свою личность. При этомъ точно опредѣлялись границы распространенія этого обычая мѣстностью, лежавшею на востокъ отъ р. Лобрегата, состоявшею изъ епископства Херонскаго, части Викскаго и Барселонскаго и называвшеюся Старой Каталоніей. Законодательную санкцію этотъ обычай получилъ, однако, не раньше 1283 г. „Въ тѣхъ мѣстностяхъ, читаемъ мы въ актахъ барселонскихъ кортесовъ этого года, гдѣ существуетъ обычай выкупа (remença), крестьяне не должны переносить своего мѣстожительства на наши (т. е. королевскія) земли, не уплативши раньше выкупа, и не могутъ удерживать за собою земельные участки, а обязаны передавать ихъ лицамъ, которымъ не возбранено владѣть ими, или своимъ господамъ, вмѣстѣ съ грамотами на владѣніе“. Постановленіе барселонскихъ кортесовъ было подтверждено и разъяснено въ кортесахъ 1289, 1291 и 1299 гг., причемъ было прибавлено, что выкупъ обязателенъ и для дѣтей крестьянъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ распространенъ обычай ременсы [3]). Отсюда видно, что условіями перехода крестьянъ съ одного мѣста на другое кортесы ставили, во-первыхъ, выкупъ личности, во-вторыхъ, потерю земельнаго участка, который

bus, procuraciones, albergas, acaptes sive exacciones aliquas exigere vel facere presumat. Ib., p. 83 (§ XV).

[1]) ib., p. 86 (§ II).

[2]) Et nullus iter agentes invadat, vel in corpore sive in rebus suis aliquid incurie vel molestie inferat... exceptis propriis hominibus, quos dominis in camino capere liceat. Ib., p. 97 (§ VIII).

[3]) Constitucions de Catalunya, t. I, 347, tit. XXXII (изд. 1704 г.).

передавался или другимъ крестьянамъ, крѣпкимъ землѣ, или сеньору. Условія эти нерѣдко были весьма тяжелы и дѣлали на практикѣ крестьянскіе переходы весьма затруднительными, если не вовсе невозможными, въ виду неопредѣленности размѣровъ выкупа, который могъ быть черезчуръ великъ. Въ послѣдующее время, какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія, сдѣланы были даже попытки уничтожить самое право выкупа, являвшееся для крестьянъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, послѣднимъ средствомъ освободиться отъ гнета сеньоріальной власти.

Сравнивая приведенныя постановленія кортесовъ съ обычаями, записанными каноникомъ Альбертомъ, можно видѣть, что первыя не заключаютъ въ себѣ такого точнаго опредѣленія границъ распространенія ременсы, какое даютъ вторые: кортесы просто отмѣчаютъ фактъ существованія мѣстностей, гдѣ былъ такой обычай, но не называютъ ихъ. Это обстоятельство нельзя оставить безъ вниманія. Неопредѣленность выраженія законодательнаго акта въ этомъ отношеніи едва ли была случайной. Она обусловливалась, по нашему мнѣнію, тѣмъ, что въ различныхъ частяхъ тогдашней Каталоніи, независимо отъ дѣленія ея на Старую и Новую, рядомъ съ крѣпостными крестьянами, существовали и такіе, которые искони пользовались личной свободой, и такіе, которые успѣли освободиться отъ ременсы, раньше чѣмъ она получила законодательную санкцію, причемъ право перехода безъ необходимости платить выкупъ разсматривалось, какъ иммунитетъ данной мѣстности [1]). Провести точное территоріальное дѣленіе между этими двумя группами земледѣльческаго населенія, какъ это сдѣлалъ Пере Альбертъ, кортесы не нашли возможнымъ. Въ виду этого свидѣтельство Пере Альберта можетъ быть принято только съ извѣстными ограниченіями.

Каталонскіе юристы, воспитавшіеся на началахъ римскаго права, отличали крѣпостное состояніе отъ рабскаго. По ихъ воззрѣніямъ, крѣпостные, по существу, оставались свободными людьми, но ухудшили свое положеніе, признавъ себя, посредствомъ писаннаго договора, приписанными къ данной землѣ, т. е. признавъ, что желаютъ жить на ней и, что, слѣдовательно, не желаютъ уходить съ нея; послѣ такого признанія, крестьяне назывались adscriptitii и обязаны были нести въ пользу сеньора ежегодно неопредѣлен-

---

[1]) Guilelma oriunda ville de Balneolis, cuius habitatores habent inmunitatem non redimendi. A. H. G. (Прил. VI).

ныя повинности (incertam annuam pensionem [1]). Съ другой стороны по ученію каталонскихъ юристовъ, человѣкъ, посредствомъ договора, не могъ сдѣлаться рабомъ другого [2]): рабами становились только военноплѣнные [3]). Такъ было въ теоріи, созданной юристами съ цѣлью дать разумное объясненіе и оправданіе установленному жизнью и закономъ явленію. Но такъ ли было въ дѣйствительности? Была ли крѣпостная зависимость одинакова для всѣхъ группъ крестьянскаго населенія и въ какой мѣрѣ отличалась она отъ положенія рабовъ? На эти вопросы мы и постараемся дать отвѣтъ въ слѣдующей главѣ, посвященной изученію условій крѣпостной зависимости, главнымъ образомъ, въ теченіе XIV и XV вв., когда она отлилась въ отчетливыя и устойчивыя формы. При этомъ изученіи мы будемъ основываться также и на грамотахъ подчиненія, которыми опредѣлялись взаимныя отношенія между сеньорами и держателями ихъ земель и которыя болѣе непосредственно отражали современную дѣйствительность, чѣмъ трактаты юристовъ, смотрѣвшихъ на нее сквозь призму римскаго права.

---

[1]) liber homo potest gravare suam conditionem, scilicet per pactionem, interveniente scriptura: quia potest se alterius constituere asscriptitium... Dicitur adscriptius, qui per scripturam solo scriptus est, id est, ad solum per scripturam scriptus... adsscriptitius dicitur, qus asscribitur terrae, confitendo se esse asscriptitium, et dicat ibi velle morari, et per consequens nolle inde recedere.

Item asscriptitius praestat domino incertam annuam pensionem. Socarrats, pp. 325—326, §§ 1, 6; p. 327, § 12. См. также Pere Albert, Cost. XXXIII (ed, cit.).

[2]) liber homo de iure Romano non potest per simplicem pactionem nec etiam per confessionem se facere servum alterius. Ib., p. 325, § 1.

[3]) ib., p. 366, § 43.

ГЛАВА II.

Земельныя держанія и крѣпостное крестьянство въ XIV—XV вв.

Характеръ земельной собственности въ средневѣковой Каталоніи.—Аллодіальныя земли и зависимыя держанія: феодъ и эмфитевза.—Мансъ, какъ норма крестьянскихъ держаній.—Статистическія данныя о числѣ дворовъ въ XIV в.—Условія крестьянскаго землевладѣнія: грамоты личнаго подчиненія; ограниченіе личныхъ и имущественныхъ правъ.—Ременса и дурные обычаи.—Условія отчужденія или переуступки крестьянскихъ держаній: fatiga и laudemium.—Повинности крестьянъ въ пользу сеньоровъ: оброкъ, барщина и др.—Сеньоріальная юрисдикція.

Образованіе крупной земельной собственности въ Каталоніи, какъ и въ другихъ странахъ средневѣковой Европы, шло рука объ руку съ дробленіемъ ея на рядъ мелкихъ зависимыхъ держаній. Веденіе хозяйства въ широкихъ размѣрахъ при недостаточномъ развитіи движимаго капитала и вольнонаемнаго труда было невозможно. Долгое время единственно доступной формой эксплуатаціи земельныхъ богатствъ являлась мелкая земледѣльческая культура, которую представляли хозяйства отдѣльныхъ крестьянскихъ семействъ, державшихъ землю въ зависимости отъ сеньора. Формы и условія этой зависимости такъ же разнообразились, какъ и права крестьянъ по отношенію къ тѣмъ земельнымъ участкамъ, которые они обрабатывали. Наиболѣе полнымъ образомъ осуществлялись права собственности по отношенію къ аллодіальнымъ землямъ. Такъ назывались, по словамъ Сокарратса, тѣ земли, право собственности на которыя не зависѣло ни отъ кого, кромѣ Бога, и кото-

рыми владѣльцы могли располагать вполнѣ свободно [1]). Для крестьянъ такія условія землевладѣнія, въ силу разсмотрѣнныхъ раньше причинъ, рѣдко были возможны [2]). Къ тому же, какъ видно изъ записи обычаевъ, сдѣланной Пере Альбертомъ, уже въ половинѣ XIII в. установилась презумпція, по которой всѣ земли, расположенныя въ округѣ извѣстнаго замка или феода, считались собственностью его сеньора, если нельзя было доказать противнаго, при чемъ onus probandi падало на лицо, отстаивавшее свои права на аллодіальную собственность, и ссылки на давность владѣнія не принимались во вниманіе; лишь дарственныя грамоты и купчія крѣпости могли служить доказательствомъ права собственности на спорную землю [3]). Обыкновенно крестьяне только пользовались землей, но не владѣли ею на правахъ собственности; имъ принадлежало dominium utile, т. е. держаніе, а не dominium directum—право полной собственности [4]). Каталонскіе юристы различаютъ два главныхъ типа земельныхъ держаній: феодъ и эмфитевзу. Если аллодомъ крестьянинъ могъ располагать вполнѣ свободно, могъ отчуждать его, не испрашивая на это согласія сеньора, то иначе дѣло стояло съ феодомъ и эмфитевзой; вассалъ не могъ отчуждать ни феода, ни эмфитевзы безъ согласія сеньора, между тѣмъ какъ послѣдній могъ сдѣлать это даже противъ воли вассала [5]). Но между феодальнымъ и эмфитевтическимъ держаніями также существовали различія, которыя Маркильесъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: феодальный держатель не могъ свободно располагать не только тѣми землями, которыя получилъ въ держаніе отъ сеньора, но даже тѣми,

---

[1]) alodium est quod est proprium alicuius, et a nemine recognitum, nisi a deo... hereditas quam vendere aut donare possum. Socarrats, 42. См. также Mieres, 78.

[2]) Маркильесъ признаетъ возможность существованія крестьянской аллодіальной собственности: dominus nullum habet ius vel servitutem in alodio dicti rustici... alodium rusticus sine domini voluntate vendere posset (Sacram rust., f.° CLIX). На практикѣ термины аллодъ и феодъ смѣшивались, означая просто недвижимую собственность: Castrum vero meum et omnem meum alodem sive feuum dimitto in bajulia supra dicti episcopi. Testament d'Hugues Vicomte de Tatzo... Alart, C. R., 117; et ipso alode, et feuo, quem habemus in Boxedra (988). Villanueva, X, 273.

[3]) Cost. XIII (Constituciones de Cataluña, изд. Nolasco, lib. IV, tit. XXX), t. II, pp. 70–71.

[4]) ... dominus nullum habet ius vel servitutem in alodio dicti rustici... Et hoc iure consuetudinario indifferenter utimur in diocesi Gerundensi et in Ausonia. Marquilles, l. c.

[5]) Vassalus feodum, sine domini voluntate, vendere non potest.—Dominus feudum, vasallo invito, vendere potest. Socarrats, 209.

которыя присоединилъ къ мансу посредствомъ купли или инымъ способомъ, если со времени присоединенія прошло 30 лѣтъ. За это время аллодіальная собственность сливалась съ феодальнымъ держаніемъ, и вассалъ могъ располагать ею не иначе, какъ съ согласія сеньора, особенно если то или другое отчужденіе ея могло угрожать обезлюденіемъ манса [1]). Гораздо благопріятнѣе для интересовъ земледѣльца были условія эмфитевтическаго держанія: всякое увеличеніе земельной площади манса, такъ же какъ и улучшенія въ его хозяйствѣ, шли въ пользу крестьянина, а не собственника [2]). И въ отношеніи юридическомъ, по замѣчанію Сокарратса, положеніе эмвфитевта было менѣе зависимымъ, чѣмъ положеніе феодальнаго держателя: „Противъ эмфитевта, говоритъ онъ, сеньоръ не могъ дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовалъ противъ феодальнаго вассала, ибо въ отношеніи къ первому аллодіальный сеньоръ не располагалъ тѣми правами юрисдикціи, какія имѣлъ въ отношеніи къ послѣднему [3]).

Однако, строго разграничить эти двѣ формы земельныхъ держаній оказывается весьма труднымъ: на практикѣ онѣ смѣшивались, даже самые термины feudum и emphyteusis, feudalis и emphyteuticalis въ средневѣковыхъ памятникахъ иногда употреблялись, какъ синонимы [4]), и терминъ римскаго права—emphyteusis, подъ вліяніемъ феодальныхъ обычаевъ и понятій, значительно уклонился отъ своего первоначальнаго значенія. Смѣшеніе терминологіи нельзя объяснить иначе, какъ фактическимъ смѣшеніемъ двухъ видовъ земельныхъ держаній, феодальнаго и эмфитевтическаго: первое заимствовало черты эмфитевтическаго контракта, второе усвоило себѣ нѣкоторые признаки феодальнаго держанія. Чѣмъ ближе стояла каталонская

---

[1]) Alia proprietas... per XXX annos antiquite in manso nequat vendi neque separari a manso sine domini consensu, maxime si mansus deshabitaretur propter alienationem dicti alodii. Marquilles, f. CLIX.

[2]) Si mansus postea crescat, ad quem incrementum pertineat: an videlicet domino, an vasallo vel emphiteute: dicas quod emphiteute eo quia meliorationes ad eum inde pertinent iure utilis dominij. Marquilles. f. CLVIII.

[3]) Contra emphyteutam dominus non possit procedere sicuti contra vasallum feudatarium: quia contra emphyteutam non habet dominus alodialis illam jurisdictionem, quam habet dominus in feudatarium suum. Socarrats, 112.

[4]) Concessio villae de Cambrils facta per regem Ildefonsum I in feudum seu emphiteosim Berengario de Cambrils. 1184. A. C. A.—Indice: Cambrils (in libro intitulato Gratiarum, f. 116). Законъ Педро IV, регулировавшій взиманіе laudemium'a называетъ феодомъ такія земли, которыя имѣютъ всѣ признаки эмфитевтическаго держанія. См. Nolasco, op cit., II, 21 - 22.

эмфитевза къ своему римскому прототипу, тѣмъ благопріятнѣе были условія земледѣльческой культуры, тѣмъ выше стояло матеріальное благосостояніе крестьянъ и ихъ юридическая обезпеченность, тѣмъ болѣе приближались они къ положенію свободныхъ собственниковъ. Можно даже сказать, что стремленіе къ установленію эмфитевтическаго контракта тамъ, гдѣ его не было, и къ очищенію его отъ примѣсей феодальнаго права тамъ, гдѣ эмфитевза не соотвѣтствовала своему истинному значенію, составляло сущность аграрной эволюціи въ средневѣковой Каталоніи.

Какъ извѣстно, эмфитевтическій контрактъ—явленіе хозяйственной жизни классическаго міра, и самый терминъ „эмфитевза" происходитъ отъ греческаго слова ἐμφυτεύω (насаждаю). Впервые этотъ контрактъ былъ оффиціально признанъ императоромъ Зенономъ, а окончательную формулировку получилъ въ законодательствѣ Юстиніана Великаго. Цѣлью установленія римской эмфитевзы было развитіе колонизаціи и земледѣльческой культуры въ мѣстностяхъ, обратившихся въ пустыри вслѣдствіе войнъ и внутреннихъ смутъ. Сущность эмфитевтическаго контракта заключалась въ томъ, что собственникъ уступалъ свою землю эмфитевту въ постоянное (наслѣдственное или долгосрочное) пользованіе подъ условіемъ уплаты ему разъ навсегда опредѣленнаго ценза, т. наз. канона.

Права эмфитевта на полученную землю опредѣлялись письменнымъ договоромъ его съ собственникомъ. Эмфитевтъ могъ отчуждать ее третьему лицу, обыкновенно съ согласія собственника, если контрактъ не освобождалъ его отъ необходимости такого согласія [1]). Извѣщенный о предполагаемой сдѣлкѣ, путемъ которой эмфитевза отчуждалась въ пользу третьяго лица, собственникъ имѣлъ право пріобрѣсти ее по цѣнѣ, предложенной покупателемъ; осуществить это право собственникъ могъ въ теченіе ближайшихъ двухъ мѣсяцевъ со дня извѣщенія; сдѣлка считалась состоявшеюся, если въ теченіе этого времени онъ не давалъ от-

---

[1]) Cum dubitabatur, utrum emphyteuta debeat cum domini voluntate suas meliorationes, quae graeco vocabulo emponemata dicuntur, alienare vel ius emphyteuticum in alium transferre, an eius expectare consensum, sancimus, siquidem emphyteuticum instrumentum super hoc casu aliquas pactiones habeat, eas observari: sin autem nullo modo huiusmodi pactio interposita est, uel forte instrumentum emphyteuseos perditum est, minime licere emphyteutae sine consensu domini suas meliorationes aliis vendere, vel ius emphyteuticum transferre. Codex Iustinianus, IV, 66 (recensuit Paulus Krüger, 1877, Berolini), p. 399.

вѣта; пріобрѣсти эмфитевзу могло лишь то лицо, которое по своему юридическому положенію способно было выполнять условія контракта [1]). Если собственникъ уступалъ третьему лицу свое право на первенство купли, то такое лицо обязано было уплатить ему, въ качествѣ вознагражденія, $^{1}/_{50}$ продажной суммы, т. е. той платы, которую получалъ эмфитевтъ за хозяйственныя улучшенія, произведенныя имъ на землѣ собственника. Размѣръ этого вознагражденія, получившаго въ средніе вѣка названіе „лаудемія", фиксированъ былъ закономъ въ интересахъ огражденія эмфитевта отъ вымогательствъ со стороны собственника [2]). Если эмфитевтъ не выполнялъ принятыхъ по контракту обязательствъ, не уплачивалъ въ теченіе трехъ лѣтъ канона, допускалъ ухудшеніе эмфитевтическаго имущества или отчуждалъ его безъ вѣдома собственника, то этимъ самымъ контрактъ эмфитевзы уничтожался, и собственникъ возстановлялъ всѣ свои права надъ нею [3]).

Таковы были отличительныя черты римской эмфитевзы. Этотъ контрактъ, по словамъ одного изслѣдователя исторіи каталонскаго права, широко распространенъ былъ въ Каталоніи, но нигдѣ не получилъ такого полнаго выраженія, какъ въ кодексѣ Тортосы, составленномъ въ половинѣ XIII в. [4]). Жители г. Тортосы и его области, по этому кодексу, могли давать и получать въ эмфитевтическое владѣніе всякаго рода недвижимое имущество, въ частности землю. Собственникъ, передавая земельный участокъ эмфитевту, обязывалъ его къ уплатѣ опредѣленнаго ценза (pension), къ доставленію извѣстнаго количества земельныхъ продуктовъ и къ исполненію извѣстныхъ личныхъ услугъ. Земля, составлявшая предметъ эмфитевтическаго держанія, называлась оброчной (censuale) и могла, при соблюденіи извѣстныхъ условій, быть переуступаема второму эмфитевту, который въ свою очередь могъ пере-

---

[1]) Et si quidem dominus hoc dare maluerit et tantam praestare quantitatem, quantam ipsa veritate emphyteuta ab alio accipere potest, ipsum dominum omnimodo haec comparare: sin autem duorum mensium spatium fuerit emensum et dominus hoc facere noluerit, licentia emphyteutae detur, ubi uoluerit, et sine consensu domini suas meliorationes uendere, his tamen personis, quae non solent in emphyteuticis contractibus uetari ad huiusmodi uenire emptionem... Ibidem.

[2]) et ne avaritia tenti domini magnam molem pecuniarum propter hoc efflagitent, quod usque ad praesens tempus perpetrari cognouimus, non amplius eis liceat pro subscriptione uel depositione nisi quinquagesimam partem pretii uel aestimationis loci, qui ad aliam personam transfertur, accipere. Ibidem.

[3]) Histoire du droit civil français, par Paul Viollet (Paris, 1893), pp. 660—664; Proyecto sobre laudemios, por D. Ramon Lazaro de Dou, pp. 34, 35 et sq. (Cervera, 1829).

[4]) Oliver, II, 500.

уступить ее третьему, и т. д. Словомъ, допускалось сосуществованіе нѣсколькихъ эмфитевтовъ: они образовывали своего рода сеньоріальную іерархію, причемъ каждый послѣдующій эмфитевтъ обязанъ былъ уплачивать предыдущему опредѣленный оброкъ, а собственникъ по отношенію ко всѣмъ эмфитевтамъ являлся главнымъ сеньоромъ (señor mayor) и замыкалъ эту іерархію. Эмфитевза устанавливалась добровольно, путемъ письменнаго договора между собственникомъ земли и лицомъ, получавшимъ ее въ держаніе. Условія договора имѣли обязательную силу только тогда, когда не противорѣчили обычному праву, а требованія послѣдняго сохраняли силу, хотя бы и не были упомянуты въ контрактѣ. Существенныя условія каждаго эмфитевтическаго контракта, если въ немъ не были упомянуты другія, заключались въ слѣдующемъ: 1) въ сохраненіи недѣлимости имѣнія, 2) въ уплатѣ опредѣленнаго годичнаго оброка (pension anual), 3) въ обязательствѣ эмфитевта извѣщать сеньора о каждой сдѣлкѣ, въ силу которой имущество обременялось новымъ цензомъ, отдавалось въ залогъ или подлежало отчужденію, и ожидать отвѣта сеньора въ теченіе тридцати дней (fadiga), 4) въ утвержденіи сеньоромъ каждой такой сдѣлки, и, наконецъ, 5) въ полученіи сеньоромъ извѣстной платы за утвержденіе сдѣлки (laudemium)[1]).

При сличеніи римской и тортосской эмфитевзы, заключавшей въ себѣ условія, встрѣчавшіяся, въ той или иной комбинаціи, и въ другихъ частяхъ Каталоніи, не трудно замѣтить извѣстныя черты сходства, именно: установленіе эмфитевзы путемъ письменнаго договора, неизмѣнность оброка, размѣры котораго устанавливались по взаимному соглашенію сторонъ, право эмфитевта переуступать землю третьему лицу съ соблюденіемъ условій, аналогичныхъ въ римскомъ и каталонскомъ контрактѣ. Указанныя черты сходства могутъ быть объяснены вліяніемъ церковныхъ традицій или рецепціи римскаго права въ Каталоніи въ XII—XIII вв., когда появляется и самый терминъ „эмфитевза". Что же касается контракта, получившаго такое названіе, то едва ли онъ былъ нововведеніемъ. Уже въ „Барселонскихъ обычаяхъ". (U. 99) рѣчь идетъ о безсрочной арендѣ, „baiulia"; о такой же арендѣ упоминаютъ и грамоты XII в.[2]). Возможно, что въ послѣдующее время эмфитевзой сталъ называться тотъ контрактъ, который раньше извѣстенъ былъ подъ именемъ „baiulia". Во всякомъ случаѣ каталонскую эмфитевзу нельзя объяснить простыми

---

[1]) Oliver, II, 502—519.

[2]) Villanueva, XIII, 297.

заимствованіями изъ области римскаго права, потому что, на ряду съ указанными чертами сходства, она заключала и извѣстныя отличія отъ римской. Отношенія между эмфитевтомъ и собственникомъ по римскому праву опредѣлялись только договоромъ, тогда какъ въ Каталоніи большую роль въ этихъ отношеніяхъ играло также обычное право. Размѣръ лаудемія по римскому праву ($^1/_{50}$) былъ значительно ниже, чѣмъ по каталонскому (отъ $^1/_{20}$ до $^1/_2$). Наконецъ, римскій эмфитевтъ, кромѣ уплаты канона собственнику, несъ и общегосударственныя повинности, тогда какъ для каталонскаго эмфитевта, по большей части, такихъ повинностей не существовало, поскольку каждый сеньоръ былъ и носителемъ государственной власти. Словомъ, каталонская эмфитевза представляется намъ переходною ступенью отъ феодальнаго вилланскаго держанія, связаннаго съ личнымъ подчиненіемъ держателя волѣ сеньора и несеніемъ въ его пользу неопредѣленныхъ повинностей, къ вѣчно-наслѣдственной арендѣ, по типу римской эмфитевзы, съ характерными для нея опредѣленностью и неизмѣнностью чинша и отсутствіемъ личнаго подчиненія эмфитевта собственнику. При такомъ объясненіи каталонской эмфитевзы, понятнымъ становится, почему юристы смѣшивали ее съ феодальнымъ держаніемъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ слѣдить за условіями феодальнаго держанія и разсмотримъ особо тѣ изъ нихъ, которыя служили признакомъ эмфитевтическаго контракта, и тѣ, которыя вытекали изъ феодальной присяги (homagium). По каталонскимъ обычаямъ, присягу обязанъ былъ приносить вассалъ сеньору при полученіи отъ него феода цѣнностью не меньше 20 солидовъ. При полученіи участка меньшей цѣнности отъ такой присяги онъ освобождался [1]).

Нормальной единицей земельныхъ держаній въ Каталоніи, какъ и во многихъ другихъ странахъ феодальной Европы, былъ мансъ (mansus, по-каталонски—mas) [2]). Слово это, по объясненію Маркильеса, означало и крестьянское жилище, и примыкавшій къ нему участокъ земли [3]). Въ различныхъ документахъ оно употреблялось въ

---

[1]) Constituciones de Cataluña, Cost. XII (изд. Nolasco, II, 64).

[2]) Вмѣсто „mansus“ грамоты и юристы часто употребляютъ другіе равнозначущіе термины: mansata (cf. Socarrats, 353, § 18: bona inventa mobilia in mansata praesumuntur esse mansatae)—соотвѣтствующій кастильскому слову mansada въ томъ же значеніи, masada, masia.

[3]) Mansus est predium in quo manent homines vel mansus est quantitas terre que sufficit duobus bouibus in anno ad laborandum... habitaculum rurale, ubi consuerunt rustici habitare gratia comodioris culture... Marquilles, f. CLVIII.

двоякомъ значеніи: то въ болѣе широкомъ, какъ совокупность всего крестьянскаго имущества, т. е. жилища и земельныхъ угодій, то въ болѣе узкомъ, какъ крестьянское жилище или дворъ [1]). Для обозначенія земельнаго участка, входившаго въ составъ манса, въ грамотахъ иногда встрѣчаются термины quintana, honores, possessiones, terras, laborationes [2]). Величину манса, какъ земельнаго участка, нельзя признать постоянной и опредѣленной. Маркильесъ опредѣляетъ ее количествомъ земли, для обработки которой достаточно двухъ быковъ въ годъ. Мѣрой манса, какъ земельнаго участка, служила versana или jornal, т. е. то количество земли, которое могла обработать въ полдня одна упряжь воловъ. Эта мѣра, подъ названіемъ jornal, и до сихъ поръ употребляется въ Серданьѣ и Ампурданѣ и заключаетъ въ себѣ 21,87 аровъ [3]), т. е. около $^1/_5$ десятины. Исходя изъ такого пониманія мѣры jornal и имѣя въ виду грамоту 1300 года, въ которой говорится, что въ составъ манса Девини входила „квинтана", заключавшая въ себѣ 12 jornalia пахотной земли [4]), мы могли бы опредѣлить размѣръ манса, какъ земельнаго участка, пространствомъ, нѣсколько меньшимъ двухъ съ половиной десятинъ. Но въ данномъ случаѣ подъ „квинтаной" разумѣлась только пахотная земля, а мы знаемъ, что кромѣ пахоти, въ составъ мансовъ обыкновенно входили и виноградники, и оливковые сады, и огороды, и т. д., такъ что величина манса была значительно больше. Да, кромѣ того, и размѣръ квинтаны могъ быть и больше, и меньше 12 jornalia, такъ какъ и площадь пахотной земли, приходившейся на каждый мансъ, не представляла собой величины постоянной. По степени зажиточности, между крестьянами существовали крупныя различія. Были крестьяне, которые держали по нѣскольку мансовъ [5]), были и такіе, на долю которыхъ приходилась лишь та или другая часть манса.

Составныя части манса назывались бордами и пернатами. Первоначально борда составляла половину [6]), а перната четвертую часть

[1]) ... confert... mansum unum obtimum, in quo moratur Siccardus cum filiis suis. Villanueva, XIX, 211.

[2]) ... ex dictis meo manso et eius quintana ac omnibus meis terris et possessionibus ac pertinenciis et solis... Прил. XXI. См. также прил. XVI, XXII.

[3]) Pella y Forgas, 643.

[4]) Item confiteor... quod teneo meum mansum vocatum Deuinis... cum suis domibus et edificiis ac quintana, que eiusdem quintana continet in se XII jornalia de terra laborabili. A. C. G. Arm. 3. Est. I. Leg. 17 (1379).

[5]) ... mansus II quos tenet Marchesus. Villanueva, XII, 308.

[6]) Borda dicitur mansiunculus vel mansus parvus continens in se quasi tantum quantum medius contineret mansus. Marquilles, f. CLIX.

манса [1]). Но съ теченіемъ времени эти названія утратили свое первоначальное значеніе: борда означала иногда количество земли, равное цѣлому мансу, и смѣшивалась съ нимъ [2]); перната представляла ничтожный клочекъ земли, съ находившимся на немъ дворомъ. Предметомъ самостоятельнаго держанія могла быть любая изъ названныхъ частей манса [3]). Такъ, нѣкто Пере Кероль держалъ въ зависимости отъ херонской препозитуры участокъ земли величиной всего въ три версаны [4]). Держатели мансовъ назывались amansati, а держатели бордъ bordarii или abordati [5]). Тѣ крестьяне, которые не владѣли ни мансомъ, ни бордой, назывались homines juvenes или homens joves. Имущество такихъ лицъ ограничивалось однимъ дворомъ и небольшимъ клочкомъ земли. Возможно, что они и были держателями той части манса, которая называлась пернатой. Педро II въ кортесахъ 1283 года запретилъ держателямъ мансовъ, бордъ и пернатъ удерживать ихъ за собою въ случаѣ переселенія на другія мѣста. Альфонсъ II въ кортесахъ 1289 г. издалъ постановленіе, по которому держатели земельныхъ участковъ, borders или joves, въ случаѣ оставленія ихъ, теряли недвижимое имущество и обязаны были платить выкупъ за свою личность [6]). Изъ сопоставленія этихъ двухъ, взаимно дополняющихъ другъ друга, актовъ, изъ которыхъ въ одномъ рѣчь идетъ о бордахъ и пернатахъ, а въ другомъ о borders и joves, какъ держате-

---

[1]) Pernata enim dicitur quarta pars mansi, quae separatur a borda... quia sicut perna dicitur quarta pars animalis, vel carnis salsae... alii dicunt quod pernata dicitur domus facta in allodio alicuius causa morandi, etiam si minima quantitas terrae sit, in qua fundata est domus. Socarrats, 348, § 40.

[2]) ... proprietarius mansi sive borde Martorelle (прил. XI) ... habet in loco de Terrats unam bordam seu mansatam (прил. XX) ... racione bordarum seu mansorum, quos tenent (прил. XXIV).

[3]) ... tenentem et possidentem quandam bordam seu mediam bordam (прил. XVIII. См. также прил. IV).

[4]) A. H. G. Caj. 47, Perg. 145.

[5]) ... que (servitutes et acciones) dominus directus hujus terre habet... in suis hominibus... amansatis (прил. IX)... redemptions de homens y dones, abordats e amansats (прил. IV)... ratione hominis... abordati vel amansati (прил. XX)... servitutes consuetas, ad quas similes homines amansati vel abordati tenentur dominis suis (прил. XXIV).

[6]) Constituciones de Cathalunya, t. I., p. 347. c. XXII (... si que sien de Locs hon se acostuman de reembre, o daltres Locs, volem que axi sie observat, que si tenen masada, borda, o pernada... que sien tenguts de vendre los dits bens), c. XXIX (si algun pages, o border, o jove hom lexara son Mas, o sa borda... que perda los seents que haura).

ляхъ земельныхъ участковъ, не трудно заключить, что joves и были держателями пернатъ. Впрочемъ, juvenis homo могъ имѣть и меньшую долю земли или быть совсѣмъ безземельнымъ. Разсматривая различныя условія выкупа, Міересъ предусматриваетъ такую возможность: „Если, говоритъ онъ, juvenis homo, не имѣетъ вовсе земли или мало, то сеньоръ въ качествѣ ременсы долженъ получить сумму, установленную по взаимному соглашенію, принявъ въ расчетъ положеніе лица“ [1]).

Развалины зданій средневѣковыхъ мансовъ, которыя можно наблюдать и теперь въ различныхъ частяхъ Каталоніи, позволяютъ судить о прежнемъ ихъ устройствѣ и характерѣ. Зданіе манса, всегда каменное, состояло изъ двухъ этажей: верхній служилъ помѣщеніемъ для крестьянской семьи; въ нижнемъ находились конюшня, хлѣвъ и кладовыя. Если скота было много, то для него устраивалось помѣщеніе отдѣльно отъ главнаго зданія. Подъ особымъ навѣсомъ хранились земледѣльческія орудія и телѣги. Во дворѣ помѣщались гумно, амбаръ и другія службы, изъ которыхъ нѣкоторыя предназначались для пріема странниковъ и нищихъ. Крестьяне старались по возможности сосредоточивать всѣ службы въ одномъ зданіи въ интересахъ защиты отъ нападенія со стороны враговъ. Неразлучными спутниками старыхъ стѣнъ манса являлись два традиціонныхъ у каталонцевъ дерева: лавръ и кипарисъ. Первый служилъ, по народнымъ вѣрованіямъ, эмблемой благосостоянія. разрушителемъ козней и защитой противъ ударовъ молніи; послѣдній былъ символомъ процвѣтанія рода и безсмертія. Зданіе манса служило не только жилищемъ для крестьянъ, но часто и крѣпостью, въ которой укрывались они отъ нападеній непріятеля. Такъ, въ приморской области Ампурдана, открытой въ теченіе долгаго времени для нападеній алжирскихъ пиратовъ, дворы изолированныхъ мансовъ были окружены зубчатыми стѣнами, со сторожевыми башнями и бойницами, и имѣли видъ маленькихъ крѣпостей [2]). Также и въ нѣкоторыхъ частяхъ Руссильона возлѣ зданія манса устраивалась круглая башня, въ которой укрывались жители въ случаѣ опасности [3]). Мансъ обыкновенно получалъ свое названіе

---

[1]) Habet dominus tertiam partem omnium bonorum etiam immobilium pro redemptione... Si autem iuvenis homo nihil vel modicum habeat in bonis, tunc dominus debet habere pro redemptione secundum convenientiam eorundem, inspecta qualitate persone ipsius... Mieres, 51. 52.

[2]) Pella y Forgas, 641.

[3]) Brutails, Étude sur la condition des populations rurales du Roussillon au moyen âge. Paris, 1891), p. 35.

отъ имени держателя его. Къ имени же послѣдняго часто присоединялось и названіе того прихода, къ которому онъ принадлежалъ [1]). Мансы и другіе виды земельныхъ держаній были составною частью помѣстья, называвшагося honor, castrum, dominicatura [2]). Владѣтелями помѣстій и расположенныхъ на нихъ мансовъ были король, епископы, аббаты, каноники, бароны, рыцари и горожане [3]).

Статистическія данныя, собранныя для фискальныхъ цѣлей по распоряженію Серверскихъ кортесовъ въ 1359 г., представляя перечень всѣхъ дворовъ (fochs) принципата, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ, даютъ возможность опредѣлить, какіе изъ нихъ принадлежали коронѣ, какіе—отдѣльнымъ сословіямъ, духовному, рыцарскому и городскому, какіе были аллодіальными владѣніями, и, наконецъ, какъ распредѣлялись они по отдѣльнымъ частямъ Каталоніи. По сдѣланному нами вычисленію оказывается, что всѣхъ дворовъ было 84.615; изъ нихъ около 28% принадлежали коронѣ, около 71% распредѣлялись между тремя сословіями

---

[1]) Ego, Elissendis, uxor Petri Coll de Caulesio... ratione mansi vocati Coll dicte parochie de Caulesio (прил. XXI)... habet in loco de Terrats unam bordam seu mansatam, vocatam vulgariter la borda d'En Berthomeu Rechs (прил. XX)... remitto tibi Michaeli Sala de Campolongo... omne jus, michi... competens... ratione mansi Sala dicte parochie (прил. XVI).

[2]) ... in toto castro et honore de Laureto... et cum omnibus finibus et affrontationibus suis, mansis et bordis, hominibus et feminis et cum omnibus infra fines ipsius castri vel affrontationes existentibus (прил. I). Elisendis... de loco de Oliverio de termino castri de rejadello... A. M. M. Liber Monasterii Monteserrati (49 стр. цит. нашей статьи).

...totum nostrum honorem, qui dicitur de Congost, quem habemus in tota parrochia Sancti Vincencij et Sancte Marie de Camonibus, cum... pertinenciis, et tenedonibus, et mansis, et bordis (прил. II) ...mansos et bordas cum hominibus et feminis, et alios homines et mulieres ipsius honoris (in parrochia S. Felicis de Palaraffano, прил. III). Dominicaturas quoque Episcoporum et canonicorum et monasteriorum et omnium clericorum sive res eorum sub eadem pacis securitate constituimus. Villanueva, XIII, 301... quidquid amodo juste, aut injuste inerant mihi in dominicatura quam dicunt Baschara. Ib. 261. См. также XV, 250, 258; IX, 269 и сл.

[3]) Margarita uxor dicti Raymundi et filia Guilelmi de Josa, quondam de Podio Ceritano recognovit procuratori regio et feudorum, quod tenebat in feudum pro rege quendam mansum sive alberch vocatum den Sicart de Caborino. A. C. A. Indice: Caboriu et S. Herminus (Baiulia general. Libri Processus feodorum seu Capibreuiationis Regis Martini, f° 101)... Въ 1265 г. король уступилъ за 900 солидовъ Арналю де Косio „omnes... mansos et mansatas... in tota valle de Cherol. A. D. P. Primer libre de feus del any 1265—1267. Item preterea statuimus quod nullus in mansis nostris vel ecclesiarum vel religiosorum locorum vel hominum in villa habitantium quicumque teneat... albergas. Villanueva, XIII, 312. Item sub hac pace sint villani et villanae sive pagenses vel rustici... militum burgensium et civium. Ib. 309.

или находились въ совмѣстномъ ихъ владѣніи и менѣе 1% представляли аллодіальную собственность [1]). Сколько дворовъ выпадало на долю сельскаго населенія и сколько—на долю городского, сказать трудно, такъ какъ въ ту эпоху въ экономическомъ отношеніи городъ и село часто смѣшивались. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ замѣтить, что бóльшая часть королевскихъ дворовъ, именно 17.771 распредѣлялись между такими городами и мѣстечками, въ составъ которыхъ входило не менѣе 100 дворовъ [2]), и что въ составъ сеньоріальныхъ владѣній также входили болѣе или менѣе значительныя городскія поселенія [3]).

Послѣ короля наиболѣе крупными собственниками были: графъ ампурданскій (4.600 дворовъ), сеньоръ де Кабрера (4.091½), виконтъ де Кабрера (2.006), виконтъ де Рокаберти (1.600), графъ де Прадесъ (1.600), графъ пальярскій (1.400), архіепископъ таррагонскій (1.127 дворовъ въ одномъ только городѣ Таррагонѣ), орденъ іоаннитовъ (1.129) и т. д. Рядомъ съ крупными собственниками существовали и мелкіе феодальные сеньоры, владѣвшіе всего лишь нѣсколькими дворами, особенно въ епископствахъ Херонскомъ и Эльнскомъ. Церковная собственность преобладала въ Новой Каталоніи, именно въ области Таррагонской, гдѣ суще-

---

[1]) Пользуемся описью каталонскихъ дворовъ, помѣщенною въ вышедшемъ въ прошломъ году 2-мъ томѣ Собранія актовъ кортесовъ (Cortes de Cataluña, II, 55—134, Madrid, 1899). Описью этой, по рукописи, пользовались и раньше, именно Маричаларъ и Манрике (op. cit. VII, 355): они представили итоги дворовъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ и по принадлежности коронѣ и феодальнымъ сеньорамъ. Наши итоги не всегда совпадаютъ съ итогами Мар. и Ман. По ихъ счету королевскихъ дворовъ—25.731, по нашему—23.759; сеньоріальныхъ дворовъ, по ихъ счету,—57.278, по нашему—60.062. Эта разница отчасти можетъ быть объяснена тѣмъ, что дворы, принадлежавшіе исключительно горожанамъ, они относятъ къ королевскимъ, тогда какъ мы—къ сеньоріальнымъ (такихъ дворовъ мы насчитали 3.154½), отчасти тѣми ошибками, которыя допущены ими при счетѣ дворовъ Барселонской и др. вегерій—хотя возможно, что ошибки вкрались и въ печатное изданіе. Неизвѣстно, къ какой изъ двухъ рубрикъ (корол. и сеньор. дворы) они отнесли аллодіальные дворы. Составленіе описи они датируютъ ошибочно 1349 годомъ, вмѣсто 1359, и допускаютъ другую неправильность, признавая опись эту неполною вслѣдствіе отсутствія перечисленія дворовъ, принадлежавшихъ графу урхельскому: о такихъ дворахъ опись упоминаетъ довольно часто.

[2]) Наиболѣе значительными городами были: Барселона (7.651 дворъ), Перпиньянъ (1.610), Лерида (1213), Тортоса (991), Херона (952). Пучерда (654) и т. д.

[3]) Такъ, архіепископу таррагонскому принадлежалъ городъ того же названія (1.127); епископу Эльнскому—г. Эльна (397); въ г. Викѣ 313 дворовъ принадлежали коронѣ, а 134—виконту Кастельбó; графу урхельскому—г. Балагеръ (344); епископу урхельскому—г. Сеу-де-Урхель (230); графу кардонскому—г. Кардона (249), и т. д.

ствовало 3.813 церковныхъ дворовъ и только 197 королевскихъ, при полномъ отсутствіи рыцарскихъ и другихъ владѣній, и Тортосской, гдѣ число церковныхъ дворовъ (1.358) только немногимъ уступало числу королевскихъ (1.386), а число дворовъ, принадлежавшихъ рыцарямъ (37) и горожанамъ (33), было ничтожно. Количество дворовъ, находившихся въ держаніи ременсъ, въ этой описи не указано. Судить о немъ можно на основаніи письма короля Хуана I къ папѣ Бенедикту XIII отъ 1395 г. Число дворовъ или мансовъ, населенныхъ ременсами, Хуанъ I опредѣлилъ цыфрой отъ 15 до 20.000 [1]). Принявъ въ расчетъ, что къ тому времени уже успѣли освободиться отъ крѣпостной зависимости жители многихъ селеній, надо думать, что въ предшествующую эпоху число ременсъ и ихъ дворовъ было еще больше.

Дворы мансовъ или были разбросаны въ различныхъ частяхъ помѣстья [2]), на подобіе хуторовъ, или расположены были другъ подлѣ друга въ видѣ селенія (locus, castrum, villa) [3]), примыкавшаго обыкновенно къ церкви или къ замку [4]). Церковная колокольня, какъ и замокъ, имѣли значеніе крѣпости, гдѣ скрывались жители въ случаѣ опасности.

Сеньоры не всю свою землю уступали въ держаніе крестьянамъ; извѣстную часть ея они иногда оставляли за собой и сами вели тамъ хозяйство при помощи крѣпостного труда. Въ числѣ натуральныхъ повинностей, какія обязаны были нести крестьяне въ пользу своихъ сеньоровъ, грамоты часто называютъ различныя бар-

---

[1]) Monsalvatge y Rossas, Noticias históricas, t. I: Besalu, sus cóndes, su obispado y sus monumentos (Olot, 1889), p. 208.

[2]) ... mansum Vivat, situatum infra terminos et parochiam S-ti Martini de Catians, juxta puertam monasterii S-ti Ffelicis Guixellensis (прил. XXII) ... dictum hospitale habet infra parrochiam S. Fructuosi de Camelis, termini seu dominacionis de Castro novo, aliquos homines... amansatos vel abardatos, qui tenent pro dicto hospitali mansos vel bordas (прил. XXIV, см. также прил. V и XVII)... habitatores dictorum mansorum et bordarum... cum sint in locis agrestibus sine fortalacio populati (прил. XXIV).

[3]) .. donaverunt ... in villa maiore masos IIII cum terras et vineas. Et in villa que dicunt Fulcunaria, ecclesiam S. Mathei, et ipsa villa cum terminis et affrontacionibus suis... Et in Villalata masos III cum terras et vineas etc. Villanueva, X, 264.

[4]) ...tradimus... ipsum castrum, quod vocant Follia cum ecclesia, et villa, et terminis eius. Ib. VIII, 291—293... Vindimus tibi... villa cum ipsas terras vel cum ipsos ortales, in kastrum Kastdrona vel in eius terminos . Ib. X, 256... masades, bordes... en lo lloch y termens de Arbusols dintre la adjacentia de la Iglesia de S. Eularia (прил. IV). См. прил. I, II, XIX, XXIII, XXIV.

щинныя работы, какъ пахотьба на господскомъ полѣ (jova), перевозка сноповъ на господскій дворъ (tragina), молотьба (batuda) и др. Та часть земли, которую удерживалъ сеньоръ за собой, называлась „condamina“ [1]).

Жители одного и того же селенія или прихода назывались commanentes или cohabitantes [2]). Если пахотными землями, виноградниками и огородами они владѣли индивидуально, то пастбища, лѣса и воды находились въ ихъ общемъ пользованіи, условія котораго обыкновенно опредѣлялись сеньоромъ, какъ собственникомъ этихъ угодій. По наблюденіямъ современныхъ изслѣдователей эта форма землевладѣнія и до сихъ поръ является преобладающей въ общинахъ, расположенныхъ по склонамъ и въ долинахъ каталонскихъ Пиренеевъ [3]). Въ занимающую насъ эпоху на тѣхъ или иныхъ условіяхъ сеньоры надѣляли жителей принадлежавшихъ имъ селеній правомъ рубки лѣса, выпаса (cum lignis et paschuis) и совмѣстнаго пользованія всякими угодьями, служащими для удовлетворенія потребностей человѣка (et cum omni ademprio quod ad usum hominis pertinere potest [4]). Такъ, въ 1305 г. король Педро подтвердилъ за жителями прихода de Mollyone, въ виконтствѣ Кампродонскомъ, право пользованія пастбищами и рубкой лѣса въ долинѣ de Pratis (pascendi bestiaria... et lignandi in quibusdam pasturis et nemoribus vallis de Pratis) подъ условіемъ уплаты королевскому байльи по одному золотому солиду въ годъ, въ качествѣ чинша [5]). Нѣкоторыя общины, какъ, напр., жители долины Арана, пользовались различными угодьями совершенно свободно, безъ уплаты чинша [6]).

---

[1]) Concessit etiam prenominatae Canonicae suam vineam dominicam...: suam condaminam dominicam quae est subtus jam dictam Ecclesiam ante suam mansionem dominicam cum omnibus vineis de campo raso et cum sua condamina de Prato... Villanueva, XII, 308. См. также Balari, 508.

[2]) ... nos omnes homines cohabitantes in iam dictam villam Ardocale... vel ceteri alii plures in iam dicta villam commanentes. Villanueva, VIII, 242. См. прил. III (comorantes).

[3]) En todos los Pirineos catalanes la propriedad comunal de pastos y leñas es hoy general á casi todos los pueblos. Rafael Altamira y Crevea, Historia de la propiedad comunal (Madrid, 1890), p 307; см. также pp. 207, 271, 308.

[4]) Villanueva, XII, 257.

[5]) A. C. A. Reg. 879, ff-s 6 (V-to) et 7.

[6]) Prima consuetudo est quod universitas hominum de Aranno et quilibet eorum per se possunt et debent explectare et possidere pascua et aquas libere et absque omni servitute et possunt in eisdem aquis piscari et ibi molendina edificare. Item habent et possident nemora libere et sine servitute omni...—Документъ этотъ, представляющій подтвержденіе намѣстниками короля майоркскаго правъ жителей до-

Уже одинъ фактъ полученія въ держаніе манса открывалъ каждому крестьянину право на пользованіе тѣми угодьями помѣстья, которыя принято называть общинными. Въ этомъ смыслѣ только и можно понять часто встрѣчающееся въ грамотахъ выраженіе: „мансы съ ихъ пустырями, сѣнокосами, пастбищами, лѣсами" и т. д. [1]).

Вступивъ въ обладаніе мансомъ, который, согласно юридической доктринѣ, могъ быть предметомъ феодальнаго и эмфитевтическаго держанія [2]), крестьяне принимали на себя различныя обязательства, сущность и характеръ которыхъ видоизмѣнялись съ теченіемъ времени и стояли въ большемъ или меньшемъ соотвѣтствіи съ правовыми особенностями отдѣльныхъ частей Каталоніи. Эти обязательства опредѣляли соціальное положеніе крестьянъ въ смыслѣ большей или меньшей личной зависимости ихъ отъ власти сеньоровъ и въ смыслѣ большей или меньшей тягости тѣхъ повинностей, которыя они должны были нести въ ихъ пользу. Между лично свободными держателями земельныхъ участковъ Новой Каталоніи и крѣпостными крестьянами Старой—существовалъ цѣлый рядъ промежуточныхъ группъ, представлявшихъ различные правовые оттѣнки отъ личной свободы до полнаго порабощенія.

Обращаясь къ изслѣдованію условій крѣпостной зависимости, мы должны прежде всего опредѣлить, какъ она устанавливалась. Обыкновенно крѣпостная зависимость являлась или послѣдствіемъ рожденія отъ крѣпостныхъ крестьянъ, или послѣдствіемъ вступленія въ мансъ, держаніе котораго обусловливало крѣпость землѣ или, наконецъ, одновременнымъ результатомъ того и другого, т. е. наслѣдованія отъ несвободныхъ родителей такого манса, держатели котораго непремѣнно должны были быть крѣпостными людьми, хотя бы и родились отъ свободныхъ родителей [3]). Кромѣ того, крѣпостная зависимость устанавливалась и другими путями, именно: 1) пребываніемъ на землѣ сеньора въ теченіе тридцати лѣтъ и вы-

---

лины Арана въ 1298 г., напечатанъ въ приложеніи къ соч. г. Bofarall y Sans'a „Reseña historica del caracter y desarollo de los municipios catalanes (Villanueva y Geltrú, 1886), Doc. № 1.

[1]) ... simul cum ipsorum mansorum et cuiuslibet ipsorum terris, honoribus et possessionibus, tam cultis quam heremis, pratis, pascuis et pasturis, devesiis, nemoribus etc (прил. XIII).

[2]) Mansus in feudum sicut in emphiteosim dari possit. Marquilles, f. CLVIII.

[3]) ... intravi ad mansum de Monte de Villavenuto, de quo dicta elemosina debet habere personas proprias et solidas (прил. X); ... de quo (manso)... debet habere homines proprios et solidos (прил. XI); ... ex quo (manso)... vos et dicta vestra prepositura habere debetis et consuevistis homines et mulieres (прил. XXI).

полненіемъ тѣхъ повинностей, которыя служили признакомъ несвободнаго состоянія лица, и 2) освобожденіемъ раба на волю съ предоставленіемъ ему въ держаніе манса. Однако, фактическаго установленія крѣпостной зависимости какимъ бы то ни было изъ вышеуказанныхъ способовъ не всегда было достаточно для приданія ей законной силы. Необходимо было, чтобы въ каждомъ данномъ случаѣ лицо, получавшее въ держаніе мансъ, заявило о своемъ добровольномъ желаніи стать „человѣкомъ" („homo solidus et proprius" или „femina propria et solida") того или другого феодальнаго сеньора, собственника манса. Такое заявленіе облекалось въ форму нотаріальнаго акта, подтверждалось присягой (homagium) и называлось „грамотой подчиненія" („instrumentum confessionis", или „instrumentum capibreviationis", или „inst. recognitionis dominii", или просто „capbreve"). Оно или подтверждало уже раньше существовавшую крѣпостную зависимость данной крестьянской семьи, сидѣвшей на опредѣленномъ мансѣ, или же создавало новую, такъ какъ крестьяне, признавъ себя людьми даннаго сеньора, не только закабаляли себя лично (capibreviare personam suam), но и все свое потомство и все свое имущество, съ возможнымъ въ будущемъ приращеніемъ его. Для иллюстраціи вышеизложеннаго мы приведемъ рядъ грамотъ подчиненія, относящихся къ каждому изъ названныхъ способовъ установленія крѣпостной зависимости.

„Да будетъ всѣмъ извѣстно, гласитъ одна изъ грамотъ подчиненія, что я, Іаковъ, сынъ Бизулла Феррарія де Крофанео, житель прихода св. Викентія де Камо́съ, удостовѣряю и признаюсь Вамъ, господинъ мой Арнальдъ де Камосъ, что я—вашъ человѣкъ со всѣмъ потомствомъ, отъ меня происходящимъ, и что я—сынъ вашихъ мужчины и женщины, вслѣдствіе чего обѣщаю вамъ и вашимъ быть вѣрнымъ и лойяльнымъ во всемъ и доставлять вамъ и вашимъ ежегодно въ праздникъ св. Феликса по одному хорошему гусю. Сверхъ того, обѣщаю вамъ моимъ честнымъ словомъ, что не изберу и не буду имѣть мѣстопребыванія въ какомъ-нибудь мѣстечкѣ и не перейду къ другому какому-нибудь господину, а буду оставаться въ предѣлахъ между херонскимъ мостомъ и ручьемъ Аррумило, вытекающимъ изъ Баньольскаго озера. Кромѣ того, клянусь Богомъ и Его святымъ четвероевангеліемъ, тѣлесно касаясь его, что все вышереченное буду соблюдать и исполнять и ни въ чемъ не идти противъ. Дано сіе въ 11-й день іюньскихъ идъ, въ годъ Господа 1282-й". Далѣе слѣдуютъ подписи самого Іакова, свидѣтелей—жителей того же прихода, писаря и нотаріуса [1]).

[1]) Прил. V.

Передъ нами примѣръ человѣка, признавшаго себя „homo proprius et solidus", въ силу несвободнаго положенія его родителей (quod sum filius hominis et femine vestre), находившихся въ крѣпостной зависимости отъ того же сеньора—Арнальда де Камосъ. Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ, относящихся къ XIV вѣку, для характеристики подчиненія лицъ несвободнаго происхожденія. „Да будетъ всѣмъ извѣстно, читаемъ мы въ грамотѣ 1357 г., что мы—Франциска, дочь Беренгарія де Виненсъ, бывшая наслѣдница, владѣтельница и держательница манса де Виненсъ въ приходѣ св. Іоанна де Аквавива, и мужъ ея—Петръ, сынъ Николая, добровольно и сознательно оба удостовѣряемъ и признаемся вамъ, достопочтенный Раймундъ де Олота, начальникъ херонской препозитуры [1]), что въ силу держанія нашего манса (ratione mansi nostri) де Виненсъ и его угодій наши предшественники были и мы съ нашимъ потомствомъ должны быть людьми вашими и вашихъ преемниковъ, со всѣмъ нашимъ движимымъ имуществомъ, и нести повинности въ видѣ интестій, экзоркій,ременсъ и др., на что имѣетъ право сеньоръ этой земли по отношенію къ своимъ людямъ. Этотъ мансъ мы должны и обѣщаемъ содержать въ порядкѣ, имѣть въ немъ постоянное мѣстопребываніе, воздѣлывать его земли своимъ трудомъ и, присягая именемъ Бога и Его святымъ четвероевангеліемъ, котораго тѣлесно касаемся, обязуемся быть вѣрными, послушными и лойяльными по отношенію къ вамъ и вашимъ преемникамъ, не вступать въ какой-нибудь замокъ, мѣстечко или городъ, пользующіеся привилегіями, въ силу чего вы могли бы насъ потерять, а другой кто-нибудь пріобрѣсти" [2]) и т. д.

Упоминаемая въ этомъ документѣ Франциска унаслѣдовала мансъ де Виненсъ отъ своихъ родителей. Мансъ этотъ принадлежалъ херонской препозитурѣ. Поэтому и Франциска должна была признать себя „женщиной" препозитуры. Выйдя замужъ за Петра, Франциска привлекла къ той же зависимости и своего мужа. Оба они послѣ этого стали „людьми" Херонской церкви. Согласно

---

[1]) ... praepositus elemosine Panis Sedis: такъ назывались должностныя лица Викскаго, Херонскаго, Барселонскаго и Урхельскаго капитуловъ, на которыхъ возлагалось завѣдываніе доходами съ принадлежавшихъ имъ земель; съ увеличеніемъ доходовъ возрастало и число praepositi: ихъ бывало 12, соотвѣтственно числу мѣсяцевъ въ году, причемъ каждая „препозитура" носила названіе того или другого мѣсяца. Villanueva, VI, 63.

[2]) Прил. IX.

записи обычаевъ, сдѣланной Міересомъ, и комментаріямъ Сокарратса, женщина, державшая мансъ и выходившая замужъ, обязана была или привести своего мужа въ такую же зависимость, въ какой стояла сама, оставаясь съ нимъ на своемъ участкѣ земли, или откупиться отъ власти господина и уйти изъ манса. Такое же правило примѣнялось и по отношенію къ крестьянину, вступавшему въ бракъ: онъ обязанъ былъ привести свою жену въ то же подчиненное положеніе, въ какомъ находился самъ, или оставить мансъ, „ибо мужъ и жена должны находиться подъ властью одного и того же господина“ [1]).

Въ 1341 г. нѣкто Раймундъ, сынъ Матвѣя, далъ удостовѣреніе пріору монастыря св. Маріи въ Монсерратѣ въ томъ, что принадлежитъ ему, въ качествѣ „homo propius, solidus et naturalis“, на томъ основаніи, что былъ сыномъ несвободныхъ родителей (filius hominis et mulieris vestri) [2]). Въ 1359 г. Марія, дочь Бернарда и жена Раймунда, заявила, что держитъ въ зависимости отъ Херонской церкви мансъ „Вилла де Монтъ“, которымъ владѣли ея дѣдъ и отецъ, и что, въ силу этого, она должна принадлежать этой церкви [3]). Въ 1369 г. Раймундъ Безартъ, житель прихода св. Маріи де Камосъ, заявилъ въ грамотѣ подчиненія, что долженъ принадлежать, со своимъ потомствомъ и имуществомъ, херонской епархіальной препозитурѣ, ибо отецъ его находится подъ ея же господствомъ (quod dictus pater meus est de ipso dominio), а самъ онъ вступилъ въ держаніе принадлежавшаго ей манса Марторель [4]). Подобные же мотивы признанія себя зависимыми людьми выставлены въ грамотахъ подчиненія Антонія и Михаила, сыновей Дал-

---

[1]) Femina propria alicuius tenetur facere evenire virum suum, cum prole sua nascitura, ratione mansi quem tenet, vel habet se redimere a mansis... Homo meus tenetur facere evenire uxorem suam de dominio meo, alias possunt prohiberi ne morentur in manso, invito domino alodiato, donec homagium prestiterint domino, quia vir et uxor debent esse eiusdem domini. Mieres, f. 51 Quaero, quid si aliquis homo intrat mansum mulieris, an teneatur se facere hominem domini ipsius mansi. Et dic quod sic, si non est homo solidus alterius. Socarrats, 347, § 35.

[2]) A. M. M.—Liber Monasterii Monteserrati (документъ напечатанъ на стр. 49, въ пр. I, нашей статьи „Вопросъ о значеніи и происхожденіи шести „дурныхъ обычаевъ“ въ Каталоніи“).

[3]) A. H. G:... mansum meum vocatum de Villa de Mont, cujus fuit proprietarius Jacobus de Villa, auus meus et prosequens dictus pater meus, ut eius heres, et ratione ipsius mansi sum et esse consuevi .. femina propria et solida.

[4]) Прил. XI.

мація, въ 1424 г. [1]), Петра Карбонеля, жителя прихода Камплонка, въ 1464 г. [2]) и т. д.

Такимъ образомъ, наслѣдуя мансъ, крестьяне наслѣдовали и зависимое положеніе родителей. Но крѣпостная зависимость не была только удѣломъ лицъ, наслѣдовавшихъ и державшихъ мансъ. Ихъ участь раздѣляли и всѣ члены крестьянской семьи, сидѣвшіе на данномъ мансѣ, такъ какъ каждый его держатель закрѣпощалъ не только лично себя, но и все свое потомство: „facio me hominem proprium cum omni prole ex me de certo descendente“—таково было обычное выраженіе грамотъ подчиненія. Особаго заявленія о крѣпостной зависимости младшихъ членовъ крестьянской семьи не требовалось: ее удостовѣрялъ каждый держатель „крѣпостного манса“. Обычай, по которому отъ крѣпостныхъ родителей рождались крѣпостныя дѣти, записанъ былъ еще въ половинѣ XIII в. [3]). Однако, по наблюденіямъ Міереса, бывали случаи, когда отецъ находился въ крѣпостной зависимости, а мать пользовалась свободой. Тогда юридическое положеніе дѣтей опредѣлялось различно, въ зависимости отъ законности рожденія: законнорожденные слѣдовали положенію отца, незаконнорожденные—положенію матери [4]).

Слѣдовательно, возможны были смѣшанные браки между крѣпостными и свободными. Какъ же примирить такіе случаи съ приведеннымъ выше принципомъ, что „мужъ и жена должны находиться подъ властью одного и того же господина“, принципомъ, соотвѣтствующимъ русскимъ пословицамъ: „кому мужъ тому и жена“ или „по мужѣ раба и по рабѣ холопъ“. Думаемъ, что принципъ этотъ примѣнялся только къ держателямъ манса и не имѣлъ въ виду младшихъ членовъ семьи, вступленіе которыхъ въ бракъ со свободными людьми не влекло для послѣднихъ потери или огра-

---

[1]) A. H. G:... quia sumus filij legitimi et naturales dicti Dalmatii Nicholaus, quondam hominis proprii et solidi, ut predicitur, dicte elemosine, ratione dicti mansi Dalmatii, et etiam quia trahimus originem a dicto manso Nicholaus, parochie de villa Asinorum, a quo ipsa elemosina habet et habere debet homines et mulieres (Caj. 34. Perg. 326).

[2]) A. H. G:... sum homo proprius et solidus elemosine panis Sedis Gerunde, quia sum filius Petri Carbonell, qui est et esse debet homo proprius et rusticus et mansanus dicto elemosine (Caj 32. Perg. 512).

[3]) Constituciones de Cataluña (изд. Nolasco, II, 92).

[4]) Mieres, op. cit., cap. III (De statu hominum et mulierum et iuvenum hominum diocesis Gerundensis, alias de hominibus propriis, alias adscripticiis, f.° 50): Filius hominis alicuius sit propius et solidus, quamvis mater est libera; ex quo natus est matrimonio sequitur conditionem patris, ita quod est illius domini cuius est pater si vero sit spurus, sequitur matris conditionem.

ниченія свободы, если не сопровождалось полученіемъ земельнаго держанія.

Свободное лицо въ силу одного уже факта полученія въ держаніе манса становилось въ зависимость отъ его владѣльца. Такъ, въ 1294 г. Арнальдъ де Бруньоласъ, житель прихода св. Маріи де Камосъ, пользовался свободой (liber a dominio), пока не вступилъ въ мансъ Марторель и не призналъ себя, съ потомствомъ, „человѣкомъ“ Херонской церкви [1]). На такомъ же основаніи признали себя „людьми“ Арнальда Адроверія, каноника Херонской церкви, крестьяне Бернардъ де Прато и жена его Вильгельма. „Да будетъ всѣмъ извѣстно, читаемъ мы въ „confessio“ этихъ людей, что я, Бернардъ де Прато, явившись для заключенія брака въ мансъ Прато де Вилавенуто, принадлежащій херонской препозитурѣ, и, будучи родомъ изъ манса Лонгайна, въ приходѣ св. Леокадіи, принадлежащаго архидіакону херонскому Раймунду, отъ власти котораго, милостью Божіей, я откупился и освободился, и я, Вильгельма, жена Бернарда де Прато, также явившаяся въ мансъ де Прато для заключенія брака, будучи родомъ изъ мѣстечка Баньоласъ, жители котораго пользуются иммунитетомъ въ отношеніи ременсы, добровольно и сознательно согласились сдѣлаться людьми херонской препозитуры и каноника Арнальда Адроверія, со всѣмъ потомствомъ, отъ насъ происходящимъ, и со всѣмъ нашимъ имуществомъ, и обѣщаемъ нижепоименованному нотаріусу, договаривающемуся съ нами отъ имени отсутствующаго каноника, что будемъ вѣрными и лойяльными людьми по отношенію къ нему и его преемникамъ, какъ своимъ истиннымъ и натуральнымъ господамъ, причемъ я, Бернардъ, заявляю, что уже совершилъ актъ коммендаціи (homagium) руками и устами (ore et manibus) передъ названнымъ каноникомъ. А я, Вильгельма, совершаю этотъ актъ теперь, передъ нотаріусомъ, заступающимъ мѣсто господина каноника. Дано сіе въ 8-й день мартовскихъ календъ, въ годъ Господа 1308-й. Далѣе слѣдуютъ подписи Бернарда, Вильгельмы, свидѣтелей, писаря и нотаріуса [2]). Въ 1344 г. нѣкая Бруниссендисъ, прежде чѣмъ стать въ зависимыя отношенія къ той же препозитурѣ, представила удостовѣреніе въ томъ, что она посредствомъ выкупа освободилась отъ власти херонскаго гражданина Бернарда Самсона, которому раньше принадлежала, какъ femina propria [3]). Въ 1349 г. Бернардъ де Си-

[1]) A. H. G. Caj. 43. Perg. 94.

[2]) Прил. VI.

[3]) A. H. G. Caj. 35. Perg. 887.

реренксъ, житель прихода Вальформосы, призналъ себя съ потомствомъ „человѣкомъ“ Манресской церкви, крѣпкимъ землѣ манса де Солана, находившагося въ его держаніи [1]). Въ 1360 г. Петръ Понцій, житель прихода св. Кипріана, освободившись отъ власти пріора св. Анны въ Барселонѣ, посредствомъ выкупа, призналъ себя „человѣкомъ“ клирика Раймунда Феррарія [2]). Изъ грамоты подчиненія, датированной 1363 г., видно, что Марія, вдова Вильгельма Байуля, 18 мая этого года откупилась на волю отъ аббата Баньольскаго монастыря съ тѣмъ, чтобы черезъ два дня поступить въ новую зависимость отъ Херонской церкви; вступивъ въ мансъ Монте де Виллавенуто, гдѣ вышла замужъ за Петра де Монте и „откуда препозитура имѣетъ собственныхъ людей“, Марія признала себя, съ потомствомъ и имуществомъ, „женщиной“ херонской препозитуры, дала обѣщаніе соблюдать по отношенію къ ней вѣрность, не уходить въ привилегированныя мѣста и не предпринимать ничего такого, что могло бы повлечь за собою для препозитуры потерю правъ надъ нею или ея имуществомъ и потомствомъ и пріобрѣтеніе ихъ кѣмъ-либо другимъ; обезпеченіемъ этого обѣщанія должны были служить личность Маріи и все ея имущество [3]). Въ 1410 г. нѣкая Вильгельма, признавши себя „женщиной“ одной изъ херонскихъ препозитуръ, предварительно удостовѣрила, что освободилась посредствомъ выкупа отъ власти прежняго сеньора [4]). Иногда право собственности надъ однимъ и тѣмъ же мансомъ раздѣлялось между двумя или нѣсколькими лицами, и тогда держатели его подчинялись одновременно нѣсколькимъ сеньорамъ, между которыми и распредѣлялись повинности крестьянъ. Такъ, въ 1409 г. Петръ, сынъ Бернарда, житель прихода де Фалинисъ, призналъ себя, съ потомствомъ и движимымъ имуществомъ, человѣкомъ, состоящимъ въ подчиненіи одновременно и у херонской препозитуры, и у монастыря св. Феликса, въ силу держанія манса Росъ, на доходы съ котораго имѣли право въ равныхъ доляхъ названныя учрежденія [5]). Въ такомъ же подчиненіи оказалась и жена этого Петра, Франциска,

---

[1]) A. M. M. Liber prepositi, VI, f. XXV (См. цит. нашу статью, стр. 48, пр. 5) ... sum homo vestro et dicte vestre Ecclesie propius, solidus, naturalis habitans et affocatus in dicto manso...

[2]) A. H. G. Caj. 30. Perg. 134.

[3]) Прил. X.

[4]) attendens me fore absolutam et redemptam de dominio cuius eram. A. H. G. Caj. 28. Perg. 119.

[5]) A. H. G. Caj. 34. Perg. 141.

родомъ изъ прихода Villa Asinorum, послѣ того какъ откупилась отъ власти Херонской церкви и перешла въ мансъ Росъ [1]).

Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ въ крѣпостную зависимость поступали люди, пользовавшіеся раньше свободой. Отъ нихъ обыкновенно требовалось удостовѣреніе въ томъ, что они могутъ вполнѣ свободно располагать своею личностью, т. е. въ томъ, что освободились посредствомъ выкупа отъ власти прежняго сеньора, или въ томъ, что вовсе не стояли въ зависимыхъ отъ кого-либо отношеніяхъ. Такое требованіе обусловливалось понятнымъ желаніемъ каждаго новаго сеньора оградить себя отъ возможныхъ притязаній на личность виллана со стороны прежняго. Если свободное лицо въ теченіе долгаго времени (30—40 лѣтъ) пребывало на мансѣ, принадлежавшемъ какому-нибудь феодальному владѣльцу, и выполняло тѣ повинности, которыя обыкновенно возлагались на ременсъ, то по истеченіи указаннаго срока оно должно было признать себя крѣпостнымъ человѣкомъ собственника манса [2]). Такъ, напр., нѣкто Петръ де Рупіано, въ теченіе 40 лѣтъ остававшійся свободнымъ отъ какой-либо вассальной зависимости и жившій въ приходѣ Villablarexio, въ мансѣ, принадлежавшемъ Херонскому капитулу. долженъ былъ въ 1340 г. признать себя „человѣкомъ“ одного изъ канониковъ (prepositus), Петра де Касадеволь, и поставить въ зависимость отъ него все свое потомство и движимое имущество [3]).

Въ крѣпостное состояніе обращались не только свободные люди, но и рабы; для нихъ поступленіе въ крѣпостную зависимость отъ того или иного сеньора равносильно было освобожденію, хотя получаемая такимъ путемъ свобода имѣла весьма условный характеръ, какъ можно заключить, напр., изъ слѣдующей грамоты, со-

---

[1]) A. H. G. Caj. 34. Perg. I.

[2]) Pere Albert. Cost. XXIV (Nolasco, II, 88—89). Item uxor hominis mei, si per 30 annos steterit in manso cum eo et ab eis receperim servitia solita, censetur femina mea... et idem est de homine, marito feminae meae, ratione mansatae. Mieres, 51.—Въ данномъ случаѣ, очевидно, Міересъ имѣетъ въ виду не держателей манса, а младшихъ членовъ крестьянской семьи, которые, оставаясь на землѣ родного манса, вступали въ бракъ съ свободными людьми; послѣдніе обращались въ крѣпостныхъ лишь въ случаѣ 30 лѣтняго пребыванія на мансѣ и выполненія обычныхъ повинностей.

[3]) A. H. G. Ego Petrus de Rupiano, qui per longum tempus steti in hospicio seu manso, quem prepositura panis sedis Gerunde habet apud Madrent in parochia de Villablarexio, ex certa scientia confiteor et recognosco, quod sum et esse debeo homo proprius et solidus elemosine panis sedis Gerunde etc. cum omni prole ex me nascitura et rebus meis mobilibus presentibus et futuris etc. (Caj. 36. Perg. 29).

ставленной 9-го мая 1411 года. „Мы, Беатриса и Жанъ де Пау, рыцарь и сеньоръ помѣстья Абеллесъ (въ долинѣ Баньюльсъ), зная, что рабство установлено гражданскимъ, а не естественнымъ правомъ, такъ какъ до введенія его всѣ люди на этомъ свѣтѣ рождались свободными, изъ любви къ Богу и изъ чувства милосердія, а также и въ разсужденіи брака, который ты, Маргарита, наша рабыня, дочь Марты—женщины расы татарской, бывшей нашей рабыни, должна заключить съ Вильгельмомъ Руллемъ, сыномъ Жана Рулля, изъ селенія С. Киркъ (S. Quirch), съ тѣмъ условіемъ, чтобы вы оставались нашими крѣпостными людьми (hommes propres et solius), мы тебя освобождаемъ и дѣлаемъ свободными и вольными отъ всякаго намъ подчиненія—тебя и все твое потомство, такъ что ты можешь уходить, возвращаться и оставаться по своей волѣ и дѣлать все, что можетъ дѣлать свободное лицо. Но ты, какъ и всѣ твои, будете подчинены повинностямъ, возложеннымъ на мансъ (mansada), который принадлежалъ покойному Энъ Фебреру, а еще раньше—Энъ Руирѣ, въ помѣстьи Абеллесъ, и который мы тебѣ уступаемъ на условіяхъ прежнихъ грамотъ подчиненія (capbreus) и уплаты вступныхъ денегъ въ размѣрѣ 3 солидовъ. Слѣдовательно, вы пообѣщаете намъ быть добрыми, вѣрными и лойяльными во всемъ вассалами, какими и надлежитъ быть по отношенію къ натуральному сеньору, и принесете намъ присягу въ вѣрности. Также поклянетесь намъ, что не покинете названнаго манса, чтобы уйти въ какой-нибудь замокъ, мѣстечко, городъ или другое какое-нибудь привилегированное мѣсто, вслѣдствіе чего мы могли бы васъ потерять, а кто-либо другой пріобрѣсти или вы могли бы назваться вольными людьми. Но, несмотря на настоящую грамоту освобожденія, я и госпожа Беатриса, моя супруга, удерживаемъ за собою право на полученіе съ твоей стороны отъ сегодняшняго дня до праздника Всѣхъ Святыхъ (т. е. отъ 9 мая до 1 ноября) тѣхъ же услугъ, какія ты оказывала и будучи въ рабскомъ состояніи, въ какомъ родилась. И мы тебѣ ввѣряемъ и вручаемъ на простое храненіе 100 золотыхъ арагонскихъ флориновъ, каковые ты и твои пообѣщаете возвратить намъ, какъ только мы ихъ потребуемъ отъ васъ“ [1]). За исключеніемъ послѣднихъ строкъ, документъ этотъ не возбуждаетъ недоразумѣній. Хотя вольная грамота выдана Маргаритѣ 9-го мая, но до 1-го ноября она должна была оставаться слугой въ домѣ своихъ господъ, вѣроятно, потому, что до окончанія

[1]) Alart, Notices historiques, I, 186–189.

полевыхъ работъ, Вильгельмъ, находившійся въ другомъ помѣстьи, не могъ на ней жениться. Окончательное освобожденіе Маргариты отъ рабства и обращеніе ея въ держательницу манса откладывалось до того времени, когда она вступитъ въ бракъ, и съ мужемъ приметъ обычныя обязательства земельныхъ держателей. Но какъ понимать передачу Маргаритѣ на храненіе 100 флориновъ, которые она обязана была возвратить своимъ господамъ по ихъ первому требованію? Намъ кажется, что эти 100 флориновъ нужны были Маргаритѣ для перваго обзаведенія или для выкупа ея будущаго мужа отъ власти его господъ, на что ни у нея, ни у него могло не быть денегъ, а дать такую ссуду бывшей рабынѣ подсказалъ сеньорамъ Пау ихъ собственный интересъ, заключавшійся въ необходимости возстановить хозяйство манса, прерванное со смертью его держателя Энъ-Феврера; причемъ передача этихъ денегъ зависимой женщинѣ представляла меньше риска потерять ихъ, чѣмъ передача ихъ непосредственно Вильгельму или его господамъ, въ качествѣ выкупа [1]).

Личная зависимость крестьянъ отъ сеньора вытекала изъ ленной присяги—„homagium ore et manibus", принесши которую крестьяне назывались „homines solidi et proprii", т. е. людьми того или иного сеньора [2]); имущественная зависимость—изъ полученія въ держаніе манса; какъ держатели мансовъ, они назывались „domini (или „dominae") utiles", „heredes" и „proprietarii" (или „proprietariae"), тогда какъ сеньоры ихъ именовались „domini directi" или „alodiales" [3]). Въ грамотахъ подчиненія устанавливалась одновременно и

---

[1]) Примѣры условнаго освобожденія рабовъ или обращенія ихъ въ полусвободныхъ людей можно привести и для болѣе ранней эпохи. Такъ, въ 1143 г. „ради спасенія своей души" Вильгельмъ Компань и дочь его Пелегрина обратили въ христіанство и освободили отъ рабства Арнау и сына его Пере, давъ имъ „cartam ingenuitatis", въ силу которой имъ предоставлялись всѣ права свободныхъ людей („unde ab ista hora in antea inter ingenuos et nobiles uiros testificandi, causandi, litigandi et respondendi, uendendi et emendi, ceteraque negocia exercendi licentiam habeatis"), но въ то же время господа эти удерживали за собою право на личность освобожденныхъ рабовъ до самой смерти своей (Praeterea personas uestras ad nostrum seruicium et ad nostram fidelitatem retinemus, ut ab hodierno die et deincebs nobis fideliter et cum ma"na humilitate seruiatis omnibus diebus, quibus ego et filia mea uixerimus...), а послѣдніе признавали себя ихъ „вѣрными" (conuenimus nos Arnallus G. et filius meus P. uobis... senioribus nostris, ut de ista hora in antea fideles uobis simus de uestris corporibus). Balari, 502—503.

[2]) Для обозначенія крестьянъ служили также и другіе термины: pagenses, rustici и, съ половины XII в., villani. Послѣдній терминъ особенно часто употреблялся въ т. наз. постановленіяхъ Божьяго мира.

[3]) A. H. G.: Raymundus Besart, heres et proprietarius mansi sive borde Martorelle (Caj. 43. Perg. 218)... Francisca... quondam heres et proprietaria ac domina utilis

та, и другая зависимость. Основнымъ условіемъ первой было обѣщаніе вѣрности и лойяльности за себя и потомство [1]); основнымъ условіемъ второй—постоянное мѣстопребываніе на полученномъ участкѣ земли (facere residentiam continuam et fochum et domicilium). его обработка и меліорація. Обратной стороной этого обязательства было обѣщаніе вассала не переходить подъ власть другого сеньора и не переселяться въ тѣ города, замки и мѣстечки, пребываніе въ которыхъ, въ силу мѣстныхъ привилегій, освобождало крестьянъ отъ подчиненія сеньору [2]). Смѣшеніе и различныя комбинаціи общихъ условій личной и имущественной зависимости порождали цѣлый рядъ повинностей личныхъ, натуральныхъ и денежныхъ, которыя обязаны были нести крестьяне въ пользу своего сеньора. Нѣкоторыя изъ нихъ получили названіе „дурныхъ обычаевъ". Изъ нихъ „ременса" являлся самымъ важнымъ и означалъ тотъ выкупъ, который обязаны были платить крестьяне сеньорамъ при перемѣнѣ мѣста жительства. Не выкупивъ личной свободы, крестьяне не могли переходить на новыя мѣста поселенія. Отсюда слово „ременса" (т. е. выкупъ) служило ближайшимъ опредѣленіемъ и даже названіемъ всей массы крестьянъ, подлежавшихъ такому существенному ограниченію личной свободы. Въ этомъ отношеніи они приближались къ рабскому состоянію, такъ какъ и рабы могли получить свободу отъ своихъ господъ, уплативъ имъ выкупъ за свою личность (U. 18).

---

mansi de Vineis (Caj. 35. Perg. I). Petrus Bernardus... sum et esse debeo homo proprius et solidus... ratione mansi Ros, cuius ego sum dominus utilis et proprietarius (Caj. 34. Perg. 141)... que dominus directus huius terre habet et habere debet in suis hominibus propriis et solidis (прил. IX). .. dominus directus et alodialis mansi del Mas (прил XIII).

[1]) ... promitentes... nos esse sibi et successoribus suis fideles et legales in omnibus... confitens ego, dictus Bernardus, jam fecisse homagium dicto preposito manibus et ore (прилож. VI) Et propter hec facio homagium manibus, comendatum vobis, discreto Raymundo... (прил. X) См. также прил. VII, XI, XII.

[2]) ... et alios dominos seu dominas non faciam.. renuncio... omni privilegio et libertati civitatum, castrorum et aliorum locorum privilegiatorum et non privilegiatorum. A. H. G. Caj. 30. Perg. 134.—Quem quidem mansum debemus et promitimus tenere condirectum et affocatum et in ipso facere continuam residenciam personalem et terras et possessiones eiusdem mansi laboratas suis laborationibus tenere (прил. IX)... et quod non intrabimus castrum, villam vel civitatem vel locum clausum seu privilegiatum nec aliquid aliud faciemus, cur vos possitis nos amittere aliusque lucrari (ib.)... et non intrabo, causa habitandi, aliquod castrum, villam, civitatem vel locum privilegiatum etc. (прил. X). См. также прил. XI и др

Несмотря на обязательство не оставлять манса, которое принимали на себя вилланы по грамотамъ подчиненія, каждый членъ крестьянской семьи могъ перемѣнить свое мѣстожительство подъ условіемъ уплаты сеньору денежнаго выкупа за свою личность и возвращенія сеньору полученной отъ него земли или передачи ея другому крестьянину, стоявшему въ крѣпостной зависимости отъ того же сеньора. Итакъ, съ пріобрѣтеніемъ свободы крестьянинъ лишался земли, которая давала ему матеріальную обезпеченность. Безъ земли ему трудно было найти средства къ существованію. Поэтому, если крестьянинъ освобождался посредствомъ выкупа отъ подчиненія одному сеньору, то обыкновенно для того, чтобы поступить въ зависимость къ другому, на землѣ котораго онъ и селился. При одинаковыхъ условіяхъ земельнаго держанія перемѣна сеньора едва-ли могла сама по себѣ измѣнить положеніе виллана, и такіе переходы обыкновенно обусловливались заключеніемъ браковъ между крестьянами, жившими на земляхъ различныхъ сеньоровъ.

Въ этихъ случаяхъ обычай не представлялъ особенныхъ преградъ для крестьянскихъ переходовъ, фиксируя размѣръ выкупа. Другихъ случаевъ необходимости переходовъ обычай не предвидѣлъ и потому не опредѣлялъ, какою частью имущества долженъ жертвовать крестьянинъ, чтобы получить свободу. А эта неопредѣленность размѣровъ выкупа уничтожала его значеніе, какъ лишняго рессурса свободы, такъ какъ была равносильна предоставленію рѣшенія вопроса объ освобожденіи крестьянина исключительно на волю сеньора.

Впрочемъ, иногда крестьянамъ удавалось выговорить себѣ болѣе или менѣе льготныя условія подчиненія и условиться на счетъ размѣра выкупа, который они обязаны были уплатить въ случаѣ перехода, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ. „Да будетъ всѣмъ извѣстно, читаемъ мы въ грамотѣ 1316 г., что я, Петръ, сынъ Іоны де Губиреницисъ, житель прихода св. Георгія де Вальсъ, будучи совершенно свободенъ отъ подчиненія какому-бы то ни было сеньору въ свѣтскомъ отношеніи, становлюсь, при посредствѣ нотаріуса, вашимъ, Іаковъ,—клирикъ изъ Плаціано, человѣкомъ со всѣмъ моимъ будущимъ потомствомъ, для постояннаго исполненія воли вашей и вашихъ преемниковъ. Избирая васъ и вашихъ преемниковъ своими господами, обѣщаю вамъ, въ лицѣ названнаго нотаріуса, за васъ договаривающагося, всегда и во всемъ быть вѣрнымъ и лойяльнымъ вамъ и вашимъ преемникамъ, какъ и надлежитъ каждому поступать по отношенію къ своему

господину, и обѣщаю ничего не дѣлать такого, изъ за чего вы или ваши преемники могли бы меня потерять, а другой пріобрѣсти. Итакъ, я приношу присягу (homagium) заступающему васъ нотаріусу и въ знакъ подчиненія и для памяти совершаю для васъ настоящую грамоту (instrumentum), передаю ее собственноручно нотаріусу, за васъ дѣйствующему, причемъ передача грамоты должна быть принята за передачу меня самого (traditio hujus instrumenti pro traditione rei habeatur)... Обѣщаю также передать вамъ грамоту моего освобожденія (instrumentum mee redemptionis) и доставлять вамъ и вашимъ преемникамъ ежегодно въ день Рождества по одной мѣрѣ воска. При этомъ сохраняю за собою и своимъ потомствомъ право, въ случаѣ желанія, уйти отъ васъ или освободиться отъ вашего господства по уплатѣ вамъ пяти солидовъ выкупа за себя и свое потомство, но не больше. И въ такомъ случаѣ вы обязаны будете выдать мнѣ отпускную грамоту (instrumentum diffinicionis) для меня и моего потомства, возвратить мнѣ настоящую грамоту, а также и выше названную грамоту моего освобожденія" [1]). Отсюда видно, что Петръ могъ, когда угодно, освободиться отъ власти своего сеньора, уплативъ ему лишь небольшую сумму въ качествѣ выкупа, именно 5 солидовъ, выговоренныхъ въ грамотѣ подчиненія. Бывали случаи, когда свобода покупалась еще дешевле. Такъ, въ 1388 г. житель прихода Касабро (возлѣ Ille, въ Руссильонѣ)— Варооломей, сынъ Солярія, освободившись изъ подъ власти настоятеля церкви св. Катерины де Тонріо, призналъ себя человѣкомъ жителя прихода св. Михаила де Лотисъ, Вильгельма, и его наслѣдниковъ; принесши ему, какъ своему сеньору, присягу въ вѣрности и пообѣщавши уплачивать ему ежегодно по одному оболу, въ знакъ подчиненія, Варооломей выговорилъ себѣ право получить свободу за 12 денаріевъ [2]).

Но такіе примѣры—исключительны. Обыкновенно размѣры выкупа стояли въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ хозяйственною цѣнностью даннаго лица и возможностью его дать извѣстный приростъ населенію даннаго манса. Наиболѣе высокимъ, вѣроятно, былъ выкупъ для лицъ, пользовавшихся хозяйственной самостоятельностью—

---

[1]) Прил. VII.

[2]) ... sub tali tamen pacto, quod non tenear ad... redempciones nisi solum ad. XII denarios Barch. de terno pro redempcione quos vobis seu vestris teneor dare pro redempcione, quando a vobis seu vestris voluero me redimere, quod sit michi licitum, quum michi placuerit ad meam voluntatem. B. M. P. Ms. Alart, Cart. Rouss., XV, p. 341.

именно, для главъ крестьянскихъ семей, держателей мансовъ. Обычай не опредѣлялъ размѣра выкупа для этихъ лицъ и предоставлялъ установленіе его взаимному соглашенію сторонъ. Мужчины и утратившія дѣвственность женщины, не пользовавшіеся хозяйственной самостоятельностью, но представлявшіе извѣстную рабочую силу и имѣвшіе возможность, оставаясь на томъ же мансѣ, содѣйствовать расширенію крестьянской семьи, платили выкупъ въ размѣрѣ третьей части своего движимаго имущества въ томъ случаѣ, если намѣрены были перейти на другое мѣстожительство для заключенія брака и для другихъ надобностей [1]). Дѣвушки, не имѣвшія возможности выйти замужъ, оставаясь въ родномъ мансѣ, и потому въ отношеніи прироста населенія его являвшіяся безполезными, могли оставить мансъ, уплативъ сеньору всего 2 солида и 8 денаріевъ за разрѣшеніе выйти замужъ и оставить мансъ. Эта сумма увеличивалась до третьей части всего ихъ движимаго имущества въ томъ случаѣ, если онѣ были собственницами или наслѣдницами манса, т. е. пользовались или могли воспользоваться извѣстной хозяйственной самостоятельностью. Въ случаѣ нежеланія сеньора отпустить на волю дѣвушку, имѣвшую намѣреніе выйти замужъ, она могла въ день вѣнчанія положить въ присутствіи свидѣтелей на церковный алтарь 2 солида и 8 денаріевъ, и въ силу этого акта получить свободу [2]). Впрочемъ, иногда эта цыфра понижалась до 2 солидовъ. О различныхъ условіяхъ выкупа можно судить на основаніи многочисленныхъ отпускныхъ грамотъ, т. наз. instrumenta redemptionis, или diffinitionis.

Такъ, мы знаемъ, напр., что въ 1325 г. аббатъ монастыря св. Петра де Галликато освободилъ Арнальда, сына Варѳоломея, жителя прихода св. Матвѣя де Монтенегро за 30 сол. [3]). Въ 1337 г. херонскій юристъ Петръ де Прато освободилъ Петра де Ольмеріа, жителя прихода св. Михаила, за 70 солидовъ [4]). Въ 1340 г. аббатиса монастыря св. Феликса де Катино освободила Петра, сына

---

[1]) Masculus qui uxorem ducat, vel corrupta mulier que virum ducat—обязаны были платить tertiam partem bonorum suorum mobilium. Mieres, 51. Въ этихъ случаяхъ, говоритъ Міересъ, сеньоръ получаетъ столько, сколько получилъ бы въ случаѣ смерти вассала, не оставившаго завѣщанія или потомства. Dominus... per hoc tantum iuris assequatur quantum per eius mortem haberet, si intestatus decederet vel exorcus, scilicet tertiam partem bonorum mobilium, secundum generalem consuetudinem. Mieres, 51.

[2]) Mieres, 51. Pujades, 360.

[3]) A. H. G. Caj. 32. Perg. 764.

[4]) A. H. G. Caj. 47. Perg. 58.

Раймунда, за 90 солидовъ [1]). Въ 1342 г. прокураторъ командора де St. Lloran въ Arenas и Castello освободилъ Петра Пуча, жителя прихода С. Колома, за 50 солидовъ [2]). Въ 1347 г. рыцарь Вильгельмъ де Монтъ освободилъ Арнальда, жителя прихода св. Кипріана де Лладо, за 80 сол. [3]). Въ 1370 г. Раймундъ и Петръ, священники Херонскаго собора, освободили Петра Радирія за 100 солидовъ [4]). Въ 1372 г. Вильгельмъ де Палаціоло отъ имени наслѣдницы замка Палаціоло освободилъ Вильгельму, вдову Бернарда Демунтъ, въ виду ея намѣренія вступить во второй бракъ съ Раймундомъ, жителемъ прихода св. Маріи де Камосъ, за 110 солидовъ [5]). Въ 1374 г. нѣкая Элиссендисъ де Матесъ освободила Вильгельму, дочь Іоанна Деспужоль, въ приходѣ св. Викентія де Канетъ, за 10 солидовъ [6]). Въ 1388 г. клирики Херонской церкви, Вильгельмъ и Петръ, освободили нѣкую Бернарду, дочь Іоанна Понтисъ, изъ прихода св. Феликса де Гарригольсъ, за 8 ливровъ [7]). Въ 1413 г. каноникъ Херонскаго собора Петръ де Бергадано освободилъ Іакова Оньяра за 15 золотыхъ арагонскихъ флориновъ [8]), и т. д. Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ крестьяне платили выкупъ за себя, за свое движимое имущество и за свое потомство. Опредѣлялась ли сумма выкупа въ каждомъ изъ этихъ случаевъ по соглашенію съ сеньоромъ, что̀ имѣло мѣсто при освобожденіи самостоятельныхъ членовъ крестьянской семьи, или же представляла установленный обычаемъ для прочихъ ея членовъ, за исключеніемъ дѣвушекъ, не бывшихъ

---

[1]) A. H. G. Caj. 43. Perg. 84. Abbatisa monasterii S-ti Felicis de Chatinis... absolvimus... Petrum, filium Raymundi di Podio de Saylinarijs, hominem nostrum proprium et solidum, et omnem prolem a te descendentem et omnia bona tua mobilia... Et... pro hac diffinitione confitemur a te habuisse et recepisse 90 solidos...

[2]) A. H G. Caj. 28. Perg. 118.

[3]) A. H. G. Caj. 28. Perg. 129

[4]) A. H. G. Caj. 28. Perg. 111.

[5]) Прил. XVII.

[6]) A. H. G. Caj. 29. Pèrg. 438.

[7]) Ego, Bernarda Pontis, filia Iohannis Pontis quondam de Palacio Borelli, parochie S-ti Ffelicis de Guarriga, que causa matrimonij intravi mansum Laurentij de Garrigolis, confiteor... me debere vobis discretis Guilelmo Petro de seriis et Petro Ffabricha clericis ecclesie S. Gerunde, procuratoribus elemosine panis sedis Gerunde, sex libras et septem solidos monete barchinone de terno, que dicte elemosine restant ad solvendum ex illis octo libris dicte monete, pro quibus vos dicti procuratores diffinistis personam meam et omnem prolem, exinde a modo descendentem, et omnia bona mea mobilia presentia et futura ubique ab omni dominio, potestate et servitute dicte elemosine. A. H. G. Caj. 46. Perg. sine numero. 1388.

[8]) A. H. G. Caj. 47. Perg. 58.

наслѣдницами манса, эквивалентъ третьей части движимаго имущества,- -на этотъ вопросъ грамоты не даютъ разъясненій.

Въ другихъ же случаяхъ, именно, когда дѣло шло о дѣвушкахъ, желавшихъ выйти замужъ, размѣръ выкупа не зависѣлъ отъ соглашенія и опредѣлялся обычаемъ въ 2 солида и 8 денаріевъ или только въ два солида. Такъ, въ 1303 г. сеньоръ де Спонилья и его жена освободили за 2 солида и 8 денаріевъ нѣкую Херунду, дочь Вильгельма [1]); за такую же сумму освобождены были: въ 1310 г. Вильгельма, дочь Вильгельма, въ приходѣ св. Кипріана (de Alleis) [2]); въ 1312 г. Сисилія, дочь Вильгельма, въ приходѣ Ріуделлотсъ де ла Сельва, отъ власти херонскаго гражданина Арнальда де Камплонка [3]); въ 1315 г. Элиссендисъ, дочь Пере Поу де Бачъ, въ приходѣ св. Сатурнина, отъ власти пріора монастыря де Круиллесъ [4]); въ 1334 г. Бруниссендисъ, дочь Беренгарія, отъ власти Франциска де Калито [5]); въ 1342 г. Марія, дочь Петра, въ приходѣ de Podialibus Rusticorum, отъ власти клирика Бернарда де Камписъ [6]); въ 1349 г. Элиссендисъ, дочь Петра, въ приходѣ Палауборель, отъ власти каноника монастыря Уліано [7]); въ 1369 г. Маргарита отъ власти Гастона де Монте Катено, сеньора замка Катіано де Сильва [8]) и т. д. За два солида получили свободу: въ 1307 г. Марія, дочь Беренгера, въ приходѣ Палауборель, отъ власти пріора монастыря Уліано [9]); въ 1309 г. Бруниссендисъ—отъ священника

---

[1]) ... Nos, Petrus Berengarii Bagudani de Bisultino, dominus de Sponiliano, et domina Geralda, uxor illius, absolvimus et a dominio nostro eycimus te, Gerundam, filiam Guilelmi de Cherio, parochie de Sponiliano... Et per hoc recepimus a te per manum patris tui duo solidos et octo denarios barch. de terno... A. H. G. Caj. 48. Perg. 98.

[2]) Ego, frater Bernardus de Abbacia, camarerus monasterii S-ti Ffelicis Guixollesii per me et omnes meos successores... remito Guilelmam filiam Guilelmi de Alleis parochie S-ti Cipriani de Alleis, hominis proprii et solidi... sine aliquo retentu, dominio, servitute et servicio... (получилъ за это 2 сол. и 8 ден. 1310. A. H. G. Caj. 30. Perg. 128).

[3]) A. H. G. Caj. 39. Perg. 91.

[4]) A. H. G. Caj. 44. Perg. 455.

[5]) A. H. G. Caj. 33. Perg. 41.

[6]) A. H. G. Caj. 43. Perg. 151.

[7]) ... Nos Petrus Rosserii, canonicus et camerarius Monasterii de Uliano per nos et omnes successores nostros absolvimus... ab omni dominio et servitute nostra... te, Alissendem, filiam Petri Jacobi de Palacio Borelli, feminam nostram et dicti nostri officii... recognoscimus... recepisse a te 2 sol. et 8 den. Barc. de terno... A. H. G. Caj. 46. Perg. 44.

[8]) A. H. G. Caj. 32. Perg. 333.

[9]) A. H. G. Caj. 46. Perg. 41.

церкви св. Стефана, въ Баньюласъ [1]); въ 1397 г. Брунисcендисъ, дочь Франциска Голи, въ приходѣ Мединья, отъ власти рыцаря Рамона Ксамара [2]) и т. д.

Кромѣ того, мы нашли нѣсколько грамотъ, изъ которыхъ явствуетъ, что посредствомъ болѣе или менѣе значительнаго выкупа крестьянамъ удавалось иногда не только достигнуть личнаго освобожденія, но и пріобрѣсти въ собственность тотъ мансъ, который они держали въ зависимости отъ сеньора. Такъ, въ 1304 г. Далмацій де Рокаберти, сеньоръ де Перaлада, отпустилъ на волю Вильгельма Арнальда, со всѣмъ его потомствомъ и съ сохраненіемъ за нимъ всего его имущества, какъ движимаго, такъ и недвижимаго, за 220 барселонскихъ солидовъ [3]). Въ томъ же году вдова рыцаря Раймунда, Джеральда освободила отъ крѣпостной зависимости Беренгарія Оливерія, съ женою, дѣтьми и всѣмъ имуществомъ, за 60 солидовъ. „Да будетъ всѣмъ извѣстно, читаемъ мы въ этой грамотѣ, что я, госпожа Джеральда де Уйано, вдова рыцаря Раймунда де Уйано, добровольно и сознательно, отъ своего имени и отъ имени сына моего Раймунда де Уйано и всѣхъ насъ, теперь и впредь освобождаю тебя, Беренгарія Оливерія, сына Раймунда Оливерія и жены его Раймунды, бывшихъ жителей прихода св. Стефана де Гіальбисъ, т. е. тебя лично, все потомство, происходящее отъ тебя, и все твое имущество движимое, недвижимое и „движущееся“ (se moventia), настоящее и будущее, какъ и права на него,— такимъ образомъ, что всегда ты будешь свободенъ, воленъ и изъятъ отъ подчиненія мнѣ и сыну моему, со всѣмъ твоимъ потомствомъ и со всѣмъ добромъ твоимъ... Настоящее же освобожденіе и отпущеніе на волю мы совершаемъ для Бога, для тебя самого и для всякаго господина, котораго ты пожелаешь избрать... Удостовѣряемъ, что за это освобожденіе мы получили отъ тебя изъ твоего имущества 60 барселонскихъ солидовъ“ [4]). Въ 1352 г. манресскій каноникъ Ромео далъ свободу Вильгельмонетѣ, жительницѣ прихода св. Іоанна де Виллаторта, за 100 солидовъ, съ сохраненіемъ за ней всего ея имущества, какъ движимаго, такъ и недвижимаго [5]).

„Traditio hujus instrumenti pro traditione rei habeatur“—это выраженіе, находящееся въ одномъ изъ приведенныхъ выше текстовъ,

---

[1]) A. H. G. Caj. 29. Perg. 426.
[2]) A. H. G. Caj. 41. Perg. 160.
[3]) A. H. G. Caj. 33. Perg. 219.
[4]) A. H. G. Caj. 34. Perg. 425.
[5]) A. M. M. Liber prepositi, VI, f° LXXV.

представляется намъ весьма характернымъ. Оно указываетъ на ту важность, какую имѣли въ жизни крестьянъ т. наз. instrumenta confessionis uinstrumenta redemptionis; съ ними тѣсно связано было все ихъ существованіе: подчиненіе ихъ власти сеньора или освобожденіе отъ нея на тѣхъ или иныхъ условіяхъ. Уже одинъ фактъ передачи или полученія крестьяниномъ такой грамоты опредѣлялъ его юридическое положеніе. Не малую роль также играли онѣ и въ жизни сеньоровъ. На нихъ они основывали и защищали на судѣ свои права по отношенію къ своимъ людямъ, если послѣдніе старались ускользнуть изъ подъ ихъ власти, не уплативъ должнаго выкупа. Весьма любопытнымъ въ этомъ отношеніи представляется возбужденное въ королевской аудіенціи въ 1457 г. дѣло о выкупѣ Петра Бертрана, жителя прихода св. Петра, въ графствѣ Ампурданскомъ, изъ подъ власти рыцаря Арменголя. Актъ судебнаго рѣшенія по этому дѣлу мы нашли въ одномъ изъ каталонскихъ архивовъ [1]). Заключая въ себѣ доказательства, къ которымъ прибѣгали спорившія стороны для подтвержденія своихъ притязаній, одна—на личность крестьянина, другая—на освобожденіе отъ власти сеньора, документъ этотъ какъ бы возстанавливаетъ передъ нами исторію одной крестьянской семьи за длинный періодъ времени, обнимающій около 125 лѣтъ. Рыцарь Францисъ де Арменголь, выступившій на судѣ въ защиту интересовъ своего несовершеннолѣтняго сына Хуана де Карамань-и-Арменголь [2]), доказывалъ, что житель прихода св. Петра, Петръ Бертранъ, долженъ принадлежать ему, въ качествѣ крѣпостного человѣка, такъ же, какъ и предки его принадлежали дворянскому роду де Карамань [3]); между тѣмъ Петръ Бертранъ отрицалъ правильность этого иска, настаивая на томъ, что его предки пользовались свободой, и онъ, какъ королевскій человѣкъ, долженъ пользоваться ею [4]). Основаніями для иска Арменголей служили двѣ грамоты подчиненія, одна отъ 1331 г., другая отъ 1339 г., по которымъ предки Бертрана при-

---

[1]) См. приложеніе XXV.

[2]) Pro parte Iohannis de Caramany y de Armengol, pupilli, filii nobilis Francischi de Armengol et de Ceruilione... Подъ „pupilli" разумѣлись лица мужескаго пола моложе 12 лѣтъ, а женскаго—моложе 14. За „pupilli" слѣдовали „adulti", юноши въ возрастѣ отъ 12 до 25 лѣтъ, и дѣвушки въ возрастѣ отъ 14 до 25 лѣтъ. Oliver, II, 382.

[3]) ... quod Petrus Bertran, loci Sancti Petri Piscatoris, et sui antecessores... fuerant homines solidi et de redimentia nobilium de Caramany.

[4]) ... negando esse hominem dicti pupilli et esse hominem Regium et quod sui predecessores liberi fuerunt.

знали себя и своихъ потомковъ крѣпостными рода Караманей, затѣмъ грамота 1396 г., по которой дѣдъ Бертрана удостовѣрилъ свое и своихъ потомковъ подчиненіе тому же роду Караманей и, наконецъ, письменный протестъ, поданный въ 1440 г. на имя королевскаго прокурора въ графствѣ Ампурданскомъ по поводу принятія имъ Петра Бертрана въ сословіе королевскихъ людей до истеченія законнаго срока одного года и одного дня со времени оставленія имъ земли сеньора. Въ отвѣтъ на это, Петръ Бертранъ выразилъ подозрѣніе относительно подлинности представленныхъ противной стороной грамотъ и въ защиту своей свободы сослался на свидѣтельство о поступленіи отца его въ духовное званіе (instrumentum tonsure), на двѣ грамоты подчиненія (capibrevia), изъ которыхъ было видно, что отецъ его оставался лично свободнымъ человѣкомъ [1]) и, наконецъ, на грамоту 1440 г., по которой онъ сдѣлался королевскимъ человѣкомъ и барселонскимъ гражданиномъ. Разсмотрѣвъ всесторонне вышеприведенные документы и показанія сторонъ и руководствуясь обычаями Херонскаго діоцеза и мнѣніями мѣстныхъ юристовъ, судъ призналъ искъ Арменголей правильнымъ и рѣшилъ, что Петръ Бертранъ долженъ принадлежать имъ на томъ основаніи, что велъ свое происхожденіе по прямой линіи отъ Петра Бертрана Старшаго, признавшаго себя и своихъ потомковъ въ 1331 и 1339 гг. крѣпостными людьми названнаго рода [2]). Но судъ не отказалъ ему въ возможности выкупиться изъ неволи на тѣхъ условіяхъ, какія выговорены были его предками. Именно, въ грамотѣ 1331 г. Петръ Бертранъ Старшій, впервые установившій зависимость своего рода отъ дома Караманей, выговорилъ для себя право получить свободу по уплатѣ 100 солидовъ, для своихъ дочерей и потомковъ женскаго пола—5 солидовъ, для своихъ сыновей и потомковъ мужскаго пола—20 солидовъ, но размѣръ выкупа не былъ опредѣленъ для того сына, который долженъ былъ наслѣдовать отцу: предполагалось, что онъ могъ откупиться за ту же цѣну, что и отецъ. Въ виду этого судъ рѣшилъ, что и Петръ Бертранъ могъ получить свободу по уплатѣ 100 солидовъ. Различные размѣры выкупной платы, опредѣленные въ 100, 20 и 5 солидовъ для различныхъ членовъ крестьянской семьи, подтверждаютъ еще разъ наше пред-

---

[1]) ... in quibus dictus Perpinianus non capibreviat personam suam.

[2]) ... pronunciat et declarat dictum Petrum Bertran esse hominem proprium et de redimentia dicti Armengoll et Caramany.

положеніе о соотвѣтствіи цѣны выкупа со степенью хозяйственной цѣнности лица.

Не всегда грамота освобожденія производила желательныя послѣдствія для крестьянъ. Судъ объявлялъ ее недѣйствительной, если она выдавалась сеньоромъ, не обладавшимъ полными правами собственности на земли, находившіяся въ его распоряженіи. Такъ, 16-го декабря 1391 г. въ королевскомъ патримоніальномъ судѣ графствъ Руссильонскаго и Серданскаго происходилъ процессъ между Сереной, вдовой рыцаря Бертранда, съ одной стороны, и восьмью крестьянами селенія Рупидаріо—съ другой. Серена доказывала, что эти крестьяне должны принадлежать ей, какъ homines proprii, solidi et afocati, а тѣ заявляли, что они не должны принадлежать ей, въ силу грамоты освобожденія, выданной имъ покойнымъ рыцаремъ Бертрандомъ, бывшимъ владѣльцемъ феода Рупидаріо. Судъ, принявъ во вниманіе, что они были крѣпостными Серены и ея предковъ, державшихъ данный феодъ, что этотъ феодъ находится въ держаніи, зависимомъ отъ короля, какъ верховнаго сеньора, и что вассалъ не можетъ уменьшить феода въ ущербъ сеньору, призналъ ихъ людьми госпожи Серены, обязанными принести ей присягу въ вѣрности и выполнять въ ея пользу повинности, установленныя обычаемъ и закономъ, а грамоту освобожденія призналъ недѣйствительною [1]).

Въ связи съ ременсой стоитъ очень сложный вопросъ о правѣ сеньора давать разрѣшеніе на вступленіе крестьянъ въ бракъ. Было ли такое право сеньора самостоятельнымъ обычаемъ, или оно вытекало изъ ременсы? Пужадесъ объясняетъ ременсу и какъ выкупъ личной свободы вассала, оставлявшаго мансъ, и какъ право сеньора

[1]) Cum constat nobis dictos homines fore homines proprios, solidos et afocatos dicte domine Serene et suorum predecessorum in dicto feudo, attendentes quod dictum feudum tenetur pro domino rege tanquam domino superiore ipsius feudi.. considerantes quod vassallus non potest diminuere feudum in prejudicium domini senioris, idcirco... pronunciamus dictos Petrum Bafarini et alios supranominatos fore homines proprios et solidos dicte domine Serene, et eos teneri et esse obligatos ad prestandum sacramentum fidelitatis et homagium et alias servitutes et terremerita ipsius feudi dicte domine et alia facere, ad que homines proprii et solidi tenentur et obligati existunt domino suo, secundum dispositionem juris et usaticos et observancias et constitutiones Cathalonie generales, non obstante instrumento affranquimenti pro parte dictorum hominum producto, cum Bertrandus de Alciato domicellus quondam dominus ipsius feudi in preiudicium domini regis non potuerit eos a dictis juribus et servitutibus afranquire... B. M. P. Documents inédits de l'histoire de Roussillon (1367—1403), p. 42.

давать разрѣшеніе на вступленіе крестьянъ въ бракъ [1]). Но послѣднее опредѣленіе онъ даетъ и обычаю „ferma de spoli“. Выходитъ, что для одного и того же права существовало два наименованія. Такъ ли это? Пере Альбертъ, не устанавливая классификаціи отдѣльныхъ правъ сеньора и обычаевъ, просто замѣчаетъ, что „крѣпостные крестьяне не могли заключать браковъ и выходить изъ мансовъ (по собственной волѣ), но должны были платить выкупъ“ [2]). Мы не нашли болѣе ни одного обычая, ни одного законодательнаго предписанія, которые прямо запрещали бы крестьянамъ вступать въ бракъ безъ разрѣшенія сеньора. Тѣмъ не менѣе думаемъ, что вступленіе крестьянъ въ бракъ стояло въ зависимости отъ воли сеньора, поскольку связано было съ перемѣной мѣстожительства и имущественными сдѣлками между брачущимися сторонами, на что требовалось согласіе сеньора. Другими словами, свобода крестьянъ въ брачныхъ дѣлахъ сильно была стѣснена ременсой и обычаемъ „ferma de spoli“. Въ чемъ же состоялъ этотъ обычай?

Въ исторической литературѣ господствуетъ взглядъ, что онъ представлялъ собою ничто иное, какъ чудовищное право сеньора на дѣвственность крестьянки, выходившей замужъ (jus primae noctis). „Вассалы, владѣвшіе тяглой землей, говоритъ Карденасъ, были подчинены дѣйствію „дурныхъ обычаевъ“: это названіе вполнѣ соотвѣтствовало ихъ сущности; феодальная тиранія даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ этотъ режимъ получилъ наибольшее развитіе, никогда не устанавливала худшихъ... Но самымъ отвратительнымъ изъ всѣхъ этихъ правъ, самымъ позорнымъ и невѣроятнымъ, и тѣмъ не менѣе дѣйствительно существовавшимъ, было то, которое называлось *„firma de spoli forzada“*. Въ силу этого права, сеньоръ могъ лежать съ новобрачной раньше, чѣмъ ея мужъ, что̀ служило вознагражденіемъ за необходимое разрѣшеніе для вступленія вассала въ бракъ, или, если отказывался отъ своего права, могъ переступить ногой черезъ супружеское ложе, въ знакъ своей сеньоріи [3]). Санпере-и-Микель высказываетъ подобный же взглядъ,

---

[1]) Remença personal ententech jo era. Que lo subdit, o vassall, no podia anarsen à viurer, o habtar en altra part, dexant à son senyor lo Mas, o gleua, ni mudarse de cada domicili, y familia, que primer nos rehemes, ço es, ques redimis de son senyor: consertantse ab ell del preu li auia à donar de sa persona, y familia, com los esclaus que rescatan y redemexen de sos amos... y mes auant: quant lo tal vassall se casaua, auia de ser ab llicencia de son senyor. Pujades, f. 360.

[2]) Costumbre XXXV (ed. Nolasco, II, 92).

[3]) Cárdenas, Ensayo sobre la historia de la propiedad territorial en España, II. 25—26.

считая „ferma de spoli“ „адскимъ злоупотребленіемъ“ [1]). На такой же точкѣ зрѣнія стоятъ Чіа [2]), Марчаларъ и Манрике [3]), Лагрезъ [4]), Ноласко [5]), Эскосура [6]), Зугенгеймъ [7]) и др. Начало отождествленія „ferma de spoli“ съ „jus primae noctis“ положилъ Пужадесъ. „Обычай *spoli forçat*, говоритъ онъ, былъ величайшею несправедливостью, какую только можно себѣ вообразить, такъ какъ осуществлялся слѣдующимъ образомъ: когда кто-нибудь женился, то сеньоръ за данное на это разрѣшеніе или за подпись брачнаго контракта, ложился въ первую ночь съ дѣвушкой, выходившей замужъ, а если хотѣлъ проявить вѣжливость, то не спалъ съ нею, а только переступалъ черезъ нее ногою, въ знакъ сеньоріи. Это явствуетъ изъ девятаго параграфа названной сентенціи“ (1486 г.) [8]). Далѣе Пужадесъ приводитъ соотвѣтственный текстъ сентенціи короля Фердинанда и замѣчаетъ: „Я нарочно хотѣлъ привести слова закона, такъ какъ обычай самъ по себѣ настолько постыденъ, что трудно повѣрить его существованію“ [9]). Обращаясь къ самому тексту сентенціи, мы видимъ, что ссылка Пужадеса на § 9 не совсѣмъ точна: хотя содержаніе этого параграфа онъ передаетъ вѣрно, но указанный обычай тамъ не названъ „ferma de spoli forzada“ [10]). Терминъ этотъ упомянутъ въ § 1 сентенціи, какъ одинъ изъ шести „дурныхъ обычаевъ“, но значеніе его тамъ не раскрыто, какъ не раскрыто значеніе и остальныхъ обычаевъ.

---

[1]) Las costumbres catalanas en tiempo de Juan I, por D. Salvador Sanpere y Miquel, p. 192 (Asociacion Literaria de Gerona, 1878).

[2]) Chia, Bandos y bandoleros, II, 50, 51, n. 3.

[3]) Marichar y Manrique, VI, 497, n. I.

[4]) Lagrèze, Histoire du droit dans les Pyrenées, pp. 384 и сл.

[5]) Nolasco, Constituciones de Cataluña, IV, 201, n. 6—7.

[6]) Antonio de la Escosura y Hevia, Juicio critico del feudalismo en España (Madrid, 1856), pp. 46—48 (вмѣсто ferma de spoli онъ употребляетъ терминъ prelibatio, отождествляя его съ jus primae noctis и ставя его рядомъ съ другими „дурными обычаями“).

[7]) S. Sugenheim, Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa, S. 35 (S. Petersb. 1861).

[8]) Spoli forçat era la major iniquitat, ques pogues imaginar. Per ques exhigia en aquesta manera. Que quant algu se casaua, lo senyor per lo consentiment prestaua, o firma que feya en lo contracte del matrimoni, cubaua, y jeya, la primera nit en lo llit ab la dona ques casaua, Y asso abans que lo marit. O quant lo senyor volia fer cortesia, de no jaurer ab ella: passauali per desobre: en senyal de la senyoria. Trause de la dita sentencia, en lo parafrago noue. Pujades, f. 361.

[9]) He volgut assi referir les paraules formals. Perque la cosa en si, per la sua turpitat, es de dificil creurer. Ib.

[10]) Текстъ сентенціи напечатанъ у Balaguer'a, Historia de Cataluña, t. III, pp. 800 и сл. (Barcelona, 1863).

Только путемъ простого сопоставленія этихъ двухъ параграфовъ и предположенія, что одинъ поясняется другимъ, можно прійти къ заключенію о тождественности „ferma de spoli“ и „jus primae noctis“ (такъ мы называемъ то явленіе, о которомъ рѣчь идетъ въ § 9, хотя тамъ оно не означается какимъ-либо спеціальнымъ терминомъ, какъ не имѣютъ особаго наименованія и цѣлый рядъ другихъ сеньоріальныхъ злоупотребленій, перечисляемыхъ въ томъ же параграфѣ). Но такое предположеніе лишено всякаго основанія. Къ тому же существуетъ документъ, остававшійся, правда, до сихъ поръ неизвѣстнымъ, гдѣ особо трактуется о ferma de spoli и о томъ явленіи, которое принято называть jus primae noctis, какъ о предметахъ, совершенно различныхъ [1]).

Королеу, Пелла-и-Форгасъ, Карлъ Шмидтъ и Брютайльсъ не раздѣляютъ распространеннаго взгляда на „ferma de spoli“ и предлагаютъ иное объясненіе этого обычая.

Первый изъ названныхъ писателей, отрицая возможность толкованія „ferma de spoli“, какъ jus primae noctis, склоняется къ мысли, что то была опредѣленная плата, которая слѣдовала сеньору за утвержденіе крестьянскихъ браковъ; въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ приводитъ три свидѣтельства: Пере Альберта, по которому крестьяне, при заключеніи брака, платили сеньору извѣстную плату (*cuasi* del laudemio del esponsalicio), Дюканжа, который объясняетъ значеніе словъ maritagium и forismaritagium, какъ плату сеньору за разрѣшеніе вступить въ бракъ, и Сольсоны, объясняющаго ferma de spoli, какъ плату, которую вносилъ крестьянинъ сеньору за утвержденіе имъ грамоты, служившей обезпеченіемъ сохранности приданаго жены. На Дюканжа автору ссылаться не было надобности, ибо каталонскому праву неизвѣстны были термины maritagium и forismaritagium [2]). Что же касается двухъ другихъ свидѣтельствъ, то изъ нихъ не слѣдуетъ тотъ выводъ, который дѣлаетъ Королеу: рѣчь въ нихъ идетъ не о брачномъ контрактѣ, а о грамотѣ обезпеченія приданаго, esponsalicio—терминъ, которому соотвѣтствуетъ каталонское слово spoli [3]).

---

[1]) Рукопись Архива Викскаго собора; см. объ этомъ цит. статью о дурныхъ обычаяхъ, стр. 27, прим. 1 и 2.

[2]) Coroleu, 327—328.

[3]) Сольсона такъ опредѣляетъ обычай „ferma de spoli: Que ferma de spoli forçada se deya: perque quant lo vassall obligaua sus bens per seguretat del dot de la muller, lo senyor per firmar aquella carta de la obligacio o hypotheca, tenia lo ters de Luysme (ссылка у Pujades'a, f. 361). Заявленіе Пере Альберта о томъ, что

Пелла-и-Форгасъ въ опредѣленіи этого обычая слѣдуетъ Королеу [1]). Шмидтъ, исходя изъ толкованія словъ „ferma de spoli forzada“ въ смыслѣ: „требуемая подпись брачнаго договора“, объясняетъ этотъ обычай, какъ право сеньора разрѣшать заключеніе брака и взимать за это извѣстную плату; но ни одного текста въ пользу такого толкованія даннаго обычая вообще, а слова spoli, какъ брачный договоръ, въ частности, онъ не приводитъ [2]). Наконецъ, Брютайльсъ смотритъ на ferma de spoli, какъ на пошлину (droit de mutation), которую взималъ сеньоръ съ вассала при установленіи имъ „вдовьей части“ (douaire) въ пользу жены. „Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, мы знаемъ, что „ferma“ иногда служитъ синонимомъ laudemium'a, т. е. утвержденія сеньоромъ акта продажи; съ другой стороны, намъ извѣстно, что каталонское слово „spoli“—переводъ латинскаго „sponsalicium“, что̀ означаетъ брачный даръ (donatio propter nuptias); наконецъ, мы видимъ, что сеньоръ принималъ участіе въ утвержденіи этого дара, и имѣемъ основаніе думать, что такое участіе сеньора не было безвозмездно. Я не вижу причины, почему нельзя было бы принять такого объясненія, вытекающаго одновременно какъ изъ смысла словъ, такъ изъ природы вещей“ [3]). Предлагаемое Сольсоной и близко стоящее къ его собственному объясненіе ferma de spoli онъ отвергаетъ, не приводя для этого ровно никакихъ основаній; другихъ мнѣній онъ также не разбираетъ; все свое толкованіе спорнаго вопроса онъ основываетъ на признаніи за словомъ „spoli“ значенія „donatio propter nuptias“, но единственнымъ для этого доказательствомъ служитъ ему неопредѣленное выраженіе „ab creix y espoli“, которое нашелъ онъ въ предисловіи къ „Перпиньянскимъ кутюмамъ“ Massot-Reynier'a. Между тѣмъ приведенный имъ самимъ текстъ въ подтвержденіе мысли, что сеньоръ участвовалъ въ утвержденіи брачнаго дара, свидѣтельствуетъ, что sponsalicium имѣло болѣе общее зна-

---

сеньоръ взималъ *cuasi* (Сокарратсъ объясняетъ это слово, какъ „четвертая часть“ см. Nolasco, l. c.) del laudemio del esponsalicio, и замѣчаніе Сольсоны, что сеньоръ взималъ lo ters de Luysme per seguretat del dot, почти совпадаютъ и поясняютъ другъ друга.

[1]) Pella y Forgas, 654.

[2]) Die „ferma despoli forçada“ („Ferma despoli“ heisst wörtlich: Unterschrift des Eheversprechens; daher ferma despoli forçada: die erforderliche Unterschrift des Eheversprechens) bestand in der Verpflichtung des Hörigen, für seinen Heirathsvertrag, damit derselbe Gültigkeit erlange, die Unterschrift (ferma) seines Herrn einzuholen. Schmidt, Jus primae noctis (Freiburg im Breisgau, 1881), SS. 296–297.

[3]) Brutails, 190.

ченіе, чѣмъ брачный даръ или вдовья часть. Этотъ текстъ гласитъ, что „всякій разъ какъ въ одинъ изъ названныхъ мансовъ (въ приходѣ Гранольерсъ) явится мужчина или женщина для заключенія брака, то господинъ аббатъ или его преемники не должны „firmare eis suum sponsalicium“, пока они не докажутъ, что освободились посредствомъ выкупа отъ власти какого бы то ни было сеньора“. Уже одинъ фактъ, что здѣсь рѣчь идетъ о sponsalicium одинаково въ примѣненіи къ мужчинамъ и женщинамъ, доказываетъ неправильность толкованія этого слова только въ смыслѣ „donatio propter nuptias“. Изъ другихъ документовъ видно, что „sponsalicium“ употреблялось въ болѣе общемъ значеніи, означало не только „donatio propter nuptias“, но и „dos“ (приданое). Разсмотримъ эти документы.

Передъ нами прежде всего текстъ брачнаго договора, заключеннаго въ 1432 г. между нѣкоей Садорниной и нѣкіимъ Петромъ, державшимъ мансъ въ зависимости отъ клирика Бернарда Раймунда. Садорнина даетъ своему жениху (sponso) приданое (constituo in dotem), въ видѣ денегъ и движимаго имущества, на сумму въ 50 ливровъ. Съ своей стороны, Петръ даетъ своей невѣстѣ (sponse), въ качествѣ брачнаго дара (constituo in donacionem meam propter nuptias), часть своего имущества на сумму, равную стоимости приданаго (tantumdem de bonis meis quantumdem est dicta dos vestra). Какъ приданымъ, такъ и брачнымъ даромъ супруги должны пользоваться совмѣстно; по смерти ихъ оно переходитъ къ дѣтямъ. Обезпеченіемъ сохранности приданаго (dos) Садорнины служитъ какъ движимое, такъ и недвижимое имущество Петра (pro quaquidem dote vestra... obligo totum mobile meum presens et futurum et... mansum meum). Владѣть этимъ имуществомъ, т. е. мансомъ и приданымъ (dos), Садорнина можетъ и по смерти Петра, оставаясь подъ властью того же сеньора; въ случаѣ же оставленія манса, она удерживаетъ только приданое, причемъ ременсу за нея долженъ уплатить наслѣдникъ Петра изъ своихъ средствъ (heres vel successor meus... vos redimere teneatur suis propriis sumptibus et expensis [1]). Итакъ, Садорнина, являясь въ мансъ Петра, приноситъ ему приданое (dos) и сама получаетъ отъ него даръ (donatio propter nuptias); размѣры того и другого точно опредѣлены еще до заключенія

[1]) Coroleu, Ap. II, 388—389 (Этотъ документъ напечатанъ въ видѣ приложенія къ соч. Королеу; но ни онъ самъ, ни другіе историки не воспользовались имъ для изслѣдованія вопроса о ferma de spoli).

брака; движимый капиталъ Садорнины (dos), повидимому, долженъ служить для хозяйственныхъ улучшеній манса Петра; но она нуждается въ гарантіи сохранности этого капитала за нею въ виду всякихъ случайностей въ жизни; Петръ ручается за сохранность его всѣмъ своимъ движимымъ имуществомъ и находящимся въ его держаніи мансомъ. Обѣ стороны, такимъ образомъ, еще до заключенія брака принимаютъ по отношенію другъ къ другу извѣстныя обязательства, изложенныя въ особой грамотѣ, которая подписана была дядей Садорнины-Бернардомъ, ея опекуномъ, самою Садорниной, Петромъ и тремя свидѣтелями. Но вотъ Садорнина явилась въ мансъ мужа и принесла ему приданое. Достаточно ли было одного ручательства мужа для сохранности его? Не слѣдовало ли еще обратиться къ самому сеньору, какъ собственнику манса, за подтвержденіемъ ручательства мужа, тѣмъ болѣе, что послѣднее давалось въ формѣ ипотеки манса подъ приданое жены? Вѣдь въ такомъ случаѣ мансъ служилъ предметомъ извѣстной сдѣлки, а всякая сдѣлка относительно манса могла состояться лишь съ согласія сеньора. Этотъ вопросъ наша грамота оставляетъ безъ разъясненія, но источники не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что подпись сеньоромъ такихъ грамотъ обыкновенно считалась обязательной, отчего и называлась ferma или firma forzada.

Какъ уже извѣстно, держать мансъ могли не только мужчины, но и женщины. Бывали случаи, когда не жена являлась въ мансъ мужа, а мужъ—въ мансъ жены. Аналогія была настолько полная, что, какъ видно изъ грамоты 1417 г., то движимое имущество, которое приносилъ мужъ въ мансъ жены также называлось „dos". „Я, Констанція", читаемъ въ этой грамотѣ: „дѣйствуя съ согласія матери моей Сибиліи, вдовы Петра де Калисъ, и брата моего Бернарда де Калисъ, симъ удостовѣряю вамъ, мужу моему, Іоанну де ла Сала, что вы уплатили мнѣ тѣ 100 золотыхъ флориновъ арагонскихъ, которые пообѣщали во время нашей свадьбы доставить, въ качествѣ приданаго (pro dote vestra), въ мансъ Калисъ" [1]).

Такимъ образомъ, подъ „dos" безразлично понималось какъ то имущество, которое приносила жена въ мансъ мужа, такъ и то, которое приносилъ мужъ въ мансъ жены. Изъ грамоты 1322 г. видно, что и слово „sponsalicium" примѣнялось какъ къ мужчинамъ, такъ

---

[1]) A. C. F. Manual de Pere March Poqui, not. Real de Vich de 1418—1424, f° 10.

и къ женщинамъ. Можно думать, что эти термины были равнозначущи.

Наконецъ, въ нашемъ распоряженіи находится копія, снятая нами съ одной рукописи XV в., хранящейся въ Архивѣ Викскаго собора и представляющей единственный документъ, въ которомъ раскрывается значеніе загадочнаго термина „ferma de spoli forzada“, тогда какъ въ другихъ источникахъ этотъ обычай только упоминается, какъ одно изъ доходныхъ правъ сеньора, безъ разъясненій, въ чемъ именно состоялъ онъ и каково было его значеніе. „Всякій разъ, читаемъ мы въ этой рукописи, представляющей рядъ крестьянскихъ петицій: когда вассалъ потребуетъ у сеньора подписи грамоты о приданомъ, сеньоръ долженъ подписать ее, получая за это въ свою пользу по два солида съ каждаго ливра. Если же вассалъ не пожелаетъ подписи сеньора, то послѣдній не долженъ требовать никакой платы отъ вассала, въ качествѣ права *spoli*, и не обязанъ подписывать грамоты“. Подпись сеньора въ этомъ документѣ называется ferma, грамота о приданомъ—carta de spoli, вознагражденіе, слѣдуемое въ пользу сеньора за подпись этой грамоты—dret de spoli [1]). Отсюда видно, что крестьяне добивались двухъ уступокъ: во-первыхъ, чтобы размѣръ вознагражденія, слѣдуемаго сеньору за подпись грамоты о приданомъ, былъ опредѣленъ двумя солидами съ каждаго ливра, т. е. $^1/_{10}$ общей цѣны приданаго, во-вторыхъ, чтобы подпись сеньора не была обязательной для такого рода грамотъ. Первая просьба имѣла въ виду умѣрить притязанія сеньора на вознагражденіе въ случаѣ утвержденія имъ грамоты о приданомъ; вторая, вѣроятно, обусловливалась тѣмъ, что размѣръ приданаго не всегда былъ настолько великъ, чтобы для обезпеченія его сохранности необходима была дорого стоющая подпись сеньора.

На основаніи всѣхъ приведенныхъ свидѣтельствъ мы приходимъ къ заключенію, что „ferma de spoli forzada“ представляла вознагражденіе сеньору за подпись грамоты о приданомъ, имѣвшей характеръ закладной. Такое толкованіе обычая „ferma de spoli“ подтверждается и мнѣніемъ юриста Сольсоны, который, какъ мы видѣли, опредѣляетъ его, какъ плату, слѣдуемую сеньору за подпись той грамоты, въ которой вассалъ ручался своимъ имуществомъ за сохранность приданаго жены [2]). Изложенная выше петиція кре-

---

[1]) См. цит. статью о дурныхъ обычаяхъ, стр. 27, пр. 1. Слово „spoli“ на основаніи предшествующаго изложенія мы сочли возможнымъ перевести словомъ „приданое“.

[2]) Въ пользу такого толкованія можно привести также и нижеслѣдующее постановленіе кортесовъ 1359 г., остававшееся, впрочемъ, какъ можно заключить

стьянъ доказываетъ, что сеньоры допускали произволъ при взиманіи „фермы де споли“. Уже одно это можетъ объяснить намъ, почему обычай этотъ считался дурнымъ. Принимая въ разсчетъ, что въ заключеніи крестьянскихъ браковъ хозяйственныя побужденія играли важную роль, легко понять, что „ферма де споли“ значительно сокращала выгоды брачнаго союза и, въ связи съ ременсой, т. е. необходимостью для одной изъ брачущихся сторонъ платить къ тому же выкупъ за освобожденіе, ставила самую возможность брака въ сильную зависимость отъ воли сеньора.

За браками крестьянъ признавалась такая же святость, какъ и за браками благородныхъ. Нарушеніе супружеской вѣрности женами крестьянъ влекло за собою наказаніе ихъ, причемъ судьей въ этомъ случаѣ являлся сеньоръ, взыскивавшій съ виновной въ прелюбодѣяніи женщины штрафъ, извѣстный подъ именемъ „кугусіи“. Этотъ штрафъ, являвшійся такимъ же послѣдствіемъ сеньоріальной юрисдикціи, какъ и штрафы за пожары и убійства, былъ одной изъ доходныхъ статей сеньоровъ и служилъ предметомъ различныхъ сдѣлокъ еще въ X в. [1]).

Право сеньора на имущество жены вассала, совершившей прелюбодѣяніе, какъ и самый проступокъ ея, носили одно и то же названіе „cugucia“ и „cucucia“, происходящее отъ каталонскаго слова „cugut“ или „cucut“ (отъ латинскаго „cuculus“), что значитъ, „кукушка“. Пужадесъ объясняетъ происхожденіе этого названія тѣмъ, что въ Каталоніи обезчещенный мужъ назывался „cugus“, т. е. „мужъ кукушки“ [2]), но оставляетъ безъ разъясненія вопросъ, почему съ проступкомъ прелюбодѣянія связывается названіе этой птицы. Пелла-и-Форгасъ, обращаясь въ область фольклора для объясненія этого обычая, приводитъ рядъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что, по народнымъ воззрѣніямъ, поведеніе и свойства кукушки имѣютъ много общаго съ поведеніемъ и свойствами женщины, совершающей прелюбодѣяніе [3]). Подобная аналогія, вѣроятно,

---

изъ содержанія цит. крестьянской петиціи XV в., мертвой буквой: sin autem alius quicunque feudum alicui pro ea, quam in uxorem duceret, in dotem daret, decima pars ipsius solummodo feudi domino persolvatur. Cortes de Cataluña, t. II, pp. 41—42 (Madrid, 1899).

[1]) 959... cum firmanciis et iusticiis omnium hominum in eis habitantes. et arsinas. et homicidias. et cucutias et placitos. Alart, Cart. Rouss., pp. 21—22. Здѣсь слово „arsina“, кажется, употреблено въ значеніи „поджога“.

[2]) Pujades, 360.

[3]) Pella y Forgas, 655.

и послужила основаніемъ для метафорической замѣны одного слова другимъ, „cugucia“ вмѣсто „adulterium“. Пужадесъ замѣчаетъ по поводу „cugucia“, что несчастный мужъ, кромѣ оскорбленія чести, терпѣлъ еще матеріальный ущербъ [1]). Если при толкованіи этого обычая имѣть въ виду только текстъ кодекса Рамона Беренгера (U. 103), то замѣчаніе Пужадеса надо признать явнымъ преувеличеніемъ, такъ какъ по этому кодексу, въ случаѣ прелюбодѣянія, совершеннаго безъ побужденія со стороны мужа, послѣдній не только не несъ никакого ущерба матеріальнаго, но и самъ получалъ, наравнѣ съ сеньоромъ, часть имущества виновной жены. Но въ виду общности владѣнія супруговъ имуществомъ вычетъ изъ него въ пользу сеньора, конечно, былъ матеріальнымъ ущербомъ въ такой же мѣрѣ для жены, какъ и для мужа. Съ другой стороны, возможно, что сеньоры не очень точно разграничивали имущество жены отъ имущества мужа, что и послужило, вѣроятно, основаніемъ для квалификаціи кугусіи, какъ дурного обычая. Эта догадка подтверждается тѣмъ, что въ XIV в. въ Херонскомъ епископствѣ существовалъ обычай, отмѣченный Міересомъ и требовавшій поступленія въ пользу сеньора отъ крестьянина, въ силу кугусіи, третьей части всего движимаго имущества его [2]).

Болѣе важное значеніе для опредѣленія юридическаго положенія крѣпостныхъ крестьянъ имѣютъ „экзоркія“ и „интестія“. „Изъ имущества крестьянъ, не оставившихъ потомства, сеньоры получаютъ ту долю, которая досталась бы всѣмъ дѣтямъ покойныхъ, если бы таковыя остались послѣ нихъ“. Такое опредѣленіе дается въ кодексѣ Рамона Беренгера обычаю „экзоркія“ (U. 102). Обычай этотъ получилъ свое названіе (exorquia или xorquia) отъ каталонскаго слова xorch, или exorch (или exorchus), соотвѣтствующаго латинскому sterilis, что значитъ „безплодный“, какимъ считался крестьянинъ, не оставившій потомства. Изъ самаго опредѣленія „экзоркіи“ слѣдуетъ, что крестьяне могли наслѣдовать имущество своихъ родителей.

„Если умершіе безъ завѣщанія оставляютъ послѣ себя женъ и дѣтей, то сеньоры получаютъ третью часть имущества умершихъ; если оставляютъ дѣтей, а не женъ, то сеньоры получаютъ половину имущества; если оставляютъ женъ, а не дѣтей, то сеньоры полу-

[1]) Pujades, 360.

[2]) Si rusticus cugus fuerit, dominus ratione cugutie debet habere tertiam partem omnium honorum mobilium rustici. Mieres, 69.

чаютъ половину имущества, а другую половину—родственники умершаго; если же родственниковъ не окажется, то сеньорамъ достается все; впрочемъ, въ каждомъ случаѣ сохраняется за женой причитающаяся ей доля имущества. То, что сказано относительно мужчинъ, имѣетъ мѣсто и по отношенію къ женщинамъ, умершимъ безъ завѣщанія" (U. 130). Такъ формулируется право интестіи въ томъ же кодексѣ, и уже изъ этой формулировки видно, что крестьяне пользовались правомъ завѣщать свое имущество.

Итакъ, изъ приведенныхъ двухъ обычаевъ мы заключаемъ, что крестьяне пользовались двумя важными гражданскими правами наслѣдованія и завѣщанія даже по отношенію къ тому имуществу, которымъ пользовались они, какъ зависимые отъ сеньора держатели мансовъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянинъ умиралъ, оставивъ завѣщаніе, послѣднее имѣло силу лишь постольку, поскольку не противорѣчило обычному праву, регулировавшему наслѣдственныя отношенія въ Каталоніи.

Въ случаѣ смерти бездѣтнаго крестьянина мансъ, какъ выморочное имущество, переходилъ въ руки сеньора [1]). Однако, послѣдній, по чувству справедливости, какъ замѣчаетъ одинъ изъ комментаторовъ „Барселонскихъ обычаевъ", Калисіо, обязанъ былъ передать мансъ въ пользованіе одному изъ родственниковъ умершаго [2]). Если сеньоръ отступался отъ своихъ правъ на землю, то за это долженъ былъ получить отъ новаго держателя ея извѣстное вознагражденіе и получалъ его въ видѣ экзоркіи, т. е. той части движимаго имущества, которая поступила бы въ распоряженіе всѣхъ дѣтей умершаго, если бы таковыя были у него. Комментаторы опредѣляютъ размѣръ экзоркіи различнымъ образомъ въ зависимости отъ тѣхъ узаконеній и обычаевъ, какіе существовали на этотъ счетъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Каталоніи [3]): въ однѣхъ частяхъ ея наслѣдственныя отношенія регулировалъ римскій законъ (18 новелла), въ другихъ, именно въ округахъ Таррагоны, Серверы и въ г. Барселонѣ (въ силу привилегіи 1283 г.)—готскій; и по тому, и по другому закону извѣстная часть имущества, т. наз. „legitima", должна была переходить непремѣнно въ наслѣдство къ дѣтямъ, и

---

[1]) Mortuo feudatario seu colono sine filiis revertitur feudum sive res de qua prestatur census ad dominum. Calicius, f.° CLVI. См. также Socarrats, 507, § 56.

[2]) ... ea vero, quae pro domino habuit, ipse dominus pro suo potest recipere, sed secundum equitatem uni ex propinquis dare debet. Calicius, f.° CXLII.

[3]) Calicius, f.° CXLII.

ею не могли распоряжаться по произволу родители. По римскому закону „legitima" составляла третью часть имущества, если дѣтей было четверо или меньше, и половину, если ихъ было больше. По готскому—все имущество отца или матери, дѣда или бабки дѣлилось на 15 равныхъ частей, изъ коихъ 8 составляли „legitima" и поровну дѣлились между всѣми дѣтьми; изъ остальныхъ 7 частей въ свою очередь выдѣлялись 5, которыми родители должны были надѣлить любого изъ дѣтей, и, наконецъ, послѣдними двумя долями родители могли располагать вполнѣ свободно. Монтбланкскіе кортесы 1333 г. уничтожили готскій законъ о наслѣдствѣ и распространили дѣйствіе 18 новеллы на всѣ части Каталоніи [1]). За исключеніемъ г. Барселоны, гдѣ по закону 1343 г., размѣръ „легитимы" опредѣленъ былъ четвертою частью имущества, во всей Каталоніи послѣ 1333 г. „легитима" равнялась или половинѣ, или третьей части имущества, въ зависимости отъ количества дѣтей. Приравненіе „экзоркіи" къ „легитимѣ", или точное опредѣленіе величины первой размѣромъ второй возможно было лишь въ томъ случаѣ, если бы „легитима" представляла опредѣленную величину, не измѣнявшуюся въ зависимости отъ количества дѣтей. Вѣроятно, такъ и было въ эпоху редакціи барселонскихъ кутюмъ, когда вопросъ о томъ, должна ли „экзоркія" составлять только третью часть или половину всего имущества, просто разрѣшался обычаемъ данной мѣстности, гдѣ дѣти, сколько бы ихъ ни было, всегда наслѣдовали одну и ту же, разъ навсегда опредѣленную, часть родительскаго имущества. Но когда размѣръ „легитимы" поставленъ былъ въ зависимость отъ числа дѣтей, она перестала быть постоянной величиной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и „экзоркія" перестала быть опредѣленнымъ платежомъ: сеньоры получили возможность, по своему усмотрѣнію, взыскивать съ наслѣдниковъ манса, въ качествѣ экзоркіи или половину, или третью часть движимаго имущества крестьянъ, не оставившихъ прямого потомства.

О томъ, какъ осуществлялось на практикѣ право экзоркіи, можно составить нѣкоторое представленіе на основаніи грамоты 1335 г. слѣдующаго содержанія. Въ зависимости отъ херонской препозитуры держали мансъ Сала супруги Петръ и Вильгельма.

---

[1]) Const. de Cataluña, изд. Nolasco, t. II, pp. 267—269 и соотвѣт. примѣч. Item edicimus et ordinamus quod in illis locis in quibus in computanda legitima lex gotica est hactenus observata, ea repulsa servetur de cetero lex Romana. Et hec servari volumus in successionibus illarum personarum que decetero morientur. Cortes de Montblanchi de 1333. I, 310, XXVII.

Дѣтей у нихъ не было. Свое имущество Петръ завѣщалъ женѣ. По завѣщанію она могла получить только половину манса [1]). Овдовѣвъ, она вступила въ обладаніе половиной манса, сошлась съ нѣкіимъ Михаиломъ Сала де Камполонго и, въ силу дарственной грамоты, передала ему свой участокъ. По смерти Вильгельмы, каноникъ Петръ де Касадеволь призналъ Михаила де Камполонго наслѣдственнымъ держателемъ манса, обязаннымъ нести въ его пользу обычныя повинности, но взыскалъ при этомъ съ него 200 солидовъ; въ составъ этой суммы входила и та плата, которая слѣдовала Касадеволю, въ качествѣ экзоркіи, и та, которая представляла пошлину за утвержденіе имъ дара, сдѣланнаго Вильгельмой въ пользу Михаила (ratione medii tertie et medii laudemii) [2]).

Экзоркія не составляла исключительной особенности юридическаго быта каталонскихъ крестьянъ: въ Кастиліи, напр., существовалъ обычай mañería, аналогичный каталонской экзоркіи и также считавшійся дурнымъ: первоначально онъ состоялъ въ томъ, что въ случаѣ смерти крестьянина (solariego), не оставившаго законнаго потомства, все его имущество, движимое и недвижимое, переходило къ сеньору; съ теченіемъ времени это право сеньора было обращено въ денежный налогъ [3]). Вѣроятно, такова же была исторія и каталонской экзоркіи.

У нѣкоторыхъ юристовъ XIV—XV вв., какъ, напр., у Міереса и Сокарратса, замѣтна тенденція ограничить сферу сеньоріальнаго права на экзоркію путемъ точнаго опредѣленія понятія „безплодія" и тѣхъ случаевъ, къ которымъ оно примѣнимо [4]).

Въ „интестіи" каталонскіе юристы склонны видѣть своего рода штрафъ, установленный за небрежное отношеніе крестьянъ къ хозяйственнымъ интересамъ сеньора. „Обычай интестія, говоритъ Сокарратсъ, возникъ вслѣдствіе небрежности крестьянъ въ дѣлѣ составленія завѣщанія, что приводило къ спорамъ и раздорамъ среди дѣтей крестьянъ изъ-за мансовъ и движимаго имущества, а раздоры эти, въ свою очередь, имѣли послѣдствіемъ разстройство хозяйства манса и, такимъ образомъ, причиняли убытокъ, какъ сеньорамъ

---

[1]) Sed si moriatur testatus et absque filiis, pertinet domino medietas. Socarrats, 507, § 25.

[2]) Прил. XVI.

[3]) Colmeiro, Historia de la economia politica en España, t. I, p. 468 (Madrid, 1863).

[4]) Socarrats, 506, § 22. Mieres, 68 (см. цит. статью о дурн. обыч., стр. 12).

мансовъ, такъ и обитателямъ послѣднихъ“ [1]). Едва ли Сокарратсъ былъ правъ, разсуждая такимъ образомъ. Если отсутствіе завѣщанія влекло за собою не только убытки для сеньора, но и для обитателей манса, какъ говоритъ онъ, то зачѣмъ же было обременять ихъ еще уплатой штрафа за то, въ чемъ они не были повинны? Надо думать, что основанія для интестіи были другія. Вѣдь сеньоръ всегда оставался собственникомъ манса, а крестьяне были только его держателями. Смерть крестьянина, не оставившаго завѣщанія, всегда открывала вопросъ, кому быть наслѣдникомъ имущества покойнаго, и вопросъ этотъ могло разрѣшить только то лицо, которому принадлежало верховное право распоряженія собственностью виллана, т. е. сеньоръ. Если съ прекращеніемъ прямого потомства держателя манса сеньоръ возстановлялъ свое право собственности надъ послѣднимъ и за извѣстное вознагражденіе (экзоркія) переуступалъ мансъ одному изъ родственниковъ умершаго, то вполнѣ аналогичныя условія наступали и тогда, когда крестьянинъ умиралъ, не оставивъ завѣщанія: право собственности надъ мансомъ возвращалось сеньору, и онъ опять-таки за извѣстное вознагражденіе (интестія) уступалъ мансъ новому держателю, но уже не изъ среды родственниковъ покойнаго, а одному изъ членовъ его семьи, какъ это видно изъ слѣдующаго примѣра. Въ 1314 году умеръ безъ завѣщанія, оставивъ трехъ законныхъ дочерей, Ромео де Кондамина, крѣпостной человѣкъ Монсерратскаго монастыря. Уполномоченный отъ послѣдняго Петръ де С. Петро избралъ наслѣдницей одну изъ дочерей Ромео—Ромію, находившуюся замужемъ за Перикономъ Виталемъ, на томъ основаніи, что „согласно барселонскимъ обычаямъ и мѣстной практикѣ .... сеньору предоставлялось передавать мансъ крестьянина тому изъ его дѣтей, кому онъ пожелаетъ оказать предпочтеніе“ (grattificare) [2]). Ромія признана была наслѣдницей манса, съ условіемъ, чтобы она и всѣ члены ея семьи оставались „людьми“ названнаго монастыря [2]) и выполняли въ пользу пріора и его уполномоченныхъ тѣ же повинности (census, usaticos et agraria ac alia consueta), какія выполнялъ ея отецъ. Съ своей стороны, Ромія нотаріальнымъ порядкомъ удо-

---

[1]) ... et sit tam secundum usaticos barchinone quam secundum consuetudinem notoriam huius (loci?), pater rusticus decedens intestatus relictis liberis de legitimo matrimonio natis licitum est seniori sive domino ipsius rustici grattificare et stabilire mansum ipsius rustici illi, cui magis voluit de liberis ipsius rustici hominis sui.

[2]) ... quod tu sis mulier et tui sint homines propii solidi habitantes et affocati in dicto manso de Condamina.

стовѣрила свою принадлежность Монсерратскому монастырю и приняла обычныя обязательства быть вѣрной и лойяльной по отношенію къ нему женщиной. Ромія, такимъ образомъ, вступила въ обладаніе мансомъ отца и возобновила договоръ съ монастыремъ. Но за это она должна была уплатить Петру де С. Петро 60 солидовъ, въ качествѣ интестіи [1]). Согласно обычаю, сеньоръ не могъ взимать больше третьей части движимаго имущества. Для опредѣленія той доли, которая поступала сеньору, какъ интестія или экзоркія, каждый разъ производили опись движимаго имущества, оставшагося послѣ смерти его владѣльца. Такая опись производилась, по порученію сеньора, мѣстнымъ байльи и нотаріусомъ, въ присутствіи членовъ семейства покойнаго, и свидѣтельствовалась нотаріусомъ, какъ можно заключить изъ нотаріальнаго акта 1409 г. [2]).

Уплата долговъ и издержки на погребеніе бездѣтнаго крестьянина, или не оставившаго завѣщанія, должны были производиться, по словамъ комментаторовъ Барселонскихъ обычаевъ, въ счетъ тѣхъ двухъ третей имущества покойнаго, которыя причитались его наслѣдникамъ; если же этого имущества не хватало, то на покрытіе расходовъ шла и та доля, которая предназначалась сеньору [3]).

Какъ по отношенію къ экзоркіи, такъ и по отношенію къ интестіи юристы старались опредѣлить тѣ случаи, которые соотвѣтствовали буквальному смыслу этихъ терминовъ и въ которыхъ сеньоръ имѣлъ право взимать съ крестьянъ извѣстную плату. Одни стояли на точкѣ зрѣнія, благопріятной для интересовъ сеньора, другіе склонялись на сторону крестьянъ. Такъ, напр., Маркильесъ на вопросъ: полагается ли сеньору интестія съ имущества лицъ, не могущихъ завѣщать—даетъ утвердительный отвѣтъ на томъ основаніи, что въ этомъ случаѣ интестія приравнивалась къ экзоркіи, и сеньоръ наслѣдовалъ изъ имущества несовершеннолѣтнихъ, неполноправныхъ и сумасшедшихъ ту долю, какую наслѣдовали бы ихъ дѣти, если бы таковыя у нихъ были [4]). Такой же доктрины придерживался и Яковъ де Монтехуданко, ученіе котораго было распространено въ Барселонскомъ діоцезѣ. Эту доктрину осуждаетъ Міересъ, утверждающій, что въ Херонскомъ епископствѣ

[1]) A. M. M.—Liber Prepositi. VI, f. LXXV°. Документъ этотъ напечатанъ на 17—18 стр. цит. нашей статьи.

[2]) B. M. P. Cart. Rouss. H., 359. Содержаніе этого акта изложено въ той же статьѣ, стр. 15.

[3]) Mieres, f. 63; Socarrats, 507, § 26.

[4]) Marquilles, f. CCCXLIII.

придерживались разумнаго обычая, по которому несовершеннолѣтнія лица не могли быть подведены подъ категорію intestati или steriles [1]).

Сокарратсъ также считаетъ злоупотребленіемъ взиманіе интестіи по смерти лицъ, лишенныхъ возможности завѣщать, и возмущается такими злоупотребленіями „особенно въ виду того, что подданные, подавленные могуществомъ сеньоровъ, не въ состояніи сопротивляться имъ". – „Но если нѣкоторые сеньоры, говоритъ онъ, и возвели указанныя злоупотребленія на степень обычая, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы и другимъ сеньорамъ позволительно было распространять этотъ обычай на своихъ подданныхъ, ибо обычай данной мѣстности, особенно если онъ тягостенъ и ненавистенъ, не можетъ и не долженъ распространяться на другія мѣстности и на другихъ лицъ" [2]). Эти разногласія очень характерны: они свидѣтельствуютъ о значительномъ вліяніи идей римскаго права на общественныя отношенія Каталоніи въ XIV и XV вв., о стремленіи внести начала римскаго гражданскаго права въ феодальныя отношенія Каталоніи, которыя, однако, имѣли еще своихъ защитниковъ въ рядахъ юристовъ.

Обращаемся теперь къ разсмотрѣнію того права сеньора, которое въ сентенціи 1486 г. названо „arcia". Какъ и по отношенію къ „ferma de spoli", такъ и по отношенію къ „арсіи" ключъ объясненія искали въ § 9 сентенціи, гдѣ, кромѣ упраздненія права первой ночи, отмѣнялось и право сеньора требовать къ себѣ на домъ крестьянскихъ женъ, безъ согласія ихъ, въ качествѣ кормилицъ для своихъ дѣтей. И въ этомъ случаѣ неясный терминъ § 1 сентенціи – „arcia" истолковывался, какъ насильственный приводъ кормилицъ въ домъ сеньора, а слово „arcia", соотвѣтственно такому толкованію, производили отъ глагола arcere въ значеніи „принуждать". Раньше другихъ историковъ такое объясненіе „арсіи" даетъ Пужадесъ, хотя и сознается въ трудности вопроса, заявляя: „Я сильно затруднялся объяснить себѣ, чѣмъ могъ быть этотъ обычай. Наши предки ежедневно, такъ сказать, имѣли передъ глазами эти обычаи, знали ихъ и, не подозрѣвая, что они могутъ исчезнуть и быть непонятными для потомковъ, не потрудились дать имъ объясненія, какъ слишкомъ извѣстной вещи". Толкованіе „арсіи", предложенное юристомъ Сольсоной, въ смыслѣ

[1]) Mieres, f. 63.
[2]) Socarrats, 507, §§ 21—24.

штрафа, который взыскивался съ крестьянина въ томъ случаѣ, если по винѣ его происходилъ пожаръ въ его усадьбѣ, Пужадесъ отвергаетъ, такъ какъ о такомъ штрафѣ онъ не нашелъ указанія въ самомъ текстѣ сентенціи. Но вѣдь въ послѣдней, можно возразить Пужадесу, многія повинности крестьянъ только перечисляются, но не объясняются; для разъясненія ихъ нужно обращаться къ другимъ источникамъ. Наоборотъ, Королеу находитъ опредѣленіе Сольсоны съ этимологической и исторической точекъ зрѣнія превосходнымъ, допуская, что слово „arcia" представляетъ сокращеніе слова „arcina" или „arsina", которое въ такомъ же смыслѣ, какой придаетъ ему Сольсона, встрѣчается и въ одномъ актѣ 963 г. и такъ же истолковывается Дюканжемъ [1]). И намъ догадка Сольсоны представляется заслуживающей полнаго признанія, и вотъ на какомъ основаніи: въ различныхъ документахъ спорный обычай означается словами arsia, arsina или arcina и упоминается рядомъ съ другими „дурными обычаями", напр., intestia, cugucia, въ такой же связи, какъ и въ сентенціи 1486 г.; затѣмъ въ одной копіи судебнаго рѣшенія 1381 г., найденной нами въ собраніи рукописей Алара въ Перпиньянѣ, рѣчь идетъ о правѣ „арсіи" въ такомъ смыслѣ, какъ понимаетъ его Сольсона, но нѣсколько въ иной транскрипціи этого слова: вмѣсто arcia—arcinja. Сходство начертаній „arcia" и „arcinja" и возможность перехода отъ одного къ другому черезъ посредство arcina или arsina, также встрѣчающихся въ грамотахъ, легко могутъ быть допущены, и потому мы считаемъ себя вправѣ привлечь документъ 1381 г. для разъясненія спорнаго вопроса. Документъ этотъ самымъ нагляднымъ образомъ раскрываетъ передъ нами сущность обычая „арсіи" или „арсины". Въ 1381 г. въ судѣ монастыря св. Михаила де Кучано разбиралось дѣло по иску Вильгельма Понція, представителя аббата этого монастыря, предъявленному противъ вассала послѣдняго Беренгарія Скопы, въ усадьбѣ котораго произошелъ пожаръ, уничтожившій нѣкоторыя строенія, и который, вслѣдствіе этого, pro jure arcinje, долженъ

[1]) Coroleu, 326. Кромѣ двухъ приведенныхъ толкованій „арсіи", существуетъ еще одно, но только не разъясняющее, а затемняющее вопросъ: именно Кутчетъ и Балагеръ (Cataluña vindicada, p. 174) сближаютъ слово arcia или arsina съ терминомъ artiga, производя ихъ отъ глагола ardere—жечь, горѣть, и объясняя въ значеніи пахотной земли, образовавшейся послѣ сожженія находившагося раньше на ней лѣса. Не говоря уже о томъ, что этимологія слова artiga, какъ объяснилъ Коста (J. Costa, Colectivismo agrario en España, p. 257. Madrid, 1898), совсѣмъ иная, она вовсе не вяжется съ контекстомъ сентенціи, перечисляющей права сеньора.

былъ уплатить въ пользу монастыря и его аббата третью часть своего движимаго имущества, согласно обычаямъ этого монастыря [1]). Отвѣтчикъ доказывалъ неправильность иска на томъ основаніи, что какъ самъ онъ, такъ и другіе жители села de Curtibus, пользуются льготой и свободны отъ платежа третьей части своего имущества — ratione arcinie. Судья, по выслушаніи сторонъ и разсмотрѣніи ихъ доказательствъ, призналъ искъ не подлежащимъ удовлетворенію [2]).

Итакъ, „арсія" представляла собою не право сеньора брать крестьянскихъ женъ въ кормилицы своихъ дѣтей, а штрафъ, взимавшійся сеньоромъ съ крестьянина, въ усадьбѣ котораго происходилъ пожаръ, въ размѣрѣ третьей части движимаго имущества, уцѣлѣвшаго отъ огня, или ея денежнаго эквивалента.

Легко подыскать и логическое основаніе для такого обычая: сеньоръ былъ собственникомъ манса и находившихся на немъ строеній, крестьянинъ—только держателемъ и несъ отвѣтственность за сохранность недвижимаго имущества сеньора; въ случаѣ пожара крестьянинъ отвѣчалъ передъ собственникомъ, возмѣщая убытки его третьей частью своей движимости. Но это основаніе переставало быть логическимъ и справедливымъ, если пожаръ происходилъ не по винѣ крестьянина, или если убытки, причиненные пожаромъ, составляли меньшую стоимость, чѣмъ третья часть движимаго имущества крестьянина, которую онъ во всякомъ случаѣ обязанъ былъ платить. Что право сеньора на арсію признавалось судами, это видно какъ изъ приведенной нами копіи судебнаго рѣшенія 1381 г., такъ и изъ сентенціи 1486 г., но непосредственнаго признанія законодательною властью этотъ обычай, какъ и „ферма де споли", не получилъ.

Разсмотрѣнныя нами сеньоріальныя права: ременса, ферма де споли, кугусія, экзоркія, интестія и арсія опредѣляли соціальное положеніе крестьянъ не только въ старой Каталоніи, но и въ Руссильонѣ, Серданьѣ и отчасти въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новой

---

[1]) ... domus sive pallerium, quam seu quod dictus Berengarius Scapa loci de Curtibus eiusdem honoris habebat in dicto loco de Curtibus, fuit igne combusta seu succensa et in totum arsa sive arsum, et cum, juxta usancias, observancias, usum et consuetudinem dicti monasterii quocienscumque aliquod hedifficium hospicii sive ipsius pars hominis dicti monasterii, in dicto loco de Curtibus igne comburitur, racione dicte arcinie quod homo, cuius erat tale hedifficium sive hospicium, tenetur ad solucionem tercie partis bonorum mobilium suorum abbati monasterii antedicti, sive ad extimacionem eorumdem. Прил. XXVI.

[2]) Прил. XXVI.

Каталоніи [1]), и извѣстны подъ общимъ названіемъ „дурныхъ обычаевъ“. Въ періодъ времени отъ XII до XV в. многія мѣстности успѣли освободиться отъ нихъ въ силу причинъ, которыя будутъ выяснены въ дальнѣйшемъ изложеніи.

„Какъ можно заключить изъ самаго названія, говоритъ Сурита, очень тягостны должны были быть тѣ обычаи, которые именовались дурными: освободиться отъ нихъ нельзя было иначе, какъ заплативши выкупъ, подобно тому какъ откупались на волю рабы“ [2]). Другіе авторы, какъ Пужадесъ, прибѣгаютъ къ различнымъ натяжкамъ, стараясь найти полное соотвѣтствіе между содержаніемъ и названіемъ „дурныхъ обычаевъ“, и, по необходимости, сгущаютъ краски, видя въ „ferma de spoli“—jus primae noctis, а въ арсіи право сеньора отрывать крестьянскихъ женъ отъ собственныхъ дѣтей, чтобы онѣ своею грудью вскармливали господскихъ.

Думаемъ, что предшествующее изложеніе доказало неправильность такого взгляда. Сами по себѣ „дурные обычаи“, за исключеніемъ ременсы, не представляли ничего такого, что оскорбляло бы нравственное чувство и унижало человѣческое достоинство крестьянъ. То были извѣстные пошлины и штрафы, которые взималъ сеньоръ съ крестьянъ въ болѣе или менѣе рѣдкихъ случаяхъ ихъ жизни: при оставленіи манса, выдачѣ обезпеченія приданаго, въ случаяхъ смерти безъ потомства и завѣщанія, пожара и прелюбодѣянія. Въ такомъ только смыслѣ и признавалъ ихъ законъ и въ такомъ лишь смыслѣ они были „дурными“: ременса узаконяла личное подчиненіе крестьянъ сеньорамъ; интестія и экзоркія напоми-

---

[1]) Относительно Руссильона и Серданьи см. Alart, Notices historiques sur les communes du Roussillon, I—II (1868—1878, Perpignan) и Brutails, op. cit., pp. 188—196; относительно Новой Каталоніи см. цит. нашу статью, стр. 48—49.

[2]) Por el nombre bien se dexa entender, que devian ser de mucha graveza aquellas, que llamavan malas costumbres: pues no se podian eximir dellas, sino rescatando se, y redimiendo se como esclavos: y de aquella redempcion, dixeron en Cataluña remença. Çurita, Anales de la Corona de Aragon, IV, 326, v-to. Дѣйствительно, замѣчается нѣкоторая аналогія между выкупомъ раба и выкупомъ крѣпостного, насколько можно судить объ этомъ на основаніи приведенныхъ выше примѣровъ (см. стр. 72—73) и нижеслѣдующихъ: въ 1283 г. монастырь с. Маріи de Belloch отпустилъ на волю раба Магомета за 300 солидовъ; въ томъ же году супруги de Coloma отпустили раба Себу за 185 солидовъ; въ 1292 г. тѣмъ же монастыремъ продана была сеньору Далмасіо де Солеръ сарацинка Аха за 300 солидовъ и т. д. Historia de la Coloma de Queralt, escrita por Juan Segura y Valls, pp. 49—56 (Barcelona, 1879). См. также „Costums de Catalunya“ того же автора въ „Jochs Florals“, 1886 г. (pp. 164—165).

пали крестьянамъ, что земля, которую обрабатывали они и ихъ предки, принадлежитъ не имъ, а сеньору; кугусія и арсія свидѣтельствовали о судебной власти сеньора, о правѣ его вмѣшиваться въ частную ихъ жизнь. Взятые вмѣстѣ „дурные обычаи" служили выраженіемъ подчиненія крестьянъ власти сеньора, какъ собственника и судьи. Разумѣется, такая власть могла быть и дѣйствительно была источникомъ вопіющихъ правонарушеній, съ которыми знакомятъ насъ сентенція 1486 г. и другіе памятники изучаемой эпохи.

Вызванные къ жизни фактическимъ усиленіемъ сеньоріальной власти надъ подчиненнымъ ей населеніемъ и закрѣпленные долговременной юридической практикой и закономъ, одни обычаи возникли раньше, другіе позже, въ періодъ времени отъ конца IX до XII вѣка. Установленію ременсы, какъ мы видѣли, предшествовало образованіе другихъ обычаевъ, изъ которыхъ кугусія, экзоркія, интестія и арсія являются древнѣйшими. Самое раннее упоминаніе о „ферма де споли" мы находимъ въ грамотѣ XII в. Одновременно съ образованіемъ этихъ обычаевъ возникаютъ и термины „дурной обычай", „дурной цензъ", но примѣнялись ли эти термины первоначально къ названнымъ обычаямъ—неизвѣстно. Названіе отдѣльныхъ обычаевъ и общій терминъ „дурные обычаи" стоятъ независимо другъ отъ друга въ древнѣйшихъ грамотахъ, и нельзя сказать, чтобы они опредѣляли другъ друга. Слово „обычай" („usaticus", „consuetudo") употреблялось въ двоякомъ значеніи: въ общемъ смыслѣ правовыхъ нормъ, регулировавшихъ общественныя отношенія данной области, независимо отъ законодательной власти, которая могла признать или не признать ихъ (Usatici Barchinonae, Consuetudines diocesis Gerundensis и т. д.), и въ спеціальномъ значеніи тѣхъ повинностей, которыя взималъ собственникъ земли съ ея держателя [1]). По своему происхожденію повинности эти были двухъ родовъ: справедливыя или хорошія, т. е. тѣ, которыя имѣли характеръ добровольныхъ приношеній, и тѣ, которыя произвольно устанавливалъ сеньоръ. Грамота Карла Лысаго отъ 844 г. запрещала графамъ и сеньорамъ считать цензомъ или податью добровольныя приношенія вассаловъ [2]). Отсюда можно заключить, что обращеніе добровольныхъ приношеній въ обязательные цензы признавалось про-

[1]) ... dederunt deo et s. Mariae omnia que ibi habebant, scilicet ipsos usaticos et decimas et primitias cum oblationibus fidelium (1081 г.). Alart, Cart. Rouss, 93.

[2]) Si autem illi propter levitatem et mansuetudinem comitis sui, eidem comiti, honoris et obsequii gratia quippiam de rebus suis exhibuerint, non hoc eis pro tributu vel censu aliquo computetur. M. G. H. Capitularia regum francorum, II, 260, c. 9.

тивозаконнымъ дѣйствіемъ. Въ грамотѣ вольностей, данной въ 986 г. жителямъ замка Кардоны, ясно разграничиваются двоякаго рода повинности: *bona consuetudo*—повинность, добровольно выполняемая вассаломъ, и *malus census*—повинность, обращенная сеньоромъ изъ добровольной въ обязательную [1]).

Выраженія „вредный обычай", „справедливыя и несправедливыя" повинности становятся весьма употребительными въ грамотахъ XI—XII вв. [2]): такія повинности служили источникомъ сеньоріальныхъ доходовъ и предметомъ различныхъ сдѣлокъ. Число этихъ повинностей вначалѣ было велико, характеръ ихъ разнообразенъ [3]). Въ послѣдующее время число ихъ было ограничено; сентенція 1486 г. говоритъ о шести „дурныхъ обычаяхъ", какъ о такихъ, за которыми признавалось юридическое значеніе и которые подлежали выкупу.

Юридическое положеніе каталонскихъ крестьянъ, если судить о немъ только на основаніи „дурныхъ обычаевъ", не кажется намъ такимъ безнадежнымъ, какимъ изображаютъ его многіе изъ цитированныхъ нами авторовъ. Въ Каталоніи крестьяне пользовались извѣстными гражданскими правами, они могли завѣщать и наслѣдовать; въ дѣла наслѣдованія крестьянскаго имущества сеньоръ вмѣшивался лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда крестьяне умирали, не оставивъ дѣтей или завѣщанія; они могли также продавать,

[1]) Et si vos per vestram bonam voluntatem aliquem bonum servicium feceritis ad seniorem vestrum aut ad amicum vestrum, et visitaveritis eum cum aliquid de vestra bona, aut receperitis eos in vestras domos, sicut fuit semper bona consuetudo ab inicio a bonis ominibus ad faciendum, et est, erit semper in antea, aut aliquod servicium per vestra bona voluntute feceritis... non computetur nullus omo per nullum censum, nec per nullum malum exemplum, nec per nullum malum vicium. Quod si tamen aliquis malignus omo, aut senior malignus, aut amicus malignus, hoc per censum computare voluerit, aut malum censum per aliquem malum inienium adcrescere voluerit... nullatenus possit hoc facere. Charta populationis Cardonae (986). Villanueva, VIII, 279—280

[2]) ... perversum usum quod ego constitui (1029). ... quicquid ullo modo recte aut iujuste inhereat mihi (1055) .. quicquam servitii debiti sive indebiti facere teneantur (1194). .. Dimitto... omnes leudas et malos usaticos quos noviter misi in civitatibus meis. Bafarull, Los condes de Barcelona vindicados, t. II, p. 180. Villanueva. XV, 250; XIII, 261.

[3]) Такъ, въ одной грамотѣ XII „дурнымъ обычаемъ" называется подать, которую обязаны были платить жители одного селенья въ видѣ опредѣленнаго количества хлѣба. Coleccion de documentos ineditos del Archivo General de la Corona de Aragon, t IV, pp. 225 226. Въ сходномъ значеніи употреблялся этотъ терминъ и во Франціи: ... si aliquis plures juniores vel alias malas consuetudines imponere voluerit in molendinis. A. Giry, Documents sur les relations de la royauté avec les villes en France de 1180 à 1313 (Paris, 1885), p. 9.

закладывать, дарить, отдавать въ держаніе свои земельные участки, при соблюденіи извѣстныхъ условій, которыя общи были для нихъ и для эмфитевтовъ и къ разсмотрѣнію которыхъ мы и перейдемъ теперь.

Переходъ имущества крестьянъ, по завѣщанію, къ дѣтямъ или внукамъ совершался безпрепятственно и не сопровождался какими-либо платежами въ пользу сеньора, такъ какъ разсматривался, какъ продолженіе „dominium utile“ въ одной и той же семьѣ [1]). При отсутствіи завѣщанія сеньоръ получалъ только ту долю имущества, которая слѣдовала ему по праву интестіи. Но если крестьяне переуступали свою землю постороннимъ лицамъ, боковымъ родственникамъ или даже прямымъ потомкамъ за денежную плату, то такого рода сдѣлки признавались дѣйствительными лишь по утвержденіи ихъ сеньорами. Въ такомъ смыслѣ изданы были постановленія кортесами въ 1211 и 1359 годахъ [2]). Возможность для крестьянъ подобныхъ переуступокъ обусловливала вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность пріобрѣтенія ими вассаловъ [3]). Земельный держатель обязанъ былъ заблаговременно извѣщать сеньора о своемъ намѣреніи произвести ту или другую сдѣлку, въ силу которой феодальное или эмфитевтическое имущество подлежало продажѣ, ипотекѣ или сдачѣ въ цензъ. Обязанность эта называлась „fadiga“ или „fatica“. Получивъ извѣщеніе, сеньоръ могъ вернуть себѣ имущество, служившее предметомъ сдѣлки, уплативъ вассалу предложенную ему третьимъ лицомъ сумму [4]). Новое лицо, пріобрѣтавшее оброчную

[1]) Lazaro de Dou, pp. 35—37.

[2]) Cortes de Cataluña, I, 89; II, 41.

[3]) ... rusticus potest habere vasallos. Socarrats, 333, § 7.

[4]) Первое упоминаніе о „фадигѣ“ находимъ въ „Барселонскихъ обычаяхъ“ (U. 140). По опредѣленію Сокаррата (546, § 7), fadiga id est jus retinendi rem venditam pro illo pretio, quo vendita fuit, post fatigationem factam in domino, ut puta faciendo attestationem, id est, denuntionem domino, si velit dare pretium, quod de ipsa re invenitur. — Въ грамотахъ для обозначенія этого права сеньора встрѣчается также терминъ: „lo dret de emparar y retenir“ (A. H. G. Caj. 47. Perg 145). Впрочемъ, при сдачѣ эмфитевзы въ долговременную аренду не всегда требовалось согласіе сеньора. Item fuit quaesitum, utrum emphyteuta in rem, quam tenet in emphyteusim, possit, constituere servitutem sine consensu domini: an vero requiratur eius consensus, ita ut sine eo servitutem imponens cadat a iure suo? Et fuit conclusum... quod emphyteuta possit servitutem imponere in rem emphyteuticariam sine requisitione consensus domini. Luis de Pequera, Decisiones capellae Tholosanae et S. Regii consilii Cathalonie, p. 407 (Francofurti, 1614) -Quaero, ecce quod fit locatio ad longum tempus de re emphyteuticaria aut feudali, nunquid de tali locatione debeatur domino allodiali vel feudali laudemium? Et dico quod non. Socarrats, 550, § 19. Cf. Pere Albert, Cost.

землю, вмѣстѣ съ тѣмъ принимало и тѣ обязательства по отношенію къ сеньору, какія лежали на прежнемъ держателѣ. Отсюда вытекало требованіе, по которому оброчная земля могла быть уступаема только такимъ лицамъ, которыя, по своему юридическому положенію, способны были выполнять повинности, лежавшія на данной землѣ. Рыцари, духовныя лица, а иногда и горожане, какъ не способные къ выполненію повинностей, связанныхъ съ держаніемъ оброчной земли, не могли ею владѣть, а если она попадала въ ихъ руки, то обязаны были въ теченіе срока, опредѣленнаго обычаемъ, передать ее другимъ лицамъ, способнымъ удовлетворить требованіямъ оброчнаго держанія [1]).

При существованіи нѣсколькихъ сеньоровъ, держатель оброчной земли въ однѣхъ мѣстностяхъ долженъ былъ извѣщать о предполагавшейся сдѣлкѣ ближайшаго, въ другихъ —не только ближайшаго или непосредственнаго сеньора, но и главнаго. Въ первомъ случаѣ отвѣта на сдѣланное извѣщеніе необходимо было ожидать въ теченіе 30 дней, въ послѣднемъ—устанавливался двойной срокъ, т. е. 60 дней: 30—на полученіе отвѣта отъ непосредственнаго сеньора и 30—на полученіе отвѣта отъ главнаго [2]). Если

XVIII (ed. Nolasco, II, 77): ... puede el vasallo sin consentimento del señor dar perpetuamente en enfiteusis alguna parte del feudo.

[1]) Nolasco, II, 118—122. Alart, Notices historiques. I, 92—93 (док. 1429 г.).

[2]) Sit omnibus notum, quod ego Bononatus maymoni, comorans in Barchinona homoque Sancti Pauli de Maritimo non dolo, uj uel metu, sed gratis et spontanea uoluntate et ex certa sciencia uendo uobis, Guigoneto de Sancto Paulo, et uestris et cui uolueritis perpetuo omnes ipsas domus cum quintanis terre eisdem contiguis et cum introitibus et exitibus suis et pertinencijs, quas habeo in Ripparia .. et teneo per monasterium S. Pauli de Maritimo, ordinis Kartuxie, et dominum priorem ejusdem... Et cum hoc publico instrumento perpetuo ualituro induco uos de praedictis in corporalem possessionem uel quasi pleno iure tanquam in rem uestram propriam ad faciendam inde uestram libram uoluntatem, saluo tamen sempre in omnibus et pro omnia jure, censu et senioratico, et fatica XXX dierum dicti monasterij et domini prioris eiusdem, qui census est septem solidi monete Barchinone de terno annuatim soluendorum in festo nat. Dominj. Pro hac autem uenditione confiteor me habuisse et recepisse a uobis quatuordecim libras dicte monete quitias a iure laudimij dicti domini prioris, ultra quas uos componatis cum dicto domino priore de suo laudimio. A. C. A. Moncales. Perg. № 11 (1301 г.).—Петръ де Мата, державшій землю въ зависимости отъ сакристана церкви св. Лаврентія до Нора (въ Барсел. діоцезѣ), переуступилъ свой участокъ двумъ женщинамъ, Маргаритѣ и Іоаннѣ, и сдѣлался ихъ непосредственнымъ сеньоромъ. По смыслу заключеннаго между ними контракта, онѣ могли дѣлать полученную землю предметомъ различныхъ сдѣлокъ, при условіи соблюденія „фадиги“ по отношенію къ непосредственному и главному

въ теченіе указаннаго срока сеньоръ не выражалъ желанія пріобрѣсти оброчное имѣніе, то сдѣлка считалась состоявшеюся. Сеньоръ долженъ былъ подписать предложенный ему нотаріальный контрактъ, дать свою „фирму" [1]), и получалъ за это извѣстную пошлину, размѣръ которой соотвѣтствовалъ цѣнѣ произведенной сдѣлки или заранѣе опредѣленъ былъ въ грамотѣ, устанавливавшей условія даннаго оброчнаго держанія. Такія пошлины, какъ и право на полученіе ихъ, назывались „laudemia" (отъ глагола laudare - одобрять, утверждать; по-кат. loysme) или „foriscapia" (отъ глагола foriscapere—отчуждать), или „tertia" (т. е. третья часть цѣны сдѣлки) [2]) и соотвѣтствовали тому, что во Франціи называлось „lods et ventes". Лицо, получавшее оброчную землю, предварительно уплачивало пошлину, иначе сдѣлка признавалась недѣйствительной [3]).

Размѣры „лаудемія" разнообразились по отдѣльнымъ мѣстностямъ; но, по сравненію съ высотой „лаудемія" въ Кастиліи, гдѣ онъ равнялся $^1/_{50}$ цѣны, какъ то было и по кодексу Юстиніана, каталонскій „лаудемій" вообще былъ довольно высокъ, составляя отъ $^1/_{20}$ до $^1/_2$ цѣны сдѣлки. Король Педро IV пытался законодательнымъ путемъ урегулировать взиманіе лаудемія. Въ кортесахъ 1359 г. изданъ былъ законъ, по которому размѣръ лаудемія опредѣленъ былъ третьей частью стоимости имущества, если оно отчуждалось въ силу денежной сдѣлки (titulo oneroso), одной десятой, если уступалось безвозмездно не прямымъ потомкамъ держателя (titulo lucrativo), и одной двадцатой той суммы, которую получалъ послѣдній, въ случаѣ сдачи земли въ аренду или ипотеки [4]).

Но въ эпоху Сокарратса, по его же словамъ, лаудемій обыкновенно взимался въ размѣрѣ 2 денаріевъ съ каждаго солида, т. е. составлялъ $^1/_6$ цѣны сдѣлки. По мнѣнію этого юриста, было бы справедливѣе, если бы сеньоръ довольствовался десятью солидами съ каждой сотни, т. е. $^1/_{10}$ цѣны сдѣлки. Онъ же сообщаетъ, что въ Херонскомъ діоцезѣ лаудемій равнялся $^1/_3$ стоимости отчуждаемаго имущества, если вассалъ извѣщалъ сеньора о предполагавшейся сдѣлкѣ, и половинѣ если такого извѣщенія (fadiga) не

сеньору: .. „liceatque vobis et vestris (vendere etc.) post dies triginta, ex quo in me et meos faticati fueritis, et post alios triginta dies, ex quo in dictum sacristam faticati fueritis".—A. C. A. Moncales. Perg. № 57.

[1]) ... firmam, id est, quod propter calamum datur laudemium. Socarrats, 546, § 7.

[2]) Nolasco, II, 114. Ср. прил. III, IV, VIII, XIII.

[3]) См. примѣч. I.

[4]) Cortes de Cataluña, II, 41—42.

было. Отсюда видно, что „фадига“ не вездѣ признана была необходимымъ условіемъ дѣйствительности сдѣлки. Въ случаѣ безвозмезднаго отчужденія (дара, завѣщанія) или мѣны, сеньоръ взималъ, по словамъ Сокарратса, только половину лаудемія (medium laudemium или medium tertium) [1].

Если между собственникомъ и держателемъ оброчной земли не было посредствующихъ сеньоровъ, то лаудемій цѣликомъ поступалъ въ пользу перваго. Если же феодъ или эмфитевза послѣдовательно переуступались изъ рукъ въ руки, и существовало нѣсколько сеньоровъ, то лаудемій различно распредѣлялся между ними, въ зависимости отъ договора или мѣстнаго обычая: главный сеньоръ получалъ или $^2/_3$, или $^1/_2$, или $^1/_3$, или даже меньшую часть лаудемія, а остальная дѣлилась между второстепенными [2].

Высота лаудемія въ Каталоніи во многихъ случаяхъ можетъ быть объяснена незначительностью оброка, который платили держатели земли въ пользу сеньоровъ и который часто служилъ скорѣе выраженіемъ зависимости первыхъ, чѣмъ источникомъ дохода для послѣднихъ, состоя изъ такихъ приношеній, какъ пара курицъ, фунтъ воска и т. д. При незначительности оброка, лаудемій могъ быть главнымъ источникомъ земельнаго дохода для собственника, и потому мобилизація земельной собственности, находившейся въ держаніи у эмфитевтовъ, не встрѣчала противодѣйствія со стороны сеньоровъ.

Лаудемій, какъ и фадига, были признаками эмфитевтическаго контракта. Но права и обязательства этого рода имѣли мѣсто до извѣстной степени и въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя вытекали изъ ленной присяги, когда держателями земли были ременсы. Говоримъ: до извѣстной степени, такъ какъ мансы ременсъ, какъ и другія

---

[1]) Socarrats, 546, § 6.

[2]) Costumbres de Cataluña, IV (ed. Nolasco, II, 59); Nolasco, II, 111–124; Socarrats, 545, §§ 1–2; Oliver, II, 515–516. Размѣръ лаудемія, слѣдовавшаго главному сеньору, иногда опредѣлялся договоромъ. Такъ, въ 1321 г. херонскій житель Вильгельмъ де Бевіано уступилъ церкви св. Маріи въ Херонскомъ діоцезѣ принадлежавшіе ему въ приходѣ св. Стефана мансы съ тѣмъ условіемъ, чтобы наслѣдникъ Вильгельма, какъ держатель этихъ мансовъ и „dominus medianus“ по отношенію къ ихъ обитателямъ, былъ подчиненъ херонскому епископу (sit persona propria dicte dignitatis episcopalis), какъ своему „domino directo“, платилъ ему цензъ, въ видѣ фунта воска, наканунѣ праздника Успенія и дѣлилъ съ нимъ всѣ доходы съ имѣнія, въ томъ числѣ и лаудемій, такъ, чтобы $^1/_{10}$ часть ихъ поступала въ пользу епископа, а $^9/_{10}$ въ его пользу. Прил. VIII.

феодальныя держанія, не подлежали дробленію, а могли переуступаться изъ рукъ въ руки лишь цѣликомъ[1]).

Что лаудемій входилъ въ кругъ обязательствъ, возлагавшихся и на лицъ крѣпостного состоянія, видно, напримѣръ, изъ документа 1359 г. слѣдующаго содержанія. Крестьянка прихода св. Маріи де Камосъ, Марія, жена Раймунда и дочь Бернарда, отъ котораго унаслѣдовала мансъ Вилла де Монтъ, принадлежавшій одной изъ херонскихъ препозитуръ, признала себя съ потомствомъ „людьми" клирика Раймунда Феррарія и его преемниковъ, обязанными нести въ ихъ пользу интестіи, экзоркіи, ременсы, и обезпечивала полученіе ими также лаудемія и другихъ доходовъ съ названнаго манса и его угодій[2]). Такого же рода удостовѣреніе далъ

---

[1]) Costumbres de Cataluña, IX (ed. Nolasco, II, 62).

[2]) Noverint universi, quod ego Maria, filia et heres universalis Bernardi de Villa quondam, parrochie S-te Marie de Camonibus uxorque Raymundi, filii Petri de Prato, eiusdem parrochie, gratis et ex certa scientia et de iure meo plene certificata, de consensu et voluntate dicti viri mei, virtute subscripti iuramenti, confiteor et recognosco vobis venerabili Raymundo Ferrarij, obtinenti beneficium quod venererabilis Arnaldus de Scala quondam instituit in ecclesia sedis Gerunde et ratione ipsius beneficii preposito elemosine panis sedis Gerunde licet absenti, quod teneo et tenere debeo pro vobis, ratione dicte elemosine et per ipsam elemosinam et sub directo dominio et alodio eiusdem, mansum meum vocatum de Villa de Mont, parrochie de S. Maria de Camonibus, cujus fuit proprietarius Jacobus de Villa quondam avus meus et prosequens dictus pater meus et eius heres, et quod ratione ipsius mansi et iurium et pertinentiarum eiusdem s u m e t e s s e c o n s u e v i e t d e b e o f e m i n a p r o p r i a e t s o l i d a d i c t e e l e m o s i n e cum omni prole ex me nata et nascitura, cum intestiis, exorquiis, redemptionibus personarum et aliis servitutibus et juribus, quas et que quilibet dominus directus habet et habere debet in suis hominibus propriis et solidis tam de consuetudine quam de jure... Item confiteor et recognosco, quod facio et presto ac facere et prestare consuevi et debeo de expletis dictarum terrarum dicte elemosine decimam et unam tascham, scilicet decimam et tascham vini allatas ad hospicium de mansione meis missionibus, et non aliorum expletorum. Item, quod dicta elemosina et vos per ipsam habetis et habet in dicto manso et in terris predictis intratas et exitas, t e r c i a, l a u d i m i a e t f o r i s c a p i a, e m p a r a s e t f i r m a m e n t a d i r e c t a e t i n p e r s o n i s i n t e s t i a s, e x o r q u i a s, r e d e m p t i o n e s h o m i n u m e t m u l i e r u m et alia omnia, que ad directum dominium pertinere noscuntur. Et quod ratione predictorum facio et presto ac facere et prestare consuevi et debeo dicte elemosine censualiter annuatim in festo Nat. Domini unam pernam carnium salsarum.. unum par gallinarum in eodem festo et tres fogacias.. et tres quarterias vini puri et sine aqua ad mensuram Gerunde per albergam eodem festo et tria ova in festo Pasche et unum caseum in festo Penthecostes et in festo s. Ffelicis V solidos et VIII denarios Barch... cauatis, podatis, traginis et operibus, questiis, bladis et districtu molendini, et III quarterias ciuate ad mensuram vendibilem balneolarum et unam quarteriam civate ad mensuram veterem censualem de Balneolis in

въ 1379 г. житель прихода св. Романа де Лорето канонику Бернарду Оливѣ, отъ котораго получилъ мансъ Девини [1]), и т. д.

Если крѣпостные крестьяне, подъ контролемъ сеньора, могли производить въ своей средѣ различнаго рода имущественныя сдѣлки, путемъ которыхъ ихъ земли переходили изъ рукъ въ руки, то, съ другой стороны, и сами они, вмѣстѣ съ ихъ земельными участками, могли быть предметомъ купли—продажи, мѣны, даренія, завѣщанія, ипотеки и т. д. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные документы изучаемой эпохи. Такъ, напримѣръ, въ 1305 г. вдова сеньора де Кальдаръ Бланка продала жителю м. Берги—Бернарду де Вилато помѣстье (cauallaria) Норра, съ мансами, входившими въ его составъ, и людьми обоего пола, населявшими его, за 650 солидовъ [2]); въ 1314 г. Петръ Дечеса продалъ херонскому епископу за 4050 солидовъ замокъ въ приходѣ св. Феликса де Паларафано, „съ мансами и бордами, мужчинами и женщинами и всѣми правами надъ ними" [3]); въ 1336 г. житель г. Безалю— Петръ Феррарій продалъ херонскому канонику два манса въ приходѣ Серинья, съ правомъ полученія съ ихъ обитателей различныхъ повинностей, за 6350 солидовъ [4]); въ 1405 г. рыцарь Феррарій де Кастильето заявилъ, что владѣетъ замкомъ Монтмайоръ, который былъ пріобрѣтенъ имъ путемъ купли у рыцаря Франциска де Монтекларо, вмѣстѣ съ мансами, ихъ обитателями и доходами съ нихъ [5]), и т. д. [6]).

---

dicto festo s. Ffelicis et unam quarteriam vini primi trescoli (?) pro botagio tempore trescolandi et duobus annis VI denar. et tertio anno VI den. et obolum... A. H. G. Caj. 43 Perg. 254 (1359).

[1]) A. C. G. Arm.° 3, Est. I, Leg. 17 (1379). См. также прил. XXI (1300).

[2]) ... cum omnibus eius domibus, casalibus, laborationibus, mansis, masoneriis... hominibus et feminis et aliis juribus universis. A. C. V. Coleccion de instrumentos para la histor'a del territorio de Urgel y de la Villa de Bellpuig, f° 16.

[3]) Прил. III.

[4]) A. H. G. Caj. 48. Perg. 148: Ego Petrus Fferarii iuris peritus bisulduni recognosco vobis venerabili Petro de Casadeual preposito elemosine panis sedis Gerunde, quod habui et recepi a vobis... totum illud pretium 6350 colid. barch. de terno pro quo vobis et vestris successoribus et ipsi elemosine venditionem perpetualiter feci de duobus mansi, altero vocato de serra Deual, parrochie de Seriniano, et alio vocato de Podiata eiusdem parrochie, et de jure et servitute, quod et quam habebam in personis Arnaldi de Podiolo èt Marie, eius uxorie.

[5]) ... castrum et parochiam de Monte claro sitos ac constitutos in vicaria Vigo et Bergatano... etiam omnes et singulos mansos et mansonias... cum hominibus et mulieribus, presentibus et futuris... cum censibus, agrarijs, partibus expletorum, redditibus, usantijs et iuribus aliis universis... cum toltis, forciis, sacramentis, stabilimentis,

Право сеньоровъ отчуждать крестьянъ съ ихъ земельными надѣлами засвидѣтельствовано юристомъ Сокарратсомъ [1]), но нигдѣ мы не встрѣтили указанія на то, чтобы сеньору предоставлено было право отчуждать ременсъ отдѣльно отъ занятыхъ ими мансовъ. Если ременсы были крѣпки землѣ, то въ свою очередь и земля была крѣпка имъ.

Однимъ изъ существеннѣйшихъ условій земельнаго держанія было обязательство производить въ немъ извѣстныя улучшенія или, по крайней мѣрѣ, не допускать въ немъ ухудшеній, содержать домъ и усадьбу въ надлежащемъ порядкѣ [2]). Требованіе это одинаково распространялось какъ на эмфитевтовъ, такъ и на ременсъ. Разумѣется, чѣмъ льготнѣе были условія держанія, чѣмъ болѣе выгодъ обезпечивалъ контрактъ за держателемъ, тѣмъ больше побужденій имѣлъ послѣдній для затраты энергіи и капитала на введеніе различныхъ улучшеній въ своемъ хозяйствѣ. Въ этомъ отношеніи вѣчно-наслѣдственная эмфитевза представляла особенно важныя преимущества для земледѣльческой культуры, такъ какъ заботы объ увеличеніи доходности земли не сопровождались истощеніемъ почвы и другими пагубными для земледѣлія явленіями, вслѣдствіе необходимости заглядывать въ будущее и имѣть въ виду интересы своихъ наслѣдниковъ. „Уступаю вамъ, говорилъ рыцарь Альтариба въ контрактѣ, заключенномъ съ Франсискомъ Джоверіемъ въ 1445 г.: все вышепоименованное съ тѣмъ, чтобы вы производили улучшенія и поддерживали порядокъ, согласно обычаю доб-

placitis, intestiis, exorquiis et redemptionibus personarum. A. P. R. Processus feodorum de tempore Regis Martini (1405–1406) f.° 56.

[6]) ... Raymundus de Farners miles... tradidit... predicte ecclesie mansum de Serra pro oleo et candela et mansum, quem Berengarius de rego tenet... pro francho alodio... cum omnibus suis pertinenciis et tenedonibus cultis et heremis, cum hominibus et feminis, et censibus et agrariis... cuguciis, exorchiis, intestationibus et redemptionibus hominum et feminarum. A. V. G. Llibre de rubricas colocadas, f° 172. ... concedo.. in perpetuum vobis primato Arnallo de Coçio... omnes predictos mansos et mansatas, census, usaticos, honores, terremerita, agraria et homines et feminas et redemptiones eorundem. A. D. P. Primer libre de feus del any 1265, apellat, f. IV. См. также прил. II; España Sagrada, t. 44, pp. 261, 293 294 (Madrid, 1826).

[1]) Aut dominus vult alienare vasallum una cum civitate, vel terra: et iterum subdistingue aut vult eum alienare cum tota sna hereditate, et sic cum universitate: et dic quod potest. Socarrats, 209.

[2]) Pere Albert, Cost. XVIII (Nolasco, II. 77). A. C. A. Monacales, № III (1379: ...dono tibi Bernardo Roberti et tuis et progeniei atque posteritati tue ad meliorandum et bene laborandum... peciam unam terre etc.).

раго земледѣльца, и не допускали тамъ никакихъ ухудшеній"[1]). Вводъ во владѣніе мансомъ на эмфитевтическомъ правѣ обозначался терминомъ stabilimentum[2]). Лицо, получавшее мансъ, платило при этомъ единовременный взносъ—intrata (entrada); размѣръ его былъ значительно ниже стоимости манса и становился тѣмъ выше, чѣмъ свободнѣе могъ располагать имъ земельный держатель[3]). Впрочемъ, „intrata" уплачивалась и въ тѣхъ случаяхъ, когда неопредѣленныя натуральныя повинности переводились на опредѣленный денежный цензъ, и когда, такимъ образомъ, вмѣсто вилланскаго держанія устанавливалось эмфитевтическое. Такъ, напр., въ 1388 г. Бернардъ Кома уплатилъ на этомъ основаніи 8 ливровъ и 5 солидовъ въ пользу пріюта бѣдныхъ въ г. Эльнѣ, отъ котораго держалъ борду[4]).

Повинности, которыя несли ременсы въ пользу сеньоровъ, были весьма разнообразны: однѣ изъ нихъ служили какъ бы платой за пользованіе землей, и въ этомъ смыслѣ были однородны съ тѣми, какія несли эмфитевты; другія служили вознагражденіемъ за то покровительство, которое оказывалъ сеньоръ своимъ крестьянамъ, какъ вассаламъ, связаннымъ съ нимъ ленной присягой; третьи, наконецъ, являлись скорѣе символическимъ выраженіемъ подчиненія ихъ сеньору, чѣмъ доходными правами послѣдняго. По способу выполненія, всѣ онѣ могутъ быть раздѣлены на двѣ главныя группы: натуральныя и денежныя. Въ XIV и XV вв. многія изъ натуральныхъ повинностей, какъ доставленіе сеньору того или иного количества сельско-хозяйственныхъ продуктовъ или исполненіе тѣхъ или иныхъ личныхъ услугъ, часто замѣнялись опредѣленными денежными платежами. Разумѣется, замѣна однѣхъ повинностей другими совершалась по мѣрѣ развитія денежнаго хозяйства и увеличенія количества монеты, находившейся въ обращеніи. Такъ какъ натуральныя приношенія часто отличались неопредѣленнымъ характеромъ, а необходимость оказывать тѣ или иныя личныя услуги сеньору принижала достоинство крестьянъ, то замѣна такихъ повинностей опредѣленнымъ денежнымъ цензомъ улучшала ихъ положеніе, приближая его къ положенію свободныхъ арендаторовъ.

---

[1]) Прил. XIII.

[2]) Ibidem (... hoc autem stabilimentum et in emphiteosim donationem...).

[3]) Nolasco, II, 25.

[4]) Прил. XVIII... intrata seu precium habendum ex predicto afranquimento (прил. XIX).

Одною изъ главнѣйшихъ и наиболѣе распространенныхъ повинностей, общею какъ для эмфитевтовъ, такъ и для ременсъ, была доставка той или другой части урожая; повинность эта соотвѣтствовала той, которая существовала и во Франціи подъ названіями champart, terrage и т. д. (agraria, terremerita, quarts, quints etc.). Размѣръ ея разнообразился по отдѣльнымъ мѣстностямъ Каталоніи: въ Тортосской области она обыкновенно составляла $^1/_5$, $^1/_6$, $^1/_{20}$ часть годичнаго урожая (expletum, splet), въ другихъ частяхъ Каталоніи—уже возвышалась до $^1/_4$ или $^1/_3$, а въ графствѣ Манресскомъ—до $^2/_3$ (ters boig) [1]. Въ однихъ случаяхъ величина ея опредѣлялась взаимнымъ соглашеніемъ сторонъ, въ другихъ—обычаемъ, въ однихъ случаяхъ ею и ограничивались всѣ обязательства земельнаго держателя по отношенію къ сеньору, въ другихъ она сопровождалась еще различными платежами и личными услугами.

Изъ комплекса тѣхъ повинностей, которыя извѣстны были подъ общимъ наименованіемъ „agraria fructuum et expletorum" [2]) и соотвѣтствовали французскимъ „agriers" или „champarts", можно выдѣлить въ особую группу тѣ, которыя обозначались терминами: „decima", „tascha", „primitia". Въ изучаемую эпоху „decima" означала $^1/_{10}$ часть годового урожая, „tascha"—$^1/_{11}$, а „primitia"—$^1/_{20}$ [3]). Въ грамотахъ, при перечисленіи обязательствъ земельныхъ держателей по отношенію къ ихъ сеньорамъ, повинности эти упоминаются иногда рядомъ другъ съ другомъ [4]). По размѣру сво-

[1]) Oliver, II, 505, п. 3. Нѣкто Гербетъ Осета и жена его пользовались участкомъ земли подъ условіемъ: „ut ipse et posteri eius hanc omni tempore laborent, donantes quartam partem totius fructus, qui indé exierint, praedictae ecclesiae (св. Николая, возлѣ Ахера). Villanueva, IX, 263—265. Иногда земля сдавалась съ половины (ib, XI, 265—266). См. также прилож. XVIII, XXIII.

[2]) Прилож. XXIV.

[3]) Item si aliquis tenuerit terram pro aliquo domino ad tascam, non potest invito domino ibi edifficare domum vel plantare arbores infructiferas nec etiam fructiferas, nisi de earum fructibus prestatur tasca. Et est sciendum, quod tasca est undecima mensura, et ideo quando decima et tasca et primitia et calcatura prestantur, sic soluuntur: 1° solvitur decima que est decima mensura, 2° soluitur tasca que est undecima mensura, 3° primitia que est medietatis decime et sic est vigesima mensura, 4° calcatura, et mensura calcature debet esse eiusdem valoris mensure que est tasca. Mieres, f. 72, c. 42 (De taschis, decimis, primitiis et aliis agrariis). Терминъ „calcatura" для обозначенія одного изъ видовъ „agraria" мы находимъ только у Міереса. Villanueva также опредѣляетъ „таску", какъ $^1/_{11}$ (VI, 60); Balari (pp. 513-514) объясняетъ „таску", какъ $^1/_4$ часть годичнаго урожая хлѣба и винограда, но не приводитъ достаточныхъ основаній для такого толкованія.

[4]) España sagrada, XLIV, 261, 293, 294; Villanueva, VI, 315—316; прилож. IV, XII и др.

ему онѣ были слишкомъ незначительны, чтобы можно было признать за ними характеръ земельной ренты. Правильнѣе, кажется, видѣть въ нихъ своего рода земельный налогъ, поступавшій не въ пользу государства, а въ пользу частнаго лица, именно сеньора, обладавшаго нѣкоторыми аттрибутами публичной власти, какъ, напр., правами юрисдикціи. По крайней мѣрѣ, такое значеніе Міересъ придаетъ „таскѣ", замѣчая, что, въ отличіе отъ чинша, взиманіе „таски" служило признакомъ сеньоріи[1]). Доставленіе той или другой части урожая иногда замѣнялось, а чаще сопровождалось несеніемъ другихъ натуральныхъ и денежныхъ повинностей[2]). Наиболѣе часто грамоты упоминаютъ о такихъ приношеніяхъ натурой, какъ домашняя птица (курицы, цыплята, утки, гуси), бараны, свиньи, окорока, яйца, сыръ, пироги, та или иная мѣра муки, хлѣба, вина, пшеницы, ячменя, овса, то или другое количество перца, воска, оливковаго масла и т. д.[3]).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ уже было сказано, оброкъ былъ чрезвычайно малъ и скорѣе служилъ символическимъ выраженіемъ зависимыхъ отношеній, чѣмъ доходнымъ правомъ собственника. Уплата оброка всегда пріурочивалась къ какому-нибудь годовому празднику, какъ Рождество, Пасха, Троица, или къ дню какого-нибудь святого, особенно чтимаго въ данной мѣстности. Такъ, напр., изъ грамоты 1359 г. мы узнаемъ, что Марія, держательница манса Villa de Mont, въ приходѣ св. Маріи де Камо́съ, въ числѣ различныхъ повинностей, обязана была доставлять канонику Херонскаго капитула ежегодно, въ качествѣ ценза, одинъ окорокъ, пару курицъ, три пирога и три кварты вина въ день Рождества, три яйца—на Пасху, одинъ сыръ на Троицу, 5 солидовъ и

---

[1]) Prestatio taschae probat directum dominium rei pro qua prestatur, nisi contrarium probetur per publicum instrumentum: sed solutio census non probat directum dominium. Mieres, f° 60. Въ грамотахъ часто терминъ 'agraria стоитъ рядомъ съ выраженіемъ „directa dominia" (прил. XX), которое, вѣроятно, замѣняетъ слово „tascha" въ томъ значеніи, какое придаетъ ему Міересъ.

[2]) Такъ, напр., епископъ херонскій уступилъ нѣкоему Беренгарію Вентри и потомкамъ его въ 1186 г. извѣстное количество земли въ держаніе подъ условіемъ: „ut... donetis mihi et successoribus meis semper annuatim unam albergam, per quam dabitis unum porchum canonicalem et una esminam farinae... et unum sextarium vini sani, et duo paria cauponum, et duos sextarios cibariae.. Et insuper etiam dabitis singulis annis unum porchum vel 12 solidos Barch... Et de omnibus expletis omnium illarum terrarum quartum fideliter. Villanueva, XIII, 297.

[3]) A. H. G. Caj. 43 (Perg. 79, 137, 145), Caj. 28 (Perg. 123), Caj. 32 (Perg. 482) и др. Villanueva, IX, 265, 266; XII, 301, 307; XIII, 273—274, XIX, 296. etc.

8 д. —въ день св. Феликса[1]. Изъ грамоты 1368 г. видно, что держатель манса de Oblet обязанъ былъ доставлять ежегодно пріору монастыря Марсеволь въ сентябрскій праздникъ св. Михаила 1 фунтъ воска, 2 курицы, 2 мѣры пшеницы, 4 мѣры ячменя, таску и 4 барсел. солида[2]). Въ 1422 г. держатель манса де Мата, въ приходѣ св. Петра де Терраса, находившійся въ зависимости отъ сакристана св. Лаврентія де Нора, Барселонскаго діоцеза, уступилъ „нѣкій участокъ земли" (quandam peciam terre) двумъ женщинамъ, Маргаритѣ и Іоаннѣ, въ постоянное пользованіе (perpetuo ad bene meliorandum, tenendum et possidendum), подъ условіемъ доставленія ему ежегодно въ праздникъ Рождества пары курицъ[3]).

Денежный чиншъ возвышался до значительныхъ размѣровъ, если не сопровождался несеніемъ другихъ повинностей. Такъ, изъ грамоты 1346 г. узнаемъ, что житель г. Хероны Вильгельмъ, державшій земельный участокъ въ приходѣ Villabrexio, обязанъ былъ платить за него херонской препозитурѣ ежегодно по 36 барсел. ливровъ[4]); изъ книги викскаго нотаріуса Пере Поки узнаемъ, что нѣкій Периконъ де Сала получилъ въ 1429 г. отъ барселонскаго гражданина Вареоломея Сонохеры въ постоянное пользованіе мансъ де ля Риба и нѣкоторыя другія земли, подъ условіемъ ежегодной уплаты 60 золотыхъ арагон. флориновъ[5]); изъ книги другого викскаго нотаріуса видно, что въ 1445 г. Франсискъ Джоверій получилъ въ держаніе отъ рыцаря Альтарибы нѣсколько мансовъ подъ условіемъ единовременнаго взноса (intrata) въ размѣрѣ 20 золот. флориновъ и ежегоднаго чинша въ размѣрѣ 48 барс. солидовъ, уплата которыхъ пріурочивалась къ празднику Рождества; при этомъ указывалось, что никакихъ другихъ повинностей, ни денежныхъ, ни натуральныхъ, онъ, Джоверій, нести не обязанъ[6]); въ 1469 г. Пере Кероль обязался платить херонской препозитурѣ ежегодно въ день Всѣхъ Святыхъ по 8 барселон. солидовъ за полученныя въ держаніе три версаны земли[7]), и т. д. Всѣ пере-

[1]) См. выше, стр. 103, прим. 3.

[2]) B. M. P. Alart, Doc. inédits de Roussillon, pp 54—55.

[3]) A. C. A. Moncales Perg. 57.

[4]) A. H. G. Caj. 35. Perg. 33.

[5]) A. C. F. Manual de Pere March Poqui, notario real de Vich, ff. 154 156.

[6]) Прил. XIII. См. также прил. XIX... intrata seu precium habendum ex predicto afranquimento.

[7]) A. H. G. Caj. 47. Perg. 145.

Къ приведеннымъ выше примѣрамъ можно присоединить цѣлый рядъ другихъ. Такъ, въ одной грамотѣ 1298 г. читаемъ слѣдующее: .. ego Petrus, Martirij, prior

численные платежи имѣли значеніе земельной ренты, которую платилъ арендаторъ собственнику, и были результатами или вновь заключеннаго договора между ними или перевода неопредѣленныхъ натуральныхъ повинностей на опредѣленныя денежныя. При неизмѣнности арендной платы и постепенномъ паденіи цѣнности денегъ доходы землевладѣльца уменьшались и даже становились фиктивными, если онъ не имѣлъ правъ на личность земельнаго держателя, а договоръ заключался на вѣчныя времена. Но тамъ, гдѣ при сдачѣ земельнаго участка въ держаніе, устанавливалась вновь или подтверждалась уже раньше существовавшая личная зависимость земледѣльца по отношенію къ сеньору, обыкновенно замѣчалась въ большей или меньшей степени неопредѣленность при перечисленіи тѣхъ повинностей, которыя обязанъ былъ нести первый въ пользу послѣдняго и которыя часто были скрыты подъ весьма растяжимой для толкованія формулой: „et aliis servitutibus et iuribus, quas et que quilibet dominus directus habet et habere debet in suis hominibus propriis et solidis, tam de consuetudine, quam de jure". Такъ, въ грамотѣ 1360 г. Петръ Понцій перечисленіе повинностей, которыя обязанъ былъ нести въ пользу Раймунда Феррарія, уступившаго ему въ пользованіе мансъ, заключилъ обѣщаніемъ выполнять и „другія повинности, которыя надлежитъ непосредственному сеньору взимать съ его крестьянъ, согласно обычаю и праву" [1]). Такою же неопредѣленностью отличались обязательства, лежавшія на крестьянахъ женскаго монастыря Педральбесъ, возлѣ г. Барселоны [2]), на Раймундѣ Безартѣ, какъ видно изъ грамоты 1369 г. [3]), на Катеринѣ, женѣ Хуана де Понса, по грамотѣ 1420 г. [4]), и на цѣломъ рядѣ другихъ. Что подобная формула была растяжима, что переходъ отъ взиманія повинностей, установленныхъ закономъ и обычаемъ, къ беззаконнымъ и насильственнымъ вымогательствамъ былъ

Sancti Pauli de Maritima et conuentus eiusdem, michi comissus, damus tibi, Guillelme, et viro tuo, Bernardo, et vestre progeniei atque posteritati illam quartam partem, quam frater tuus, Guillelmus Pontij, monachus noster habebat... tali condicione, ut per istos duos quartanos et per aliam medietatem, quam iam ibi habetis et tenetis per precariam, tribuatis nostro cenobio annuatim in festo s. Andree quotuor mancusos denariorum bone monete curribilis Barchinone... saluis nostris agrarijs et senioratico... Accipimus a vobis pro hac donatione XXV solidos den. barch. A. C. A. Moncales Perg. 97.

[1]) A. H. G. Caj. 30. Perg. 134.

[2]) Anrizu, Fulles histor., 55—57.

[3]) A. H. G. Caj. 43. Perg. 218.

[4]) A. H. G. Caj. 43. Perg. 243.

не труденъ и часто практиковался на дѣлѣ, доказательствомъ можетъ служить, напримѣръ, актъ продажи помѣстья де Конгостъ, гдѣ новому владѣльцу переуступались всѣ тѣ доходы и права, которые прежніе владѣльцы получали и осуществляли „добровольнымъ или насильственнымъ способомъ, на законномъ основаніи или беззаконно“ [1]). Выработалась даже особая терминологія для обозначенія произвольныхъ поборовъ, къ которымъ прибѣгали сеньоры и которые, подъ названіемъ „questia, tolta et forcia“ [2]), постоянно упоминаются въ грамотахъ [3]). Эти поборы отличались отъ цензовъ полною неопредѣленностью и соотвѣтствовали французскимъ tailles, размѣръ которыхъ зависѣлъ отъ сеньоріальнаго произвола.

Одною изъ наиболѣе обременительныхъ и въ то же время весьма распространенныхъ повинностей, которыя обязаны были нести каталонскіе вилланы, была такъ наз. „alberga“, состоявшая въ томъ, что сеньоръ могъ останавливаться въ домѣ вассала и получать отъ него содержаніе, какъ для себя лично, такъ и для своей свиты и коней. Это право постоя и кормленія, извѣстное въ каролингскую эпоху подъ наименованіемъ „parata“, соотвѣтствовало тому, что въ Кастиліи называлось „yantar“, а во Франціи — „droit de gîte“, первоначально было достояніемъ королевской власти, а затѣмъ — и феодальныхъ сеньоровъ, соединявшихъ съ земельною собственностью и извѣстную долю суверенитета [4]). Въ натурѣ повинность „alberga“ была весьма тягостна, и отъ нея старались освободиться, замѣнивъ ее опредѣленными денежными платежами. Такъ, напр., Бернардъ Кома, держатель борды, принадлежавшей пріюту бѣдныхъ въ г. Эльнѣ, обязанъ былъ давать постой и содержаніе одному рыцарю съ двумя слугами (comestores) и двумя лошадьми или мулами; въ 1388 году повинность эта замѣнена была ежегоднымъ платежомъ въ размѣрѣ 4 солидовъ [5]).

Къ разсмотрѣннымъ нами повинностямъ, которыя несли ременсы въ пользу сеньоровъ, часто присоединялись еще и различныя барщины,—работы, извѣстныя подъ общимъ наименованіемъ „opera“, „servitutes“ или „servitia“ и, подобно цензу, служившія сво-

[1]) Прил. II.

[2]) ...usatici per violentiam facti, Balari, 517.

[3]) Прил. I, III и др.

[4]) Colmeiro, Historia de la economia politica. P. Viollet, Histoire des institutions politiques et administratives de la France, II, 448 и сл. (Paris, 1898).

[5]) Прилож. XVIII. См. также: прил. XXI и XXIV; Bofarull, Los condes de Barcelona, II, 179; Alart, Cart. Rouss., 87, 116, 125; Balari, 515.

его рода платой за наемъ земли [1]). Изъ нихъ особенно часто въ грамотахъ упоминаются двѣ: „joua“ и „tragina“. Первая заключалась въ томъ, что крестьяне обязаны были посвящать извѣстное число дней въ недѣлю или въ году на полевыя работы въ пользу сеньоровъ, при помощи пары воловъ или муловъ [2]). Такъ, напр., по грамотѣ 1356 г., нѣкій Андрей Перикъ, державшій мансъ въ зависимости отъ пріорства Маурельясъ, долженъ былъ удѣлять шесть дней въ году на запашку монастырской земли въ Понтелья [3]); по грамотѣ 1407 г. крестьяне замка Багура обязаны были посвящать три дня въ году на запашку поля, принадлежавшаго владѣтельницѣ замка, доньѣ Эльвирѣ; въ свою очередь, она должна была кормить ихъ при исполненіи барщины: въ первый день давать пшеничный хлѣбъ и вино, въ остальные —ячменный хлѣбъ и вино [4]). Но въ большинствѣ извѣстныхъ намъ грамотъ не указывается число дней барщинныхъ работъ, а только перечисляются послѣднія.

Другую барщинную работу—tragina мы могли бы назвать „извозною“ повинностью; она состояла въ томъ, что крестьяне, обладавшіе вьючнымъ скотомъ, обязаны были на тѣхъ или иныхъ условіяхъ и для той или иной цѣли поставлять сеньору подводы. Такъ, напр., отъ каждаго изъ ременсъ монастыря Педральбесъ требовалось, чтобы разъ въ годъ они исполняли „извозную“ повинность съ однимъ вьючнымъ животнымъ, при условіи полученія ими въ это время содержанія на счетъ монастыря [5]). Иногда ставилось условіе, чтобы несеніе этой повинности равномѣрно падало на всѣхъ крестьянъ данной мѣстности, чтобы каждый разъ продолжалось отъ восхода до захода солнца; опредѣлялось, какіе предметы подлежа-

---

[1]) Opera est diurnum officium. quod exhibetur alicui per diem artificialem et consistit... in actu personali, ut sunt joue, batude, podate, tragine. Mieres, f. 69, cap. 36; ..jouam et traginam et alias servitutes racione hominis et homagii accidentes... Прил. XVIII. Въ одной грамотѣ XII в. исчислены были расходы по укрѣпленію замка Arrahona въ 10 серебр. ливровъ, „preter opera rusticorum que per censum ibi fiunt“. Boletin de la Real Academia de la Historia (oct., 1900, Madrid), p. 345.

[2]) Balari, 614. Названіе повинности joua происходитъ отъ лат. слова „jugum“, что̀ значитъ „ярмо“.

[3]) Alart, Not. historiques, II, 9.

[4]) Pella y Forgas, 648.

[5]) Anrizu, 55—57: Item ha més lo dit Monestir XI treginas, les quals son tengudes de fer cascun any los dits homens propris al dit Monestir. Es asaber cascun un jornal de un hom e de una bestia en tot aquell empriu quel Monestir los haurá menester en lo dit jorn; als quals es acostumat de fer la messió e de donar á cascuna bestia mig cortá sens pus.

ли перевозкѣ на средства крестьянъ, какіе не подлежали, и т. д. [1]). Безплатная доставка въ господскую усадьбу той или другой части годичнаго урожая, въ качествѣ оброка, входила въ кругъ обычныхъ обязанностей крестьянъ [2]). Такъ, напр., Петръ де Прато де Мантъ, державшій въ приходѣ св. Маріи де Камосъ мансъ де Прато обязанъ былъ, по грамотѣ 1359 г., доставлять въ усадьбу своего сеньора, клирика Раймунда Феррарія, десятую часть жатвы и винограднаго сбора собственными средствами [3]).

Особыми видами барщины были косьба (segada), молотьба (batuda), уходъ за виноградниками (cauata—разрыхленіе почвы; podata—подрѣзываніе виноградныхъ лозъ), поденный трудъ (jornal) и др. [4]). Сюда же слѣдуетъ отнести и тѣ работы, которыя возлагались на крестьянъ по устройству и починкѣ стѣнъ, валовъ, рвовъ и другихъ укрѣпленій сеньоріальнаго замка и отъ которыхъ они не могли уклоняться подъ предлогомъ, что мансы ихъ укрѣплены и могутъ представить защиту для нихъ, независимо отъ замка. Они обязаны были, кромѣ того, нести сторожевую службу и, по требованію сеньора или по тревогѣ, поднятой въ замкѣ (al somaten), оказывать ему вооруженную помощь въ предѣлахъ территоріи замка; выступать за предѣлы ея имъ разрѣшалось лишь въ случаѣ преслѣдованія врага, ограбившаго ихъ жилища. При отбываніи тѣхъ или иныхъ обязательныхъ службъ въ пользу сеньора, крестьяне содержались на его счетъ [5]). Такъ, нѣкая Элиссендисъ, державшая мансъ Coll въ зависимости отъ Херонскаго капитула, обязалась, въ числѣ прочихъ повинностей, исполнять работы по укрѣпленію замка Лорето подъ условіемъ выдачи ей продовольствія въ теченіе всего рабочаго дня; также она должна была поставлять съ своего манса вооруженныхъ людей въ войско херонскаго епископа, по первому его требованію [6]).

---

[1]) Pella y Forgas, 648.

[2]) Rusticus cogitur suis expensis deferre decimas usque ad Ecclesiam, Pequera, Decisiones, 373.

[3]) A. H. G. Caj. 43. Perg. 254.

[4]) A. H. G. Caj. 43. Perg. 254: ...cauatis, podatis, traginis et operibus (см. выше, стр. 103, прим. 2); Balaguer, III, 803; прил. XXIII. Значеніе термина „cauata" мы опредѣляемъ, между прочимъ, на основаніи слѣдующаго текста: „Nos, Iohannes Guitardi et Baucia, eius uxor... recognoscimus vobis, Bernardo Olive, presbitero... quod tenemus quandam nostram vineam noviter plantatam cum terra.. que continet *cauaturam unius hominis* (A. C. G. Arm. 3. Est. I. Leg. 17).

[5]) Constituciones de Cataluña, Costumbre X (ed. Nolasco, II, 63); Pere Albert, Costumbre XV (ib., II, 75).

[6]) Прил. XXI.

Крестьяне обременялись еще и такъ наз. баналитетами въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сеньорамъ принадлежали исключительныя права на владѣніе мельницами, пекарнями, кузницами и т. д., за пользованіе которыми необходимо было платить [1]). Торговля земледѣльческими продуктами была затруднена для ременсъ необходимостью испрашивать разрѣшеніе сеньоровъ, платить различныя пошлины (teloneum, lleuda, peatge, passatge, pontatge) за провозъ и продажу товаровъ и т. д. [2]).

Неисчерпаемая изобрѣтательность феодальныхъ сеньоровъ въ дѣлѣ созданія различныхъ источниковъ дохода въ ихъ владѣніяхъ, своеобразные обычаи въ отношеніяхъ жителей данной области къ ихъ господамъ, въ значительной степени являвшіеся результатомъ разобщенности и внутренней замкнутости отдѣльныхъ сеньорій, обусловливали существованіе такого множества и разнообразія феодальныхъ повинностей, что дать полный перечень и характеристику ихъ едва ли возможно. Крестьяне въ своей жизни и дѣятельности опутаны были цѣлою сѣтью разнообразныхъ повинностей, истинное значеніе которыхъ подчасъ и разгадать трудно въ настоящее время.

Предложенная нами характеристика отношеній между крестьянами и ихъ сеньорами основана, главнымъ образомъ, на юридическихъ документахъ, каковыми являются законодательныя постановленія, записи мѣстныхъ обычаевъ и ихъ комментаріи, имѣвшіе юридическую силу и, наконецъ, частныя нотаріальныя грамоты, которыми закрѣплялись различныя сдѣлки, касавшіяся интересовъ крестьянъ. Эти источники свидѣтельствуютъ о существованіи извѣстной закономѣрности въ отношеніяхъ между сеньорами и крестьянами, явившейся, какъ результатъ того движенія къ свободѣ, начало котораго относится еще къ XII в. Но всегда ли и вездѣ ли отношенія между ними регулировались договорами или нормами закона и обычая? Вѣдь тѣ крестьяне, которые владѣли участками цѣнностью меньше 20 солидовъ, были освобождены отъ ленной присяги, и, слѣдовательно, въ отношеніяхъ ихъ къ сеньорамъ отсут-

---

[1]) Documentos ineditos de Aragon, t. VIII, pp. 58—60, № XIX; p. 125; Balaguer, III, 802 - 803 (§§ IX—X): ...habitatores dictae villae (Cubelles) habeant de coqûere suos panes in dicto furno sub poena 5 solidorum, de quibus videtur quod duae partes applicentur domino regi, tertia vero denuntiatoribus (A. C. A. Indice. Cubelles in vicaria villae Franchae); Campdelacreu, El Archivo municipal de Vich, 141 — 147.

[2]) España sagrada, XLIII, 443.

ствовало начало договора [1]). При оцѣнкѣ крѣпостного права въ Каталоніи недостаточно основываться на юридическихъ нормахъ: онѣ далеко не всегда соотвѣтствовали дѣйствительному соціальному положенію крестьянъ, и тѣ авторы, которые упускаютъ изъ виду это обстоятельство, впадаютъ въ крайній оптимизмъ въ своихъ сужденіяхъ относительно быта каталонскаго крестьянства въ средніе вѣка. „Въ теченіе многихъ вѣковъ, говоритъ Антоніо Бофаруль, вассалы переносили безропотно „дурные обычаи", хотя въ способѣ пользованія послѣдними и могли быть злоупотребленія; но нѣкоторые изъ обычаевъ, какъ, напр., кугусія и экзоркія, имѣли совершенно случайный характеръ; бывали крестьянскія семьи, которымъ въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній могло даже не представиться случая для удовлетворенія этихъ правъ сеньоровъ" [2]). Еще произвольнѣе слѣдующее утвержденіе Паджеса-и-Пратса: „Ременсы, говоритъ онъ, были не рабы, а свободные люди въ томъ смыслѣ, въ какомъ всегда употребляется это выраженіе въ гражданскомъ правѣ. Они пользовались личной свободой, правомъ свободнаго передвиженія, хотя и съ условіемъ не покидать своего постояннаго мѣстожительства (!), правомъ пріобрѣтать всякаго рода имущество дозволенными закономъ способами, правомъ распоряжаться этимъ имуществомъ и доходами съ него и судебною правоспособностью. Правда, пользовались они этими правами съ извѣстными ограниченіями, иногда весьма тягостными, но не уничтожавшими сущности гражданской свободы" [3]). Приведенная характеристика заключаетъ въ себѣ внутреннія противорѣчія и не соотвѣтствуетъ фактамъ: во многихъ случаяхъ ограниченія правъ ременсъ были настолько значительны, что скорѣе можно сравнивать ихъ съ рабами, чѣмъ со свободными людьми. Не даромъ король Хуанъ I въ концѣ XIV в. поставилъ вопросъ объ освобожденіи ременсъ въ связи съ вопросомъ объ освобожденіи рабовъ греческой вѣры [4]), не даромъ въ началѣ слѣдующаго столѣтія королева Марія назвала „дурные обы-

[1]) Pere Albert, Cost. XXXIII (ed. Nolasco, II, 87): El señor tiene entre sus manos los de aquel que presta homenage, quien arrodillado lo presta por estipulacion prometiendo lealtad al señor, y este en señal de que le será tambien fiel besará al mismo, porque el señor debe guardar la misma fidelidad á su vasallo que el vasallo á aquel. См. также прил. XII: „bonus Dominus tenetur deffendere suum vasallum in omnibus et per omnia.

[2]) A. Bofarull, Historia de Cataluña, VI, 66.

[3]) Pages y Prats, Discurso, pp. 20—34. (Certamen de la asociacion lit. de Gerona, 1883).

[4]) N. Roca, La redencion de la servidumbre.—La Publicidad (Barcelona, 1883).

чан"—„abhominabiles servitutes quibus fedantur turpissime ac subiacent nonnulli rustici certarum partium Cathaloniae" [1]), а поэтъ XV вѣка Ausias March прямо назвалъ ременсъ рабами [2]).

Особенно неопредѣленно было юридическое положеніе малоземельныхъ или безземельныхъ крестьянъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „juvenes homines" и составлявшихъ наиболѣе безправную часть крѣпостного населенія. Такихъ крестьянъ сеньоръ могъ продавать отдѣльно отъ той земли, на которой они жили [3]). Интересна та аргументація, къ которой прибѣгаетъ въ защиту ихъ гуманно настроенный Міересъ. Стараясь доказать, что „juvenes homines" могли свободно распоряжаться своимъ имуществомъ, онъ указываетъ на то обстоятельство, что въ зависимости отъ сеньора они „держали только свою личность" (quod iuvenis homo non tenet nisi personam pro domino), но никакъ не имущество [4])! Является вопросъ, какъ далеко могъ простираться произволъ сеньоріальной власти по отношенію къ такого рода лицамъ? Только отчасти мы можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ, основываясь на параграфахъ 9-мъ и 10-мъ сентенціи 1486 г., позволяющихъ заглянуть и въ тѣ стороны крестьянскаго быта, которыя не подлежали какой бы то ни было регламентаціи. Мы узнаемъ изъ названной сентенціи, что были такіе крестьяне, которые обязаны были поставлять сеньору „яйца кукушки" (los ous appellats de cugul), мельничьи жернова (mola de moli), бутылки изъ тыквы съ виномъ (carabassa de vi), пучки соломы (fex de palla), обручи для бочки (cercols de bota), хлѣбъ для собакъ (pa de ca), ястребятъ для охоты и т. д.; что по смерти какого-нибудь изъ такихъ крестьянъ его нельзя было предавать погребенію раньше выдачи сеньору одѣяла хозяина дома (ffasada de cap de casa); что крестьянскихъ дѣвушекъ и юношей принуждали къ исполненію различныхъ домашнихъ услугъ; что крестьянскихъ женщинъ заставляли бросать грудныхъ дѣтей и вскармливать господскихъ; что, наконецъ, сеньоры оскорбляли честь крестьянъ, осуществляя по от-

---

[1]) Coroleu, 369.

[2]) A. Roca, Una cuestion social de la antigua Cataluña. La Publicidad (Barcelona, 1883).

[3]) Coroleu, 319.

[4]) Juvenis homo... potest absque prohibitione domini sui cunctas eius possessiones vendere simul uel diuisim et ita de consuetudine iudicatur et fuit sepe iudicatum, et ratio est quod iuvenis homo non tenet nisi personam pro domino et ideo dominus non potest prohibere alienationem rerum que pro ipso non tenentur. Mieres, cap. 19, f. 57.

ношенію къ новобрачной jus primae noctis [1]). То были крайнія проявленія феодальнаго права въ Каталоніи, не представлявшей, впрочемъ, въ этомъ случаѣ исключенія изъ ряда другихъ европейскихъ странъ, гдѣ также существовали и „смѣшные", и унижавшіе человѣческое достоинство обычаи. Послѣдніе, по сравненію одного французскаго писателя, напоминаютъ тѣ причудливыя, порою оскорблявшія нравственное чувство скульптурныя украшенія готическаго стиля, которыя создавалъ капризъ художника и которыя, тѣмъ не менѣе, гармонировали съ общимъ духомъ феодальнаго общественнаго строя...

Изъ предшествующаго изложенія мы уже знаемъ, что въ теченіе XIII в. изданъ былъ рядъ постановленій, запрещавшихъ ременсамъ жаловаться въ королевскіе суды на притѣсненія сеньоровъ. Для ре-

---

[1]) Balaguer, III, 802—803, §§ 9—10. Существованіе подобныхъ злоупотребленій доказывается не только сентенціей 1486 г., но и другими документами, какъ, напр., крестьянскими петиціями, изложенными въ рукописи Викскаго собора (см. цит. нашу статью, стр. 27), и свидѣтельствомъ польскаго путешественника XV в. Попьелово: „Die Edelleute schlafen die erste Nacht bei ihrer Bauern Brauten" etc. (Viages de extrangeros por España y Portugal en los siglos XV, XVI y XVII.—Coleccion de Janvier Liske, p. 65, n. 2, Madrid, 1878), документами, подрывающими основательность скептицизма Шмидта (op. cit., 305) касательно подлинности § 9 текста сентенціи. Нельзя, конечно, отрицать того, что случаи подобныхъ злоупотребленій были исключительны: если бы ихъ было больше, то о нихъ чаще упоминали бы наши источники, а въ викской рукописи не стояли бы выраженія „pretenen alguns senyors", т. е. „нѣкоторые сеньоры выражаютъ притязанія" (на jus primae noctis), указывающаго на исключительность даннаго явленія. Но, признавая существованіе въ Каталоніи злоупотребленія, именуемаго jus primae noctis, хотя и въ ограниченныхъ размѣрахъ, должны ли мы въ объясненіи его слѣдовать примѣру тѣхъ изслѣдователей, которые видятъ въ немъ „un recuerdo salvage de la civilizacion primitiva resucitada por el feudalismo" (Pella y Forgas, 656), т. е. одно изъ переживаній того общественнаго состоянія, когда существовало общеніе женъ въ предѣлахъ извѣстнаго племени, переживаній, образовавшихся путемъ постепеннаго ограниченія этого общенія, пока не возникло „jus primae noctis", какъ привилегія феодальнаго сеньора, явившагося на смѣну главамъ племени или рода (см. также М. М. Ковалевскій, Первобытное право, вып. II, стр. 49—51. Москва. 1886)? Въ исторіи общественныхъ отношеній Каталоніи мы не нашли указаній въ пользу такой гипотезы. Болѣе вѣроятнымъ представляется намъ объясненіе разсматриваемаго явленія общими условіями феодальнаго безправія, когда не только личная свобода и собственность крѣпостныхъ крестьянъ, но и честь ихъ нерѣдко подчинены были произволу феодальнаго владѣльца, совмѣщавшаго въ своей особѣ и помѣщичьи права, и нѣкоторые аттрибуты государственной власти и остатки правъ бывшаго рабовладѣльца. Если крестьяне лишены были судебной защиты въ общихъ учрежденіяхъ принципата, то спрашивается, какую иную гарантію для охраны своей чести они могли найти, кромѣ совѣстливости и нравственнаго чувства самого помѣщика?

менсъ существовали только сеньоріальные суды; въ столкновеніяхъ съ крестьянами сеньоръ былъ и заинтересованной стороной, и судьей; въ такихъ случаяхъ, разумѣется, правосудія для крестьянъ не существовало. Степень сеньоріальной юрисдикціи зависѣла, впрочемъ, отъ свойства присяги, которую приносили они своимъ сеньорамъ: принесшіе homagium non solidum подлежали сеньоріальному суду лишь въ тяжбахъ, возникавшихъ по поводу земельныхъ держаній, тогда какъ лица, связанныя съ сеньоромъ безусловной присягой въ вѣрности (homagium solidum) всецѣло подлежали вѣдѣнію его суда во всякаго рода процессахъ [1]) и могли присуждаться къ такимъ наказаніямъ, какъ заключеніе въ тюрьму и др. [2]). Судебныя и полицейскія права сеньоровъ служили имъ не только средствомъ держать въ повиновеніи крестьянъ и требовать отъ нихъ исправнаго выполненія денежныхъ и натуральныхъ повинностей, но также и обильнымъ источникомъ различныхъ доходовъ, въ видѣ судебныхъ пошлинъ и штрафовъ, т. наз. placita, homicidia и др. [3]). При существованіи феодальной іерархіи, при подчиненіи однихъ сеньоровъ другимъ, судебныя права ихъ были различнаго достоинства; вѣдѣнію однихъ подлежали дѣла большей стоимости (jurisdictio alta), вѣдѣнію другихъ—дѣла меньшей стоимости (jurisdictio baxia). Нерѣдко высшая и низшая юстиція сосредоточивалась въ однѣхъ рукахъ [4]). Право произносить судебные приговоры, какъ и право приводить ихъ въ исполненіе, принадлежало сеньорамъ или ихъ уполномоченнымъ—т. наз. байльи или сайонамъ [5]), на которыхъ возлагалось также наблюденіе надъ выполненіемъ крестьянами хозяйственныхъ работъ и повинностей [6]). Несмотря на запрещеніе ре-

[1]) Pere Albert, Cost. XLIII (ed. Nolasco, II, 101).

[2]) Ut licent dominis propria auctoritate homines suos capere: item quilibet potest capere rusticum vel hominem suum solidum et tenere captum... in ferris. Mieres, f.° 70.

[3]) Прил. I, II, III.

[4]) Прил. XXVI: ... locum de Codaleto, jurisdiccionis alte et baxie dicti monasterii.

[5]) E més encara ha lo dit Monestir (de Pedralles) e axi ne es en possessió jurisdicció civil en tots los homens propris, e en los habitants en la dita vila ab facultat de pendre e fer metre en la Tavega e ponir aquells. Tenir e posar battle e saig en la dita vila per regir e exercir la dita jurisdicció. Anrizu, 55—57. Подобныя же права принадлежали монастырю de Codaleto ((прил. XXVI), церкви св. Маріи въ Сольсонѣ (cum omni districto, mandamento etc., Villanueva, IX, 232) и др.

[6]) Brutails, 232—235. 239. Alart, Not. hist., II, 20. См. также: цит. нашу статью, стр. 15, прим. 1; España Sagrada, XLIII, 462: dimitto... ipsum receptum quem baiulus meus accipiebat...

менсамъ искать суда и управы на злоупотребленія сеньоровъ въ королевскихъ трибуналахъ, уже въ XIII в. вполнѣ ясно была формулирована идея о томъ, что королю принадлежитъ верховная юрисдикція (mixtum et merum imperium) во всей странѣ и надъ всѣмъ ея населеніемъ [1]). Въ послѣдующее время идея эта получала практическое примѣненіе все въ большемъ и большемъ количествѣ случаевъ. Органами королевской юстиціи были вегье и субвегье, компетенція которыхъ постепенно расширялась на счетъ феодальныхъ судовъ. Одни дѣла, какъ напр., споры между аллодіальными и феодальными владѣльцами они рѣшали въ первой инстанціи, въ другихъ случаяхъ — служили апелляціонной инстанціей. Порою они вмѣшивались во взаимныя отношенія между сеньорами и крестьянами съ цѣлью оградить послѣднихъ отъ притѣсненій; но такого рода вмѣшательства имѣли мѣсто лишь въ тѣхъ владѣніяхъ, которыя сеньоры держали въ зависимости отъ короны [2]). Къ несчастью, нерѣдки были случаи, когда короли, нуждаясь въ деньгахъ, отчуждали свѣтскимъ и духовнымъ сеньорамъ не только свои домены, но и верховныя судебныя права надъ крестьянами, даже право присуждать ихъ къ смертной казни [3]). Легко понять, что такими правами сеньоры пользовались въ широкой мѣрѣ для покрытія произведенныхъ расходовъ и извлеченія доходовъ путемъ вымогательствъ и угнетенія подвластныхъ имъ людей. Прерванная

---

[1]) Pere Albert, Cost. XVII (ed. Nolasco, II, 76): ... el principe ó su veguer es una persona comun para todos los habitantes en este reino. Cf. Cost. XLIII (ib., II, 101).

[2]) ... inquisitione facienda super iniurijs factis per Blasium de Castellet in maletractando vassalos et in diminutione feudi. 1404. A. C. A. Indice: Castellet in vicaria villae Franchae.

[3]) ... Episcopus Gerundensis... in castro d'Episcopali et villa de Bascara furcas erexit... quod merum et mixtum imperium Gerundensis Ecclesia semper ibi haberet per privilegium regale. España sagrada, XLIII, 403 (Necrologium Gerund). In Grat. regis Petri III de an. 1358... constat dictum regem dedisse in feudum nobili Francisco de Ceruiano et suis omnem iurisdictionem, excepto casu mortis et mutilationis membrorum, in castris de Ceruiano et de Pubol, quae pro rege tenebat in feudum, et in duodecim casatis hominum suorum, quorum sex sunt in parrochia S. Isidori de Pira, prope locum de Pubol, et sex in parrochia S Martini de Calçan de Pilo raso (A. C. A. Indice: Ceruia in vicaria Gerundae). In reg. venditionum regis Petri III de an. 1358 usque 1360, f. 130, constat dictum regem.. vendidisse Franciso de Cerviano in perpetuum per liberum et francum alodium merum et mixtum imperium et omnem iurisdictionem criminalem, ex qua mors naturalis et membrorum mutilatio infligi debeat... quod et quam dominus rex habet in castris de Ceruiano et de Pubol et in dictis 12 casatis, pretio 33.490 sol. (ib.); Alart, Not. hist., I, 203.

въ теченіе ряда вѣковъ связь между массой земледѣльческаго населенія, группировавшагося въ феодальныхъ помѣстьяхъ, и центральной властью, возстанавливалась медленно, путемъ упорной борьбы. Возстановленіе этой связи, служившей наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ избавиться отъ феодальнаго гнета, было одной изъ главныхъ задачъ того освободительнаго движенія среди зависимаго крестьянскаго населенія, которое возникаетъ еще въ XII в., но получаетъ сильное развитіе только въ послѣдующее время, особенно въ теченіе XIV и XV вв.

ГЛАВА III.

Освободительное движеніе среди крестьянъ и королевская политика по крестьянскому вопросу.

Возникновеніе эмансипаціоннаго движенія среди зависимыхъ классовъ каталонскаго населенія подъ вліяніемъ развитія городской жизни.—Пути и средства освобожденія для крестьянъ: выкупъ личной свободы и отпускъ на волю; бѣгство и пребываніе въ привилегированныхъ городахъ и мѣстечкахъ въ теченіе одного года и одного дня; вооруженное возстаніе противъ сеньоріальной власти; переводъ личныхъ и натуральныхъ повинностей на денежный оброкъ.—Вліяніе чумы 1348 г. на положеніе крестьянъ.—Начало вмѣшательства королевской власти во взаимныя отношенія между сеньорами и крестьянами.—Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ при содѣйствіи государственной власти въ царствованіе Хуана I.—Проекты выкупной операціи въ царствованіе Мартына Гуманнаго и Альфонса Мудраго.—Оппозиція со стороны привилегированныхъ сословій.—Королевская политика по крестьянскому вопросу въ царствованіе Хуана II.—Симптомы приближенія соціальной и политической революціи.

Изъ предыдущаго изложенія можно было заключить, что составъ крестьянскаго населенія Каталоніи въ исходѣ среднихъ вѣковъ былъ весьма разнородный. Процессъ дифференціаціи земледѣльческаго населенія не ограничился дѣленіемъ его на двѣ главныя группы—свободныхъ и несвободныхъ; въ предѣлахъ каждой изъ нихъ также существовали хозяйственныя и правовыя различія: одни крестьяне были болѣе обезпечены землей, другіе—менѣе; личное положеніе одниxъ стояло выше положенія другихъ въ зависимости отъ того, существовало ли въ ихъ отношеніяхъ къ сеньорамъ начало

договора, или нѣтъ, и если существовало, то насколько точно и полно опредѣлялъ послѣдній тѣ повинности, которыя обязаны были нести крестьяне въ ихъ пользу, и вмѣстѣ съ тѣмъ—насколько ограждалъ онъ личность земельнаго держателя отъ сеньоріальнаго произвола.

Указанныя различія были, съ одной стороны, результатомъ льготныхъ условій колонизаціи, а съ другой—результатомъ того освободительнаго движенія среди зависимыхъ классовъ Каталоніи, начало котораго относится еще къ XII в. Раньше чѣмъ крѣпостное право достигло высшей точки развитія, отъ него успѣли уже освободиться многія селенія и цѣлыя области.

Выяснивъ въ предшествующихъ главахъ процессъ прикрѣпленія крестьянъ и изложивъ отличительныя особенности крѣпостного права въ Каталоніи, мы перейдемъ теперь къ изслѣдованію процесса освобожденія крестьянъ, разсмотримъ тѣ причины, которыя вызвали освободительное движеніе въ ихъ средѣ, и тѣ условія, при которыхъ оно развивалось.

Освободительное движеніе среди зависимыхъ классовъ общества въ Каталоніи, какъ и въ остальной Европѣ, стало обнаруживаться съ особой силой въ эпоху крестовыхъ походовъ, въ силу однородныхъ причинъ. Наступившее тогда сближеніе различныхъ расъ и національностей, какъ извѣстно, повлекло за собой измѣненіе вкусовъ и потребностей европейскаго общества, что̀ дало сильный толчокъ для развитія промышленности и торговаго обмѣна. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ массы земледѣльческаго населенія выдѣлялись новыя общественныя группы, посвящавшія свой трудъ торгово-промышленной дѣятельности, связанныя между собой необходимостью взаимопомощи и все болѣе нуждавшіяся другъ въ другѣ благодаря развивавшемуся между ними раздѣленію труда.

Такимъ путемъ городъ отдѣлялся отъ села, развивалась городская жизнь и нарождалась система денежнаго хозяйства. Во главѣ городского движенія въ Каталоніи стояла Барселона, уже въ XI в. пріобрѣвшая значеніе промышленнаго центра. Пользуясь выгоднымъ географическимъ положеніемъ и удобнымъ портомъ на берегу Средиземнаго моря, въ теченіе XII и XIII вв. она достигаетъ значенія одного изъ важнѣйшихъ центровъ морской торговли, которую ведетъ съ различными христіанскими и мусульманскими странами, расположенными по побережью Средиземнаго моря, назначаетъ туда своихъ консуловъ, вырабатываетъ цѣлый кодексъ обычаевъ морской торговли и мореплаванія (llibre del consulat del mar),

завязываетъ въ XIV в. торговыя сношенія съ Нидерландами и Англіей, куда отпускаетъ хлѣбъ, вино, лѣсъ, желѣзо и различные предметы каталонской промышленности, какъ стекло, кожа, корабельныя принадлежности, металлическія издѣлія, льняныя, хлопчатобумажныя, шерстяныя и шелковыя издѣлія, и различные товары, получавшіеся съ Востока, какъ пряности, сахаръ, шелкъ-сырецъ, и т. д. Въ XIII в., кромѣ Барселоны, центрами промышленной дѣятельности въ Каталоніи являются Лерида, Херона, Викъ, Перпиньянъ, Тортоса и др. [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Каталонія становится одной изъ наиболѣе населенныхъ частей полуострова [2]).

Первоначально и жители села, и жители города представляли однородную массу, находившуюся въ тяжелой зависимости отъ феодальныхъ сеньоровъ. Но съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ промышленно-торговаго развитія, жители городовъ освобождались всецѣло или отчасти отъ феодальной зависимости, достигали извѣстныхъ гарантій личной и имущественной неприкосновенности, свободы располагать своимъ трудомъ и мѣстомъ жительства, по уплатѣ сеньорамъ единовременнаго денежнаго взноса, или подъ условіемъ несенія въ ихъ пользу постояннаго денежнаго налога въ опредѣленномъ размѣрѣ.

Городское движеніе въ Каталоніи стало развиваться съ особой силой въ эпоху, послѣдующую за изданіемъ „Барселонскихъ обычаевъ", когда закончено было территоріальное образованіе принципата, т. е. начиная съ половины XII в.

Актъ или хартія, въ силу которыхъ жители той или другой области или селенія освобождались на тѣхъ или иныхъ условіяхъ отъ феодальной зависимости и получали права самоуправленія, назывались въ Каталоніи „furs" или „privilegis", что соотвѣтствовало кастильскимъ и арагонскимъ „fueros" и „cartas de poblacion".

Такъ, въ силу акта 1133 года прекратилась феодальная зависимость мѣстечка Перелады отъ графовъ того же имени; въ 1149 г. даны были привилегіи городамъ Тортосѣ и Леридѣ [3]),

---

[1]) Memorias históricas sobre la marina, comercio y artes de la antigua ciudad de Barcelona, por D. Antonio de Capmany y de Montpalau, t. I, pp. 241, 253 (Madrid, 1727); Historia de España y de la civilización española por Rafael Altamira y Crevea, t. I, pp. 545—548 (Barcelona, 1900).

[2]) Количество населенія въ Каталоніи было вдвое больше, чѣмъ въ Арагонѣ въ XIV—XV вв. Въ 1429 г. въ Арагонѣ насчитывалось до 42.683 дворовъ, а въ 1495 г.—50.391 (Historia de la economia politica de Aragon, por D. Ignacio de Asso. En Zaragoza, 1798. Cap. III: De la poblucion, p. 306), тогда какъ въ Каталоніи уже въ 1359 г. всѣхъ дворовъ было 84.615 (см. выше, стр. 55).

[3]) Bofarull, Reseña historica, 91.

причемъ жители послѣдней, въ силу грамоты графовъ барселонскаго и урхельскаго, освобождались отъ повинностей интестіи и экзоркіи [1]); въ томъ же году графъ барселонскій пожаловалъ привилегію г. Вику, въ которой обѣщалъ не взимать больше съ жителей такихъ податей, какъ questia, tolta, força, и которая неоднократно подтверждалась послѣдующими государями [2]); въ 1154 г. получили привилегіи мѣстечки Камбрильсъ и Монтбланкъ [3]); въ 1157 г. епископъ г. Эльны освободилъ держателей церковныхъ мансовъ въ верхней части города отъ интестіи [4]); въ 1162 г. король Альфонсъ I подтвердилъ привилегіи христіанскаго населенія г. Барселоны и освободилъ его отъ „дурныхъ обычаевъ" [5]); въ 1165 г. епископъ урхельскій освободилъ жителей г. Урхеля отъ интестіи и экзоркіи [6]); въ 1182 г. король Альфонсъ далъ жителямъ г. Пучерды право полнаго самоуправленія, освободилъ ихъ отъ всякихъ цензовъ и повинностей, въ родѣ интестіи и экзоркіи [7]); тотъ же король въ 1190 г. освободилъ христіанское населеніе г. Хероны отъ интестіи [8]), а въ 1194 г.— отъ экзоркіи [9]); въ 1197 г. сеньоръ Рамонъ де Сервера пожаловалъ жителямъ г. Серверы привилегію, въ силу которой уничтожались кугусія, экзоркія и интестія, и которая была подтверждена въ 1208 г. королемъ Педро I [10]); послѣдній въ 1207 г., получивъ 1000 соли-

---

[1]) Chia, Bandos y bandoleros, II, 50-51.

[2]) Libre de privilegis de la ciutat de Vich—напечатано у José Serra y Campdelacreu, El Archivo Municipal de Vich, pp. 141—147 (Vich, 1879).

[3]) Bofarull, l. c. Жители м. Камбрильсь, получивъ свободу, все-таки обязаны были нести нѣкоторыя феодальныя повинности: ... ut sint franchi per saecula, exceptis decimis et primitijs et f u r n i s et salva justicia et fidelitate regia. A. C. A. Indice: Cambrils, 1154.

[4]) Alart, Privilèges et titres, I, 42—43.

[5]) A. C. V. Coleccion de MSS. del padre D. Jayme Pasqual, № 1, f.° 123: Confirmacion, loacion y concesion hecha por el señor D. Ildefonso, rey de Aragon y conde de Barcelona á todos los moradores de Barcelona christianos de todas las franquezas á ellos concedidas, y remision les hizo de los malos usos.

[6]) Villanueva, XI, 208—209; Alart, Privilèges et titres, I, 46—47.

[7]) Alart, op. cit., 67. Въ 1243 г. привилегія эта была подтверждена, причемъ жители были освобождены и отъ кугусіи. Ibidem, 166—167.

[8]) ... ego Ildefonsus, dei gratia, Rex Aragonum, comes Barchinone et Marchio Provincie... facio eisdem civibus Gerundensibus, videlicet xp̄ianis, tale donum et affranquimentum, quod de certo ego et alius aliquis auctoritate mea vel successorum meorum aliquid nullo modo exigamus neque exigere possimus causa intestationis a predictis hominibus jamdictam villam Gerundam infra subscriptos terminos habitantibus... A. M. G. Llibre vert de Gerona, f.° 2.

[9]) A. M. G. Llibre vermell, f.° 1.

[10]) Villanueva, IV, 10.

довъ отъ жителей г. Виллафранки де Конфлентъ въ Руссильонѣ, освободилъ ихъ отъ экзоркіи; потомъ имъ удалось избавиться и отъ другихъ феодальныхъ повинностей путемъ уплаты болѣе или менѣе значительной суммы. Равнымъ образомъ, и другіе города и мѣстечки Руссильона изъяты были отъ несенія этихъ повинностей, какъ Винса—въ 1218, Бельверъ—въ 1225, Корнелья—въ 1230 г., причемъ жители послѣдней достигли освобожденія по уплатѣ 300 солидовъ [1]). Не всегда, однако, размѣры выкупной платы соотвѣтствовали важности или доходности отмѣнявшихся повинностей, и потому нельзя думать, чтобы отмѣна ихъ обусловливалась исключительно экономическими мотивами. Плата ничтожной суммы нерѣдко служила только своего рода санкціей, упрочивавшей сдѣланныя въ пользу того или другого селенія или области уступки, а подобныя уступки вольностей и привилегій вызывались также и политическими соображеніями.

Пользуясь правами суверенитета, графы барселонскіе или короли арагонскіе стремились распространить сферу своего вліянія на феодальныя сеньоріи, ослабить ихъ и усилиться на ихъ счетъ. Они рано начинаютъ привлекать на свою сторону жителей подвластныхъ феодальнымъ сеньорамъ селеній, предоставляя имъ различныя льготы въ случаѣ перехода въ королевскіе города и мѣстечки, и основываютъ новые города, населеніе которыхъ пользуется всякаго рода льготами и привилегіями. Villanova, Villafranca—таковы обычныя названія вновь основанныхъ городовъ, пользовавшихся при самомъ основаніи привилегіями и вольностями.

Съ другой стороны, феодальные сеньоры, чтобы сохранить подданныхъ подъ своею властью и удержать ихъ отъ перехода подъ власть суверенныхъ графовъ, слѣдуютъ такой же политикѣ и также надѣляютъ подвластные имъ города и мѣстечки различными привилегіями и вольностями. Разумѣется, соперничать съ королевскою властью въ этомъ отношеніи могли только крупные феодалы, какъ графы ампурданскій, урхельскій, руссильонскій, епископы херонскій, урхельскій и др., создавшіе въ своихъ владѣніяхъ рядъ привилегированныхъ городовъ и мѣстечекъ, какъ Бисбаль, Палафругель, Тосса, С. Феліу де Гичольсъ, Тороэлла де Монтгри, Безалю, Риполь, Олотъ и т. д. [2]), большая часть которыхъ съ теченіемъ времени перешла подъ власть короны.

---

[1]) Alart, Privilèges et titres, 91, 143, 144, 168, 301, 113, 114, 177, 123, 130.
[2]) Pella y Forgas, 632; Monsalvatge, III, 215—216.

По мѣрѣ освобожденія королями отдѣльныхъ селеній отъ феодальныхъ повинностей и предоставленія ихъ обывателямъ правъ самоуправленія и различныхъ вольностей, образуется понятіе о королевскомъ городѣ, какъ о такомъ мѣстѣ, жители котораго пользуются личной свободой. Существеннымъ признакомъ королевскаго города, по опредѣленію каталонскихъ юристовъ, служило не большее или меньшее количество составлявшихъ его домовъ, а отсутствіе въ немъ лицъ несвободнаго состоянія. Поселиться несвободному человѣку въ королевскомъ городѣ равносильно было пріобрѣтенію личной свободы [1]). Такъ, при основаніи г. Фигуэрасъ, король Іаковъ далъ жителямъ его хартію, въ которой говорилось: „Всякій, кто поселится въ этомъ городѣ, будетъ ли то подданный церкви, рыцаря или горожанина, и пріобрѣтетъ тамъ мѣстожительство, не обязанъ платить выкупъ тому господину, которому принадлежалъ, и навсегда станетъ нашимъ человѣкомъ“. Въ то же время они освобождались отъ кугусіи, экзоркіи, интестіи и другихъ повинностей, служившихъ признакомъ несвободнаго состоянія [2]). На такихъ же началахъ получили вольности королевскіе города Пальсъ, Паламосъ и др. [3]).

Увеличивалось число привилегированныхъ городовъ, измѣнялся и характеръ ихъ привилегій. Первоначально въ нихъ только опредѣлялись границы принадлежавшихъ имъ земельныхъ угодій, тѣ повинности, отъ которыхъ они освобождались, и тѣ, которыя оставлялъ за собою сеньоръ. Съ теченіемъ времени содержаніе городскихъ хартій становится сложнѣе и разнообразнѣе: онѣ уже заключаютъ въ себѣ постановленія относительно внутренняго устройства городской общины, ея управленія, суда, полиціи, выбора должностныхъ лицъ, независимыхъ отъ сеньоріальной власти, и т. д. Таковы, напр., были хартіи, которыми пользовались Аграмунтъ, Альменаръ, Тортоса, Костельбланкъ, Виллафранка дель Панадесъ и многіе другіе города, находившіеся не только на королевской, но и на территоріи феодальныхъ сеньоровъ. Хартіи важнѣйшихъ городовъ, какъ Барселоны, Лериды, Перпиньяна, Вика и др. представляли собранія мѣстныхъ обычаевъ, утвержденныхъ королевскою властью въ періодъ времени отъ XII до XIV в., и служившихъ источни-

---

[1]) Pella y Forgas, 631.

[2]) Documentos ineditos VIII, 125, № XLIX, Carta puebla de villa Real de Figueras (1257 г.).

[3]) Bofarull, Reseña historica, l. c. Pella y Forgas, 632.

комъ такъ наз. „форальнаго“ законодательства [1]). Такъ, обычаи г. Перпиньяна были утверждены въ 1196 г. королемъ Педро I. „Жители г. Перпиньяна, говорилось въ этомъ сборникѣ, должны судиться по мѣстнымъ обычаямъ, а въ тѣхъ случаяхъ, которые не предусмотрѣны послѣдними—по римскому закону (per jura), но не по барселонскимъ обычаямъ и не по готскому закону, ибо въ Перпиньянѣ не имѣютъ мѣста ни интестія, ни экзоркія, ни сеньоріальныя монополіи, за исключеніемъ соляной“... Привилегія г. Перпиньяна впослѣдствіи была распространена и на другіе города и мѣстечки Руссильона: такъ, въ 1243 король Іаковъ пожаловалъ ее мѣстечку Туиру [2]). Компиляція обычаевъ г. Лериды составлена была консуломъ Вильгельмомъ Ботетомъ въ 1228 г., городская хартія г. Барселоны была редактирована въ 1257 г. [3]); въ 1315 г. король Іаковъ II подтвердилъ всѣ привилегіи г. Вика [4]) и т. д. [5]).

Благодаря привилегіямъ, города, служившіе раньше убѣжищемъ для окрестнаго населенія отъ нападенія враговъ, становятся постепенно и оплотомъ гражданской свободы, пріобрѣтаютъ политическое значеніе и вступаютъ, въ лицѣ своихъ представителей, въ составъ кортесовъ, гдѣ образуютъ особый „чинъ“, такъ наз. „brazo popular“. Впервые городскіе депутаты появляются въ кортесахъ 1202 г., но постоянное участіе въ нихъ принимаютъ только съ 1283 г. [6]). Въ XV в. число городовъ, пользовавшихся правомъ посылать депутатовъ въ кортесы, доходило до тридцати шести [7]). Главою королевскихъ городовъ была могущественная и богатая Барселона, политическое значеніе которой основывалось на привилегіи „Recognoverunt proceres“, данной ей королемъ Педро II въ 1283 г. [8]). По этой хартіи каждый несвободный человѣкъ, пробывъ въ г. Барселонѣ въ теченіе одного года и одного дня, пріобрѣталъ свободу. Но фактически этотъ срокъ не соблюдался: достаточно было только добрать-

[1]) M. Falcon, Historia del derecho civil español comun y foral, pp. 313 - 315 (Salamanca, 1880).

[2]) Brutails, XLIII; Alart, Privilèges et titres, 172—173.

[3]) Falcon, l. c.

[4]) J. Serra y Campdelacreu, Archivo Municipal de Vich, 128.

[5]) См. сборникъ Muñoz y Romero, Coleccion de fueros municipales y cartas pueblas de los reinos de Castilla, Leon, Corona de Aragon y Navarra (Madrid, 1847), куда вошли хартіи Кардоны 986 г. (p. 51), Виллафранки де Конфлентъ 1075 г. (p. 279) и Аграмунта 1118 г. (p. 400). См. также José Puiggari, Ordenanzas de Castellon de Ampurias (Revista historica latina, 1874, t. I, pp. 7—8).

[6]) J. Coroleu é Juglada y J. Pella y Forgas, Las cortes catalanas (Barcelona, 1876).

[7]) Marichalar y Manrique, VII, 201.

[8]) Ib., VII, 286 и сл.; Bofarull, l. c.

ся до Барселоны, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ стать свободнымъ человѣкомъ. Изъ ненависти къ знати городское управленіе Барселоны покровительствовало бѣглецамъ изъ феодальныхъ помѣстій и спѣшило зачислить ихъ въ число гражданъ [1]). Въ томъ же году эта привилегія была уступлена и городу Херонѣ, а въ слѣдующемъ столѣтіи была распространена на мѣстечки Гранольерсъ дель Валлесъ, Игваладу, Кардедеу и др. [2]). Такимъ образомъ, число городовъ и мѣстечекъ, гдѣ крѣпостные крестьяне могли находить пріютъ и свободу, возрастало. Но этимъ и ограничивалось то содѣйствіе, которое оказывали города освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, содѣйствіе, которое вызывалось сословными эгоистическими интересами. Въ кортесахъ представители городовъ не подымали голоса въ защиту крестьянскихъ правъ, тѣмъ болѣе, что сами горожане нерѣдко были обладателями имѣній съ крѣпостнымъ населеніемъ и не имѣли намѣренія отказываться отъ власти надъ послѣднимъ. Съ другой стороны, иногда цѣлая городская община являлась какъ бы феодальнымъ сеньоромъ по отношенію къ подвластному ей крестьянскому населенію и пользовалась тѣми же правами и тою же властью надъ нимъ, какъ и представители феодальной аристократіи по отношенію къ своимъ подданнымъ. Таковы были, напр., отношенія г. Барселоны къ населенію принадлежавшихъ ей селеній и мѣстечекъ Таррега, Монкада, Сабадель, Тарасса и др.; такою же властью пользовался и г. Херона надъ жителями приходовъ Вилови, Камплонкъ, Ріуделлотсъ и т. д. [3]).

Стремленіе къ независимости мало по малу охватило и земледѣльческіе классы населенія Каталоніи, отчасти подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ, которыя вызвали городское движеніе, отчасти подъ вліяніемъ возвышенія городовъ и пріобрѣтенія ими политическаго значенія. По мѣрѣ того, какъ городъ отдѣлялся отъ села и пріобрѣталъ противоположное ему хозяйственное и юридическое значеніе, среди сельскаго населенія пробуждалось чувство зависти къ жителямъ города и желаніе достигнуть той же степени свободы и благосостоянія, какимъ пользовались они, или, по крайней мѣрѣ, оградить себя отъ сеньоріальныхъ злоупотребленій путемъ превращенія натуральныхъ повинностей въ денежныя и точнаго опредѣленія размѣра послѣднихъ. Однимъ изъ первыхъ шаговъ по пути освобожденія крестьянъ было приведеніе въ извѣстность тѣхъ по-

[1]) Marichalar y Manrique, VII, 356. Colecció de documents historichs inedits del Arxiu Municipal de la ciutat de Barcelona, t. II, p. 95 (Barcelona, 1893).

[2]) Nolasco, op. cit., IV, 45.

[3]) Chia, I, 35.

винностей и платежей, которые обязаны были они нести въ пользу сеньоровъ, что достигалось, до извѣстной степени, уже разсмотрѣнными нами грамотами подчиненія (capbreve, instrumentum confessionis), гдѣ перечислялись, съ оговорками или безъ оговорокъ, съ ограниченіями или безъ ограниченій, обязанности ременсъ по отношенію къ ихъ господамъ. Какое значеніе имѣли эти грамоты, какъ и переводъ натуральныхъ повинностей на денежный оброкъ, въ исторіи освобожденія крестьянъ, увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія, а теперь разсмотримъ способы непосредственнаго освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, практиковавшіеся въ періодъ отъ XII до XV в.

Способы избавиться отъ феодальнаго гнета были двоякаго рода, легальные и нелегальные. Къ числу легальныхъ способовъ освобожденія относятся выкупъ отъ феодальной зависимости какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ общинъ посредствомъ условленной суммы денегъ, и предоставленіе сеньорами свободы отдѣльнымъ лицамъ или цѣлымъ общинамъ на основаніи завѣщанія, дара или договора. Нелегальными средствами были бѣгство крѣпостныхъ крестьянъ въ привилегированные города и мѣстечки или же вооруженное возстаніе жителей отдѣльныхъ селъ и приходовъ противъ сеньоріальныхъ злоупотребленій.

Выкупъ личной свободы, практиковавшійся въ единичныхъ случаяхъ, именно при переселеніи крестьянъ изъ одного помѣстья въ другое, и сопровождавшійся потерей земельнаго участка, не игралъ важной роли въ исторіи эмансипаціоннаго движенія, такъ какъ не увеличивалъ числа свободныхъ держателей мансовъ. Болѣе серьезное значеніе имѣли тѣ случаи, когда жители цѣлыхъ общинъ и приходовъ добивались у своихъ сеньоровъ уступки тѣхъ или другихъ правъ и освобожденія отъ тѣхъ или иныхъ повинностей. Такъ, напр., мы знаемъ, что въ 1144 г. жители приходовъ св. Петра де Озоріо, св. Креста и св. Даніила де Манфредо получили отъ графа барселонскаго Раймунда, по уплатѣ 150 золотыхъ, привилегію, по которой освобождались отъ кугусіи и получали право имѣть собственный судъ, подъ предсѣдательствомъ байльи, назначавшагося графомъ [1]); въ 1154 г. виконтесса басская Альмодисъ освободила жителей прихода св. Юліана де Валлефекунда отъ „дурного обычая“, состоявшаго въ томъ, что каждый держатель манса обязанъ былъ доставлять ей по нѣскольку мѣръ хлѣба въ годъ; за такую уступку она получила 300 солидовъ [2]); въ 1171 г. виконтъ ка-

[1]) Прил. XIV.

[2]) Doc. ined., IV, 225—226.

стельбонскій пообѣщалъ не взимать съ жителей помѣстья Меранхесъ никакихъ платежей, кромѣ штрафовъ за убійство, прелюбодѣяніе (кугусія) и поджогъ (арсія) [1]; но, кажется, обѣщаніе это не соблюдалось, такъ какъ въ 1250 г. опять послѣдовало освобожденіе жителей долины и замка Меранхесъ отъ тѣхъ же штрафовъ, а также и отъ интестіи и экзоркіи, по грамотѣ, данной Рожеромъ, графомъ де Фуа и виконтомъ кастельбонскимъ [2]).

Въ 1238 г. жители общины Канета освобождены были, по уплатѣ 3000 солидовъ, отъ барщины (tragina, joua), кугусіи, интестіи, натуральныхъ (alberga, agraria) и военныхъ повинностей (host, cavalcata) [3]); въ 1242 г. король Іаковъ I освободилъ отъ ременсы, кугусіи, экзоркіи и интестіи жителей долины Пратсъ [4]), а въ слѣдующемъ году—жителей замка и прихода св. Маріи де Ливія [5]); тогда же освобождены были отъ экзоркіи жители Бельвера, еще раньше избавившіеся отъ интестіи [6]); наконецъ, подобнаго же рода вольности даны были жителямъ Ополя [7]), Милласа въ 1262 г. [8]), долины Андорры—въ 1275 г. [9]), долины Арана—въ 1298 г. [10]) и т. д. Получили свободу также крестьяне многихъ селеній Херонскаго епископства, именно въ графствѣ Ампурданскомъ, гдѣ „дурные обычаи" уничтожены были графами Уго, и въ графствѣ Нералада, гдѣ освободителями крестьянъ были графы Рокаберти [11]). Впрочемъ, не всегда дарованныя на тѣхъ или иныхъ условіяхъ льготы соблюдались сеньорами. Въ такихъ случаяхъ крестьяне выступали съ протестами. Такъ, жители помѣстья Санта Пау въ 1391 г. протестовали передъ барономъ Уго противъ взиманія имъ нѣкоторыхъ налоговъ, нарушавшихъ ихъ привилегіи, которыя освобождали ихъ на вѣчныя времена отъ извозной, сторожевой и военной повинностей, а также и отъ экзоркіи, интестіи и кугусіи [12]).

---

[1]) Baudon de Mony, Relations politiques des comptes de Foix avec la Catalogne, II, 28.

[2]) Alart, Previléges et titres, 197.

[3]) Alart, ib., 155—156.

[4]) Ib., 164—165.

[5]) Cutchet, 189—190.

[6]) Alart, op. cit., 166—167.

[7]) Ib., 181.

[8]) Ib., 239, 313—316.

[9]) Baudon de Mony, II, 152—154.

[10]) Bofarull, Reseña hist., 111.

[11]) Pella y Forgas, 656.

[12]) Monsalvatge, III, 215—216.

Привилегированныя селенія вначалѣ были какъ бы оазисами среди массы несвободнаго крестьянства. Рядомъ съ послѣднимъ существовалъ классъ болѣе или менѣе свободныхъ земледѣльцевъ, получавшихъ земельные надѣлы или въ собственность, или въ наслѣдственную эмфитевзу, и представлявшихъ ту степень крестьянскаго благополучія, къ достиженію которой естественно стремились несвободные вилланы.

Освобожденіе одного селенія подготовляло освобожденіе другого. Если какому-нибудь приходу или общинѣ не удавалось получить вольности отъ сеньора, а гнетъ его становился невыносимымъ, то жители либо эмигрировали въ тѣ города и мѣстечки, пребываніе въ которыхъ, въ силу мѣстныхъ привилегій, давало имъ свободу, либо прибѣгали къ вооруженному возстанію, какъ „ultima ratio".

Что бѣгство служило обычнымъ и весьма распространеннымъ средствомъ избавиться отъ крѣпостной зависимости, объ этомъ свидѣтельствуютъ постановленія кортесовъ, старавшихся ограничить или сдѣлать менѣе дѣйствительнымъ для крестьянъ способъ освобожденія посредствомъ переселенія въ привилегированные города.

Такъ, напр., кортесы, созванные Іаковомъ II въ г. Херонѣ въ 1321 г. съ цѣлью привлечь каталонское дворянство къ походу на о. Сардинію, постановили, что ни король, ни его уполномоченные, ни кто-либо изъ представителей церкви, знати или буржуазіи не должны оказывать поддержки и защиты крестьянамъ, въ случаѣ спора ихъ съ сеньорами, сопротивленія ихъ власти или неповиновенія ихъ приказаніямъ; если же крестьяне поселятся въ городахъ и мѣстечкахъ, королевскихъ или сеньоріальныхъ, то могутъ расчитывать на защиту со стороны названныхъ лицъ лишь въ томъ случаѣ, если оставили такія помѣстья, гдѣ не существовало обычая выкупа, или же предварительно откупились отъ власти своихъ господъ тамъ, гдѣ обычай выкупа существовалъ [1]).

Для облегченія своей участи или защиты своихъ правъ крестьяне прибѣгали иногда къ возстанію. Еще въ XIII в. возстали противъ своихъ сеньоровъ общины Кампродонъ, Баньоласъ и Арль. Намъ извѣстны нѣкоторыя подробности лишь о возстаніи арльскихъ поселянъ. Тяготясь зависимостью отъ аббата монастыря св. Маріи, выражавшеюся въ рядѣ обременительныхъ повинностей, какъ мельничный и

---

[1]) Cortes de Cataluña, I, 265, § XXII (cf. Const. de Catal., I, 347, tit. XXXII, изд. 1704).

пекарный баналитеты, интестія, экзоркія и др., и имѣя передъ собой соблазнительный примѣръ сосѣднихъ общинъ Клаира, Корнелья, Виллафранка, Кольуре и др., пользовавшихся вольностями и привилегіями, полученными отъ королей арагонскихъ и сеньоровъ Валлеспира, они въ 1235 г. возстали, отказали аббату въ обычной присягѣ, которую обязаны были приносить, какъ homines solidi et proprii, разрушили и разграбили дома приверженцевъ аббата. Возстаніе приняло необычайные размѣры въ исторіи руссильонскихъ общинъ, и для подавленія его понадобилась помощь епископа г. Эльны и графа руссильонскаго Нуньо Санчо, отправившаго на мѣсто происшествія своего vегье. Дѣло улажено было компромиссомъ, состоявшимся между представителями Арльской общины и представителями аббата на слѣдующихъ условіяхъ: жители Арля обязались за себя и свое потомство присягать, начиная съ 14-лѣтняго возраста, въ вѣрности аббату, какъ его „люди", защищать его и его братью, печь хлѣбъ въ монастырскихъ пекарняхъ, предоставляя аббату по одному хлѣбу съ каждыхъ двадцати пяти, молоть зерно на монастырской мельницѣ, платя за это установленный налогъ. Съ другой стороны, жители получали амнистію по уплатѣ въ пользу монастыря 1200 солидовъ и возмѣщеніи убытковъ лицъ, пострадавшихъ отъ бунта, и освобождены были отъ интестіи и экзоркіи [1]).

Въ концѣ XIII и началѣ XIV вв. подымаютъ возстаніе противъ феодальнаго гнета и различныя общины Херонской епархіи, между прочимъ селеніе Улла, подчиненное власти херонскаго епископа и отказавшееся выполнять обычныя повинности въ пользу церкви Рупіа. Сеньоры прибѣгали къ жестокой расправѣ съ бунтовщиками, предавали ихъ казни черезъ повѣшеніе, а крестьяне нападали на нихъ на большихъ дорогахъ, грабили и оскорбляли своихъ тирановъ. Взаимное ожесточеніе возрастало. Епископу херонскому Бернарду де Виламари (1312—1318) стоило большого труда и денегъ устраивать и поддерживать висѣлицы, предназначенныя для мѣстныхъ обывателей, не желавшихъ подчиниться дѣйствію „дурныхъ обычаевъ". Крестьяне постоянно уничтожали эти орудія казни [2]). Страхъ быть повѣшенными не могъ удержать крестьянъ отъ насильственныхъ дѣйствій противъ ихъ угнетателей. Еще въ концѣ XIV в. они замышляли пробраться въ г. Херону и перерѣзать своихъ сеньоровъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ. Въ началѣ слѣдующаго столѣтія группы крестьянъ, сперва въ 400, потомъ въ 1000

---

[1]) Monsalvatge, VII, 37—43; Alart, Notices historiques, I, 141.
[2]) Chia, II, 60.

человѣкъ, пытались проникнуть ночью въ городъ съ цѣлью сжечь каѳедральный архивъ, гдѣ хранились грамоты подчиненія, служившія духовенству основаніемъ для преслѣдованія крестьянъ, неисправно исполнявшихъ возложенныя на нихъ повинности.

Однимъ изъ основаній для неудовольствія крестьянъ было то, что сеньоры, при возобновленіи грамотъ подчиненія, заставляли крестьянъ включать туда и такія обязательства, которыя не существовали въ первоначальныхъ грамотахъ. Ременсы относились съ ненавистью не только къ духовенству, но и къ мелкопомѣстному дворянству Херонской епархіи, и оказывали сопротивленіе ему въ случаѣ требованія недоимокъ. Когда въ 1440 г. одинъ дворянинъ потребовалъ отъ своего „человѣка", уплаты „таски" за прошлые годы, тотъ возмутился, подалъ сигналъ къ возстанію (via fors), на который поднялись всѣ сосѣди, произведшіе опустошенія во владѣніяхъ сеньора [1]).

Херонское духовенство пріобрѣло особенно печальную извѣстность своимъ тиранническимъ образомъ дѣйствій по отношенію къ подвластному ему крестьянству. Какъ ни трудно было крестьянамъ перемѣнять мѣстожительство при условіи существованія выкупа, оно старалось лишить ихъ даже и этого средства освобожденія. Такъ, въ царствованіе Хуана I въ г. Херонѣ имѣлъ мѣсто церковный синодъ, на которомъ было постановлено, что крестьяне, принадлежавшіе соборной церкви этого города, не имѣли правъ пріобрѣтать свободу даже посредствомъ выкупа, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда вступали въ бракъ или въ грамотѣ подчиненія выговаривали себѣ это право [2]). Въ этомъ діоцезѣ, кромѣ того, существовалъ обычай, по которому даже дѣвушкѣ, если она была единственной наслѣдницей манса, запрещалось откупаться на волю; если она и вносила должную сумму за освобожденіе, то выкупъ все-таки не признавался дѣйствительнымъ, ибо клонился ко вреду церкви, и дѣвушка принуждалась къ признанію своей зависимости посредствомъ особой грамоты [3]). Нигдѣ крестьянамъ не жилось такъ тяжело, какъ въ Херонской епархіи, нигдѣ освобожденіе ихъ не было больше затруднено, какъ на мансахъ Херонской церкви, и нигдѣ озлобленіе крестьянъ противъ сеньоровъ не было такъ сильно и не выражалось въ болѣе рѣзкихъ формахъ, какъ именно въ этой части Каталоніи.

---

[1]) Ib., II, 61—63.
[2]) Pella y Forgas, 659.
[3]) Mieres, 51.

Способы освобожденія, какъ мы видѣли, были разнообразны, но пользоваться ими крестьяне могли все-таки съ большими затрудненіями, да, къ тому же, личное освобожденіе, которое достигалось, напр., путемъ бѣгства въ города, сопровождалось потерей земельнаго надѣла, а возстанія, въ случаѣ неудачнаго исхода, имѣли послѣдствіемъ репрессаліи и вообще ухудшеніе крестьянскаго быта.

Болѣе надежнымъ, хотя и медленнымъ путемъ къ освобожденію служила постепенная замѣна крѣпостного труда и всякаго рода повинностей, служившихъ выраженіемъ личной зависимости крестьянъ, опредѣленною денежной рентой.

Разнообразіе и неопредѣленность личныхъ и натуральныхъ повинностей, будучи результатомъ такого хозяйственнаго порядка, когда платой за покровительство и уступку земли въ пользованіе служилъ личный трудъ земледѣльца и доставленіе сеньору того или другого количества сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, обусловливало тяжелую зависимость вилланов отъ воли сеньоровъ и малую производительность земледѣльческаго труда. Съ увеличеніемъ находившейся въ обращеніи монеты, явилась возможность замѣнить разнородныя повинности опредѣленными денежными платежами, и этой возможностью пользовались по мѣрѣ того, какъ, подъ вліяніемъ знакомства съ предметами роскоши и комфорта, измѣнялся незатѣйливый образъ жизни средневѣковыхъ сеньоровъ, нарождались новыя потребности, для удовлетворенія которыхъ необходимы были деньги. Въ виду этого интересъ сеньоровъ побуждалъ ихъ предоставлять вилланамъ право выкупа однѣхъ повинностей и перевода другихъ на опредѣленный денежный оброкъ или чиншъ. Для крестьянъ подобная замѣна представлялась выгодной, поскольку съ нею связано было установленіе большей опредѣленности въ отношеніяхъ къ собственникамъ и ограниченіе ихъ произвола. Такимъ образомъ, замѣна личныхъ и натуральныхъ повинностей денежными платежами, или т. наз. коммутація, была однимъ изъ существеннѣйшихъ моментовъ въ развитіи освобожденія крестьянъ. Она совершалась не вдругъ и не повсемѣстно, такъ какъ многіе еще сеньоры находили для себя болѣе выгоднымъ сохранять statum quo antes въ своихъ отношеніяхъ къ крѣпостному крестьянству. Тамъ же, гдѣ существовали мотивы для коммутаціи крестьянскихъ повинностей, сначала только нѣкоторыя изъ нихъ были переведены на денежные платежи, тогда какъ остальныя продолжали выполняться натурой, пока и для нихъ не наступила очередь такой же замѣны. Стремленіе привести къ одному знаменателю разно-

родные повинности и платежи выразилось и въ томъ, что цензы, уплата которыхъ часто производилась монетами разнаго наименованія и качества, сводились къ уплатѣ монетою одного типа, обыкновенно барселонскою, отличавшеюся большою устойчивостью и въ вѣсѣ, и въ качествѣ[1]). Такъ, напр., въ 1322 г. между духовенствомъ и эмфитевтами г. Вика, при посредствѣ короля Іакова, состоялось соглашеніе, въ силу котораго установлена была слѣду-

---

[1]) Благодаря тому, что правомъ чеканки монеты, кромѣ короля, пользовались и феодальные сеньоры, и города, въ средневѣковой Каталоніи существовала масса денежныхъ знаковъ различнаго наименованія и достоинства. По мѣрѣ развитія торговаго обмѣна увеличивалась потребность въ установленіи извѣстной правильности въ денежномъ обращеніи. Самой образцовой монетой считались барселонскіе солиды „de terno", состоявшіе изъ 3 долей серебра и 9 долей мѣди; рядомъ съ этой монетой существовали солиды „de quaterno", изъ 4 долей серебра и 8 долей мѣди, и солиды „de dupleta", изъ 2 долей серебра и 10 долей мѣди (Coroleu, La civilizacion catalana en el siglo XIV, въ журналѣ „La España Regional", Barcelona, 1886, t. I, cuad. 2, pp. 140—143). Монета „de terno", согласно закону, изданному королемъ Іаковомъ въ 1358 г., не подлежала измѣненію ни въ вѣсѣ, ни въ качествѣ, ни въ цѣнѣ (Nolasco, III, 258—260), и находилась въ обращеніи до 1598 г. Кромѣ монеты „de terno", въ большомъ употребленіи были серебряныя марки и золотые арагонскіе флорины; до половины XIII в. цѣна марки отличалась большою неустойчивостью (такъ, въ періодъ отъ 1137 до 1187 г. марка равнялась 44 барсел. солидамъ; въ 1213 г. она приравнена была сперва къ 75, а затѣмъ—къ 88 солидамъ. Villanueva, VIII, 230); съ 1259 г. она соотвѣтствуетъ цѣнѣ 60 барс. сол. „de terno" (Capmany, II, Ap. XXXI, 122—124); золотой флоринъ въ XIV (1378) и XV (1460) вв. состоялъ обыкновенно изъ 11 солидовъ (ibidem). Наконецъ, въ нашихъ источникахъ часто упоминаются еще и такія монеты: оболъ (=$^1/_2$ денарія „de terno"), золотая унція (=28 сол.) и дукатъ (=24 сол.). Capmany, l. c.; Nolasco, l. c.; Villanueva, XIV, 301.

О покупной силѣ денегъ въ Каталоніи въ XIV в. можно судить на основаніи слѣдующихъ данныхъ: въ 1301 и 1325 г. фунтъ говядины стоилъ въ Барселонѣ 5 ден.,

фунтъ телятины	5 д.— 6 д.
„ свинины	11 д.—12 д.
„ баранины	8 д.
„ овечьяго мяса	4 д.— 5 д.
фунтъ мяса козы	4 д.— 4 д.
„ „ козла	5 д. 1 оболъ—6 д.
пара куръ	2 с. 2 д.
„ голубей	8 д.— 6 д.
„ утокъ	2 с.—10 д.
„ куропатокъ	1 с.— 1 с. 2 д.
1 кроликъ	5 д.
1 козленокъ	2 с.

ющая такса для перевода разнородныхъ денежныхъ платежей и приношеній натурой на барселонскіе солиды:

1 золотой мараведи . .	= 13	солидамъ,		
1 золотой масмутинъ .	= 10	„		
2 утки	= $2^1/_2$	„		
2 курицы	= 2	„		
2 куропатки	= —	„	12 д. [1]).	

Данный примѣръ относится къ эмфитевтамъ, для которыхъ такъ же, какъ и для ременсъ, переводъ натуральныхъ повинностей на денежный чиншъ представлялся выгоднымъ. Въ Викскомъ епископствѣ уже въ XIV в. многіе держатели мансовъ взамѣнъ „дурныхъ обычаевъ“ обязаны были по отношенію къ сеньорамъ несеніемъ опредѣленной денежной ренты [2]); примѣромъ могутъ служить жители селенія Саллента, которые въ XV в. уплачивали викскому епископу ежегодную ренту въ размѣрѣ 20 солидовъ, взамѣнъ упраздненныхъ имъ обычаевъ интестіи, экзоркіи, кугусіи и арсіи [3]).

Относительно цѣнъ на хлѣбъ у Capmany (l. c.) находятся такія данныя для 1234 и 1364 гг.:

1 quartera (= болѣе $^1/_2$ четверти)	пшеницы . .	10 с	—10 с.
„ „	ячменя	7 с.	— $6^1/_2$ с.
„ „	ржи	8 с.	— 8 с.
„ „	овса		4 с.
„ „	проса		$6^1/_2$ с.

Въ 1307 г. дневное пропитаніе одного священника стоило 3 д., въ 1329 г.— 5 д., въ 1341 г.—6 д, въ 1413 г.—1 с. (Capmany, l. c.).

[1]) Sentencia arbitral proferida por el señor D. Jaime, Rey de Aragon, entre el estado ecclesiastico de la ciudad de Vich y los emphiteotas, que a dicho estado devian prestar censos annuales, con la qual declaró que en adelante por cada morabatino de oro de censo se pagassen treze sueldos barceloneses de moneda de terno, por cada mazmutina de oro de censo 10 sueldos, por cada par de capones de censo $2^1/_2$ sueldos; por cada par de gallinas 2 sueldos y por cada par de perdices de censo 12 dineros barcel. A. C. V. Coleccion de MSS. del padre D. Jayme Pasqual, tomo d'Ioseph Rocafort, ff-os 121—122, № 2.

[2]) Villanueva, VI, 6—7.

[3]) El dia 9 de abril del ano 1437 los sindicos y procuradores de la villa de Sallent, Juan Genovés, Francisco Raymundo, Lorenco Rosell y Bartolomé Sanchs en nombre de dicha villa vendieron á Mateo Pons una casa propiedad de la misma por el precio de 30 florines de oro, para poder arreglar con dicha cantidad la carniceria publica de dicha villa, pagando con sus reditos aquellos 20 sueldos barceloneses que todos los anos debian satisfacer al obispo de Vich, su señor feudal, por la abolicion ó franquicia hecha en su favor de los malos usos („pro extrahicione malorum consue-

Въ нашемъ распоряженіи имѣется рядъ данныхъ, относящихся къ періоду времени отъ половины XIV до половины XV в. и позволяющихъ судить, какими мотивами опредѣлялась и ка какихъ условіяхъ совершалась замѣна однѣхъ повинностей денежной рентой и полное уничтоженіе другихъ.

Въ 1343 г. управляющій имѣніями Херонской епархіи, каноникъ Петръ де Касадеволь замѣнилъ личныя и натуральныя повинности и обязательства (ременсу, интестію, экзоркію, кугусію, доставленіе въ день св. Петра и Феликса 4 мѣръ хлѣба и—пары курицъ въ день Рождества), лежавшія на Петрѣ Русси, женѣ его Магнѣ и другихъ лицахъ, жившихъ въ приходѣ св. Мартына де Катіансъ, вблизи монастыря С. Феліу де Гичольсъ, въ мансѣ Виватъ, состоявшемъ изъ 34 версанъ земли, ежегоднымъ чиншемъ въ размѣрѣ 10 барселонскихъ солидовъ [1]), которые должны были уплачиваться въ праздникъ Всѣхъ Святыхъ. Такую замѣну Касадеволь мотивировалъ выгодами церкви [2]). Ими, конечно, руководствовались и въ другихъ случаяхъ, какъ можно заключить изъ слѣдующихъ примѣровъ. Въ зависимости отъ того же Касадеволя держала борду нѣкая Аструка де Коста, обязанная доставлять ему, въ качествѣ ценза, пару курицъ и 18 денаріевъ въ праздникъ Рождества, двѣ таски со всѣхъ продуктовъ годового урожая и нести всѣ повинности, связанныя съ ременсой. Она обратилась къ канонику съ просьбой замѣнить эти повинности и обязательства однимъ ежегоднымъ цензомъ. Касадеволь увѣдомилъ о ея желаніи епископа, какъ главнаго распорядителя всѣхъ держаній Херонскаго діоцеза, а тотъ поручилъ клирику Раймунду де Орта разслѣдовать дѣло, узнать, насколько такая замѣна выгодна для препозитуры и на какихъ условіяхъ можетъ быть произведена. Орта исполнилъ возложенное на него порученіе и призналъ выгоднымъ для церкви удовлетвореніе просьбы Аструки, съ чѣмъ согласился и самъ епископъ: Аструка

---

tudinum, scilicet in cestie exorquie et cogutie"). Archivo parroquial de la villa de Sallent, Perg. № 5 (Рукопись сообщена намъ Dr. Antonio Vila y Sala, завѣдующимъ муницип. и приходскимъ архивомъ с. Sampedor, возлѣ г. Манрезы). Краткое упоминаніе объ этой сдѣлкѣ мы находимъ также въ Biblioteca histórica de la Diócesis de Vich, vol. III. Episcopologio de Vich (publicalo D. J. Collell), t. II, p. 426 (Vich, 1894).

[1]) Reduco... perpetuo omnes servitutes persone vestre et Magne uxoris vestre et aliarum personarum eiusdem mansi, scilicet intestias, exorquias, cugutias, et redemptiones et quascumque alias servitutes... ad censum 10 solid.

[2]) ... attendentes etiam utilius esse dicte elemosina quod servitutes personarum dicti mansi reducantur ad censum infrascriptum. A. H. G. Caj. 33. Perg. 320.

могла получить личную свободу при условіи единовременнаго взноса 400 солидовъ и замѣнить всѣ случайные и постоянные платежи и приношенія ежегоднымъ цензомъ въ размѣрѣ 26 солидовъ, уплата коихъ пріурочивалась къ празднику св. Петра и Феликса [1]).

Переводъ натуральныхъ повинностей на денежныя совершался и на вѣчныя времена, и на опредѣленные сроки. Въ первомъ случаѣ земельная рента постепенно падала, по мѣрѣ уменьшенія цѣнности денегъ; въ послѣднемъ, для собственника являлась возможность, по истеченіи даннаго срока, увеличить размѣръ оброка соотвѣтственно измѣнившейся цѣнности денегъ. Примѣромъ срочной аренды можетъ быть слѣдующій случай: въ 1351 г. держателю манса Солерій и „человѣку“ настоятеля церкви св. Феликса де Бурда позволено было замѣнить, срокомъ на 15 лѣтъ, всѣ личныя и натуральныя повинности ежегоднымъ цензомъ въ размѣрѣ 6 солидовъ, уплата которыхъ должна была производиться въ день св. Петра и Феликса [2]). „Въ виду собственной пользы“ („inspecta utilitate mea“), священникъ Арналь Адроверій въ 1359 г. перевелъ на опредѣленный денежный оброкъ тѣ разнообразныя повинности, которыя несли въ его пользу зависѣвшіе отъ него потомственные держатели мансовъ въ приходѣ св. Викентія де Камо́съ: вмѣсто доставленія зерна, курицъ, той или другой части годичнаго урожая (taschas, agrarie et alia terremerita), тѣхъ или иныхъ платежей (census denariorum), выполненія различныхъ барщинныхъ работъ (pro omnibus juribus, traginis, batudis et aliis omnibus et singulis servitutibus), крестьянинъ Беренгарій де Руппе обязанъ былъ ежегодно уплачивать 30 солидовъ чинша въ два срока, въ праздникъ Всѣхъ Святыхъ и на Новый Годъ; Раймундъ де Феррато—25 солидовъ, Петръ де Прато—20 солидовъ, Гарсендисъ—24 солида въ тѣ же сроки. Но другія повинности, служившія выраженіемъ личной зависимости названныхъ крестьянъ отъ Адроверія и его сеньоріальныхъ правъ надъ мансами, какъ интестія, кугусія, экзоркія, равно какъ и тѣ платежи, которые слѣдовали въ его пользу при совершеніи крестьянами различныхъ имущественныхъ сдѣлокъ (laudemia, foriscapia, tertia и т. д.), оставлены были безъ измѣненія [3]). Такимъ

---

[1]) Приложеніе № 1.

[2]) ... Petrus Solerius, parrochie S-ti Felicis de Burda, homo proprius et solidus dicti capellani, ratione mansi Solerii... reduco tibi dicto Petro Solerii hinc ad 15 annos proxime venientes,.. homines et feminas dicti mansi Solerii ad censum 6 solidorum Barch. per te et tuos solvendorum et prestandorum dicto capellano in festo Sanctorum Petri et Felicis. A. V. G. Notularum, № 25, f. 6.

[3]) Прилож. XXII.

образомъ, не всѣ повинности, а только извѣстная ихъ часть, приведены были къ одному знаменателю, но и въ такомъ ограниченномъ видѣ „коммутація“, несомнѣнно, представляла извѣстныя выгоды для крестьянъ, которые могли теперь болѣе свободно располагать своимъ временемъ и вести болѣе интенсивное хозяйство, зная, что за вычетомъ опредѣленной доли дохода въ пользу сеньора, весь излишекъ поступитъ въ ихъ пользу.

Другой херонскій каноникъ Раймундъ, получивъ отъ Беренгера Рiэча (Riex) единовременно сумму въ 100 ливровъ 15 солидовъ, по договору, заключенному 30 августа 1364 г., согласился замѣнить личныя обязательства, связанныя съ держаніемъ манса Сервера де Паласіо, расположеннаго въ приходѣ св. Феликса и заключавшаго въ себѣ 33 плуга земли (jornalia terre bouum... et versanas terre), ежегодною рентой въ 14 сол., а натуральныя повинности и оброки—ежегоднымъ платежомъ въ 36 солидовъ. Въ моментъ заключенія этого договора Рiэчъ былъ херонскимъ гражданиномъ; произведенную сдѣлку Раймундъ мотивировалъ тѣмъ, что Рiэчу, какъ жителю города, неудобно нести тѣ личныя и натуральныя повинности, которыя связаны были съ держаніемъ манса, а замѣну ихъ опредѣленнымъ денежнымъ платежомъ считалъ болѣе выгодною и для себя [1]). Мы склонны предположить, что Рiэчъ, раньше чѣмъ стать херонскимъ гражданиномъ, былъ вилланомъ, стоявшимъ въ личной зависимости отъ Раймунда; переселившись въ городъ, можетъ быть, противъ воли Раймунда, онъ сталъ лично свободнымъ человѣкомъ, въ силу мѣстныхъ привилегій, но не прочь былъ удержать за собою ту землю, которая находилась раньше въ его держаніи; съ другой стороны, Раймундъ, подобно многимъ другимъ сеньорамъ, не находя людей, которые согласились бы поселиться въ его мансѣ на прежнихъ условіяхъ подчиненія, вынужденъ былъ удовлетворить желаніе Рiэча и признать его держателемъ манса, но на иныхъ условіяхъ, чѣмъ раньше. Если наше предположеніе вѣрно, то приведенный фактъ свидѣтельствуетъ, что во второй половинѣ XIV в., хотя и рѣдко, возможны были такіе случаи, когда крестьяне, освободившись отъ крѣпостной зависимости путемъ пе-

---

[1]) Et ego attendens, quod vos estis civis Gerunde et comode pro dicto manso non potestis facere homines nec mulieres, melius et utilius est michi et meis successoribus in dicto loco pro dicta servitute personarum quolibet anno recipere et habere 14 sol. barch. de terno Et pro dictis censibus et agrariis 36 sol. recipere et habere quolibet anno, quam dictam servitutem personarum et alia predicta recipere et habere. A. H. G. Caj. 38. Perg. 8.

реселенія въ города, возстановляли права на оставленные ими участки земли.

Въ другихъ случаяхъ посредствомъ единовременнаго взноса извѣстной денежной суммы вовсе уничтожались нѣкоторыя повинности, тогда какъ другія или оставались неизмѣнными или переводились на постоянную ежегодную ренту, какъ это видно изъ слѣдующихъ примѣровъ. Въ 1388 г. Бернардъ Кома, держатель борды, принадлежавшей пріюту бѣдныхъ въ г. Эльнѣ и находившейся въ приходѣ de Camelis, былъ освобожденъ отъ барщины (servitutes... faciendi jouam et traginam et alia), ременсы, интестіи, экзоркіи и другихъ обязательствъ, служившихъ выраженіемъ личной зависимости, послѣ уплаты 8 ливровъ 5 сол. и подъ условіемъ ежегоднаго взноса въ праздникъ Рождества 2 сол. и 8 д.; повинность (alberga) постоя и содержанія одного рыцаря, трехъ слугъ и двухъ вьючныхъ животныхъ замѣнена была ежегоднымъ платежомъ въ 4 солида; но другія повинности, какъ доставленіе извѣстной части урожая (agraria, terremerita de fructibus et expletis), оброкъ, состоявшій изъ двухъ мѣръ ячменя, одной курицы и 2 сол. 6 д., уплачивавшихся въ день Рождества, пошлины, взимавшіяся при всякаго рода имущественныхъ сдѣлкахъ, оставлены были безъ измѣненія [1]). 19 марта 1405 г. нѣкая Раймунда, державшая борду въ зависимости отъ монастыря Спиріано, была освобождена отъ ременсы, интестіи, экзоркіи и другихъ обязательствъ, вытекавшихъ изъ феодальной присяги, по уплатѣ 9 ливровъ 5 сол., а ежегодныя приношенія, въ видѣ пары гусей, трехъ курицъ, двухъ мѣръ вина и двухъ пироговъ, замѣнены были ежегоднымъ цензомъ въ размѣрѣ 8 барс. солидовъ. Мотивы, побудившіе аббата и братью монастыря Спиріано совершить эту сдѣлку, изложены въ грамотѣ освобожденія Раймунды. „Въ виду того, значится тамъ, что въ настоящее время область Валлеспира стоитъ на пути полнаго запустѣнья и безлюдья вслѣдствіе великой смертности, господствовавшей въ ней въ прежнія времена, и едва можно найти человѣка, который согласился бы поселиться тамъ, достопочтенный аббатъ и его братья пришли къ рѣшенію освободить обитателей данной борды отъ обязательствъ, связанныхъ съ присягой въ вѣрности, отъ интестіи, экзоркіи, вступныхъ и выходныхъ денегъ, ременсы и др., чтобы положить конецъ ея запустѣнью и возстановить ея обработку и доходность; для аббата монастыря предпочтительнѣе отказаться отъ той части доходовъ, которые уничтожаются съ личнымъ освобо-

[1]) B. M. P. Cart. Rouss., XVI, 336—339.

жденіемъ держателя борды, чѣмъ вовсе лишиться ихъ, ибо лучше сохранить хоть что-нибудь, чѣмъ потерять все, стараясь, во что бы то ни стало, увеличить доходность земли. Къ тому же въ полученіи единовременнаго взноса и постоянной денежной ренты монастырь испытываетъ теперь сильную нужду въ виду предстоящихъ расходовъ по устройству пріютовъ и зданія въ г. Перпиньянѣ, куда съ недавняго времени переведенъ монастырь" [1]). Сильное сокращеніе населенія мансовъ вслѣдствіе моровыхъ болѣзней и войнъ, и трудность удержать оставшихся въ живыхъ на прежнихъ мансахъ, при сохраненіи тягостныхъ повинностей—таковы были обстоятельства, часто побуждавшія сеньоровъ, начиная со второй половины XIV в., къ уничтоженію личной зависимости крестьянъ и переводу приношеній натурой на денежный оброкъ. Такимъ мотивомъ руководствовался и монахъ Петръ Барателескъ, правившій пріютомъ бѣдныхъ въ Эльнѣ и принадлежавшими ему мансами и бордами въ приходѣ св. Фруктуоза де Камера, когда въ 1408 г. предложилъ патронамъ пріюта освободить держателей мансовъ и бордъ отъ ременсы, интестіи, экзоркіи, барщины, постоя и т. д., подъ условіемъ извѣстнаго единовременнаго денежнаго взноса и сохраненія за пріютомъ права на обычные оброки и пошлины (retentis agrariis et censibus consuetis et foriscapiis et directis dominiis) [2]). Въ 1412 г. сакристанъ монастыря св. Михаила де Кучá вынужденъ былъ освободить держателя принадлежавшаго ему манса Бернарда де Тейлета съ сыновьями, противъ воли его переселившихся въ имѣніе виконта Петра де Фонолето, по причинѣ какихъ-то смутъ, происходившихъ въ той мѣстности. Грамоту освобожденія онъ выдалъ Бернарду и его сыновьямъ подъ давленіемъ виконта, но съ условіемъ, чтобы они въ теченіе года поставили замѣстителя по держанію борды, такъ какъ сакристанъ не желалъ терять права на личныя службы и повинности, связанныя съ этимъ держаніемъ. Но по прошествіи года замѣстителя не оказалось; сакристанъ принужденъ былъ назначать новый срокъ, на 7 лѣтъ, и получилъ отъ Беренгера за просрочку вознагражденіе въ размѣрѣ 90 сол. и 1 д. [3]). Очевидно, охотниковъ стать въ крѣпостныя отношенія къ сакристану уже не находилось. Удерживать крестьянъ въ прежнихъ условіяхъ крѣпостной зависимости становилось все труднѣе; многіе сеньоры старались, по крайней мѣрѣ, удержать кресть-

[1]) Ib., XVII, 86—89.
[2]) Прил. XXIV.
[3]) B. M. P. Cart Rouss., XIX, 241—243.

янъ отъ перехода на другія мѣста путемъ ослабленія этой зависимости, чтобы обезпечить себѣ хотя нѣкоторый доходъ съ принадлежавшихъ имъ земель. Такъ, въ 1426 г. отъ крѣпостной зависимости былъ освобожденъ Варѳоломей Рексъ де Терратсъ, державшій борду въ зависимости отъ монастыря св. Маріи де Серрабона, по уплатѣ 7 ливровъ; за нимъ оставленъ былъ земельный участокъ, при условіи несенія обычныхъ оброковъ, но участокъ этотъ пересталъ называться бордой [1]), такъ какъ такое названіе уже само по себѣ указывало на несвободу земельнаго держателя [2]). Въ 1429 г. Яковъ Росъ, житель замка Басó и подданный монастыря де Кучá, получилъ отъ аббата въ потомственное держаніе (tradimus ad accapitum et emphiteosim) „нѣкій участокъ земли“ (quandam mansatam nostrum), подъ условіемъ ежегоднаго ценза въ 16 солидовъ, уплата которыхъ должна была производиться въ праздникъ Рождества и которые замѣняли собою извозную (2 traginas) и другія повинности, и подъ условіемъ ежегоднаго доставленія трехъ курицъ, нѣсколькихъ мѣръ ячменя, десятины и т. д.; въ то же время аббатъ освободилъ Роса и его потомковъ отъ платежа или выкупа интестіи, экзоркіи, арсіи, кугусіи, получивъ отъ него 3 ливра 6 сол. вступныхъ денегъ (pro intrata), и обязавъ его имѣть постоянное мѣстопребываніе въ замкѣ Басó и подчиняться монастырской юрисдикціи въ духовныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ [3]).

Въ 1430 г. держатель манса Пучъ въ приходѣ Боррассá, Вильгельмъ Авиньонъ освободился отъ всѣхъ личныхъ повинностей по уплатѣ 41 солида въ пользу херонской препозитуры [4]). Въ 1434 г. Іоаннъ Прунети дель Пужоль, держатель борды, принадлежавшей пріюту бѣдныхъ въ г. Эльнѣ и находившейся въ приходѣ de Camelis, по уплатѣ 15 ливровъ, освободился отъ всѣхъ личныхъ обязательствъ и, вмѣсто разнородныхъ платежей и приношеній, обязанъ былъ ежегодно уплачивать 3 солида чинша [5]). Число подоб-

---

[1]) Прил. XX: nec vocentur amplius borda seu mansata.

[2]) Borda ex natura sue nominationis importat signum servitutis hominum et mulierum. Mieres, 60.

[3]) B. M. P. Cart. Rouss., XIX, 135—138. Этотъ же документъ во франц. переводѣ, съ нѣкоторыми сокращеніями, напечатанъ Alart'омъ въ его Notices hist., I, 92—93. Кромѣ опущенія нѣкоторыхъ мѣстъ, переводъ отличается отъ оригинала еще и разницей цыфръ въ 2 мѣстахъ: по лат. тексту Росъ обязанъ доставлять 13 мѣръ ячменя, по франц.—3; по лат. т. Росъ не долженъ былъ отчуждать земли въ теченіе ближайшихъ 9 лѣтъ, по франц. т.—въ теченіе 10 лѣтъ.

[4]) A. H. G. Caj. 36. Perg. 115.

[5]) B. M. P. Cart. Rouss., XIX, 327—330.

ныхъ примѣровъ можно значительно увеличить, но и приведенныхъ достаточно, чтобы судить о характерѣ процесса коммутаціи повинностей, имѣвшаго своимъ конечнымъ результатомъ обращеніе крѣпостныхъ держателей мансовъ и бордъ въ свободныхъ арендаторовъ, когда денежные платежи фиксировались на опредѣленный срокъ, и въ полныхъ почти собственниковъ, когда они устанавливались на вѣчныя времена.

Трудно сказать, чѣмъ руководствовались сеньоры при установленіи того или другого размѣра денежныхъ платежей, которые обязаны были платить крестьяне взамѣнъ прежнихъ повинностей. При господствѣ крѣпостного права въ Старой Каталоніи и Руссильонѣ до второй половины XV в., едва ли можно говорить о ходячей наемной цѣнѣ земли, какъ регуляторѣ этихъ платежей. Скорѣе слѣдуетъ допустить, что послѣдніе соизмѣрялись съ обстоятельствами случайнаго характера, такими, какъ большая или меньшая настоятельность денежныхъ нуждъ сеньора, большая или меньшая возможность со стороны земельнаго держателя удовлетворить ихъ, и, наконецъ, степень трудности удержать послѣдняго отъ самовольнаго оставленія манса, при сохраненіи высокаго уровня земельной ренты.

Начиная со второй четверти XIV в. каталонское населеніе подвергается цѣлому ряду бѣдствій, не прекращавшихся и въ теченіе слѣдующаго столѣтія и оказавшихъ сильное вліяніе на экономическую и духовную жизнь народа. Солнечное затменіе, случившееся въ маѣ 1333 г., принято было за предвѣстіе грядущихъ бѣдъ. Годъ этотъ, названный „mal any primer“ (первый дурной годъ), оказался неурожайнымъ; цѣны на хлѣбъ сильно поднялись; народъ принужденъ былъ питаться травой и умиралъ отъ голода [1]). Но въ будущемъ его ожидали еще большія несчастія. Въ 1348 г. грознымъ ураганомъ пронеслась по Каталоніи, какъ и по всей Европѣ, черная смерть, производя повсюду страшныя опустошенія и глубокія потрясенія въ народной жизни.

Чума подвигалась на Испанію съ двухъ сторонъ, со стороны Африки и Франціи; начинаясь съ небольшой опухоли подъ мышками, въ паху или въ горлѣ, она быстро косила свои многочисленныя жертвы [2]). Появленію страшной гостьи въ Каталоніи пред-

---

[1]) España sagrada, XLVIII, 343; XLIV, 394; Villanueva, XII, 282.

[2]) Villalba, Epidemiologia española, t. I, pp. 45—48. Такъ, напр., въ Сарагоссѣ въ началѣ октября 1348 г. ежедневно умирало болѣе 300 человѣкъ.

шествовали странные слухи о томъ, что неизвѣстные злонамѣренные люди отравляютъ посредствомъ ядовитыхъ порошковъ воздухъ, воду и пищу въ сосѣднихъ мѣстностяхъ Франціи. Въ Нарбоннѣ, Каркассонѣ, Крассѣ и въ ихъ окрестностяхъ въ теченіе великаго поста 1348 г. погибло около четверти населенія; въ распространеніи отравы подозрѣвали нищихъ и бродягъ, дѣйствовавшихъ, яко бы, подъ внушеніемъ враговъ Франціи; ихъ пытали и сжигали на кострахъ, но черная смерть продолжала дѣлать свое дѣло. Другіе объясняли моръ таинственнымъ дѣйствіемъ двухъ планетъ, властвовавшихъ тогда надъ судьбами міра [1]).

Чума свирѣпствовала въ Каталоніи до 1351 г. О размѣрахъ, произведенныхъ ею опустошеній, можно судить на основаніи того факта, что въ Херонскомъ діоцезѣ и Таррагонской провинціи погибло двѣ трети населенія; большая часть крестьянскихъ мансовъ, особенно въ гористыхъ мѣстностяхъ, вовсе лишилась населенія [2]). Въ Барселонѣ въ теченіе іюня 1348 г. отъ чумы погибли, между прочимъ, почти всѣ члены городского „совѣта ста" [3]). Многія юридическія сдѣлки совершались безъ участія нотаріусовъ, такъ какъ представителямъ этой профессіи чума также не давала пощады. Выборы пріора монастыря св. Маріи де Рибасъ произведены были только однимъ монахомъ, такъ какъ всѣ остальные поумирали [4]). „Со времени потопа, говорилъ о. Сарміенто, Испанія не подвергалась большему бѣдствію. Двѣ трети населенія погибли, страна обезлюдѣла; поля, оставшись безъ земледѣльцевъ, превратились въ пустыри; одиноко стоящія теперь сельскія церкви напоминаютъ о чумѣ, стершей съ лица земли цѣлыя селенія" [5]).

Чумою 1348—1351 г.г. не окончились бѣдствія, которымъ подверглось населеніе Каталоніи. Въ іюлѣ 1358 г., въ день св. Іакова, огромная туча саранчи сѣла на поля, покрыла ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слоемъ въ футъ толщины, уничтожила всѣ посѣвы и овощи и, подымаясь къ небу, производила страшный шумъ и закрывала

---

[1]) Villanueva, XIV, 270—271: Litterae Burgensis Narbonae circa causam mortalitatis anno 1348.

[2]) anno MCCCXLVIII fuit maxima mortalitas hominum et mulierum, taliter quod ex peste perierunt in ista diocesi gerund. et etiam provintia Terrachone duae ex tribus partibus hominum et mulierum: et tunc major pars mansorum pagensium venerunt ad defectum heredum et fuerunt derelicti et desabitati praesertim in montibus. Villanueva, XIV, 13.

[3]) Villalba, I, 47.

[4]) Villanueva, XIV, 13.

[5]) Villalba, I, 48.

солнце. Анналы послѣдующаго времени наполнены описаніями новыхъ народныхъ бѣдствій, какъ моровыя болѣзни 1362 г. (mortaldats dels infans), 1371 (mortaldats miganes), 1381 (mortalitates hominum, mulierum et puerorum) и 1397 г.г. (maximae mortalitates), землетрясенія 1373 г., неурожай и голодъ 1374—1375 г.г. и т. д. [1]).

Такимъ образомъ, большая часть XIV в. въ Каталоніи наполнена была цѣлымъ рядомъ народныхъ бѣдствій, сильно сократившихъ народонаселеніе и нанесшихъ удары земледѣлію. Оставшіеся въ живыхъ испытывали тоску и смятеніе, предчувствуя новыя невзгоды. Народъ находился въ состояніи постоянной тревоги, поддерживаемой проповѣдями монаховъ.

Сперва миноритъ фра-Матеу, а затѣмъ монахъ Викентій Ферреръ привлекаютъ вниманіе толпы своими проповѣдями и пророчествами. Явившись изъ Авиньона въ мартѣ 1409 г., Ферреръ обходилъ селенія Ампурдана, въ сопровожденіи 12 священниковъ, раздавая папскія индульгенціи и произнося проповѣди на темы изъ Апокалипсиса: „Бойтесь Бога, ибо приближается часъ страшнаго суда", и т. д. Слѣдовавшая за нимъ толпа проявляла сильное религіозное воодушевленіе: одни подвергали себя бичеваніямъ, другіе—распѣвали божественные псалмы. Слухи о чудесахъ, которыя творилъ св. Викентій, еще болѣе увеличивали ряды его послѣдователей [2]). Но если проповѣдники учили народъ самоотреченію и внушали ему взглядъ на испытанныя несчастья, какъ на кару Божью за грѣхи людскіе, то раздавались рядомъ съ этимъ и другіе голоса, взывавшіе къ чувству человѣческой справедливости и требовавшіе облегченія участи несчастныхъights ременсъ. Эти голоса принадлежали свѣтскимъ людямъ, образованнымъ и человѣколюбивымъ законовѣдамъ, которые также пользовались текстами библіи въ защиту правъ обездоленнаго крестьянства. Не всѣ юристы оправдывали крѣпостное право. „Помогите угнетаемому, окажите правосудіе сиротѣ и защитите вдову", вотъ текстъ изъ пророчествъ Исаіи, который служилъ юристу Вильгельму де Вальсека аргументомъ въ пользу права ременсъ искать суда и расправы на своихъ сеньоровъ [3]). Еще энергичнѣе протестъ глубокомысленнаго херонскаго юриста Міереса противъ общественныхъ несправедливостей, жертвой которыхъ являлись крѣпостные крестьяне.

---

[1]) España Sagrada, XVIV, 399, XLV, 251, XLVIII, 343; Villanueva, XII, 283.

[2]) Villanueva, XIV, 301; VII, 89; España Sagrada, XLVIII, 115, 343—344; Pella y Forgas, 660.

[3]) Coroleu, 319.

„Итакъ слушайте, цари и разумѣйте, научитесь, судіи концовъ земли! Внимайте, обладатели множества и гордящіеся передъ народами! Отъ Господа дана вамъ держава и сила отъ Вышняго, который изслѣдуетъ ваши дѣла, и испытаетъ намѣренія. Ибо вы, будучи служителями его царства, не судили справедливо, не соблюдали закона, и не поступали по волѣ Божіей. Страшно и скоро Онъ явится вамъ,—и строгъ судъ надъ начальствующими".

Таково пророчество Міереса, выразившагося словами „Премудростей Соломона" (VI, 1, 2, 3, 4, 5). Но онъ не довольствуется ими и цитируетъ слѣдующее грозное пророчество Исаіи: „Горе тѣмъ, которые постановляютъ несправедливые законы и пишутъ жестокія рѣшенія, чтобы устранить бѣдныхъ отъ правосудія, и похитить права у малосильныхъ изъ народа Моего, чтобы вдовъ сдѣлать добычею своею и ограбить сиротъ. И что вы будете дѣлать въ день посѣщенія, когда пріидетъ гибель издалека? Къ кому прибѣгните за помощью? И гдѣ оставите богатство ваше? (X, 1, 2, 3).

„Знайте, заключаетъ Міересъ, что ни король, ни кортесы не могли и не могутъ издавать законовъ, противныхъ Божескому закону, а если издали, то такіе законы не должны имѣть силы; знайте, что оскорблять и угнетать крестьянина противно Божескому закону, который велитъ любить ближняго и не причинять ему вреда, и что отнимать у крестьянина имущество безъ справедливой и разумной причины значитъ совершать воровство и грабежъ уже потому, что крестьяне—не рабы, ибо пользуются мансомъ, а движимымъ имуществомъ владѣютъ на правахъ полной собственности" [1]).

Таковы были требованія времени, заявленныя передовыми представителями общественнаго мнѣнія, какими были Міересъ, Вальсека и нѣкоторые другіе юристы, указывавшіе на то, что долгъ короля и кортесовъ—защитить ременсъ отъ несправедливостей и помочь имъ вырваться изъ подъ гнета ихъ господъ. Но кортесы, проникнутые узкими сословными стремленіями, оставались глухи къ этому призыву. Что касается королевской власти, то, заботясь о собственномъ усиленіи, она не могла не обратить вниманія на жгучій вопросъ времени, вопросъ, то или другое разрѣшеніе котораго должно было оказать огромное вліяніе на дальнѣйшее ея развитіе. Крѣпостное право въ Каталоніи въ XIV и XV вв. стояло въ глубокомъ внутреннемъ противорѣчіи съ общимъ политическимъ строемъ прин-

---

[1]) Эти цитаты приведены у Pella y Forgas, 661.

ципата и условіями его экономическаго развитія, съ тѣми гарантіями личной свободы и имущественной неприкосновенности, которыя становились достояніемъ все большаго круга лицъ, и тѣмъ высокимъ духомъ гражданской и политической свободы, который былъ отличительнымъ признакомъ подданныхъ арагонскаго короля. Каталонія входила въ составъ арагонской федераціи и образовывала своего рода республику, гдѣ король былъ не болѣе, какъ наслѣдственный глава исполнительной власти. Законодательная власть сосредоточивалась въ кортесахъ, созывавшихся, по крайней мѣрѣ, черезъ каждые три года. Вольности и права каталонскаго народа ревниво оберегала т. наз. Депутація (или Генералитетъ), состоявшая изъ представителей отъ трехъ сословій и членовъ счетной палаты, постоянно засѣдавшая въ г. Барселонѣ и имѣвшая своихъ агентовъ по всѣмъ городамъ принципата. Когда супруга Альфонса III, Элеонора, упрекала его въ томъ, что онъ не примѣнилъ къ возмутившимся жителямъ Валенсіи строгихъ мѣръ наказанія и указывала, какъ на примѣръ, достойный подражанія, на брата своего, короля кастильскаго, который поступилъ бы въ данномъ случаѣ иначе, онъ замѣтилъ: „Королева, народъ нашъ—свободенъ, онъ не подчиненъ тому игу, подъ которымъ находятся кастильцы; наши подданные считаютъ насъ своимъ сеньоромъ, а мы смотримъ на нихъ, какъ на своихъ добрыхъ вассаловъ и товарищей“ [1]). Но въ этомъ отвѣтѣ не сдѣлано было весьма важной оговорки: свобода тогда не была удѣломъ всего населенія Арагонскаго королевства и принципата Каталонскаго, а являлась лишь привилегіей трехъ высшихъ сословій.

Послѣдствія опустошеній, произведенныхъ черной смертью, не замедлили обнаружиться въ сферѣ экономическихъ отношеній, и выразились, прежде всего, въ сильномъ сокращеніи рабочихъ рукъ и повышеніи заработной платы. Вольнонаемные рабочіе и домашняя прислуга устраивали между собою стачки и требовали за свой трудъ вчетверо и даже впятеро больше того, что платилось имъ въ нормальное время. Кризисъ обострялся, и король Педро IV вынужденъ былъ издать въ августѣ 1349 г. въ Валенсіи декретъ, возстанавливавшій прежнюю таксу на заработную и наемную плату и подвергавшій лицъ, требованія которыхъ превышали установленную таксу, денежному штрафу, а въ случаѣ упорства—и ампутаціи рукъ. Этимъ же декретомъ запрещалось рабочимъ, подъ страхомъ тяжкихъ на-

---

[1]) Coroleu y Pella, Las córtes catalanas, 149.

казаній, устраивать сходки, заговоры и стачки. Однако, король понималъ, что однѣхъ репрессивныхъ мѣръ недостаточно для упорядоченія хозяйственныхъ отношеній народа, и потому поручилъ отдѣльнымъ общинамъ избрать изъ своей среды по 7 или 8 старшинъ для установленія размѣровъ заработной платы соотвѣтственно измѣнившимся условіямъ времени (habito respectu ad tempus preteritum atque presens). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поручилъ духовенству нравственно воздѣйствовать на народъ и склонять его къ болѣе умѣреннымъ требованіямъ заработной платы [1]).

Большая часть мансовъ, какъ мы сказали, осталась безъ наслѣдниковъ и лишилась вовсе обитателей, особенно въ гористыхъ мѣстностяхъ. Оставшіеся въ живыхъ владѣльцы мансовъ, расположенныхъ вблизи большихъ и богатыхъ городовъ, предпочитали покидать земли, которыя обработывали ихъ предки и владѣніе которыми связано было съ несеніемъ тяжелыхъ повинностей, и переселяться въ города, гдѣ могли получить свободу и воспользоваться выгодами высокой заработной платы. Вслѣдствіе этого эмиграція изъ деревень въ города увеличивалась съ каждымъ днемъ. Чтобы удержать населеніе отъ перехода въ города, землевладѣльцы, съ одной стороны, предоставляютъ крестьянамъ нѣкоторыя, уже разсмотрѣнныя нами, льготы, съ другой—обращаются къ королевской власти за помощью, съ просьбой принять мѣры къ тому, чтобы положить извѣстный предѣлъ эмиграціи. Желая привлечь людей въ опустѣвшіе мансы, хотя бы чужаковъ и несовершеннолѣтнихъ, херонское духовенство освобождало ихъ на семь лѣтъ отъ несенія какихъ либо личныхъ повинностей [2]). Въ Перпиньянскихъ кортесахъ 1350—1351 г. бароны и рыцари жаловались королю на то, что крестьяне, подчиненные ихъ юрисдикціи, но не обязанные платить выкупа за свою личность, переселяются въ города, находятъ тамъ убѣжище и, проведя тамъ два или три годовыхъ праздника, становятся, въ силу привилегій, мѣстными гражданами, ко вреду своихъ сеньоровъ; въ виду этого члены дворянскаго сословія просили короля запретить крестьянамъ пользоваться городскими привилегіями и обращаться въ гражданъ, если со времени ихъ поселенія въ городѣ не прошло большей части года. Затѣмъ представлена была жалоба на то, что правители (los conseylers) такихъ городовъ, какъ Барселона, причисляютъ къ городскому сословію и ременсъ, по прошествіи одного года и одного дня, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда

---

[1]) Chia, I, 141—142.

[2]) Villanueva, XIV, 269—270.

они находились въ городѣ не по своей волѣ, а сопровождали туда своихъ сеньоровъ. Просьба, чтобы въ такихъ случаяхъ городскія привилегіи не были дѣйствительны, была удовлетворена по королевской резолюціи: „fiat ut petitur“. Жаловались и на то, что ременсы, несмотря на обязательство, удостовѣренное грамотами подчиненія, не переселяться въ привилегированные города и мѣстечки, все-таки переселяются, а послѣдніе оказываютъ имъ защиту, не желая возвращать ихъ сеньорамъ и принуждать ихъ къ уплатѣ интестій и экзоркій. Въ виду этого сеньоры просили короля издать распоряженіе своимъ агентамъ, чтобы они, по первому ихъ требованію, водворяли такихъ крестьянъ на мѣстѣ прежняго ихъ жительства, сколько бы времени они ни провели въ привилегированныхъ городахъ и мѣстечкахъ, а въ случаѣ смерти ихъ безъ завѣщанія или потомства, сеньорамъ доставалось бы цѣликомъ то, что надлежало имъ получить въ силу права интестіи и экзоркіи[1]).

Выше было замѣчено, что происшедшія подъ вліяніемъ чумы 1348 г. измѣненія въ цѣнахъ и заработной платѣ служили поводомъ для дѣятельнаго вмѣшательства королевской власти въ соціальную и экономическую жизнь народа. Съ тѣхъ поръ вмѣшательство это не прекращается и получаетъ особенное развитіе съ конца XIV вѣка, въ эпоху Хуана I и его преемниковъ. Названный король считалъ назрѣвшимъ вопросъ объ освобожденіи всей массы крѣпостныхъ крестьянъ, но, не рѣшаясь взять на себя иниціативу, онъ прибѣгнулъ къ посредничеству авиньонскаго папы Климента VII, какъ лица, наиболѣе авторитетнаго въ этомъ дѣлѣ по отношенію къ духовенству Старой Каталоніи, во владѣніяхъ котораго и сосредоточивалось, главнымъ образомъ, крѣпостное населеніе. 13-го ноября 1388 г. Хуанъ I составилъ въ Монсонѣ инструкціи для своего уполномоченнаго при Авиньонскомъ дворѣ Петра де Берга, поручивъ ему обратиться къ Клименту VII съ ходатайствомъ объ изданіи буллы, которая предписывала бы каталонскому духовенству, владѣвшему крѣпостными крестьянами, избавить ихъ отъ „дурныхъ обычаевъ“ путемъ выкупа, по цѣнѣ, установленной спеціальной комиссіей[2]). Пять дней спустя король поручаетъ своему генеральному байльи отыскать въ архивѣ распоряженія его предшественниковъ объ отмѣнѣ „дурныхъ обычаевъ“, ибо, писалъ король, время рабства, въ которое поставлено было населеніе Старой Каталоніи, какъ извѣстно королю изъ хроникъ, уже прошло. О находкахъ

[1]) Cortes de Cataluña, I, 445—447 (§§ CIII, CV, CVI, CX).

[2]) Sanpere y Miquel, Las costumbres catalanas, 275.

своихъ байльи долженъ былъ немедленно увѣдомить своего государя [1]). Результаты поисковъ байльи остаются неизвѣстными, вслѣдствіе молчанія источниковъ; но всѣ извѣстные факты изъ исторіи Каталоніи до времени Хуана I говорятъ противъ самой возможности существованія этихъ распоряженій такого рода. Очевидно, Хуанъ I желалъ имѣть какой-нибудь прецедентъ въ политической дѣятельности своихъ предшественниковъ, который оправдалъ бы въ глазахъ непосредственно заинтересованныхъ въ этомъ вопросѣ современниковъ смѣлыя его начинанія, далъ бы имъ историческую санкцію.

Неизвѣстно, какъ отвѣтилъ Климентъ VII королю, но желательнаго содѣйствія онъ ему не оказалъ, такъ какъ черезъ нѣкоторое время Хуанъ I обратился къ барселонскому епископу и капитулу съ предложеніемъ—быть посредниками между херонскимъ духовенствомъ и принадлежавшими ему крестьянами по вопросу о выкупѣ отъ „дурныхъ обычаевъ“, но также безуспѣшно [2]).

Когда на папскомъ престолѣ Климента VII смѣнилъ Бенедиктъ XIII, то съ подобнымъ же предложеніемъ король обратился въ январѣ 1395 г. и къ этому послѣднему. Указавъ папѣ на то, что число дворовъ крѣпостныхъ крестьянъ простирается отъ 15 до 20 тысячъ, король предлагалъ папѣ освободить ихъ отъ кугусіи, экзоркіи, интестіи, арсіи и ременсы на условіи уплаты ими въ пользу духовенства извѣстной суммы или обращенія названныхъ повинностей въ постоянную ренту, размѣръ которой слѣдовало установить папѣ и его уполномоченнымъ по соглашенію съ крестьянами, причемъ, по сдѣланному разсчету, папа и король могли получить по 2 флорина съ каждаго двора, какъ бы въ видѣ платы за посредничество. Кромѣ того, король расчитывалъ и на полученіе извѣстнаго процента съ выкупныхъ платежей, въ качествѣ вознагражденія за хлопоты по устройству и осуществленію выкупной операціи [3]). Этотъ проектъ, представляющійся не вполнѣ яснымъ и разработаннымъ, не былъ принятъ папой. Всѣ попытки Хуана I дать толчокъ къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса путемъ взаимнаго соглашенія сторонъ не привели къ желательнымъ результатамъ. Положеніе дѣлъ продолжало оставаться неизмѣннымъ, и, тѣмъ не менѣе, это царствованіе имѣетъ важное значеніе въ исторіи крестьянской эмансипаціи. Впервые съ высоты трона былъ поставленъ вопросъ объ освобожденіи всей массы крестьянскаго населе-

---

[1]) Ibidem, 276.

[2]) Ibidem.

[3]) Coroleu, 369.

нія отъ крѣпостной зависимости путемъ денежнаго выкупа, и послѣ того уже не покидался королями. Къ рѣшенію его они подходили, такъ сказать, ощупью, то съ той, то съ другой стороны, не всегда полагаясь на достаточность рессурсовъ собственной власти и чувствуя, поэтому, необходимость въ посторонней поддержкѣ.

Въ 1395 г. умеръ Хуанъ I и на престолъ арагонскій вступилъ братъ его Мартынъ, по прозвищу „Гуманный" (Martin el Humano). Онъ поставилъ крестьянскій вопросъ на болѣе практическую почву, связавъ его съ вопросомъ о выкупѣ королевскихъ доменъ и юрисдикціи изъ подъ власти сеньоровъ.

Нужда въ деньгахъ побуждала его предшественниковъ закладывать и продавать коронныя земли, съ населявшими ихъ крестьянами, прелатамъ, рыцарямъ и горожанамъ. Отчужденіе королевскихъ доменъ, доставляя коронѣ временныя выгоды, лишало ее постоянныхъ и вѣрныхъ источниковъ дохода и, въ то же время, пагубно отражалось на положеніи крестьянъ, такъ какъ сеньоры, стараясь извлечь возможно больше доходовъ съ купленныхъ ими или полученныхъ въ залогъ земель, обременяли населеніе всевозможными вымогательствами, распространяли на свободныхъ крестьянъ тѣ повинности, которыя были признакомъ несвободнаго состоянія, и, наконецъ, пользовались правами юрисдикціи, служившей источникомъ всевозможныхъ злоупотребленій. Естественнѣе всего было начать дѣло освобожденія съ выкупа тѣхъ именно земель и общинъ, которыя перешли изъ рукъ фиска въ руки феодальныхъ сеньоровъ, тѣмъ болѣе, что само населеніе выражало готовность принять на себя часть издержекъ по выкупной операціи, лишь бы освободиться отъ феодальнаго гнета. Такъ, напр., еще въ царствованіе Педро IV, жители г. Сабаделля предложили женѣ его, королевѣ Элеонорѣ, 50.000 барсел. солидовъ съ тѣмъ, чтобы она выкупила этотъ городъ изъ подъ власти свирѣпаго виконта кастельбонскаго, на что королева согласилась: городъ сталъ пользоваться привилегіями и въ 1370 г. получилъ даже право голоса въ кортесахъ, но, несмотря на торжественное обѣщаніе короля никогда не отчуждать его отъ коронныхъ владѣній, скоро снова перешелъ въ частное владѣніе, а съ 1391 г. сталъ принадлежать г. Барселонѣ. Подобнымъ же образомъ и жители г. Олота, принадлежавшаго Рипольскому монастырю, испытывали гнетъ со стороны аббата послѣдняго и въ 1370 г. предложили инфанту Мартыну 10.000 солидовъ, чтобы стать подъ власть короны. Желаніе ихъ было исполнено, когда Мартынъ, сдѣлавшись королемъ, выкупилъ за 25.000 солидовъ г. Олотъ изъ

подъ власти Рипольскаго монастыря и надѣлилъ его правами самоуправленія [1]).

Мартынъ, сознавая всю важность возстановленія своихъ правъ надъ землями, отчужденными его отцомъ Педро IV, братомъ Хуаномъ I и другими его предшественниками въ руки частныхъ лицъ [2]), 25 іюня 1397 г. уполномочилъ одного изъ своихъ приближенныхъ, по имени Франциска, вступить въ переговоры какъ съ цѣлыми общинами, такъ и съ отдѣльными лицами, относительно условій и средствъ выкупа королевскихъ мѣстечекъ, селеній и помѣстій у новыхъ ихъ владѣльцевъ и непосредственнаго подчиненія населенія этихъ земель королевской власти [3]).

Для изысканія необходимыхъ средствъ выкупа юрисдикціи и владѣльческихъ правъ, отчужденныхъ короной, для обсужденія и детальной разработки условій выкупа, Мартынъ предоставилъ отдѣльнымъ общинамъ и приходамъ право устраивать сходки, избирать изъ своей среды синдиковъ и депутатовъ, которые отъ лица своихъ избирателей могли подавать голосъ въ королевской куріи по вопросамъ, относившимся къ выкупу. Такія полномочія даны были 20 августа 1397 г. жителямъ прихода св. Стефана де ля Гаррига [4]), 7 сентября—жителямъ приходовъ св. Стефана де Руппе, св. Стефана де Вилланова и т. д. [5]).

Разумѣется, предпринятое Мартыномъ дѣло выкупа, могло бы увѣнчаться успѣхомъ лишь въ томъ случаѣ, если бы корона обладала необходимыми для этого авторитетомъ и матеріальными рессурсами.

---

[1]) Marichalar, VII, 351—352.

[2]) ... dum consideramus quantum congeruit Regie dignitati totis viribus insistere, ut vendita, transportata et alienata seu aliter a corona regia separata restituantur eidem... alienata temporibus retroactis sive per Dominum Petrum genitorem, sive per Dominum Regem Iohanem fratrem nostros memorie recolende seu alios nostros predecessores. A. C. A. Redemptionum Martini. Reg. 2295, f.° V.

[3]) ... ordinamus vos in procuratorem nostrum certum et specialem ad redimendum, luendum, recuperandum et habendum ac restituendum sive applicandum nobis et nostro patrimonio... possitis vos, dictus Franciscus, cum universitatibus et personis singularibus que se redimere voluerint et cum aliis etiam, quibus volis videbitur, tractare. Ibidem.

[4]) ... ut propositum... quod habetis, ut jurisdiccio dicti loci dudum alienata vestris tractatu subventioneque peccunie mediantibus revocetur ad nostrum regium diadema... Simonj Paschasii et Petro Deuyni... sindicis, actoribus et procuratoribus vestris in nostra cur'a constitutis sive positis concedimus, quod per vos, dictam universitatem et singulares seu dictos sindicos et procuratores vel alios, quos ad hec possitis facere, constituere et ordinare et eis plenam supra negocio huiusdem concedere potestatem, possitis vendere etc. A. C. A. Reg. 2295, f. X.

[5]) Ibid., f. XI.

Но такихъ условій не было; поэтому, поневолѣ приходилось обращаться къ содѣйствію общинъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ выкупа. Существенныя услуги въ этомъ дѣлѣ оказаны были коронѣ нѣкоторыми городами, какъ, напр., Хероной. Еще въ 1367 г. городское управленіе Хероны выкупило на свой счетъ юрисдикцію 12 селеній, принадлежавшихъ различнымъ феодальнымъ сеньорамъ; въ 1394 г.— юрисдикцію 22 селеній; въ 1399 г. оно уступило королю Мартыну права юрисдикціи надъ 28 селеніями и приходами.

Кромѣ того, Мартынъ организовалъ въ г. Херонѣ комиссію, состоявшую изъ 8 членовъ: двухъ уполномоченныхъ отъ короны, двухъ—отъ церкви, двухъ—отъ города Хероны и двухъ—отъ крестьянъ, съ цѣлью подвергнуть пересмотру тѣ документы, на основаніи которыхъ сеньоры владѣли юрисдикціей и доменами, принадлежавшими раньше коронѣ, и, въ случаѣ шаткости титуловъ владѣнія по этимъ документамъ—инкорпорировать коронѣ спорныя права. 2 октября 1400 г. комиссія пришла къ соглашенію передать коронѣ права надъ цѣлымъ рядомъ селеній (болѣе 50), расположенныхъ въ Херонскомъ діоцезѣ. Но постановленія комиссіи не были исполнены: ей оказали энергическое сопротивленіе сеньоры, стремившіеся во что бы то ни стало удержать за собою доходныя права, потерянныя короной [1]).

Супруга Мартына I и намѣстница его въ Каталоніи, королева Марія, сдѣлала новую попытку привлечь папу Бенедикта XIII къ участію въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ отъ „дурныхъ обычаевъ". Въ 1402 г. она уполномочила Іакова Феррера сообщить папѣ слѣдующее: королева не имѣетъ въ виду требовать отъ церкви какихъ-либо жертвъ или милости; она желаетъ только, чтобы папа побудилъ прелатовъ обратить „эти несправедливые и позорные обычаи, идущіе противъ Бога и правды и повергающіе души лицъ, извлекающихъ изъ нихъ выгоды, опасности, въ значительныя и полезныя для церкви ренты, обладаніе которыми не будетъ смущать совѣсти и угрожать спасенію душъ; осуществленіемъ такой мѣры каталонская нація будетъ избавлена отъ безславія и тѣхъ упрековъ, которые неоднократно дѣлали ей прелаты и другія духовныя лица разныхъ странъ и мѣстностей" [2]).

Полученный отъ папы отвѣтъ не удовлетворилъ Марію. „Мы получили, писала она Бенедикту XIII, письмо въ отвѣтъ на нашу

---

[1]) Chia, II, 54 — 57. О выкупной операціи въ царствованіе Мартына I см. также ст. М. М. Ковалевскаго, Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства, т. II, стр. 483—489 (Москва, 1900 г.).

[2]) Chia, II, 58, n. I.

просьбу, съ которой обратились на этихъ дняхъ, относительно уничтоженія безчеловѣчныхъ повинностей, какія, къ величайшему позору, тяготѣютъ надъ вилланами извѣстныхъ мѣстностей Каталоніи (super certis abhominalibus servitutibus extirpandis quibus fedantur turpissime ac subiacent nonnulli rustici ac villani certarum partium Cathalonie). Выслушали мы и то, что намъ доложилъ нашъ повѣренный Іаковъ Ферреръ отъ вашего имени, въ силу ввѣрительной апостольской грамоты. Но полученный отвѣтъ никоимъ образомъ насъ не удовлетворяетъ"...

Королева просила папу поручить епископу Барселонскому и аббату монастыря св. Креста или назначеннымъ ими делегатамъ уничтожить эти позорныя повинности (pestiferas et reprobatas servitutes) или, вѣрнѣе, обратить ихъ въ опредѣленные ежегодные платежи съ тѣмъ, чтобы крестьяне, по отмѣнѣ „дурныхъ обычаевъ", продолжали оставаться подданными церкви, обязанными доставлять ей десятины, примиціи, цензы и т. д.

„Такимъ путемъ, святѣйшій отецъ", писала королева: „вы совершите благочестивое дѣло по отношенію къ названнымъ людямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличите и умножите доходы церковныхъ и другихъ сеньоровъ и избавите каталонскую націю отъ безславія" [1]). Чтобы еще ближе ознакомить папу со своими намѣреніями, королева дала слѣдующія инструкціи Іакову Ферреру. Онъ долженъ былъ поставить папѣ на видъ то обстоятельство, что комиссаромъ по дѣлу объ уничтоженіи „дурныхъ обычаевъ" она проситъ назначить такого именно прелата или епископа, который владѣлъ бы крестьянами, подчиненными дѣйствію этихъ обычаевъ; что послѣдніе существуютъ не во всѣхъ частяхъ Каталоніи, а лишь въ епископствахъ Барселонскомъ, Херонскомъ, Викскомъ и Урхельскомъ [2]); что наиболѣе подходящими лицами и учрежденіями для осуществленія поставленной задачи она считаетъ епископа барселонскаго, аббата св. Креста и ихъ капитулы, во-первыхъ, потому, что, владѣя крестьянами, находящимися подъ игомъ „дурныхъ обычаевъ", они непосредственно заинтересованы въ данномъ вопросѣ, во-вторыхъ,

---

[1]) Et hoc quippe pater sanctissime opus pium in dictos homines facietis juraque ecclesiastica et aliorum augmentabitis et crescetis nationem Cathalanorum relevabitis ab ignominiosis opprobriis. Coroleu, 369—370

[2]) Ibid., 371—372. Въ текстѣ перечисляются Barcelona, Tona, Vich y Urgel. Tona—навѣрное представляетъ искаженіе слова Gerona, такъ какъ не существовало и не существуетъ, насколько намъ извѣстно, въ Каталоніи епископства или мѣстности подъ этимъ названіемъ.

потому, что пользуются большимъ авторитетомъ среди духовенства, какъ знатоки богословія и каноническаго права. Наконецъ, онъ долженъ былъ указать папѣ на то, что, заботясь объ освобожденіи крестьянъ, королева сосредоточиваетъ вниманіе на церковныхъ владѣніяхъ потому, что церковныхъ крестьянъ больше, чѣмъ крестьянъ, принадлежащихъ свѣтскимъ сеньорамъ, и, кромѣ того, освобожденіе первыхъ непремѣнно повлечетъ за собою освобожденіе остальныхъ: дворяне должны будутъ послѣдовать примѣру церкви, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, земли ихъ вовсе лишатся населенія, коль скоро церковные крестьяне не позволятъ своимъ дочерямъ и сыновьямъ селиться на рыцарскихъ земляхъ, пока тамъ будутъ сохранять силу „дурные обычаи" [1]).

Однако, и на этотъ разъ старанія короля и королевы не увѣнчались успѣхомъ. Прелаты и свѣтскіе сеньоры оказывали упорное сопротивленіе эмансипаціоннымъ предпріятіямъ правительства.

За то среди крестьянъ начиналось сильное броженіе: королевскіе замыслы возбуждали въ нихъ жгучее чувство свободы. Болѣе чѣмъ когда-либо они были раздражены противъ сеньоровъ. Они оставляли ихъ земли, рыли для нихъ могилы и ставили кресты, какъ угрозы смерти. На это жаловались представители кортесовъ въ 1413 и 1432 гг. [2]).

Въ 1410 г., со смертью Мартына I, прекратилась туземная династія арагонскихъ королей. Послѣ двухлѣтнихъ неурядицъ, въ силу соглашенія въ Каспе въ 1412 г., на престолъ приглашенъ былъ одинъ изъ членовъ кастильской королевской династіи, Фердинандъ Антекверскій (1412—1416). Дѣло выкупа королевскихъ доменъ и юрисдикціи при немъ не только не подвинулось впередъ, но даже тѣ земли и права, которыя конфискованы были у графа урхельскаго, Фердинандъ I частью раздарилъ, частью распродалъ представителямъ церкви и дворянства [3]).

Вважное значеніе въ исторіи крестьянской эмансипаціи представляетъ царствованіе Альфонса IV Мудраго (1416—1458). Нуждаясь постоянно въ деньгахъ для веденія войнъ и удовлетворенія своей страсти мецената, онъ не скупился на обѣщанія оказыват поддержку то крестьянамъ, то сеньорамъ, лишь бы получить отъ нихъ нужныя суммы для раздачи ученымъ и литераторамъ, которыми окружилъ себя, живя почти постоянно въ своихъ неаполитанскихъ вла-

---

[1]) Coroleu, 371—372.

[2]) Pella y Forgas, 660.

[3]) Marichalar, VII, 350.

дѣніяхъ. Въ однихъ случаяхъ онъ помогалъ крестьянамъ освободиться отъ сеньоріальной юрисдикціи, въ другихъ—права юрисдикціи закладывалъ или продавалъ сеньорамъ. Словомъ, политика его отличалась полной непослѣдовательностью. Такъ, онъ помогъ жителямъ долины Hostoles освободиться отъ феодальной зависимости и стать въ отношенія непосредственнаго подданства королевской власти, даровалъ муниципальныя вольности мѣстечку Олоту, разрѣшилъ жителямъ приходовъ Лапера, Педринья, Касса-де-Пельра собираться на сходки для обсужденія вопроса о выкупѣ отъ сеньоріальной власти; но въ то же время не отказывалъ въ покровительствѣ феодальнымъ сеньорамъ Ампурдана, позволилъ Андрею де Біуре построить замокъ въ с. Хорди дельсъ Вальсъ и продалъ ему права гражданской и уголовной юрисдикціи надъ населеніемъ этой мѣстности. Нуждаясь въ деньгахъ для снаряженія эскадры, направлявшейся изъ Барселоны къ берегамъ Италіи, онъ испросилъ у кортесовъ субсидію въ размѣрѣ 80.000 флориновъ и, въ благодарность за оказанную ему высшими сословіями услугу, издалъ въ 1420 г. постановленіе, по которому крестьяне, въ случаѣ оставленія манса, обязаны были передать его, вмѣстѣ съ грамотами на владѣніе, или лицамъ одинаковаго съ ними юридическаго положенія, или сеньорамъ; послѣднимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставлено было право преслѣдовать бѣглыхъ крестьянъ, какъ лицъ, нарушившихъ постановленіе о Божьемъ мирѣ, въ теченіе одного года и дня, хотя бы они укрылись въ привилегированныхъ городахъ и мѣстечкахъ [1]). Затѣмъ закономъ, изданнымъ въ барселонскихъ кортесахъ 1432 г., онъ еще болѣе расширилъ права высшихъ сословій. Въ силу этого закона, вышеназваннымъ обязательствамъ подверглись и тѣ крестьяне, которые были свободны отъ выкупа своей личности. Въ случаѣ неисполненія крестьянами этихъ обязательствъ, сеньорамъ предоставлялось право овладѣть ихъ недвижимымъ имуществомъ и распорядиться имъ по собственному усмотрѣнію, удовлетворивъ раньше права кредиторовъ на имущество крестьянъ, перемѣнившихъ свое мѣстожительство. Далѣе, законъ давалъ сеньорамъ средства воспрепятствовать ременсамъ пользоваться давностью срока 1 г. и 1-го дня пребыванія въ привилегированныхъ мѣстностяхъ для пріобрѣтенія свободы. Для этого сеньору нужно было только до истеченія названнаго срока потребовать черезъ глашатая возвращенія бѣглаго крестьянина и предъявить его грамоту подчиненія судьѣ

---

[1]) Chia, II, 64—65.

той мѣстности, гдѣ находился онъ; послѣ исполненія этихъ формальностей уже никакая давность не въ состояніи была обезпечить бѣглому крестьянину свободы. Если же, несмотря на требованіе сеньора, по истеченіи года ременса не возвращался, то его объявляли стоящимъ внѣ закона, и сеньоръ овладѣвалъ его имуществомъ; въ случаѣ же символическихъ угрозъ жизни сеньоровъ, овладѣвшихъ на такомъ основаніи крестьянскимъ имуществомъ, угрозъ, выражавшихся въ сооруженіи крестовъ и могилъ, виновные подлежали установленному наказанію [1]). Законъ этотъ былъ однимъ изъ проявленій усиливавшейся среди землевладѣльческихъ классовъ реакціи противъ эмансипаціоннаго движенія крестьянъ, выражавшейся въ стремленіи не только удержать ихъ въ крѣпостной зависимости, но и усилить ее и распространить на тѣхъ, которые были свободны отъ нея. При смѣнѣ земельныхъ держателей сеньоры произвольно увеличивали число и размѣръ тѣхъ повинностей, которыя обязаны были нести они по первоначальнымъ грамотамъ подчиненія, прибѣгая для этого ко всякаго рода хитростямъ и обманамъ. Мало того: они старались утвердить крѣпостное право даже и въ тѣхъ мѣстностяхъ, жители которыхъ раньше пользовались свободой, и усилить его дѣйствіе тамъ, гдѣ оно никогда не прекращалось, путемъ безусловнаго запрещенія крестьянамъ пользоваться правомъ выкупа. „Хотя многіе мансы, жаловались крестьяне въ половинѣ XV в., уже освобождены были отъ дѣйствія „дурныхъ обычаевъ", отъ всякаго рода цензовъ и личныхъ повинностей, но, когда на смѣну однихъ земельныхъ держателей являются новые, незнакомые съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ, сеньоры, пользуясь ихъ невѣдѣніемъ, заставляютъ ихъ въ грамотахъ подчиненія принимать на себя тѣ обязательства, отъ которыхъ уже были освобождены держатели данныхъ мансовъ" [2]). Жаловались они и на то, что сеньоры заставляютъ ихъ вносить въ грамоты подчиненія и различ-

---

[1]) Nolasco, II, 139–141.

[2]) E mes avant: moltes cases de pagesos son stades del tot reduhides de remença e dits mals vsos e totes altres censes e servituts personals, e apres venjnt en los masos novells possehidors, no sabents tals reduccions et quitaments fossen fets, capbrevant los senyors los dits masos ab los capbreus antichats, han ... tornats subiugar aquells masos o terres en aquella remença, mals vsos e servituts personals e altres censos que eran ans dela reduccio e liberacio; per tant los dits homens demanen e supliquen que aquelles reduccions pus se mostren authenticament signan ab lur força e valor, no contrestant capbreus, contractes e possessions anticades, com sia stat fet per ignorancia e error. A. C. V. Coleccion de MSS. del padre J. Collell.

ныя унизительныя повинности, какъ доставка яицъ кукушки, ястребятъ и т. д. [1]), жестоко обращаются съ ними, заковываютъ ихъ въ цѣпи и налагаютъ другія наказанія, на что имѣютъ право одни лишь представители королевской юстиціи [2]).

Съ 1420 г. большую часть своего царствованія король проводилъ въ Неаполѣ. Каталоніей, въ его отсутствіе, отъ его имени, управляли, сперва, жена его Марія, а затѣмъ, съ 1455 г., братъ его, наварскій король Хуанъ. Вѣчно испытывая недостатокъ въ деньгахъ и получая отъ кортесовъ субсидіи все съ большими затрудненіями, Альфонсъ V безпрестанно вмѣшивался въ споры между сеньорами и крестьянами по вопросу о выкупѣ феодальныхъ повинностей, съ цѣлью извлечь изъ этихъ споровъ побольше выгодъ для себя. Въ 1444 г. между крестьянами общинъ Багура и Ператалляды, съ одной стороны, и баронессой де Круиллесъ, съ другой,—возникъ споръ изъ за правъ юрисдикціи, принадлежавшихъ баронессѣ: крестьяне желали выкупить ихъ, баронесса противилась этому. Та и другая сторона обратилась за посредничествомъ къ королю. Король пообѣщалъ баронессѣ прекратить дѣло о выкупѣ и принялъ отъ нея въ даръ 1000 флориновъ, а затѣмъ получилъ отъ крестьянскихъ депутатовъ, явившихся къ нему въ Италію, суммы, предназначенныя для выкупа правъ юрисдикціи у баронессы. Названныя общины послѣ этого получили отъ короля привилегіи, освобождавшія ихъ отъ сеньоріальной юрисдикціи и надѣлявшія ихъ муниципальными вольностями, но вскорѣ, въ угоду баронессѣ, король отмѣнилъ эти привилегіи [3]). Онъ становился то на сторону сеньоровъ, то на сторону крестьянъ, смотря по тому, кто въ данный моментъ могъ предложить ему большую сумму денегъ, хотя съ теченіемъ времени политика его все-таки склонилась въ пользу крестьянъ, выгоды союза съ которыми становились все очевиднѣе. Жена Альфонса IV, Марія, сдѣлала рядъ распоряженій, свидѣтельствовавшихъ о ея сочувствіи дѣлу крестьянъ. Жителямъ с. Вилови она разрѣшила собираться на сходки для обсужденія средствъ и

---

[1]) E mes avant: demanen e supliquen los dits pagesos sian leuats alguns vsos e prestaciones, sis vullen sian capbreuats per error dels pagesos e ignorancia, o ques paguen per antigna possessio, axi com son ous de cugul, polls de stor etc. Ibidem.

[2]) Item en moltes parts del dit principat de Cathalunya alguns senyors preteneu e observan que los dits pagesos poden iustament o iniusta maltratar a tota lur voluntat metentlos en ferros e en cadenas, e encara supliquen los dits pagesos esser leuat e noy pugan esser maltractats per lus senyors sino per los minjstros de justicia. Ibidem.

[3]) Pella y Forgas, 669.

способовъ освобожденія отъ сеньоріальной власти. Въ періодъ отъ 1440 до 1454 г. такое же разрѣшеніе дано было жителямъ приходовъ Круиллесъ, Корса, С. Садурни, С. Сипріа дельсъ Альсъ, Кастельфоллитъ, Ріуделлотсъ де ла Креу, Ла Мота, причемъ нѣкоторымъ изъ нихъ дана была даже привилегія защищать вооруженной силой право выкупа противъ всѣхъ, кто оспаривалъ бы или нарушалъ бы его [1]). Вопросъ объ уничтоженіи „дурныхъ обычаевъ" былъ поднятъ снова въ 1448 г. Крестьяне обратились къ королю за разрѣшеніемъ собираться на сходки съ цѣлью обсужденія способовъ изысканія той суммы, какую требовалъ отъ нихъ король, подъ предлогомъ вознагражденія сеньоровъ за отмѣну „дурныхъ обычаевъ".

Требуемое разрѣшеніе было получено: 10 октября 1448 г. королева Марія извѣстила представителей администраціи о томъ, что король разрѣшилъ какъ отдѣльнымъ крестьянамъ, такъ и цѣлымъ крестьянскимъ обществамъ собираться въ группы, не болѣе 50 человѣкъ каждая, для обсужденія вопроса объ освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости [2]), и предписала духовнымъ и свѣтскимъ сеньорамъ не препятствовать крестьянамъ собираться на сходки, такъ какъ король беретъ ихъ подъ свое особое покровительство [3]). Колокольнымъ звономъ и рожками крестьянъ созывали на сходки во всѣхъ тѣхъ селеніяхъ, юрисдикція надъ которыми была отчуждена короной въ пользу сеньоровъ, въ діоцезахъ Херонскомъ, Барселонскомъ, Урхельскомъ, Викскомъ и Эльнскомъ. Въ однихъ случаяхъ собранія происходили въ замкахъ, подъ предсѣдательствомъ сеньоровъ, въ другихъ—подъ открытымъ небомъ или въ приходскихъ церквахъ. Собранія эти начались осенью 1448 г. въ Херонскомъ епископствѣ, происходили въ различныхъ селеніяхъ и окончились 13-го февраля 1449 г. въ Эльнскомъ епископствѣ. Послѣ

---

[1]) Chia, II, 65.

[2]) ... dominus rex licentiam et facultatem concessit universitatibus et singularibus hominibus predictis quod... possint se congregare de quinquaginta in quinquiaginta vel inferiori numero et tractare de eorum liberatione, capitulare, tallias ... indicere, sindicos et procuratores constituere ac salaria promittere et alia facere que ad effectum liberacionis... hujusdem seu eius persecutionis pertineant. A. C. A. Reg. 3148, f.° 29.

[3]) ... vobis dictis prelatis et ecclesiasticis ac baronibus, militibus generoosis et aliis personis dictorum pagensium de redimentia senioribus sive dominium supra eis habentibus requirit et mandat quod dictam licentiam pagensibus vestris prestetis et etiam securitatem de non malctratando eosdem, quos etiam sua Magestas in sua speciali securitate et custodia posuit. Ibidem.

каждаго собранія составлялись протоколы засѣданій, въ предисловіи къ которымъ обозначались мѣсто и время собранія, имена нотаріуса, предсѣдателя и сеньора территоріи, способъ и форма призыва и, наконецъ, имена крестьянъ, присутствовавшихъ на собраніи. Въ одномъ лишь Херонскомъ діоцезѣ такія собранія имѣли мѣсто въ 400 селеніяхъ, зависѣвшихъ отъ херонскаго епископа, а общее число крестьянъ, принимавшихъ участіе въ этихъ собраніяхъ и обязавшихся участвовать въ выкупѣ отъ „дурныхъ обычаевъ", достигало нѣсколькихъ тысячъ [1]). Для веденія переговоровъ съ королемъ относительно условій и способовъ освобожденія отъ „дурныхъ обычаевъ", крестьяне избирали изъ своей среды синдиковъ. Выборы подлежали королевскому утвержденію, послѣ чего синдики вступили въ переговоры съ королемъ и королевой. Изъ письма 4 синдиковъ отъ 2-го іюня 1448 г. изъ Вилафранки де Панадесъ къ херонскому нотаріусу видно, что они въ принципѣ уладили дѣло съ королевой Маріей: условились относительно уплаты королю всѣми общинами 64.000 флориновъ и обязались ничего не предпринимать безъ предварительнаго согласія короля подъ страхомъ опалы. Въ письмѣ отъ 27 іюня изъ Сарагоссы синдикъ Серроли выражаетъ твердую увѣренность, что дѣло крестьянъ скоро увѣнчается полнымъ успѣхомъ [2]). На этотъ разъ, казалось, королевская политика рѣшительно приняла сторону крестьянъ. Дѣла принимали благопріятный для крестьянъ оборотъ. Встревоженные перспективой лишиться власти надъ крестьянами, духовные и свѣтскіе сеньоры, особенно въ Херонскомъ діоцезѣ, не замедлили выступить съ протестомъ противъ королевскихъ распоряженій и, черезъ своихъ пословъ, настаивали передъ королевой Маріей на необходимости пріостановить приведеніе въ исполненіи этихъ распоряженій, какъ противорѣчащихъ сословнымъ привилегіямъ [3]). Въ отвѣтъ на эти протесты Марія заявила, что королевскіе указы не подлежатъ отмѣнѣ, что данныя крестьянамъ га-

---

[1]) Chia, II, 67—69.

[2]) Ib., II, 69—70.

[3]) Varie atque multe coram nostram celsitudinem facte sunt raciones pro parte episcopi et caputuli gerundensis ae nonnullorum abbatum, praelatorum et ecclesiasticarum personarum, baronum, militum et aliorum seniorum, in diocesi eadem degentium, ex quibus pretenditur: provisiones per dictum dominum Regem concesse in favorem hominum sive pagensium principatus Cathalonie et comjtatum predictorum qui vulgo de redimentia nuncupantur, et consequenter illarum exequtorie... mjnjme debere ad effectum deduci, pluribus inde allegatis sanctionibus obsistentibus... A. C. A. Reg. 3251, ff. 139—140.

рантіи личной безопасности для свободнаго совѣщанія относительно условій освобожденія ихъ отъ власти сеньоровъ должны оставаться въ силѣ, что сеньоры должны отказаться отъ дурного обращенія со своими людьми, а, въ случаѣ оскорбленій и нарушенія сеньоріальныхъ правъ послѣдними, предоставить королевѣ какъ разслѣдованіе дѣла, такъ и удовлетвореніе обиженной стороны и возстановленіе нарушенныхъ правъ [1]). 6-го марта 1449 г. королева Марія издала въ Перпиньянѣ декретъ, направленный противъ одного изъ наиболѣе могущественныхъ феодальныхъ сеньоровъ Каталоніи, именно противъ херонскаго епископа. Въ декретѣ объявлялось, что подданные этого прелата не обязаны больше присягать ему въ вѣрности и что такую присягу обязаны они приносить только королю.

Подобныя заявленія съ высоты трона приводили въ отчаяніе феодальныхъ сеньоровъ и окрыляли надежды крестьянъ, которые съ этихъ поръ становятся все смѣлѣе въ своихъ дѣйствіяхъ [2]). Раздраженные поведеніемъ королевы и опасаясь за участь своего вліянія на дѣла, члены постоянной депутаціи каталонскихъ кортесовъ отправили къ королевѣ Маріи своего посла, Гальсерана де Пиносъ, виконта де Илла́, который заявилъ ей слѣдующее:

„Лица, называющія себя крестьянскими комиссарами, рыщутъ по отдѣльнымъ частямъ каталонскаго принципата, злоупотребляя своими полномочіями. Они производятъ смуты, волненія и безпорядки, возмущаютъ народъ, проповѣдуя освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и заявляя, что крестьяне не будутъ обязаны больше платить цензы и нести другія повинности; къ нимъ пристаютъ и другіе крестьяне, становятся

---

[1]) Domina Regina... ex deliberatione sui consilij, attento quod littere sue executorie sunt signate manu regentis cancillariam et earum tenore inspecto, providet, quod non potest obiri per dictos nuncios seu alios quoscunque contra litteras regias... que sunt signate manu domini Regis, et saluamguardiam, protectionem et saluumconductum concessum per dictum dominum regem hominibus, qui dicuntur de redimentia, litigantibus cum senjoribus eorumdem supra libertate... fore observandas ac non reuocandas, ut securius valeant coram magestate regia litigare, sicuti in factis loycionum Regii patrimonji debite provisum est.. et quod seniores dictorum hominum tenentur assecurare dictos rusticos de non maletractando pretextu vel occasione dictae litis... supra abusibus et excessibus qui pretenduntur fieri per homines de redimentia contra eorum senjores, providet domina Regina inquirj de dictis abusibus et excessibus, datis memoralibus supra illis ... hominibus, quod lite pendente pareant, obediant et satisfaciant dictis eorum senjoribus in eorum iuribus, sicuti antea faciebant. Ibidem.

[2]) Chia, II, 69—71.

ихъ сообщниками и бунтуютъ; они безпрестанно собираются на сходки и готовы поднять возстаніе, заявляя, что они или ихъ синдики добьются въ кортесахъ принципата освобожденія отъ налоговъ, установленныхъ депутаціей, такъ какъ сами захватятъ въ свои руки правленіе, выбирая одного, двухъ или трехъ депутатовъ принципата, ибо они, крестьяне, образуютъ большинство въ сравненіи со всѣми членами другихъ сословій, взятыми вмѣстѣ. Если же кто-нибудь попытается помѣшать имъ въ этомъ, того, говорятъ они, разорвутъ на части; и если они не добьются отъ короля или королевы того, чего требуютъ, то поставятъ во главѣ принципата или французскаго короля, или дофина, или Ренэ Анжуйскаго, или кого-нибудь другого... и тогда видно будетъ, осмѣлится ли кто-нибудь помѣшать имъ въ этомъ. Наши деньги, говорятъ они, мы даемъ королю въ надеждѣ получить свободу; но если мы будемъ платить, а свободы не получимъ, то по отношенію къ королю—измѣннику и вассалы будутъ измѣнниками" [1]). Едва ли въ этомъ сообщеніи посла депутаціи было много преувеличеній. Получивши право собираться на сходки, избирать своихъ представителей и рѣшать свои дѣла, крестьяне пріобрѣли прочную организацію и представляли такую силу, съ которой нельзя было не считаться. Въ виду не разъ уже обманутыхъ надеждъ, они принимали угрожающее положеніе даже по отношенію къ коронѣ. Приближалась соціальная революція. Ее могли предотвратить только высшія сословія принципата, имѣвшія постоянное представительство въ депутаціи, если бы рѣшились пойти на уступки. Но депутація сама оказалась одной изъ заинтересованныхъ сторонъ, крѣпко державшейся за свои привилегіи. Вмѣсто того, чтобы самостоятельно заключить компромиссъ съ крестьянами, она обращалась съ жалобами къ королевѣ, съ просьбой о заступничествѣ и поддержкѣ, тѣмъ самымъ выказывая собственную слабость. Когда же члены депутаціи сознали необходимость уступокъ и готовы были пойти на компромиссъ, было поздно, такъ какъ революція уже охватила всю страну.

Заявленіе виконта де Илла́ не могло не подѣйствовать на королеву. Она, быть можетъ, устрашилась грозной перспективы крестьянскаго возстанія, но зашла слишкомъ далеко въ своемъ проектѣ эмансипаціи крестьянъ, чтобы возможно было безнаказанно отступить назадъ. Она только ограничила сферу своего вмѣшательства

---

[1]) Pella y Forgas, 667.

въ крестьянскій вопросъ выкупомъ „дурныхъ обычаевъ“, отказавшись отъ мысли о выкупѣ юрисдикціи; но и реализація выкупа „дурныхъ обычаевъ“ представляла большія затрудненія. Крестьяне, какъ мы видѣли, должны были собрать 64.000 флориновъ для выкупа отъ „дурныхъ обычаевъ“. Собрать эту сумму оказалось не такъ легко, такъ какъ среди крестьянъ различныхъ діоцезовъ не было на этотъ счетъ единодушія: такъ, нѣкоторыя села Барселонскаго діоцеза отказались участвовать съ крестьянами Херонскаго и другихъ діоцезовъ въ раскладкѣ названной суммы. Тогда королева издала указъ, устанавливавшій однообразную и всеобщую норму платежа, по 3 флорина съ каждаго дыма [1]). Противъ этого протестовалъ Барселонскій муниципалитетъ и настоялъ на томъ, что мѣстный вегье и байльи не обнародовали королевскаго эдикта (22 марта 1449). Тогда нѣкоторыя села Барселонскаго діоцеза прекратили сборъ причитавшихся на ихъ долю платежей. Между властями возникъ конфликтъ. Отъ имени королевы генералъ-губернаторъ Каталоніи послалъ гарнизоны въ мѣстечки Монкаду, Таррасу и Сабадель. Противъ такихъ дѣйствій Барселонскій муниципалитетъ черезъ своихъ уполномоченныхъ обратился съ жалобой къ королевѣ въ Перпиньянъ и къ королю въ Неаполь. Дѣло въ томъ, что по отношенію къ названнымъ мѣстечкамъ городъ Барселона обладалъ правами юрисдикціи, являлся своего рода феодальнымъ сеньоромъ и считалъ взиманіе съ тамошнихъ жителей налога въ пользу фиска нарушеніемъ собственныхъ правъ [2]). Барселонскій вегье, которому поручено было взиманіе выкупныхъ платежей, оказался вслѣдствіе этого въ затруднительномъ положеніи. Указомъ отъ 26 іюня 1449 г. королева Марія разъяснила, какого образа дѣйствій онъ долженъ былъ держаться въ данномъ случаѣ: ему вмѣнялось въ обязанность привлекать къ платежу всѣхъ крестьянъ, кромѣ тѣхъ, которые докажутъ на основаніи документовъ, что не подчинены дѣйствію „дурныхъ обычаевъ“ и не принадлежатъ къ классу „ременсъ“ [3]); при этомъ указывалось, что уже одно названіе крестьянъ homens propris, solius e affogats должно служить

---

[1]) По другимъ источникамъ, Альфонсъ IV нормировалъ платежи въ 51 солидъ съ каждаго дыма. Villanueva XIV, 301.

[2]) Chia, II, 74—75.

[3]) Volem e manam quant mes stretament podem, que contra tots aquells, qui hauran fermats en lo sindicat, facats prompta e deguda execucio per lo dit tall, no obstant qualsevulla condicio... si donchs ab cartas e documents authenths no mostrarien manifestament ells no sien tenguts als dits mals usos e no esser homens de remença. A. C. A. Reg. 3150, f. 98.

основаніемъ для взиманія съ нихъ платы за выкупъ отъ обычаевъ интестіи, экзоркіи и кугусіи, хотя бы они и не были упомянуты особо въ грамотахъ подчиненія [1]); что же касается подданныхъ города Барселоны, то по отношенію къ нимъ надлежитъ поступать такъ же, какъ и по отношенію къ вассаламъ другихъ свѣтскихъ сеньоровъ, а отъ городского совѣта Барселоны—потребовать, чтобы всѣ подчиненные ему крестьяне уплатили причитающуюся съ нихъ, по раскладкѣ синдиката, сумму въ теченіе 8 дней [2]). Противъ такихъ распоряженій протестовали одинаково и Барселонскій муниципальный совѣтъ, и крестьяне Барселонскаго діоцеза, какъ, напр., жители селенія Аленья, заявившіе, что они—не ременсы. Для рѣшенія вопроса королева повелѣла 3-го сентября 1450 г. синдикамъ этого селенія въ 3-дневный срокъ явиться въ королевскую Аудіенцію и представить на ея разсмотрѣніе доказательства своей свободы отъ крѣпостной зависимости; аналогичное распоряженіе издано было ею 25 ноября въ отвѣтъ на протестъ жителей с. Куадра де Виладекансъ. Заявленіе жителей Бадалоны о томъ, что они — не ременсы, не было принято во вниманіе, и 12 янв. 1451 г. имъ было предписано немедленно записываться въ синдикатъ по дѣлу выкупа, что означало признаніе жителей этого селенія настоящими ременсами [3]).

Конечно, усердіе королевы, съ какимъ она принимала мѣры для привлеченія къ участію въ выкупѣ отъ „дурныхъ обычаевъ" даже и такихъ крестьянъ, которые не были подчинены ихъ дѣйствію, бросало тѣнь на всю политику королевскую и заставляло сомнѣваться въ безкорыстіи стремленій короля и королевы избавить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

---

[1]) Quant al segon dubte de vostra dita consulta dels homens propris, solius e affogats, es stat vist aquells esser tenguts e deure contribuhir ala solucio del dit tayll, no obstant que en las cartas que mostren no sia feta mencio de intestia, cugucia e exorchia, com en altra manera los dits homens propris solius e affogats vinguen sots aquest vocable dels mals usos e per conseguent esser tenguts ala contribucio demunt dita. Ibidem.

[2]) Quant al terçer dubte dels homens e vassals de la cuitat de Barchinona es stat provehit e delliberat, que servant la platica e manera que en los altres seniors seculars es stada servada, per vos sien requests los consellers dela dita ciutat que dins VIII jorns hagen fet pagar integrament tots los homens e vassals llurs, qui hagen fermat al dit sindicat o en altra manera, sien tenguts ala contribucio del dit tayll; als procuradors en aso diputats, ab cominacio, que en altra manera ... seria procehita ocupacio deles juridictions, rendes e drets dels lochs e viles dela dita ciutat. Ibidem.

[3]) Chia, II, 76.

Какъ бы то ни было, крестьяне продолжали собирать деньги и, передавъ ихъ въ фискъ, считали себя уже свободными отъ какихъ-либо повинностей и платежей въ пользу сеньоровъ. Король долженъ былъ самъ вознаградить ихъ за потерю правъ надъ крестьянами. Но сеньоры не признавали за королемъ права быть судьей въ ихъ отношеніяхъ къ крѣпостному люду и считали королевское вмѣшательство въ ихъ дѣла противорѣчащимъ основамъ конституціи Каталонскаго принципата. Формально они были правы; законъ стоялъ на ихъ сторонѣ и могъ быть отмѣненъ лишь съ ихъ согласія, какъ членовъ кортесовъ. Пока такой отмѣны не послѣдовало, они продожали настаивать на выполненіи крестьянами тѣхъ повинностей, которыя санкціонированы были обычаемъ.

То обстоятельство, что ременсы оказались въ состояніи собрать крупныя денежныя суммы для выкупа свободы, свидѣтельствуетъ объ извѣстной степени ихъ матеріальной достаточности, по крайней мѣрѣ въ лицѣ главъ крестьянскихъ семействъ, держателей мансовъ, т. наз. caps de casa. Но чѣмъ значительнѣе была степень ихъ благосостоянія, тѣмъ труднѣе было переносить имъ ту тяжелую нравственную и матеріальную зависимость, въ какой стояли они по отношенію къ своимъ сеньорамъ, тѣмъ тягостнѣе для нихъ было сознаніе собственнаго безправія. Умѣренное пользованіе властью надъ крестьянами, даже извѣстная мягкость въ отношеніяхъ къ нимъ со стороны нѣкоторыхъ сеньоровъ не измѣняли общаго печальнаго фона картины и не избавляли крестьянъ отъ постоянной тревоги за свое имущество, честь и даже жизнь. Чѣмъ сильнѣе было желаніе ихъ освободиться отъ крѣпостной зависимости, тѣмъ ощутительнѣе становилась сеньоріальная власть надъ ними, и чѣмъ болѣе широкой районъ охватывало освободительное движеніе, тѣмъ настойчивѣе сеньоры старались воспользоваться всѣми выгодами крѣпостного труда и зависимости. Неудивительно, что при такомъ положеніи дѣлъ между сеньорами и крестьянами происходили постоянныя пререканія и столкновенія. Обѣ стороны считали свой образъ дѣйствій одинаково правильнымъ. Изъ ихъ споровъ извлекала выгоду пока только корона, удерживая въ своемъ распоряженіи суммы, собранныя крестьянами для выкупа отъ „дурныхъ обычаевъ“ и предназначенныя для удовлетворенія интересовъ сеньоровъ. Такъ какъ сила еще продолжала быть на сторонѣ послѣднихъ, то крестьяне томились въ прежней неволѣ, несмотря на то, что съ великими усиліями и жертвами собрали и внесли требуемую сумму для полученія свободы. Чтобы выйти изъ такого тяжелаго положенія, крестьяне выбрали изъ своей среды депутатовъ и от-

правили ихъ въ Неаполь къ королю, чтобы побудить его къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ въ защиту ихъ правъ и интересовъ. По ихъ настояніямъ, король отправилъ сеньорамъ приглашеніе явиться въ Неаполь для совмѣстнаго обсужденія и окончательно рѣшенія крестьянскаго вопроса. Сеньоры не приняли королевскаго приглашенія и не привели законныхъ основаній въ свое оправданіе, хотя имѣли возможность сдѣлать это, если бы сослались на законъ Педро II, запрещавшій рѣшать подобнаго рода дѣла внѣ Каталоніи. Тогда король заочно постановилъ (5-го октября 1455 г.) пріостановить дѣйствіе „дурныхъ обычаевъ" и другихъ сеньоріальныхъ правъ впредь до окончательнаго рѣшенія вопроса. На королеву Марію, а затѣмъ на брата короля—Хуана Наварскаго, когда онъ смѣнилъ ее въ званіи намѣстника принципата, возложены были заботы по приведенію въ исполненіе королевскаго постановленія. Но мѣропріятія Маріи и Хуана оказались мало дѣйствительными: сеньоры продолжали настаивать на взиманіи съ крестьянъ прежнихъ повинностей и плохо вѣрили въ обѣщанную имъ индемнизацію, видя, какъ собранныя для этой цѣли деньги уплывали на надобности фиска. Альфонсу IV пришлось 9 сентября 1457 г. повторить декретъ о временномъ упраздненіи феодальныхъ обычаевъ и повинностей [1]). Каковы были эти обычаи и повинности, узнаемъ изъ грамоты Хуана Наварскаго отъ 15-го января 1458 г., слѣдующаго содержанія:

„Сочувствуя стенаніямъ и жалобамъ людей, именуемыхъ въ народѣ „крестьянами ременсы и дурныхъ обычаевъ", людей, желающихъ и требующихъ освожденія ихъ отъ этихъ обычаевъ, и не считая себя въ правѣ отказывать имъ въ правосудіи, мы предложили имъ самимъ уладить это дѣло, разрѣшили имъ устраивать сходки, избирать изъ своей среды депутатовъ или синдиковъ, устанавливать и взимать налоги, равно какъ и совершать все другое, необходимое для осуществленія названнаго предпріятія. Это и другія распоряженія велѣно соблюдать прелатамъ и другимъ духовнымъ особамъ, баронамъ, рыцарямъ, обывателямъ городовъ и бурговъ и всѣмъ прочимъ лицамъ, владѣющимъ или только претендующимъ на владѣніе названными крестьянами" [2]). Далѣе Хуанъ

[1]) Текстъ королевскаго декрета остается неизвѣстнымъ; о немъ сообщаютъ Сокарратсъ (520, § 79) и Сурита (IV, 326—327). По ихъ словамъ, Альфонсъ IV постановилъ отмѣнить „12 повинностей", но какія именно—они не разъясняютъ. Королева нѣсколько отступила отъ намѣреній своего мужа, распорядившись объ отмѣнѣ только пяти (по Сокаррату) или шести (по Суритѣ) повинностей.

[2]) Conpascientes gemitibus et lamentis hominum vulgo nominatorum de redimentia et malorum usuum desiderantium et petentium a servitutibus dictorum malo-

подтверждалъ указъ Маріи отъ 9 сентября 1457 г., запрещавшій церковнымъ и другимъ судьямъ вмѣшиваться въ процессы, касавшіеся крестьянъ, и предписывавшій спорящимъ сторонамъ обращаться въ этихъ случаяхъ въ королевскій совѣтъ [1]), и указъ отъ 5 октября 1455 г., въ силу котораго, до окончательнаго разрѣшенія вопроса о „дурныхъ обычаяхъ“, пріостанавливалось взиманіе съ крестьянъ повинностей, на которыя претендовали сеньоры, основываясь на обычаяхъ ременсы, экзоркіи, кугусіи, интестіи, арсіи, входныхъ и выходныхъ денегъ и фермы де споли [2]).

27-го іюня 1458 года Альфонсъ V умеръ. Ему наслѣдовалъ братъ его Хуанъ II (1458—1479), управлявшій раньше Каталоніей въ качествѣ королевскаго намѣстника. Ставши королемъ, онъ проявилъ непомѣрное властолюбіе, окружилъ себя роскошью и блескомъ во вкусѣ ренессанса и, подобно брату, вѣчно занятъ былъ мыслью о пріисканіи новыхъ средствъ для удовлетворенія своихъ затѣй, такъ какъ обычныхъ доходовъ короны ему не хватало. Какъ и братъ его, Хуанъ II заявилъ себя сторонникомъ освобожденія крестьянъ, издалъ въ ихъ пользу рядъ указовъ, оказавшихся, впрочемъ, столь же недѣйствительными, какъ и декреты его предшественниковъ, и употреблялъ на свои нужды собранные крестьянами выкупные платежи [3]).

Споры между сеньорами и крестьянами продолжались; конца имъ не предвидѣлось. Несмотря на неоднократно повторявшіяся распоряженія о пріостановленіи дѣйствія „дурныхъ обычаевъ“, земле-

---

rum usuum liberari... et rem illicitam reputantes eis iustitiam denegare, obtulimus nos facturas eis iustitiam supra promissis et tradita per nos eis licencia se ad invicem congregandi, procuratorem aut sindicos constituendi, tallia inter eos indicendi, colligendi et levandi et alia faciendi, quae ad huiusmodi negotij persecutionem pertinentia essent et necessaria... dicta nostra litera et alie provisiones observari mandarentur per prelatos et alios ecclesiasticas personas, barones, milites, cives, burgenses et alios quoscumque habentes seu pretendentes se habere et possidere pagenses seu homines supradictos. A. C. A., Reg. 3314, f. 132. Этотъ документъ въ переводѣ на каталонскій языкъ находится въ томъ же регистрѣ, ff. 88–89.

[1]) Confirmamus provisionem quandam per dictam illustr. Reginam factam atque concessam, qua prohibet ne de causis pagenses ipsos tangentibus iudices ecclesiastici et alii se quosquomodo intromittant, sed partes ipsas ad nostrum consistorium remittant. Ibidem, f. 133.

[2]) Suspendimus... prestacionem et exhibitionem servitutum et malorum usuum videlicet redemptionem personarum... ac de exorquie, cugucia, intestia, arcina, intrata, exita et sponsaliciorum firma violenta, quae predicti seniores pretendunt se supra dictis pagensibus habere. Ib., f. 133.

[3]) Coroleu, 329.

владѣльцы настаивали на своихъ правахъ и притѣсняли крестьянъ. Королевскіе агенты не соблюдали декретовъ, по которымъ всѣ споры и тяжбы, возникавшіе между сеньорами и крестьянами, подлежали вѣдѣнію королевскаго совѣта или аудіенціи, допускали рѣшать эти дѣла въ прежнемъ порядкѣ и не только не оберегали крестьянъ отъ обидъ и притѣсненій, но оказывали явную поддержку притязаніямъ сеньоровъ и сами обременяли крестьянъ всевозможными вымогательствами. Еще будучи намѣстникомъ принципата, Хуанъ II подвергалъ различнымъ взысканіямъ своихъ агентовъ, злоупотреблявшихъ данной имъ властью. Такъ, онъ сдѣлалъ строгій выговоръ помощнику генеральнаго байльи въ Херонскомъ діоцезѣ, Петру Молесъ, за незаконныя дѣйствія по отношенію къ ремeнсамъ и оштрафовалъ его въ 1000 золотыхъ флориновъ [1]). Затѣмъ, указомъ отъ 8 января 1459 г., онъ снова напоминаетъ представителямъ королевской администраціи объ ихъ обязанности переносить крестьянскія тяжбы по выкупной операціи въ королевскую аудіенцію, такъ какъ рѣшеніе этого рода вопросовъ должно быть исключительно предоставлено ему, какъ единственно компетентному судьѣ (remetent a nos la cognicio e execucio del dit negoci com a jutge competent), и выражаетъ неудовольствіе по адресу тѣхъ, кто забываетъ о своемъ долгѣ [2]).

Но если одна сторона признавала компетентность короля въ этомъ дѣлѣ—именно крестьяне, то сеньоры отказывались признать ее. Это и было главнѣйшей причиной послѣдующихъ смутъ и безуспѣшности королевскихъ мѣропріятій по крестьянскому вопросу въ ту пору, когда намѣстниками принципата—были сперва сынъ короля, инфантъ Карлъ, а затѣмъ жена Хуана II—королева Хуана Энрикесъ. Однако, пора пассивнаго подчиненія своей участи для крестьянъ уже миновала. Поставивъ вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права, королевская политика вызвала среди нихъ сильное броженіе, всполошила всѣ слои крестьянскаго населенія, заставила его волноваться и думать о свободѣ. Разрозненныя силы крестьянъ, подавленныхъ могуществомъ сеньоровъ и смутно вѣрившихъ въ возможность когда-либо освободиться отъ нихъ, теперь стали объединяться въ мощное цѣлое, одушевленное страстнымъ желаніемъ сбросить съ

---

[1]) **Prout ex suplicatione coram nobis reverenter oblata pro parte homjnum pagensium vicinorum, habitantium infre vicariam civitatis jamdicte et baiuliam extra dicta civitate, est deductum, quod vos non solum utimjnj, sed etiam, ut dicitur, abutimjnj officio prelibato, potestatem vestram ampliando... A. C. A. Reg. 3314, f. 42.**

[2]) **A. C. A. Reg. 3365, f. 38.**

себя оковы феодальнаго ига. Въ половинѣ XV в. отношенія между крестьянами и сеньорами обострились и достигли крайней степени напряженія. Крестьянская масса представляла тогда настолько горючій матеріалъ, что одной искры достаточно было, чтобы вспыхнулъ пожаръ всеобщаго возстанія. Искра эта была брошена въ пылу той борьбы, которую велъ Хуанъ II съ высшими чинами принципата.

Въ XV в. Каталонское общество переживало не только соціальный кризисъ, но и политическій. Съ одной стороны, ременсы стремились свергнуть съ себя зависимость отъ феодальныхъ сеньоровъ, съ другой -королевская власть старалась расширить сферу своего вліянія на счетъ государственныхъ чиновъ принципата и вступила въ столкновеніе съ ними на почвѣ конституціонныхъ вопросовъ. Противоположность интересовъ крестьянства и высшихъ сословій давала основаніе королевской власти искать союзниковъ въ низшихъ классахъ общества въ ея борьбѣ противъ привилегій знати, духовенства и буржуазіи. Начатая по королевской инициативѣ выкупная операція была однимъ изъ выраженій этой борьбы и разсматривалась высшими сословіями, какъ покушеніе на ихъ права, обезпеченныя за ними каталонской конституціей. Рядъ другихъ нарушеній послѣдней привелъ къ открытому разрыву между чинами и королевской властью. Недовольные политикой Хуана II, государственные чины Каталоніи возлагали большія надежды на сына его отъ брака съ Бланкой Наварской—донъ-Карлоса, принца віанскаго, отличавшагося миролюбивымъ и уступчивымъ характеромъ. Вторая жена короля, Хуана Энрикесъ, напротивъ, всѣ усилія прилагала къ тому, чтобы престолъ достался не ему, а сыну ея Фердинанду. Подъ вліяніемъ ея интригъ, 2 декабря 1460 г. въ г. Леридѣ король далъ приказъ арестовать принца и заключить въ тюрьму, безъ суда, по обвиненію въ тайныхъ сношеніяхъ съ кастильскимъ дворомъ. Поступокъ Хуана II нарушалъ одно изъ основныхъ положеній каталонской конституціи, обезпечивавшей за каждымъ подданнымъ короля личную неприкосновенность. Чины потребовали черезъ своихъ пословъ освобожденія принца, но король отказался исполнить ихъ желаніе. Тогда они объявили военное положеніе въ странѣ и собрали войско для освобожденія донъ-Карлоса и возстановленія нарушенной конституціи. Король вынужденъ былъ уступить. 25 февраля 1461 г. принцъ былъ освобожденъ, а 21 іюня заключенъ былъ Хуаномъ II мирный договоръ, по которому онъ назначилъ донъ-Карлоса намѣстникомъ принципата и далъ обѣщаніе не являться въ Каталонію безъ особаго приглашенія чиновъ. По-

бѣда ихъ была полная, но Хуанъ II не отказался отъ мысли продолжать борьбу.

Правленіе принца віанскаго продолжалось недолго: 23 сентября того же года онъ умеръ. Королеву-мачиху подозрѣвали въ отравленіи принца, хотя и безъ достаточныхъ основаній. Намѣстничество принципата перешло къ брату его Фердинанду, но, за малолѣтствомъ его, править должна была королева Хуана Энрикесъ [1]. Получивъ власть (23 ноября), она твердо рѣшилась доставить торжество своему мужу, и открыть ему путь въ Каталонію. Союзниковъ въ этомъ предпріятіи она искала среди ременсъ и нашла ихъ.

---

[1]) Don Carlos d'Aragon, prince de Viane. Étude sur l'Espagne du Nord au XV-e siècle, par G. Desdevises du Dezert (Paris. 1889), pp. 283—399. A Bofarull. Hist de Cat., VI, 69 70, 94.

ГЛАВА IV.

Крестьянскія возстанія и отмѣна крѣпостного права.

Политическая и соціальная сторона движенія 1462 г. — Отказъ крестьянъ платить сеньорамъ земельныя повинности. — Первыя вспышки возстанія въ Ампурданѣ.—Рѣшеніе депутаціи выставить войско противъременсъ.—Сопротивленіе королевы, отъѣздъ ея въ Ампурданъ и двойственная политика.—Развитіе крестьянскаго движенія, какъ аграрной революціи. — Вожди и организація возстанія. — Вернтальятъ и Серроли. — Либеральный проектъ крестьянской реформы, выработанный депутаціей, и расколъ среди крестьянъ.—Начало военныхъ дѣйствій, вступленіе Хуана II въ Каталонію и измѣненіе характера борьбы. — Междоусобная война, торжество королевской власти и возстановленіе крѣпостного права.—Новое крестьянское возстаніе подъ начальствомъ Пере Сала.—Избраніе сеньорами и ременсами короля Фердинанда Католика, какъ третейскаго судьи между ними.— Королевская сентенція 21 апрѣля 1486 г. и сущность крестьянской реформы.— Дополненія и измѣненія сентенціи въ послѣдующіе годы.

„Съ наступленіемъ слѣдующаго 1462 г., когда королева со своимъ сыномъ находилась въ Барселонѣ, въ принципатѣ произошло великое народное движеніе противъ городовъ, мѣстечекъ и знати, такъ какъ народъ требовалъ, чтобы король вступилъ въ управленіе государствомъ и возвратился по праву въ страну, а большая часть городовъ, мѣстечекъ и дворянства настаивали на томъ, чтобы онъ не возвращался и продолжалъ пребывать въ изгнаніи. Въ это время во главѣ партіи, препятствовавшей вступленію короля въ каталонскій принципатъ, стоялъ графъ Пальярскій, а вождемъ народа сдѣлался простой дворянинъ Франсиско де Вернтальятъ, занимавшійся земледѣліемъ, подобно любому крестьянину. Онъ обратился съ воззваніемъ ко всѣмъ дворянамъ Каталоніи, приглашая помочь арагонскому монарху вернуться въ Каталонію, какъ королю и сеньору. Вотъ этотъ то Франсискъ де Вернтальятъ и былъ избранъ предво-

дителемъ крестьянъ (dels pobles menuts)“ [1]). Такъ объясняется смыслъ народнаго возстанія 1462 г. въ хроникѣ Спасскаго монастыря въ Бредѣ (S. Salvat. Bredensis). Лѣтописецъ констатируетъ раздѣленіе каталонскаго общества на два враждебныхъ лагеря, и единственнымъ мотивомъ для такого раздѣленія выставляетъ политическія причины: народъ желалъ возстановленія власти короля Хуана II въ Каталоніи, аристократія и большая часть городовъ противились этому, что и вызвало между ними борьбу. Но, по существу своему, движеніе 1462 г. было гораздо сложнѣе, чѣмъ представляетъ его Бредская хроника. Кромѣ политическихъ элементовъ, оно заключало въ себѣ и соціальные, каждое изъ сословій, принимавшихъ участіе въ этой борьбѣ, преслѣдовало свои собственные, сословные интересы. То или иное отношеніе къ королю, враждебное или сочувственное, вытекало изъ сознанія, насколько можетъ быть эта политическая сила благопріятной или неблагопріятной для достиженія поставленныхъ тѣмъ или другимъ сословіемъ задачъ. Движеніе 1462 и послѣдующихъ годовъ въ цѣломъ служитъ однимъ изъ наиболѣе яркихъ выраженій разложенія основъ средневѣковой сословной монархіи. Равновѣсіе между отдѣльными составными элементами ея было нарушено, благодаря усиленію королевской власти. Король, съ одной стороны, знать и буржуазія, съ другой—вотъ тѣ политическія силы, которыя боролись между собой тогда изъ за преобладанія. Народная масса, значительная часть которой находилась подъ игомъ крѣпостного права или въ тяжелой экономической зависимости отъ высшихъ сословій и не пользовалась политическими правами, также пришла въ движеніе и вступила въ борьбу съ феодальной аристократіей, духовенствомъ и буржуазіей.

Крестьянское возстаніе 1462 г. было вызвано неудовлетворительнымъ положеніемъ крестьянъ въ отношеніи личныхъ и имущественныхъ правъ, имѣло цѣлый рядъ прецедентовъ въ частныхъ крестьянскихъ бунтахъ и волненіяхъ предшествующаго времени и разразилось съ тѣмъ большей силой, что многочисленныя попытки королевской власти мирнымъ путемъ разрѣшить крестьянскій вопросъ оканчивались неудачей, отчасти вслѣдствіе сильной оппозиціи со стороны высшихъ сословій, отчасти вслѣдствіе отсутствія должной послѣдовательности и настойчивости въ дѣйствіяхъ королей, бравшихъ на себя иниціативу въ дѣлѣ крестьянской реформы. Положительное значеніе этихъ попытокъ, однако, не подлежитъ сомнѣнію. Онѣ свидѣтельствовали о томъ, что высшая власть въ

[1]) Villanueva, XIV, 302—303.

странѣ поставила на очередь крестьянскую реформу, признавъ ее необходимой съ точки зрѣнія общественнаго блага. Самая неудача ихъ возбудила въ крестьянахъ духъ самодѣятельности, заставивъ ихъ обратиться къ собственнымъ силамъ въ тотъ моментъ, когда въ борьбѣ короля съ чинами принципата перевѣсъ оказался на сторонѣ послѣднихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, у ременсъ исчезла послѣдняя надежда на осуществленіе выкупной операціи и на освобожденіе ихъ мирнымъ путемъ, при королевскомъ посредничествѣ.

Когда нѣкоторые крестьяне прекратили сборъ платежей, установленныхъ по мірской разверсткѣ[1]), и королева Хуана Энрикесъ издала 19-го декабря 1461 года декретъ, которымъ предписывала своимъ агентамъ въ Руссильонѣ, Серданьѣ, Херонѣ, Безалю, Кампродонѣ и Викѣ принуждать такихъ крестьянъ къ платежу причитавшихся съ нихъ суммъ[2]), она, можетъ быть, еще не была знакома съ измѣнившимся настроеніемъ крестьянъ и не предвидѣла, что примѣру первыхъ послѣдуютъ остальные и скоро вовсе прекратятъ какіе бы то ни было платежи, не только выкупные, но и текущіе. И въ самомъ дѣлѣ: въ началѣ слѣдующаго года въ Барселонѣ получены были первыя извѣстія о томъ, что ременсы отказываются нести въ пользу сеньоровъ обычныя повинности, лежавшія на ихъ мансахъ.

Въ виду жалобъ сеньоровъ на неповиновеніе крестьянъ, члены депутаціи 1-го февраля обратились къ королевѣ, какъ главѣ исполнительной власти, съ предложеніемъ принять мѣры къ тому, чтобы крестьяне не уклонялись отъ своихъ обязанностей по отношенію къ сеньорамъ[3]). Королева исполнила ихъ просьбу и издала 14-го февраля декретъ, въ которомъ, обращаясь къ крестьянамъ, выставила на видъ, что нѣтъ ни одного королевскаго распоряженія, которое освобождало бы ихъ отъ несенія земельныхъ повинностей и оброковъ въ пользу сеньоровъ, и, подъ угрозой наказанія, предпи-

---

[1]) Expositione ... humiliter pro parte rusticorum et aliorum hominum vulgo nomjnatorum de redimencia sive malorum usuum Magestati nostre facta percepimus, quod, pro necessitate, utilitate et conservatione litis et totius negotii dictarum redemptionum et pro instrumentis, litigiis et expensis dicti negotii, dicti rustici et alij homjnes de redimentia seu eorum sindici, preheunte potestate et licencia eis concessa per serenissimum dominum Regem Alfonsum memorie inmortalis, dictam talliam duorum solidorum per foch inter eos ultjmo imposuerunt, et aliqui ex ipsis solvere recusarunt... A. C. A. Reg 3498, f. 87.

[2]) Ibidem.

[3]) Doc. ined., XVIII, 365—366.

сывала крестьянамъ исправно отбывать эти повинности, согласно обычаямъ и конституціи Каталоніи [1]).

Между тѣмъ извѣстія, приходившія въ Барселону изъ сѣверной Каталоніи, становились все тревожнѣе. Учрежденная для охраны сеньоріальныхъ интересовъ и засѣдавшая въ Херонѣ комиссія изъ 16 членовъ, по восьми представителей отъ духовенства и дворянства, обратилась къ депутаціи съ донесеніемъ отъ 13 февраля о томъ, что требованія уплаты оброковъ и цензовъ, предъявленныя крестьянамъ, способствуютъ смутамъ и что „страна можетъ прійти въ полный упадокъ, если за нее не вступится святое провидѣніе“ [2]). Такое же извѣстіе получено было 15 февраля и отъ гласнаго херонскаго муниципальнаго совѣта Франсиско Резета [3]). На требованіе сеньоровъ или ихъ уполномоченныхъ платить оброки и цензы за владѣніе мансами крестьяне отвѣчали угрозами и, предвидя возможность борьбы, дѣлали различныя приготовленія, о которыхъ депутацію извѣщалъ отъ 15 февраля Мартынъ де Круиллесъ. По его словамъ, они ежедневно собирались на сходки, на которыхъ обсуждали свои дѣла, рѣшали вопросы о вооруженіи и избирали себѣ вождей [4]).

Крестьяне принимали все болѣе угрожающее положеніе по отношенію къ сеньорамъ. Первыя насильственныя дѣйствія имѣли мѣсто противъ Джильберта де Круиллесъ, сеньора де Переталлада: бунтовщики заставили его освободить двухъ крестьянъ, которыхъ онъ держалъ въ заключеніи. Интересно, что, вооружаясь противъ сеньоровъ, крестьяне заявляли, что дѣйствуютъ такъ, согласно волѣ короля (ço es de voluntat del Senyor Rey fer tals actes [5]). Въ началѣ марта въ гористыхъ частяхъ Ампурдана стали показываться вооруженные крестьянскіе отряды (cuadrillas), въ сто, двѣсти и даже пятьсотъ человѣкъ, подъ начальствомъ избранныхъ вождей. Въ разнообразномъ вооруженіи, при звукахъ трубъ и барабановъ, они угрожали смертью всѣмъ сеньорамъ, которые осмѣливались бы требовать отъ нихъ пла-

[1]) ... sic enim ex regii nostrique sacri consilii deliberatione providendum fore decernimus pro iustitie debito ac observatione usaticorum Barchinone constitutionumque Cathalonie generalium quibus in aliquo derogari seu preiudicari nolumus... A. C. A. Reg. 3499, f.° 64

[2]) „Si la clemencia divina noy proveix es metre tota aquesta terra a gran perdicio“. Monsalvatge, I, 208.

[3]) Coroleu, 331.

[4]) Doc. ined., XVIII, 392—293.

[5]) Coroleu, 3. l.

тежа какихъ бы то ни было цензовъ и оброковъ. Аббаты монастырей, прелаты, сеньоры замковъ, жители городовъ—всѣ, кто имѣлъ какія бы то ни было права надъ ними, должны были трепетать передъ приближавшейся грозой народнаго возстанія [1]).

Смѣлость возставшихъ росла по мѣрѣ того, какъ увеличивались ряды ихъ новыми приверженцами, а мѣстности, остававшіяся дотолѣ спокойными, заражались духомъ возстанія. Толпы вооруженныхъ крестьянъ приближались къ г. Безалю, которымъ хотѣли завладѣть, въ виду его важнаго стратегическаго значенія. „При помощи г. Безалю, говорили они, и четырехъ замковъ, расположенныхъ по сосѣдству, всѣ силы Каталоніи, соединившись противъ насъ, не въ состояніи будутъ преодолѣть наше могущество“ [2]). По требованію бунтовщиковъ, мѣстный вегье принужденъ былъ выдать имъ одного крестьянина, содержавшагося въ общественной тюрьмѣ [3]). Неподготовленный къ оборонѣ городъ подвергся 8-го марта осадѣ. Вегье и гласные г. Безалю настойчиво требовали помощи у гласныхъ Хероны и Барселоны. Вегье Безалю заявилъ, кромѣ того, членамъ депутаціи, что, не будучи въ состояніи справиться съ возстаніемъ, онъ намѣренъ просить королеву назначить въ Безалю такое должностное лицо, которое облечено было бы большей властью, чѣмъ та, какою обладаетъ онъ, для усмиренія возставшихъ, такъ какъ дерзость крестьянъ все болѣе растетъ [4]). „Если, писали гласные г. Безалю членамъ депутаціи, королева не приметъ спасительныхъ мѣръ, вся страна будетъ потеряна“ [5]). Гласные Хероны не могли помочь жителямъ Безалю, такъ какъ сами окружены были опасностями, но увѣдомили королеву о критическомъ положеніи г. Безалю, „осажденнаго ременсами и лишеннаго необходимаго оружія и достаточнаго количества людей“, о твердомъ намѣреніи ременсъ овладѣть городомъ и сосѣдними замками [6]). Но завладѣть

[1]) Doc. ined., XVIII, 414.

[2]) Monsalvatge, I, 211—212.

[3]) Doc. ined., XVIII, 414.

[4]) Ibidem.

[5]) Monsalvatge, I, 211—212. Si la senyora Reyna noy fa qualque provisio saludable e aquesta terra es perduta.

[6]) ... los pagesos de remença son aqui ajustats... e tenen situada la dita vila, la qual se troba molt mal fornida darmes e de gents.. en tot cas dien volen entrar en la dita vila, e encara se diu han sabud los dits jurats de la dita vila que los dits homens han delliberat haver la dita vila a lur ma e encara quatre castells circumvehins.=Письмо гласныхъ Хероны къ королевѣ отъ 9 марта. A. M. G. Manual de acuerdos, 1462—1464, f.° 43.

городомъ, окруженнымъ крѣпкими стѣнами, имъ не удалось. Къ тому же они испытывали недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Чтобы добыть ихъ, они отступили отъ Безалю и произвели нападеніе на замокъ Кастельфоллитъ.

Ворвавшись въ селеніе, они разыскивали тамъ съѣстные припасы; замокъ, въ которомъ находилась владѣтельница бурга, вдова Бернардо де Круиллесъ, Беатриса, подвергся нападенію; сеньора послала гонца къ субвегье Безалю за помощью. Тотъ явился на зовъ съ вооруженной силой, но нашелъ ворота закрытыми; именемъ короля онъ потребовалъ отворить ихъ, но крестьяне, замкнувшись извнутри, отвѣчали, что никого не впустятъ. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ вегье все-таки вошелъ въ бургъ. Нѣсколько сотенъ крестьянъ, вооруженныхъ арбалетами и щитами, расположившись у стѣнъ замка, вокругъ костровъ, заявили, что дѣйствуютъ согласно волѣ короля, какъ его уполномоченные.

Вскорѣ они оставили бургъ, не причинивъ его обитателямъ большого вреда, и снова подступили къ Безалю, на разстояніи выстрѣла изъ лука. Общее число инсургентовъ, находившихся у стѣнъ города, точно неизвѣстно. Въ письмѣ гласныхъ Безалю къ гласнымъ Хероны отъ 10-го марта говорилось, что ихъ было до 350. По словамъ же самихъ крестьянъ, ихъ собралось тамъ до 600 человѣкъ. При звукахъ трубъ, свирѣлей и барабанномъ боѣ, они приблизились къ стѣнамъ города, потрясая своими копьями. Своимъ грознымъ видомъ они думали устрашить жителей города и заставить ихъ сдать городъ безъ сопротивленія. Но, какъ ни опасно было положеніе осажденныхъ, они рѣшили защищаться. Тогда нѣсколько крестьянъ, отдѣлившись отъ товарищей, убѣдили стражу впустить ихъ въ городъ для закупки провіанта. Уплативши деньгами за полученные припасы, они 12-го марта вернулись благополучно къ товарищамъ. Съ наступленіемъ ночи инсургенты стали расходиться, говоря, что идутъ на Баньоласъ. Гласные Безалю, считая это отступленіе простой уловкой и опасаясь возобновленія осады, отправили гонцовъ въ Барселону и Херону съ просьбой о немедленной помощи. Опасенія ихъ оправдались: на слѣдующее утро они увидѣли себя окруженными новыми толпами крестьянъ, общее число которыхъ доходило уже до 700 [1])...

[1]) **Doc. ined., XVIII, 421—422, 431. Monsalvatge, I, 294—296; Doc. ined., XVIII, 417—418, 431—432; Муницип. совѣтъ г. Хероны въ своихъ донесеніяхъ королевѣ и членамъ депутаціи, констатируя относительную умѣренность въ дѣйствіяхъ**

Изъ Ампурдана возстаніе быстро распространилось въ сосѣднія области сѣверной Каталоніи. Кромѣ Безалю, инсургенты угрожали гг. Санта-Пау, Олоту, Кампродону, монастырямъ С. Хуанъ де ласъ Абадесасъ и Риполлю [1]).

Съ каждымъ днемъ положеніе дѣлъ становилось все болѣе серьезнымъ. Члены депутаціи и муниципальнаго совѣта Барселоны, наконецъ, пришли къ заключенію, что для подавленія возстанія необходимо прибѣгнуть къ помощи вооруженной силы. Но противъ этого рѣшенія королева протестовала, заявивъ, что сама можетъ справиться съ возстаніемъ при помощи мирныхъ средствъ [2]). Во всякомъ случаѣ она требовала отъ депутаціи отсрочки высылки войска противъ ременсъ и заявила о своемъ намѣреніи немедленно отправиться въ Ампурданъ для ихъ усмиренія [3]). Не отказываясь отъ рѣшенія прибѣгнуть къ военной силѣ, депутація просила королеву постараться мирными средствами успокоить страну [4]). Гласнымъ г. Безалю отправлено было письмо съ обѣщаніемъ скорой помощи [5]). Въ ту же ночь королева выѣхала изъ Барселоны. Предупреждая гласныхъ Хероны и Безалю о скоромъ прибытіи, она сообщала имъ, что желаетъ лично ознакомиться на мѣстѣ съ положеніемъ дѣлъ, произвести тамъ судъ и расправу, и просила во всемъ давать вѣру словамъ херонскаго вегье [6]). Гласныхъ же г. Бе-

---

инсургентовъ, собравшихся у г. Безалю (alguna moderacio de la dita congregacio), настаиваетъ, однако, на необходимости энергичныхъ мѣропріятій для предотвращенія возможныхъ въ будущемъ несчастій (sia prouehit en tal manera que nostre senyor Deu ne sia loat e aquesta patria sia guardada de sin'stres) A. M. G. Man. de Ac.=1462—1464, f.° 44.

[1]) Monsalvatge, I, 215. 11 марта депутатъ г. Санта-Пау, Балтасаръ Саула, проситъ гласныхъ Хероны немедленно прислать помощь противъ крестьянъ, осадившихъ С.-Пау. A. M. G.=Man. de Ac.=1462—1464, f.° 44.

[2]) Doc. ined., XVIII, 417.

[3]) Сурита (IV, f.° 112), описывая событія 1462 и послѣдующихъ годовъ, выставляетъ политику королевы въ болѣе привлекательномъ свѣтѣ, чѣмъ то было на самомъ дѣлѣ. Отъѣздъ ея въ Херону онъ объясняетъ желаніемъ умиротворить крестьянъ, послѣ того какъ она узнала, что лица, которымъ поручено было успокоить ихъ, сами подстрекали крестьянъ къ возстанію.

[4]) Doc. ined., XVIII, 423—426.

[5]) ...nosaltres ensemps ab los deputats de Catalunya entenem e entendrem en tots coses que sien benefici e repos de aqueixa vila e deles altres del dit principat. A. M. B. Letres closes. 1460—1462.

[6]) Aquests passats dies per constituhir en orde e repos aqueixa terra... haviem deliberat anar en aqueixes parts personalment, e estant prop la partida, per certa suplicacio quens fonch feta per alguns de aquesta ciutat, que aturassem aci, e alguns

залю королева убѣждала не впускать въ городъ крестьянъ и оказывать имъ всяческое сопротивленіе, пока сама не явится туда [1]). Какъ оказалось потомъ, подобнаго рода заявленія и распоряженія имѣли цѣлью скрыть сущность и истинный характеръ ея намѣреній. Она желала лишь усыпить вниманіе членовъ депутаціи и муниципальнаго совѣта Барселоны и дать время крестьянскому движенію развиться до такой степени, чтобы вмѣшательство короля въ дѣла страны сдѣлалось неизбѣжнымъ. Приказы и письма, адресованные королевой отдѣльнымъ лицамъ и учрежденіямъ и показывавшіе, что она желала усмирить и наказать участниковъ возстанія, на самомъ дѣлѣ только маскировали истинный смыслъ ея поведенія и стремленій. Когда же депутація пришла къ рѣшенію выставить противъ инсургентовъ войско, королева сообразила, что возстаніе быстро можетъ быть подавлено, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уничтожена возможность вмѣшательства короля во внутреннія дѣла принципата. Оставляя Барселону и отправляясь въ Ампурданъ, мѣстность, служившую главнымъ очагомъ возстанія, подъ предлогомъ подавленія его, она, на самомъ дѣлѣ, имѣла въ виду замедлить рѣшенную депутаціей высылку войска и овладѣть движеніемъ въ свою пользу. „Тогда, говоритъ Сурита, по внушенію короля, находившагося въ Туделѣ, королева стала покровительствовать вассаламъ духовныхъ и свѣтскихъ сеньоровъ, т. наз. ременсамъ“ [2]).

Не прошло еще и пяти дней со времени отъѣзда королевы, какъ она уже писала членамъ депутаціи успокоительныя письма, увѣряя, что крестьяне будутъ усмирены въ самое короткое время [3]). Въ письмахъ отъ 18 марта, адресованныхъ членамъ депутаціи и муниципальнаго совѣта Барселоны, она сообщала имъ о стеченіи ин-

---

altres coses que occurregueren, ha convengut, que siam restada, fins ara que havem deliberat exeguir nostra deliberacio e anar en aqueixes parts per entendre en les dites coses e administrar la justicia ab tota equitat e labor de nostre senyor Deu etc. axi com pus extensament vos sera dit per lo veguer de Gerona, al qual en tot ço que de part nostra vos dira poreu dar tanta fe e crehença com a nostra propia persona. A. M. G. Privil. y cartas reals=1462. (Письмо отъ 11 марта).

[1]) Noresmenys scriuim als jurats de Besalu que per via alguna no permeten intrar algu dels pagesos en la dita vila ... avant nos siam ab ells. ib.

[2]) Entonces, por orden del Rey, que estaua en Tudela començo la Reyna a dar fauor a los vassallos de los señores ecclesiasticos y seglares que llamauan de Remença. Zurita, IV, 107, V-to.

[3]) Doc. ined., XVIII, 439.

сургентовъ у замка Санта Пау, о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ ею для разсѣянія ихъ, и объ успѣшномъ результатѣ этихъ распоряженій [1]). Такія же успокоительныя извѣстія объ успѣшномъ образѣ дѣйствій королевы доставлены были въ Барселону и гласными г. Хероны [2]). Депутацію увѣряли, что синдики крестьянъ обѣщали быть спокойными, что инсургенты мало по малу отказываются отъ участія въ мятежѣ и что нѣтъ больше нужды прибѣгать къ вооруженной силѣ, такъ какъ возстаніе прекращается, благодаря мѣрамъ и вліянію королевы. Но члены депутаціи и муниципальнаго совѣта не вполнѣ довѣряли этимъ извѣстіямъ и 19 марта обратились съ циркулярнымъ посланіемъ къ главнымъ городамъ принципата, церковнымъ капитуламъ, аббатствамъ и феодальнымъ сеньорамъ съ цѣлью освѣдомить ихъ о положеніи дѣлъ и подготовить ихъ къ приближавшейся борьбѣ. „Крестьяне, говорилось въ этомъ посланіи, мало того, что отказались платить какія бы то ни было повинности сеньорамъ, еще подняли возстаніе и совершаютъ всякія беззаконія, не обращая никакого вниманія на королевскія распоряженія. Для успокоенія страны королева съ инфантомъ выѣхала въ Херону, но, несмотря на это, волненія продолжаются, и инсургенты въ огромномъ числѣ пытаются завладѣть Санта-Пау; въ виду этого депутація и муниципальный совѣтъ рѣшили выставить противъ нихъ пѣшее и конное войско, чтобы придать силу королевскимъ указамъ и охранить права сеньоровъ, и просятъ всѣ города и сословія прекратить свои счеты и споры, соединиться въ одно для умиротворенія страны и избрать изъ своей среды депутатовъ, которые явились бы въ Барселону и тамъ приняли бы участіе въ обсужденіи мѣръ, необходимыхъ для водворенія порядка“ [3]). Одновременно съ этимъ отправлено было письмо и къ королевѣ, гдѣ мотивами военныхъ приготовленій депутаціи выставлялись „интересы общаго блага и королевскаго дома“ [4]). Кромѣ того, избранъ былъ посломъ къ королевѣ тортосскій синдикъ Пере Севертесъ, которому поручено было словесно сообщить ей то же самое, увѣрить ее въ необходимости прибѣгнуть къ военной силѣ и просить ее, съ своей стороны, спо-

---

[1]) Ibidem, 459—460; A. M. B. = Cartas reals originals=1455—1462, f.° 271.

[2]) Doc. ined., XVIII, 460—461; 471—472

[3]) Doc. ined., XVIII, 466—468; A. M. B.=Lletres closes=1461—1462: e porque aquests affers son ardus e de gran importancia vos pregam affectuosament que us placia decontinent trametre vostre sindich que en nom de aqueixa ciutat assisteixa aci ensemps ab los altres de les altres universitats ab nosaltres.

[4]) Doc. ined., XVIII, 461—463.

собствовать умиротворенію страны. Этому же послу поручено было войти въ сношеніе съ членами херонской комиссіи XVI, съ гласными Хероны и другими лицами для ближайшаго ознакомленія съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ и собранныя ими свѣдѣнія сообщить депутаціи [1]). Королева и ея послы продолжали настаивать на своемъ, утверждая, что крестьяне уже приведены ею къ порядку и повиновенію, что прибывшіе въ Херону синдики крестьянъ обѣщали королевѣ полную покорность, что, по приказанію ея, арестованы главные виновники возстанія [2]). Вслѣдъ затѣмъ подобныя же увѣдомленія были получены отъ херонской комиссіи XVI (20 марта [3]), отъ гласныхъ Хероны и отъ Хаиме Феррера, восхвалявшихъ успѣшность королевскихъ мѣропріятій [4]). Хаиме Ферреръ при этомъ прибавлялъ, что въ Херону собрались синдики изъ Барселонскаго, Херонскаго и Викскаго епископствъ, люди благонадежные, могущіе способствовать водворенію въ странѣ порядка [5]). Но въ то же время въ Барселонѣ получались извѣстія и иного свойства, заставлявшія усомниться въ истинности первыхъ. Такъ, 23-го марта было получено письмо отъ капитула Викскаго собора, съ выраженіемъ удовольствія по поводу военныхъ приготовленій въ Барселонѣ. „Дерзость крестьянъ, говорилось въ этомъ письмѣ, настолько велика, что они открыто на городской площади угрожаютъ разрушить дома канониковъ и сакристію собора, гдѣ хранятся драгоцѣнности собора и вклады частныхъ лицъ". Въ виду такихъ угрозъ капитулъ просилъ городскія власти поставить стражу у церкви и домовъ канониковъ [6]). Мѣстные крестьяне, жаловались каноники въ началѣ апрѣля, слѣдуютъ примѣру ампурданскихъ и говорятъ: „мы будемъ платить ударами копій всякому, кто потребуетъ у насъ чинша" [7]). Вскорѣ подобнаго же рода донесенія получены были и изъ Хероны. 8 апрѣля комиссія XVI сообщила слѣдующее: „Мы были обнадежены королевой и расчитывали, что казни нѣкоторыхъ лицъ, произведенныя по ея приказанію, и другія хорошія мѣропріятія ея

---

[1]) Ibidem, 464–465.
[2]) Ibidem, 469—471.
[3]) Ibidem, 473—475
[4]) Ibidem, 476—479.
[5]) A. M. B., Cartas Com. Orig. 1462, f. 38.
[6]) Doc. ined., XVIII; 488—489
[7]) ...comprenent animo dels de Empurda e exempli dihen: no pagaran sino lançadas a tothom quils demanara censes, e aço per la maior part entant que ja no gosam demanar nostres rendas. A. M. B. Cartas Com. Orig. 1462, f.° 42.

по крестьянскому дѣлу въ состояніи будутъ успокоить и васъ, и насъ; но на дѣлѣ оказывается, что безчинства и злодѣйства крестьянъ настолько велики, что нельзя и думать о спокойствіи, ибо они не повинуются приказанію королевы платить чинши и повинности сеньорамъ, возстаютъ противъ нихъ и ихъ повѣренныхъ" [1]. Четыре дня спустя представители херонскаго духовенства особо увѣдомили депутацію объ усиленіи возстанія [2]. Подъ вліяніемъ этихъ сообщеній депутація, назначивъ комиссію изъ 9 лицъ для организаціи войска, въ началѣ апрѣля приступила къ военнымъ приготовленіямъ, противъ чего королева по-прежнему протестовала, указывая не только на нецѣлесообразность, но и на незаконность такого рѣшенія, ибо, по ея словамъ, созывать войско имѣлъ право одинъ только король [3]. Надѣясь еще удержать депутацію отъ рѣшительнаго шага, она 31 марта предписала крестьянамъ исправно отбывать повинности сеньорамъ, подъ угрозой строгихъ наказаній [4]. Между тѣмъ какъ наружно, въ угоду депутаціи, Хуана Энрикесъ преслѣдовала зачинщиковъ возстанія и нѣкоторыхъ изъ нихъ даже предала казни, черезъ своихъ тайныхъ агентовъ она подстрекала крестьянъ къ возстанію. Такая неискренность поведенія не могла ускользнуть отъ ихъ вниманія и глубоко ихъ возмущала. Вотъ, напримѣръ, что писалъ викскому епископу отъ 23 апрѣля одинъ изъ его корреспондентовъ объ отношеніяхъ крестьянъ къ королевѣ. „На-дняхъ нѣкій дворянинъ, по имени Монтредонъ, сынъ Коломера, возвращался съ пирушки домой. На него напала толпа крестьянъ, подъ начальствомъ Баса, рѣшившихъ убивать всѣхъ дворянъ, которые попадутся имъ навстрѣчу. Когда Монтредону сообщили о грозившей ему участи, онъ сталъ умолять ихъ о пощадѣ, увѣряя, что никогда не причинялъ имъ никакого зла. Его пощадили и даже вступили съ нимъ въ пріятельскую бесѣду, причемъ сообщили, что королева начинаетъ имъ надоѣдать (quod domina regina incipiebat eos molestare) и что они намѣрены напоить ее водою изъ рѣки Тера. Когда же Монтредонъ замѣтилъ, что лучше было бы предложить ей воды пополамъ съ виномъ, то ему отвѣтили, что дадутъ королевѣ пить столько воды, что она покроетъ ее всю, съ головой, и что если и король будетъ противиться ихъ желаніямъ, то они обра-

[1] Doc. ined., XIX, 41—42.
[2] Ibidem, XIX, 47—49.
[3] Ibidem, XIX, 426—428.
[4] A. C. A., Reg. 3499, f.° 102.

тятся за помощью къ Франціи“ [1]). Изъ этого видно, что крестьяне, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, уже стали понимать игру королевской политики, въ которой служили не болѣе, какъ орудіемъ для достиженія своекорыстныхъ цѣлей.

Между тѣмъ какъ депутація теряла время въ безплодныхъ переговорахъ съ королевой, возстаніе охватывало новые районы. Крестьяне волновались уже не только въ Херонскомъ и Викскомъ епископствахъ, но и въ Руссильонѣ, въ окрестностяхъ г. Перпиньяна [2]).

Вначалѣ возстаніе чуждо было какихъ либо политическихъ задачъ и проявлялось въ вооруженныхъ столкновеніяхъ крестьянъ съ сеньорами, которымъ они отказывались платить не только тѣ повинности, что вытекали изъ „дурныхъ обычаевъ“, но и обычные земельные налоги и подати, какъ цензы, таски, десятины и т. д. [3]). Число возставшихъ съ каждымъ днемъ возрастало, такъ какъ въ ряды ихъ становились даже и тѣ крестьяне, которые не были подчинены дѣйствію „дурныхъ обычаевъ“, но имѣли другія основанія для того, чтобы быть недовольными своимъ положеніемъ. Не было недостатка и въ подстрекателяхъ къ возстанію, распространявшихъ слухъ, что папа выразилъ желаніе, чтобы крестьяне были свободны отъ несенія феодальныхъ повинностей и платежа цензовъ, въ доказательство чего ссылались на письмо, будто бы написанное самимъ папой [4]). Къ движенію примкнули и лично свободные крестьяне, обязанные платить сеньорамъ за свои земельные участки опредѣленные цензы и выполнять различныя повинности, и малоземельные крестьяне, и поденщики, и батраки, и весь земледѣльческій пролетаріатъ... „Адамъ, говорили они, умеръ, не оставивъ завѣщанія; слѣдовательно, земля должна быть раздѣлена на равные участки между всѣми людьми—его дѣтьми, такъ какъ несправедливо, чтобы одни владѣли ею, а другіе оставались безъ земли“ [5]). Та-

[1]) Doc. ined., XIX, 62—63.

[2]) Ibidem, XIX, 35—38.

[3]) ... non contenti quod talem obtulissent petitionem coram serenissima Regina Maria... petendo se maxime absolvi a quinque abusibus ut verbis eorum utamur, adhuc petebant se exhimi a solutione thascarum et aliorum jurium eclesiasticorum. Los Reys de Aragó y la seu de Girona desde l'any 1462 fins al 1482. Collecció de actes capitulars escritas per lo doctor Andreu Alfonsello, vicari general de Girona, publicados y anotadas per D. Fidel Fita y Colomé (2-a ed. Barcelona, 1873), ser. I, p. 3 (Resolutiones capituli Cathedralis Gerundensis).

[4]) Doc. ined., XIX, 238, 162.

[5]) N. Roca, Una cuestion social de la antigua Cataluña. La publicidad, 1883 (Barcelona). Ср. Pella y Forgas, 661.

кимъ образомъ, возстаніе вначалѣ преслѣдовало соціальныя задачи, но потомъ, какъ увидимъ, характеръ его измѣнился.

Вооруженныя толпы крестьянъ то скрывались въ лѣсахъ и горахъ, то собирались, при звукахъ рожковъ, въ условленномъ мѣстѣ. Кто изъ поселянъ еще не рѣшался примкнуть къ возстанію, тѣхъ принуждали къ этому угрозами. Особенно велико было стеченіе крестьянъ въ началѣ апрѣля въ окрестностяхъ С. Пау. Занявъ всѣ дороги, которыя вели къ этому бургу, они напали на нѣсколькихъ херонскихъ обывателей, направлявшихся въ С. Пау, и захватили трехъ изъ нихъ, именно отца съ двумя сыновьями, съ цѣлью добиться при ихъ посредствѣ освобожденія изъ херонской тюрьмы одного крестьянина, по имени Бака, арестованнаго за участіе въ нападеніи на С. Пау. Отцу было приказано вернуться въ Херону и въ тотъ же день выхлопотать у королевы освобожденія Бака, угрожая въ противномъ случаѣ смертью его сыновей, оставленныхъ ими въ качествѣ заложниковъ. Затѣмъ они напали на пріора монастыря де Брея и его спутника, ѣхавшихъ въ Валь де Остольсъ, и, подъ страхомъ смерти, потребовали отъ нихъ приказа объ освобожденіи крестьянъ, содержавшихся въ монастырской тюрьмѣ, что и было немедленно исполнено пріоромъ, тутъ же написавшимъ своему родственнику Энъ-Балосу письмо съ распоряженіемъ освободить плѣнниковъ. Смѣлость инсургентовъ росла. 2-го апрѣля они, въ числѣ 150 человѣкъ, внезапно подступили къ г. Олоту и добились отъ мѣстнаго субъ-вегье выдачи имъ охранныхъ грамотъ (guiatges)[1]. Многихъ сеньоровъ, духовныхъ и свѣтскихъ, они держали у себя въ плѣну. Особенное безпокойство за свою участь испытывали херонскіе клирики, знавшіе, что имъ нечего ожидать пощады отъ крестьянъ, ненавидѣвшихъ ихъ за жестокое обращеніе[2]. Въ концѣ апрѣля ременсы въ числѣ 20 — 25 человѣкъ вторглись въ баронію Бестрака, напали на домъ барона Баруteля, заключившаго въ тюрьму одного изъ крестьянъ, освободили послѣдняго, а на мѣсто его посадили самого барона, надѣвши ему на шею цѣпь. Мало того: они ворвались въ спальню его жены и произвели тамъ полный разгромъ[3].

До сихъ поръ дѣйствія крестьянъ отличались безпорядочностью и отсутствіемъ опредѣленнаго плана, но когда они избрали себѣ вождя въ лицѣ Вернтальята, движеніе получило большее единство

[1]) Doc. ined., XIX, 42—44.
[2]) Ibidem, XIX, 48—49.
[3]) Ibidem, XIX, 106—107, 116.

и цѣлесообразность. Франсискъ де Верntальятъ, происходя изъ захудалаго дворянскаго рода, велъ крестьянскій образъ жизни и занимался земледѣліемъ. Отличаясь отвагой, честолюбіемъ и организаторскими способностями, онъ съумѣлъ внушить крестьянамъ довѣріе къ себѣ и стать во главѣ ихъ для борьбы съ сеньорами. Разрозненнымъ силамъ крестьянъ онъ далъ правильное устройство. Ставшіе подъ его знамена приносили ему присягу въ вѣрности и зачислялись въ роты (cinquantenes) и эскадроны (conestablies). Къ началу мая въ распоряженіи Верntальята находилось уже пѣшее и конное войско изъ 3000 крестьянъ. Средства для содержанія такого войска давали сами крестьяне. Вернтальятъ установилъ для этой цѣли налогъ по два флорина (по другому источнику — 18 солидовъ) съ каждаго крестьянскаго двора, предоставивъ бѣднѣйшимъ право платить, сколько кто можетъ; раньше система обложенія и набора была иная: одинъ изъ каждыхъ трехъ крестьянъ долженъ былъ поступать въ войско, а прочіе двое обязаны были содержать его. Однимъ изъ сотрудниковъ Вернтальята въ дѣлѣ установленія однообразнаго обложенія крестьянскихъ дворовъ былъ викскій нотаріусъ Серроли: онъ объѣзжалъ всѣ приходы, гдѣ были ременсы, и убѣждалъ ихъ согласиться на участіе въ платежахъ. Вернтальята постоянно окружала свита изъ 50 человѣкъ, съ которыми онъ переходилъ съ одного мѣста въ другое. Остальные же отряды, подъ командою отдѣльныхъ начальниковъ, должны были сходиться въ опредѣленномъ мѣстѣ по условному знаку [1]. Серроли былъ правой рукой Вернтальята: онъ дѣятельно агитировалъ среди крестьянъ, увѣряя ихъ въ томъ, что они не добьются успѣха въ своемъ дѣлѣ, пока въ Каталонію не прибудетъ король, что только отъ него они должны ожидать помощи, такъ какъ ему, Серроли, хорошо извѣстно его расположеніе къ крестьянамъ [2].

Создавъ военную организацію для возставшихъ крестьянъ, подчинивъ ихъ строгой дисциплинѣ, Вернтальятъ могъ приступить теперь къ выполненію своей программы, которая заключалась въ томъ, чтобы обезпечить королю безпрепятственное вступленіе въ Каталонію изъ Арагона. Для осуществленія этой задачи необходимо было завладѣть важнѣйшими стратегическими пунктами, через которые долженъ былъ слѣдовать король, именно гг. Балагеромъ, Безалю, Монкадой, С. Селони и Викомъ [3]. Такимъ образомъ, кресть-

---

[1]) Ibidem, XIX, 64, 115—117.

[2]) Ibidem, XIX, 64—65.

[3]) Ibidem, XIX, 116—117, 148, 152—153.

янскому движенію, начавшемуся, вслѣдствіе соціальныхъ причинъ, Вернтальятъ придаетъ политическій характеръ, соціальной революціей онъ пользуется для политическаго переворота. Дѣйствія инсургентовъ съ тѣхъ поръ получаютъ большую правильность и опредѣленность. Крестьянскіе отряды снова подступаютъ къ Безалю; не будучи въ состояніи силой овладѣть городомъ, осыпаютъ жителей бранью и насмѣшками съ цѣлью вызвать ихъ на бой, но безуспѣшно: миролюбивые горожане всячески избѣгаютъ столкновеній и терпѣливо ожидаютъ обѣщанной изъ Барселоны помощи. Въ началѣ мая городъ уже подвергся правильной осадѣ; крестьяне затрудняли подвозъ провіанта и сообщеніе съ другими городами. Такъ, 4 мая они отбили нѣсколько возовъ хлѣба и 400 барановъ, предназначавшихся для осажденныхъ [1]).

Не меньшую тревогу испытывали и жители г. Вика, когда 21 апрѣля, по случаю праздника Пасхи, въ городѣ появилось до 300 богомольцевъ, среди которыхъ было не мало подозрительныхъ лицъ, между прочимъ и Серроли [2]), и когда, затѣмъ, изъ окрестныхъ селеній стали приходить извѣстія о прибывающихъ отрядахъ вооруженныхъ крестьянъ. Одинъ изъ викскихъ канониковъ на исповѣди открылъ, что собравшіеся въ Луссанесъ крестьяне, въ числѣ 400, намѣреваются напасть на городъ и овладѣть имъ. Священники приходскихъ церквей доносили, что самъ Вернтальятъ готовится вторгнуться въ Аусону, соединиться съ мѣстными крестьянами и овладѣть городомъ. Затѣмъ пришло извѣстіе, что такая участь ожидаетъ и г. Монкаду, что Вернтальятъ грозитъ смертью тѣмъ, которые не пожелаютъ слѣдовать за нимъ. Подъ вліяніемъ такихъ слуховъ, жители Вика, запасшись артиллеріей и военными снарядами, стали дѣятельно готовиться къ оборонѣ [3]). Опасенія ихъ оказались не напрасными. Ночью 7-го мая инсургенты пытались ворваться въ городъ; но стража во время ударила въ набатъ; разбуженные шумомъ горожане сбѣжались съ оружіемъ въ рукахъ и отразили попытку непріятеля [4]). Наконецъ, 19-го мая на одномъ изъ холмовъ, возвышающихся надъ окрестностями Вика, выставлено было королевское знамя, которое окружили крестьяне, двинувшіеся затѣмъ въ епископскія владѣнія С. Ипполитъ и С. Эулалія и соеди-

---

[1]) Doc. ined., XIX, 101—102, 152—153; Monsalvatge, I, 300 - 302.

[2]) Ibidem, XIX, 57—58.

[3]) Doc. ined., XIX, 116—117, 148.

[4]) Francesch Carreras y Candi, Lo cabdill vigatá Bernat Guillem d'Altarriba (Jochs Florals de Barcelona, 1895) p. 269.

нившіеся по пути съ ременсами изъ Риполля и Рибаса, такъ что въ общемъ ихъ собралось до 200 человѣкъ [1]). Викскіе граждане чувствовали себя со всѣхъ сторонъ окруженными опасностями. Между тѣмъ отъ королевы прибыли гонцы съ требованіемъ присылки помощи противъ крестьянъ, угрожавшихъ Херонѣ. Конечно, вичане отказали королевѣ, ссылаясь на собственныя нужды обороны и на свои привилегіи, освобождавшія ихъ отъ военной повинности [2]). Королева обращалась и къ другимъ городамъ, и къ сосѣднимъ дворянамъ за помощью, желая стянуть въ Херону возможно больше силъ. Она хотѣла дать отпоръ, какъ потомъ обнаружилось, не крестьянамъ, а тѣмъ войскамъ, которыя были высланы Депутаціей противъ нихъ и которыя могли угрожать столько же крестьянамъ, сколько и ей самой. Съ другой стороны, стягивая вокругъ Хероны военные отряды, она надѣялась открыть королю безпрепятственный доступъ внутрь страны.

Около того же времени и окрестностямъ С. Селони угрожали инсургенты, численностью до 700, подъ начальствомъ Вернтальята и Кабреры [3]). 20-го апрѣля гласные Манресы писали въ Барселону, что вблизи ихъ города появились вооруженныя толпы крестьянъ, и выражали подозрѣніе, что мѣстный вегье заключилъ съ ними тайное соглашеніе, по которому обязался впустить ихъ въ городъ [4]). „Если немедленно не будутъ приняты мѣры предосторожности противъ крестьянъ, писалъ 1-го мая Пере Десплюгесъ изъ Манресы членамъ депутаціи, то вспыхнетъ пожаръ, который трудно будетъ потушить“. Далѣе онъ сообщалъ, что на постоялый дворъ, гдѣ онъ остановился, прибылъ отрядъ конныхъ и пѣшихъ крестьянъ, подъ начальствомъ нѣкоего Майоргеса, съ намѣреніемъ выступить въ путь на слѣдующее утро. „Они соблюдаютъ тайну о цѣли похода, но, вѣроятно, намѣрены итти навстрѣчу королю [5]).

Догадка Десплюгеса скоро подтвердилась. 16-го мая королева извѣщала изъ Хероны крестьянскаго синдика Луиса де Вилардано о томъ, что король долженъ на дняхъ выѣхать изъ Сарагоссы въ Каталонію, и просила синдика убѣдить викскихъ крестьянъ оказать помощь королю [6]).

---

[1]) Doc. ined., XIX, 329.
[2]) Carreras, 270—271.
[3]) Doc. ined., XIX, 223.
[4]) Ididem, XIX, 59.
[5]) Ibidem, XIX, 113—115; Carreras, 269.
[6]) Carreras, 272—274.

Съ своей стороны и Хуанъ II поддерживалъ дѣятельныя сношенія и велъ секретную переписку съ синдиками и вождями ременсъ [1]).

Но далеко не всѣ ременсы примкнули къ Вернтальяту. Уже въ началѣ возстанія среди нихъ произошелъ расколъ. „Война, говоритъ херонскій каноникъ Альфонселло, очевидецъ событій 1462 г.[2]), приняла бы еще болѣе серьезный характеръ, если бы, по Божьему соизволенію, ременсы, дѣйствовавшіе вначалѣ единодушно, не перестали потомъ понимать другъ друга, ибо Богъ чудеснымъ образомъ раздѣлилъ ихъ нечестивую рѣчь, и одна часть ихъ, притомъ меньшая, примкнула къ королю, а другая, большая, стала на сторону отечества или Барселоны“ [3]). Ременсы Ампурдана не послѣдовали призыву Вернтальята; онъ нашелъ себѣ приверженцевъ въ другихъ частяхъ сѣв. Каталоніи, главнымъ образомъ въ Montaña и Selva, гдѣ депутація объявила мятежными 1620 крестьянскихъ дворовъ [4]). Разъединеніе ременсъ было слѣдствіемъ, съ одной стороны, все болѣе возраставшаго среди нихъ недовѣрія къ королевской политикѣ, съ другой, успѣшныхъ переговоровъ съ ними членовъ депутаціи по вопросу объ отмѣнѣ „дурныхъ обычаевъ“.

Еще въ началѣ возстанія совмѣстное собраніе членовъ депутаціи и муниципальнаго совѣта Барселоны постановило избрать изъ своей среды комиссію изъ 10 членовъ (шесть отъ депутаціи и четыре отъ совѣта) для урегулированія извѣстнымъ образомъ отношеній между вассалами и сеньорами. Однако, дѣятельность этой комиссіи, оспаривавшей у королевы право на посредничество въ спорахъ между ними, не привела къ сколько-нибудь успѣшнымъ результатамъ. Когда же крестьяне пріобрѣли вождя въ лицѣ Вернтальята и представляли уже грозную силу, депутація приложила всѣ старанія къ тому, чтобы установить мирное соглашеніе между крестьянами и сеньорами, хотя бы для этого и пришлось ей принести матеріальныя жертвы. Тогда для разрѣшенія поднятыхъ ременсами вопросовъ образована была новая комиссія, въ составъ которой вошли три сословныхъ представителя: аббатъ де С. Бенито де Баджесъ—отъ духовенства, Арнольдъ де Виладемань—отъ дворянства и синдикъ Лериды—отъ горожанъ [5]). 2-го мая члены де-

[1]) Doc. ined., XX, 133, 134, 145.

[2]) ... ut visum fuerit nobis, qui occulis propriis vidimus principium rebellionis dictorum hominum de redimencia. Fita, Los reys de Aragó, I, 3.

[3]) Ibidem.

[4]) Pella y Forgas 679.

[5]) Coroleu, 331.

путаціи предписали барселонскому вегье выдать охранныя грамоты для двадцати крестьянскихъ синдиковъ изъ Аусоны, Валлеса и др. областей, чтобы дать имъ возможность безпрепятственно прибыть въ Барселону и вступить съ комиссіей по крестьянскимъ дѣламъ въ переговоры относительно условій соглашенія [1]). Такія же охранныя грамоты выданы были и двумъ вождямъременсъ, Серроли и Ферреру, несмотря на то, что за три дня передъ тѣмъ отданъ былъ приказъ объ ихъ арестѣ [2]). Явившись въ Барселону, синдики представили 15-го мая меморіалъ, въ которомъ изложили свои требованія. По предложенію викскаго епископа, разсмотрѣніе этого меморіала было поручено канонику Соплана и синдику г. Перпиньяна дворянину Бернату де Гимéра [3]). Установленію соглашенія при посредствѣ депутаціи энергически противодѣйствовали нѣкоторые синдики крестьянскіе, а особенно Серроли.

Ловкій и осторожный, Серроли не гнушался никакими средствами, чтобы разрушить планы депутаціи по примиренію сеньоровъ съ вассалами и дать перевѣсъ королевскому вліянію, но не потому, чтобы послѣднее лучше и полнѣе обезпечивало крестьянскіе интересы, а потому, что ожидалъ отъ короля милостей и наградъ за свое усердіе. Въ своей дѣятельности онъ руководствовался исключительно эгоистическими побужденіями и проявилъ въ ней много двуличія. Вліяніе, которымъ пользовался онъ, обусловливалось его опытностью, умомъ, демагогическими свойствами характера, а главное—глубокимъ знаніемъ условій крестьянскаго быта, являвшимся результатомъ продолжительной дѣятельности его, какъ викскаго нотаріуса, поставленнаго лицомъ къ лицу съ будничными и мелкими заботами, радостями и огорченіями крестьянской жизни. Серроли съ большою обязательностью предложилъ депутаціи свои услуги, какъ посредникъ въ переговорахъ съ крестьянами, но въ то же время поддерживалъ тайныя сношенія съ Хуаномъ II и извѣщалъ его о ходѣ переговоровъ крестьянскихъ синдиковъ съ депутаціей. Нѣсколько писемъ, адресованныхъ имъ королю и перехваченныхъ агентами депутаціи, даютъ возможности судить о характерѣ дѣятельности Серроли. Онъ извинялся, что замедлилъ явиться ко двору, объясняя свое отсутствіе необходимостью участвовать въ совѣщаніяхъ съ крестьянскими синдиками, изъ которыхъ нѣкоторые собирались выѣхать вмѣстѣ съ нимъ и которыхъ онъ

---

[1]) Doc. ined., XIX, 202.

[2]) Coroleu, 332.

[3]) Doc. ined., XIX, 349.

старался удержать отъ предложеннаго депутаціей соглашенія. „Находясь то въ Херонѣ, то на сходкахъ и собраніяхъ въ Викскомъ и Барселонскомъ епископствахъ, писалъ онъ, я всячески старался добиться хорошихъ результатовъ и рѣшилъ пока оставаться здѣсь, въ Херонѣ, такъ какъ синдики мѣстныхъ крестьянъ не соглашаются, чтобы я отправился безъ нихъ. Надѣюсь, что съ Божьей помощью они прибудутъ сюда дня черезъ три—четыре. Во время совѣщаній я ставилъ на видъ, что, хотя депутація и совѣтъ XXVII (барселонскихъ гласныхъ) готовы удовлетворить ходатайства ременсъ, они не должны принимать отъ нихъ ничего безъ посредничества короля, ибо ему одному принадлежитъ правосудіе, да, кромѣ того, ему должны они еще 64.000 флориновъ (36 т. флор. они уже уплатили Альфонсу IV). Крестьяне отвѣчали, что не хотятъ идти противъ воли Его Величества, а тѣ изъ нихъ, которые находятся теперь въ Барселонѣ для веденія переговоровъ, требуютъ моего тамъ присутствія и добудутъ для меня письменное разрѣшеніе на свободный въѣздъ, пребываніе и выѣздъ изъ этого города, такъ какъ я никому не довѣряю. Если увижу, что дѣла принимаютъ благопріятный оборотъ, то, заручившись необходимыми письмами, отправлюсь туда; въ противномъ случаѣ, поспѣшу соединиться съ выборными крестьянами Херонскаго епископства, а также—Викскаго и Барселонскаго, если они явятся, и съ ними отправлюсь къ Вашему Величеству, чтобы устно сообщить Вамъ обо всемъ, ибо не рѣшаюсь довѣриться перу“ [1]).

Но, несмотря на происки Серроли и другихъ противниковъ соглашенія при посредничествѣ депутаціи, многіе крестьяне рѣшили принять условія договора, выработанныя сообща крестьянскими синдиками и членами депутаціи, по вопросу о „дурныхъ обычаяхъ“, цензахъ и другихъ повинностяхъ. 22-го мая депутація обратилась съ циркулярнымъ предписаніемъ ко всѣмъ должностнымъ лицамъ Каталоніи, приглашая ихъ немедленно привести въ исполненіе условія этого договора, копіи котораго были разосланы повсюду (apuntaments e capitols de concordia dels quals vos trametem copia) [2]) 28-го мая депутація сообщила старшинамъ Рупіа, Пубель, Фоча, Сальра и другихъ селеній Херонской вегеріи о состоявшемся соглашеніи и требовала обнародованія его, чтобы къ нему могли примкнуть всѣ желающіе (a fi que si adheresquen tots aquells qui adherirse volran) [3]). Особенно успѣшной оказалась дѣятельность де-

[1]) Coroleu, 332—334.

[2]) Doc. ined., XIX, 333.

[3]) Ibidem, XIX, 403.

путаціи въ Викскомъ епископствѣ, гдѣ крестьяне дали наибольшее число подписей на составленный договоръ [1]).

Что касается королевы, зорко слѣдившей изъ Хероны за всѣми дѣйствіями депутаціи, то она всячески старалась помѣшать установленію соглашенія между крестьянами и сеньорами при посредствѣ депутаціи. Еще 16-го мая она выражала одному изъ синдиковъ викскихъ крестьянъ, Луису де Вилардонъ сожалѣніе по поводу того, что они, обращаясь къ посредничеству депутаціи для полученія свободы, уклоняются отъ вѣрнаго служенія королю и нарушаютъ принятыя по отношенію къ нему синдиками обязательства; она приглашала ихъ вернуться къ исполненію долга и помнить, что даровать имъ свободу можетъ одинъ лишь король [2]). Въ началѣ іюня, по ея порученію, въ Аусону явился ея альгвазилъ Кабрерасъ и арестовалъ двухъ крестьянъ, Мигуэля Сабертрана и Хуана Виларета, усердно агитировавшихъ среди мѣстнаго населенія въ пользу присоединенія къ договору, заключенному крестьянскими синдиками съ депутаціей. Одновременно съ этимъ и Серроли разсылалъ письма, въ которыхъ убѣждалъ крестьянскихъ синдиковъ не подписывать договора, заключеннаго лицами, не имѣвшими на то права, и потому недѣйствительнаго [3]). Когда Верентальяту предложили присоединиться къ соглашенію съ депутаціей, то онъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ, заявивъ, что считаетъ подобное соглашеніе измѣной королю [4]). И королева, и депутація старались, при посредствѣ своихъ агентовъ, привлечь на свою сторону крестьянъ, обѣщая имъ свободу на болѣе или менѣе льготныхъ условіяхъ, ссылаясь на свой авторитетъ и доказывая свое исключительное право на рѣшеніе крестьянскаго вопроса. Чтобы восторжествовать надъ королевой, депутація рѣшилась на чрезвычайную мѣру, объявивъ 9-го іюня всѣмъ синдикамъ, что въ интересахъ умиротворенія страны готова взять на себя уплату той суммы, какую должны крестьяне сеньорамъ за освобожденіе отъ наиболѣе тяжелыхъ феодальныхъ повинностей [5]).

„Стремясь привести къ доброму концу соглашеніе, говорилось въ посланіи къ синдикамъ, установленное при нашемъ посредствѣ между вами и вашими сеньорами, мы просимъ васъ подписаться подъ нимъ, если вы еще не дали своей подписи. Мы постановили,

[1]) Carreras, 272.

[2]) Ibidem, 272—273.

[3]) Doc. ined. XX, 94—95.

[4]) Ibidem, XXI, 379—380.

[5]) Doc. ined., XX, 109.

что вознагражденіе, слѣдуемое вашимъ сеньорамъ за личное освобожденіе (per les remençes personals) васъ, вашихъ дѣтей и вашего потомства, будетъ уплочено не вами, а принято на счетъ принципата (aquella preu a son carrech lo principat)“ [1]). Но и это не удовлетворило крестьянъ. Ихъ синдики не рѣшались подписать договора на томъ основаніи, что барселонское правительство имѣло въ виду выкупъ на общественный счетъ лишь одного права—личной ременсы, тогда какъ умалчивало объ остальныхъ. Но депутація готова была идти и на дальнѣйшія уступки, увѣряя крестьянъ, что, въ случаѣ присужденія сеньорамъ вознагражденія за отмѣну другихъ правъ, оно также будетъ произведено на общественный счетъ. „Барселона, говорилось въ новомъ посланіи отъ 18-го іюня къ крестьянамъ—мать, пекущаяся о вашихъ интересахъ и, какъ по опыту вы могли видѣть, въ случаѣ нужды приходящая вамъ на помощь и доставляющая вамъ хлѣбъ“. Въ виду этого крестьяне безъ колебаній должны принять договоръ. „Довѣрьтесь намъ, говорилось въ заключеніе, и будьте увѣрены, что если сеньоры откажутся подписать этотъ договоръ, мы съумѣемъ заставить ихъ дать свою подпись“ [2]). Благодаря такимъ уступкамъ, многіе изъ возставшихъ въ Аусонѣ подписали договоръ и перешли на сторону Барселонскаго правительства. Успѣхомъ этимъ оно не мало обязано было между прочимъ дѣятельности пріора де Кассересъ и его сотрудника, Роджера де Кампдадеу [3]). Но уступки, путемъ которыхъ депутаціи удалось привлечь крестьянъ къ принятію составленнаго ею договора, вызывали сильное раздраженіе со стороны дворянства оно находило условія договора разорительными для себя и негодовало на депутацію за то, что въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ установленіе соглашенія съ крестьянами, она дѣйствовала самостоятельно, не спрашивая ни мнѣнія, ни согласія заинтересованныхъ дворянъ. Редакція условій договора поручена была членами депутаціи еще въ засѣданіи 11-го мая юристу Джерарду Гвардіола, извѣстному своею преданностью крестьянскимъ интересамъ, противъ чего еще тогда протестовали нѣкоторые сеньоры. Несмотря на это, по всѣмъ округамъ Каталоніи разосланы были герольды, приглашавшіе сеньоровъ и синдиковъ крестьянъ обсу-

---

[1]) Ibidem, 109—110.

[2]) ... en res nous haturen e tota via fiats de nos e aiats per cert que si vostres senyors no volran fermar la dita capitulacio nosaltres donarem orde la fermaren. Ms. del Arch. de la parroquia de Malló.

[3]) ... lo fet de les fermes de les remences per part dels homens en Osona e totes les muntanyes han bon compliment. Doc. ined., XXI, 376.

дить условія договора [1]). Въ то же время, въ опроверженіе слуховъ, которые распространяли королевскіе агенты о томъ, что крестьяне, подписавши договоръ, должны будутъ уплатить 100,000 флориновъ, обѣщанныхъ Альфонсу за освобожденіе, члены депутаціи просили вліятельнаго среди крестьянъ аббата монастыря С. Педро де Кампродонъ поставить имъ на видъ слѣдующія соображенія: обязательство выплатить коронѣ 100.000 флориновъ было принято крестьянскимъ синдикатомъ; подписавши договоръ, крестьяне выходятъ изъ состава синдиката; слѣдовательно, и обязательства, связанныя съ принадлежностью ихъ къ синдикату, падаютъ сами собой. Выгоды же предложеннаго депутаціей договора заключаются, во 1-хъ, въ томъ, что онъ послужитъ основаніемъ для юридической охраны крестьянскихъ интересовъ отъ нарушенія ихъ сеньорами; во 2-хъ, въ томъ, что крестьяне освобождаются отъ дѣйствія дурныхъ обычаевъ законной властью и притомъ безъ матеріальныхъ жертвъ съ ихъ стороны, ибо расходы по выкупу производятся на счетъ принципата; съ другой стороны, отказываясь подписать договоръ, крестьяне должны будутъ выплатить остающійся за ними долгъ въ 100.000 флориновъ и, несмотря на это, останутся въ прежнемъ подневольномъ и беззащитномъ положеніи, такъ какъ корона, начавши дѣло объ освобожденіи крестьянъ отъ феодальныхъ повинностей, еще не дала своего окончательнаго приговора, на который могли бы опираться суды при рѣшеніи тяжбъ, могущихъ возникнуть между крестьянами и ихъ сеньорами. Въ заключеніе аббатъ долженъ былъ указать и на то, что, принявши договоръ, они поступаютъ подъ защиту принципата, который никоимъ образомъ не допуститъ дурного обращенія съ ними [2]).

Наконецъ, депутація преодолѣла послѣднее препятствіе для принятія договора въ лицѣ тѣхъ крестьянъ, которые опасались преслѣдованія со стороны правительства за участіе въ возстаніи подъ знаменемъ Вернтальята, поручивъ 2-го іюля графу Пальярскому объявить крестьянамъ всеобщую амнистію, если они согласятся подписать договоръ. Обѣщаніе полнаго забвенія совершенныхъ проступковъ и полной безопасности не распространялось только на тѣхъ крестьянъ, которые составляли свиту Вернтальята [3]). Затѣмъ, 17-го іюля графу Пальярскому дано было приказаніе исключить также

---

[1]) Coroleu, 332.

[2]) ... que lo principat tota hora los emparara als defendre e non permetra ells sien mal tractats en alguna manera. Monsalvatge, VI, 46-47 (2-го іюля).

[3]) Doc. ined., XXI, 179–181.

изъ амнистіи тѣхъ крестьянъ, которые участвовали въ нападеніи на Кастельфоллитъ и нанесеніи оскорбленія барону Беренгеру Барутелю и его семейству [1]).

Чтобы привести договоръ въ исполненіе, надо было заручиться возможно большимъ количествомъ подписей. Но херонское дворянство рѣшило протестовать. Уполномоченные имъ рыцари изъ Бисбаля, Хуанъ Микэль и Хофре Карріэра, адресовали 4 іюня въ Барселону на имя депутаціи посланіе, ярко рисующее настроеніе реакціоннаго дворянства Каталоніи въ это время. „До свѣдѣнія рыцарей (militars), говорилось въ этомъ посланіи, дошли нѣкоторыя условія договора, заключеннаго при вашемъ посредствѣ между ременсами и ихъ сеньорами. Еще раньше уполномочившее насъ мѣстное дворянство, подвергнувъ обсужденію этого рода вопросы, теперь насъ спрашиваетъ, знакомы ли мы съ договоромъ и участвовали ли въ его заключеніи, на что мы должны отвѣчать: нѣтъ. Насъ удивляетъ, какъ подобный договоръ могъ быть заключенъ безъ участія сеньоровъ этого (Херонскаго) епископства, гдѣ сосредоточена большая часть ременсъ и гдѣ сеньоры, вслѣдствіе этого, наиболѣе заинтересованы въ данномъ вопросѣ. И въ настоящее время здѣсь еще происходятъ волненія и бунты въ большей степени, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ другомъ мѣстѣ. Поэтому, мы просимъ васъ дать себѣ отчетъ въ томъ, какая власть дана вамъ, и вспомнить, что главная задача ваша состоитъ въ заботахъ о поддержаніи справедливости. Справедливость же требуетъ охраны правъ собственности, основанныхъ на давности и на письменныхъ контрактахъ (que en antigua possessio e en contractes e scrits consisten los drets dels temporals bens). Между тѣмъ ременсы оспариваютъ это и лишаютъ насъ нѣкоторыхъ принадлежащихъ намъ правъ, безъ нашего согласія, не заключая съ нами никакихъ сдѣлокъ. Это представляется намъ дѣломъ крайне несправедливымъ. Крестьяне утверждаютъ, что „дурные обычаи“, являясь для нихъ великимъ бременемъ, не представляютъ для сеньоровъ никакихъ выгодъ. Это совершенно ошибочно, ибо по вычисленію оказывается, что доходы отъ этихъ обычаевъ составляютъ третью часть стоимости манса, а это въ итогѣ образуетъ огромную сумму [2]). По смыслу заключеннаго договора выходитъ, что

---

[1]) Ibidem, XXI, 500.

[2]) ... car posat dits pagesos pretenguen aquests usos portar gran subjugacio a ells e quant negun util als senyors, els son stimats la terça part en la valor de les masades que en la propietat munta una grandissima summa.

сеньоры должны потерять половину постоянныхъ доходовъ, вытекающихъ изъ этихъ обычаевъ, ибо доходное право—ферма де сполн совершенно уничтожается, экзоркія почти уничтожается, а отъ интестіи удерживается только третья часть. Относительно другихъ пунктовъ договора, заключеннаго безъ согласія сеньоровъ, также можно сказать, что они клонятся къ ущербу ихъ интересовъ. Между тѣмъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія оказывать милости крестьянамъ, тѣмъ болѣе, что они коварнымъ образомъ устроили синдикатъ, желая при его посредствѣ скупить наши земли, и для этой же цѣли поддѣлали одно распоряженіе короля Альфонса, другими словами—они воровски присвоиваютъ себѣ наши ренты и владѣнія. Но, не довольствуясь тѣмъ, что заключалъ въ себѣ этотъ произвольный указъ, они стали нарушать и другія наши права, просто называя „дурнымъ обычаемъ" все то, чего не хотѣли намъ платить [1]). Видя, однако, что не на ихъ сторонѣ справедливость и здравый смыслъ, они взялись за оружіе и стали убивать каждаго, кто рѣшался что-нибудь потребовать отъ нихъ. Они заключили между собой соглашеніе умерщвлять своихъ сеньоровъ, осаждать ихъ замки, грабить на большихъ дорогахъ, захватывать въ плѣнъ дворянъ, открыто нападать на ихъ дома и, въ довершеніе всего, посягать на права депутаціи. Принявъ во вниманіе и другія, не менѣе ужасныя и отвратительныя преступленія ихъ, можно сказать, что ихъ слѣдуетъ лишить не только оказываемыхъ имъ благодѣяній, но и тѣхъ личныхъ и имущественныхъ правъ, которыми они пользуются, ибо дерзость ихъ дошла до такой степени, что они, желая взять на себя представительство страны, открыто выступаютъ и словомъ, и дѣломъ противъ того, что постановлено и клятвенно подтверждено всѣмъ принципатомъ, чему непреложнымъ свидѣтельствомъ служитъ опытъ извѣстныхъ всѣмъ событій. Образъ дѣйствій вашихъ сеньорій, вѣроятно, обусловливается требованіями даннаго момента и вызванъ силой обстоятельствъ, но будьте увѣрены, что крестьяне, дѣйствуя въ ущербъ общественному благу, сами по себѣ не были бы въ силахъ достигнуть успѣха въ собственномъ дѣлѣ. Существованіе среди постоянныхъ опасностей, угрожающихъ ихъ жизни и имуществу, ихъ уже утомило; они разочаровались въ своихъ надеждахъ и прибѣгаютъ къ вамъ за помощью, чтобы выгадать и обезпечить себѣ ту долю уступокъ, которая еще возможна по нынѣшнимъ временамъ, сваливая вину въ смутахъ и потрясе-

---

[1]) .. fins a tant que volents los tots significaren que era mal us pagar a negu.

ніяхъ страны на другихъ крестьянъ, которые должны быть наказаны" [1]).

Такимъ образомъ, въ своемъ стремленіи установить соглашеніе между крестьянами и сеньорами, депутація встрѣтила противодѣйствіе не только со стороны королевской власти, но и со стороны феодальной аристократіи.

Военныя приготовленія въ Барселонѣ закончены были только къ концу мая. Главнокомандующимъ назначенъ былъ 27 мая графъ Пальярскій Уго Роджеръ. Онъ долженъ былъ, согласно даннымъ ему инструкціямъ, двинуться въ Ампурданъ, овладѣть особой королевы и инфанта и разбить Вернтальята, спѣшившаго къ нимъ на помощь. 29-го мая, послѣ торжественнаго богослуженія, со знаменами короля и принципата, вынесенными изъ Барселонскаго каѳедральнаго собора, графъ выступилъ въ походъ. Вернтальятъ, во главѣ 600 человѣкъ, пытался заградить ему путь и овладѣть г. Остальрикомъ, но безуспѣшно: его предупредилъ графъ Пальярскій. Занявъ этотъ городъ и поручивъ его охрану графу Модика, онъ 1-го іюня встрѣтился съ силами Вернтальята и нанесъ имъ пораженіе. 6-го іюня графъ подступилъ къ Херонѣ и, послѣ жаркой бомбардировки, овладѣлъ городомъ. Королева съ десятилѣтнимъ сыномъ спаслась въ епископскомъ замкѣ Джиронелла, находившемся внутри города. Замокъ былъ прекрасно подготовленъ къ защитѣ и устоялъ противъ канонады. Началась продолжительная осада, которая прерывалась необходимостью отражать нападенія мелкихъ отрядовъ крестьянъ, безпрестанно тревожившихъ войско графа Пальярскаго [2]).

Около того же времени депутація объявила всему каталонскому народу, что осуждаетъ на смерть нѣкоего земледѣльца Вернтальята, собравшаго, по королевскому внушенію, огромное число ременсъ и возставшаго съ ними противъ принципата [3]). Нѣсколько дней спустя былъ взятъ въ плѣнъ солдатами депутаціи „секретарь ременсъ" (scriva de los remenças) Серроли [4]). Затѣмъ стали приходить извѣстія о томъ, что Хуанъ II заключилъ съ французскимъ королемъ Людовикомъ XI договоръ, по которому, взамѣнъ обѣщанной помощи противъ каталонцевъ, временно уступилъ ему Руссильонъ и Серданью; что французскія войска вступили въ сѣверныя владѣнія принципата и заняли тамъ нѣсколько крѣпостей,

---

[1]) Doc. ined., XX, 27—30.

[2]) Zurita, IV, 112—114; Doc. ined, XIX, 335, 336, 399, 469.

[3]) Doc. ined., XX, 107; Monsalvatge, I, 215.

[4]) Doc. ined., XX, 180.

и что, наконецъ, самъ Хуанъ II перешелъ границу Каталоніи и овладѣлъ г. Балагеромъ. Дѣйствительно, король уже находился въ Каталоніи, чѣмъ нарушилъ Виллафранкскій договоръ. 6-го іюня изъ Балагера онъ разсылалъ крестьянскимъ вождямъ письма съ выраженіемъ благодарности за оказанныя услуги и просилъ спѣшить съ возможно большимъ количествомъ людей на помощь королевѣ и инфанту въ Херону, гдѣ ихъ уже осаждало войско принципата [1]). Тогда депутація рѣшилась на крайнія мѣры. Король объявленъ былъ врагомъ отечества, и вѣсть эту разнесли барселонскіе герольды 9-го іюня. Черезъ два дня состоялось такое же постановленіе и относительно королевы [2]).

Спустя нѣкоторое время депутація сочла необходимымъ сообщить папѣ и Сарагосскому муниципальному совѣту мотивы своего рѣшенія. Они заключались въ слѣдующемъ. Возстаніе крестьянъ, выразившееся въ нежеланіи ихъ исполнять обычныя повинности и платить цензы, въ оскорбленіяхъ и насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ сеньоровъ, началось еще тогда, когда королева находилась въ Барселонѣ. Буйства крестьянъ не только не прекратились послѣ отбытія ея въ Ампурданъ, но еще болѣе усилились, и это потому, что „подъ личиной умиротворительницы она подстрекала крестьянъ къ возстанію, убѣждая ихъ вооружиться и образовать войско для гибели каталонскаго принципата“ [3]).

Первой заботой Хуана II послѣ вступленія на территорію Каталоніи было освободить семейство свое отъ осады. Поручивъ охрану г. Балагера архіепископу Сарагосскому, онъ двинулся по направленію къ Леридѣ, съ цѣлью подчинить себѣ этотъ городъ, но жители оказали ему отчаянное сопротивленіе. Только г. Таррега сдался королю, но положеніе его тамъ было не безопасно, и онъ предпочелъ вернуться въ Балагеръ, откуда продолжалъ борьбу съ Леридой. Противъ Хуана II депутація выставила войско изъ 500 человѣкъ подъ начальствомъ Хуана Агулло, но онъ измѣнилъ ей и 13-го іюля перешелъ на сторону короля [4]). Освободителемъ королевы оказался Вертальятъ. Въ то время какъ она томилась въ

---

[1]) Doc. ined., XX, 135—137, 143—144.

[2]) Zurita, l. c.; Carreras, 272.

[3]) ... sed contrarium faciens sub velamine pacis componende populares omnes concilavit rusticanos insuper contra eorum dominos ad capiendum arma et ad faciendum exercitum molliebatur ut principatum et populum cathalanum vastarent et ad nichilum redigerent Doc. ined., XXII, 67—68. См. также XIX, 415—416.

[4]) Zurita, l. c

осадѣ, силы графа Пальярскаго убывали, благодаря дезертирству, такъ что въ іюлѣ у него оставалось не болѣе 600 человѣкъ. Наконецъ, 23 іюля Вернтальятъ съ соединенными отрядами крестьянъ изъ Безалю, Баньоласъ и Монте принудилъ его снять осаду и отступить къ Остальрику [1]). Послѣ этого, старанія Вернтальята были направлены къ тому, чтобы соединить въ одно цѣлое разсѣянные по странѣ отряды крестьянъ и помочь королю овладѣть возставшими городами принципата. Графъ Пальярскій, какъ и депутація, всѣми силами стали противодѣйствовать этому плану. Муниципальнымъ совѣтамъ различныхъ городовъ Каталоніи разосланы были изъ Барселоны письма съ предупрежденіемъ о готовившейся опасности со стороны Франціи и съ просьбой приготовиться къ оборонѣ [2]). Тѣмъ не менѣе Вернтальяту удалось овладѣть гг. Безалю, Олотомъ и Баньоласъ [3]). Но попытки принудить къ сдачѣ Рипполь, одинъ изъ важнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ, оканчивались неудачей, такъ какъ городъ былъ приготовленъ къ защитѣ, а жители его не падали духомъ, находя нравственную поддержку со стороны членовъ депутаціи, которые, давая различные совѣты риппольскимъ монахамъ и горожанамъ, писали имъ между прочимъ, что „малодушіе не приличествуетъ храбрымъ каталонцамъ" (spantar sens rahonable causa no es covinent a la practica e animositat dels cathalans) [4]). Совѣты ихъ не пропали даромъ. Когда Вернтальятъ и Ферреръ 1-го августа подступили къ стѣнамъ города, то были встрѣчены убійственнымъ огнемъ и принуждены были отступить. За то въ окрестностяхъ города они произвели страшныя опустошенія: сожгли дома, жатву на поляхъ, уничтожили мельницы, деревья, виноградники и т. д. [5]). Оттуда на слѣдующій день Вернтальятъ, во главѣ отряда численностью болѣе 600 человѣкъ, двинулся къ Вику и остановился въ двухъ миляхъ отъ города [6]), жители котораго еще раньше, по предписанію депутаціи, уничтожили всѣ мосты и дороги, чтобы затруднить доступъ непріятелю. Депутація, въ виду увеличенія непріятельскихъ силъ, постановила набрать 10.000 пѣхотинцевъ. Въ распоряженіи короля въ то время было уже до 6.000 человѣкъ [7]).

---

[1]) Doc. ined, XXI, 15 Coroleu, 354. Monsalvatge, I, 215—219; Fita, I, 3.
[2]) Doc. ined., XX, 61, 102—105.
[3]) Doc. ined, XXII, 330—3 1; Monsalvatge, l. c.
[4]) Doc. ined, XX, 273—274; 294—295.
[5]) Doc. ined, XXII, 331—322
[6]) Doc. ined, XXII, 307; Carreras, 275.
[7]) Carreras, 273; Coroleu, 354—355.

Такимъ образомъ, въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1462 г. произошло окончательное раздѣленіе Каталоніи на два враждебныхъ лагеря: одна часть ея населенія подчинялась королевскому вліянію, другая—вліянію Барселоны. Столкновеніе между ними происходили на почвѣ самыхъ разнообразныхъ интересовъ: боролись между собой и королевская власть съ барселонскими совѣтами, и феодальные сеньоры съ крестьянами, причемъ, благодаря королевской политикѣ и дѣятельности Вернтальята, вся борьба получила политическую окраску. „Свое копье, писалъ Вернтальятъ 16-го іюня одному изъ своихъ друзей, я поднялъ не для того, чтобы уничтожить ременсу и прочіе обычаи, но для того, чтобы дать возможность моему господину, королю арагонскому, совершить правосудіе надъ тѣми и другими жителями Каталоніи и наказать злодѣевъ... Да здравствуетъ король и да совершитъ онъ истинное правосудіе!"— такими словами заключаетъ онъ свое письмо [1]). Съ измѣненіемъ характера борьбы произошло разъединеніе и среди каждаго сословія: одна часть землевладѣльцевъ и крестьянъ примкнула къ королевской партіи, другая--оставалась на сторонѣ Барселоны. Началась междоусобная борьба роялистовъ съ защитниками вольностей принципата, борьба упорная и продолжительная, въ которую вовлечены были всѣ элементы каталонскаго населенія и въ которой постепенно крестьянскіе интересы стушевались.

Подъ начальствомъ Вернтальята, Альтаррибы, Виласетру, Бака. Кальяра и другихъ вождей многочисленные отряды крестьянъ вели ожесточенную партизанскую войну противъ городовъ и селеній, сохранявшихъ вѣрность Барселонѣ. Во главѣ военныхъ силъ принципата продолжалъ стоять графъ Пальярскій. Поставленный въ необходимость слѣдовать во всемъ предписаніямъ депутаціи и отдавать ей отчетъ въ каждомъ своемъ шагѣ, графъ лишенъ былъ существеннаго условія успѣшнаго веденія войны—быстроты дѣйствій. Кромѣ того, войско его испытывало недостатокъ въ вооруженіи и запасахъ и лишено было дисциплины. Вслѣдствіе этого, дѣйствія графа Пальярскаго отличались вялостью и нерѣшительностью. Борьба сосредоточивалась вблизи гг. Хероны, Вика и Барселоны. Королева съ инфантомъ, по-прежнему, находилась въ Херонѣ, а

---

[1]) ... la mia lança no ses levada per les remençes anullar ni altres drets mas per demanar mon senyor lo senyor Rey natural de Arago qui dones dret e juy de justicia als huns e als altres homens de Cathalunya e castigas los malfactors... vischa lo senyor Rey e don lo dret de vera justicia Doc. ined, XXI, 379—380.

Хуанъ II—въ Балагерѣ. Въ ноябрѣ 1462 г. Херона снова подверглась осадѣ, со стороны Бернарда Джильберта, барона де Круиллесъ, командовавшаго отрядами депутаціи въ Ампурданѣ и успѣвшаго соединить подъ своими знаменами многихъ ременсъ. Въ защиту королевы выступили со своими отрядами рыцари Педро де Рокаберти и Бернардъ Маргаритъ. Отправленный противъ нихъ изъ Барселоны отрядъ, подъ начальствомъ Арнольда де Виладеманъ, принужденъ былъ отступить и покинуть артиллерію.

Подъ вліяніемъ неудачъ и сознанія недостаточности собственныхъ средствъ для умиротворенія страны, депутація рѣшилась на крайнюю мѣру, предложивъ 13 ноября каталонскій тронъ кастильскому королю Генриху IV. Онъ принялъ предложеніе и послалъ въ Каталонію Хуана де Бомонъ, въ качествѣ своего намѣстника. Но прибытіе послѣдняго нисколько не измѣнило положенія дѣлъ. Борьба продолжалась, не ослабѣвая. Крестьянскіе вожди, боровшіеся за Хуана II, одерживали побѣду за побѣдой. Одному изъ нихъ, Альтаррибѣ, удалось овладѣть важными укрѣпленными пунктами—Миланъ, Безора, Кабрера, Остолесъ и др., и получить отъ короля, въ награду, титулъ генералъ-капитана Аусоны. 6 іюня 1463 г. между Хуаномъ II и Генрихомъ IV состоялось соглашеніе, по которому послѣдній отказался отъ каталонскаго трона. Тогда депутація пригласила занять престолъ д. Педро, португальскаго коннетабля (8 февраля 1464), а послѣ смерти его (29 іюня 1466)—герцога лотарингскаго [1]).

Между тѣмъ силы Хуана II росли и перевѣсъ въ борьбѣ склонялся на его сторону. Продолжительная междоусобная война гибельно отражалась на благосостояніи страны; каталонцы были утомлены и желали мира. Среди членовъ депутаціи уже не было прежняго единодушія. Нѣкоторые изъ нихъ склонялись въ пользу признанія королемъ снова Хуана II. Партія мира особенно усилилась послѣ того, какъ большая часть городовъ Ампурдана перешла подъ его власть. Начались переговоры о мирѣ, и въ октябрѣ 1471 г. въ Педральбесъ былъ заключенъ договоръ, по которому Хуанъ II признанъ былъ королемъ, подъ условіемъ всеобщей амнистіи и уваженія вольностей принципата. 17 октября 1472 г. онъ былъ торжественно принятъ въ Барселонѣ [2]).

Побѣдой своей Хуанъ II обязанъ былъ, главнымъ образомъ, ременсамъ, возставшимъ подъ начальствомъ Вернтальята. Ко-

---

[1]) Zurita, IV, 118; Marichalar, VII, 93.

[2]) Coroleu, 356—359.

роль щедро отблагодарилъ его за оказанныя услуги: онъ получилъ титулъ виконта де Бассо, званіе члена королевскаго совѣта и земельныя владѣнія съ феодальными правами надъ населявшими ихъ крестьянами [1]... Награда, неожиданная для лица, стоявшаго во главѣ крестьянскаго возстанія и боровшагося противъ феодальной аристократіи! Что касается массы крѣпостного населенія, то, повидимому, Хуанъ II былъ нѣсколько озабоченъ облегченіемъ его участи. Въ концѣ 1469 г., т. е. еще до заключенія мира съ депутаціей, сынъ короля, принцъ херонскій, Фердинандъ издалъ декретъ, освобождавшій всѣхъ крестьянъ Херонскаго діоцеза, какъ тѣхъ, которые участвовали въ войнѣ, такъ и тѣхъ, которые продолжали заниматься земледѣліемъ, отъ двухъ третей недоимокъ по всѣмъ платежамъ въ пользу церкви и обязывавшій ихъ уплатить остальную треть въ теченіе ближайшихъ трехъ лѣтъ [2]. Постановленіе это вызвало сильное негодованіе среди духовенства и объявлено было имъ противозаконнымъ и несправедливымъ [3]. Въ своемъ протестѣ, составленномъ въ началѣ 1470 г., клирики настаивали на отмѣнѣ разорительнаго для нихъ декрета, указавъ на то, что живутъ доходами съ своихъ помѣстій и не могутъ собственноручно добывать себѣ пропитанія (vivunt de redditibus annuis... clerici non possunt propriis manibus victum querere) [4].

Тѣмъ не менѣе, крестьяне добились отъ короля, если не отмѣны, то отсрочки всякаго рода платежей въ пользу сеньоровъ [5] въ 1471 г., а въ 1472 г. херонскій военный губернаторъ Хуанъ Сарьера разрѣшилъ крестьянамъ не платить долговъ ихъ кредиторамъ [6].

Требовательность херонскихъ каноликовъ раздражала крестьянъ и безпрестанно возбуждала ихъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ противъ клира: такъ, въ концѣ 1469 г. они напали на замокъ херонскаго епископа въ Корсіано [7], сожгли богатый архивъ епископской куріи [8], составляли заговоры противъ духовенства; такъ что крестьянскія волненія въ Херонскомъ епископствѣ сдѣлались какъ бы хроническимъ явленіемъ. Духовное оружіе, къ которому [9]

---

[1]) Monsalvatge, I. 215–219.
[2]) Fita, I. 15.
[3]) Ibidem.
[4]) Ibidem, I, 14–15.
[5]) Ibidem, I, 16.
[6]) ... concessit rusticis ut nulli creditorum solvere teneantur. Ib., I, 36.
[7]) Ibidem, I, 12.
[8]) Ibidem, I, 14.
[9]) Ibidem, II, 56.

прибѣгали клирики въ борьбѣ съ ременсами, въ видѣ отлученія отъ церкви, оказывалось недѣйствительнымъ. Считая себя „окруженными со всѣхъ сторонъ нечестивымъ племенемъ ременсъ, бывшихъ виновниками смутъ въ отечествѣ“ [1]), 17 ноября 1474 г. херонскіе каноники, подъ предсѣдательствомъ епископа Маргарита, собрались для избранія депутатовъ въ кортесы, назначенные въ Барселонѣ, и для составленія инструкцій депутатамъ по вопросу о возстановленіи церковныхъ правъ, нарушенныхъ крестьянами. Требованія клира сводились къ тому, чтобы послѣдніе приведены были въ прежнюю зависимость отъ сеньоровъ, приносили имъ присягу въ вѣрности и выполняли тѣ повинности, которыя вытекали изъ нея и записаны были въ грамотахъ подчиненія [2]). Требованія эти были удовлетворены позже, уже при Фердинандѣ Католическомъ, принявшемъ, вмѣстѣ съ отцовской короной (19 января 1479), и обязанность такъ или иначе разрѣшить крестьянскій вопросъ, продолжавшій служить источникомъ волненій и смутъ. Рѣшиться на радикальную реформу крестьянскихъ отношеній Хуанъ II не могъ, въ силу договора въ Педральбасъ, обязавшаго его соблюдать вольности принципата. Каждое королевское распоряженіе, измѣнявшее соціальныя отношенія Каталоніи, могло быть разсматриваемо, какъ отступленіе отъ этого договора, и вызвать новыя столкновенія съ чинами принципата. Этого король, очевидно, не хотѣлъ. Между тѣмъ потребность реформы сознавалась и болѣе или менѣе проницательными представителями землевладѣльческаго класса. Такъ, весной 1479 г. епископъ Маргаритъ предложилъ херонскимъ каноникамъ слѣдующій выходъ изъ тягостнаго для всѣхъ положенія: отправить къ королю двухъ синдиковъ, одного, въ качествѣ представителя сеньоріальныхъ интересовъ, другого, въ качествѣ крестьянскаго ходатая, для совмѣстнаго обсужденія съ королемъ вопроса о недоимкахъ и размѣрахъ текущихъ платежей, обязательныхъ для крестьянъ. Каноники, однако, не согласились съ епископомъ. По ихъ словамъ, предоставить королю и двумъ синдикамъ рѣшеніе вопроса, касающагося основъ государственнаго строя (in tanto negocio, in quo pendet status cathalonie), опасно: это значитъ искушать его величество, такъ какъ уже теперь крестьяне, разбогатѣвшіе на счетъ сеньоровъ, собираютъ въ своей средѣ день-

---

[1]) ... que (ecclesia) cita est in medio nationis prave, hominum scilicet de redimentia, qui fuerunt causa rebellionis preterite et subversionis hujus patrie. Ib., II, 14.

[2]) Ibidem, II, 15.

ги, чтобы, при помощи ихъ, склонить на свою сторону королевскихъ совѣтниковъ; а кромѣ того, въ рѣшеніи вопроса, въ которомъ заинтересованы всѣ сословія, должны участвовать представители отъ каждаго изъ нихъ, а не два только синдика. Отвергши предложеніе Маргарита, капитулъ постановилъ ходатайствовать передъ королемъ не производить ровно никакихъ измѣненій въ положеніи ременсъ (quod nullo pacto Regia celsitudo aliquid innovet in facto rusticorum de redimentia).

Старанія канониковъ увѣнчались успѣхомъ. 28 сентября получено было извѣстіе о королевскомъ декретѣ, возстановлявшемъ за церковью всѣ тѣ права и повинности, которыя принадлежали ей еще до возстанія ременсъ. По отношенію къ послѣднимъ сдѣлана была одна только уступка: они были освобождены отъ третьей части недоимокъ [1]). Наконецъ, кортесы 1481 г. подтвердили прежнія постановленія, ограничивавшія право крестьянскихъ переходовъ и ставившія крестьянъ въ личную зависимость отъ сеньоровъ [2]). Такимъ образомъ, возрождалось крѣпостничество, правительство вступало на путь реакціи.

Итакъ, усилія ременсъ—добиться личной независимости и освобожденія земельной собственности отъ феодальныхъ повинностей—не увѣнчались успѣхомъ ни въ царствованіе Альфонса II, ни въ царствованіе Хуана II. Какъ выкупная операція, такъ и вооруженное возстаніе окончились полнымъ крахомъ. Права и притязанія сеньоровъ, временно нарушенныя королевскими декретами, были возстановлены кортесами 1481 г., въ правленіе Фердинанда Католика.

Для сеньоровъ возстаніе 1462 г. оказалось недостаточно поучительнымъ урокомъ. Съ большей настойчивостью, чѣмъ когда-либо, они стали требовать у крестьянъ выполненія прежнихъ повинностей и оброковъ. Но и крестьяне менѣе, чѣмъ когда-либо, расположены были удовлетворять эти требованія. Такъ, весной 1482 г. въ приходѣ Собрерока, Херонскаго діоцеза, выстрѣломъ изъ лука былъ убитъ одинъ изъ главнѣйшихъ представителей херонской буржуазіи Хуанъ Десвернъ, требовавшій у крестьянъ уплаты цензовъ и таскъ [3]). Новое крестьянское возстаніе вспыхнуло осенью

[1]) Fita, II, 55—56.

[2]) Constit. de Catal., I, 348—349 (изд. 1704).

[3]) A 12 de Maig 1482 carta dels jurats de Gerona, ab que donan avis de un cas atrocissim y enormissim seguit lo die abans, que havian trobat mort en la parroquia de sobreroca ferit de una stralla per la spatlla Joan Desvern cutada dels principals de Gerona, home molt mansuet, e investigant lo cas, trobaren que seria per

1484 г. въ долинѣ Міересъ, Херонскаго діоцеза. Ременсами былъ убитъ рыцарь Аймерикъ. Родственники убитаго, мстя за его смерть, произвели рядъ насилій надъ крестьянами, что и послужило поводомъ къ новому возстанію. Вождемъ крестьянъ на этотъ разъ явился отважный ременса Пере Сала.

Привычка устраивать сходки для совмѣстнаго обсужденія условій и средствъ выкупа не исчезла послѣ реставраціи „дурныхъ обычаевъ". Она помогла ременсамъ снова соединиться для борьбы. А участіе въ продолжительныхъ междоусобныхъ войнахъ принципата было для нихъ хорошей военной школой, гдѣ они научились владѣть оружіемъ и подчиняться строгой дисциплинѣ. Оттого второе возстаніе отличалось болѣе интенсивнымъ характеромъ, чѣмъ первое [1]). Пере Сала, одѣтый въ куртку королевскаго стрѣлка, обходилъ селенія и мансы Ампурдана, призывая крестьянъ къ возстанію и заявляя, что призванъ исполнить волю короля—освободить народъ отъ крѣпостной зависимости. Что давало основаніе Сала такъ говорить и дѣйствовать—мы не знаемъ, но можно предполагать, что ременсы поддерживали сношенія съ королевской властью, а Фердинандъ Католикъ, подобно своимъ предшественникамъ, выказывалъ себя сторонникомъ ихъ освобожденія.

Быть можетъ, ременсы продолжали смотрѣть на короля, какъ на своего естественнаго союзника въ борьбѣ противъ феодальной знати, но, не считая его достаточно сильнымъ для освобожденія ихъ собственными средствами, вооружались, въ увѣренности, что требованія ихъ будутъ удовлетворены лишь въ томъ случаѣ, если будутъ предъявлены въ авторитетной формѣ—съ оружіемъ въ рукахъ. Въ возможность мирнаго соглашенія они уже перестали вѣрить. Они были озлоблены противъ своихъ господъ и, желая сво-

---

que demanava censos y tascas als pagesos de aquella Montanya, y sabien, que aquells pagesos proceyen a molts altres actes desordenats, y fejen tals moviments ques podie dubtar nos seguissen turbacions com las passadas, las quals tingueren principi de semblants fets. A. M. B. Bubrica de Bruniquer, t. II, f. 18

[1]) Tomaron los de remença las armas con gran furor: auiendo muerto un caualero, que se llamaua Aymerich: porque salieron sus parientes a querer castigar aquel insulto: y tras el hizieron otros mayores: teniendo por capitan En Sala, hombre muy atrevido y valiente: y este los fue acaudillando y armando de manera, que estauan tan exercitados como si siempre huuieran seguido de la guerra: y no eran y a parte los senyores para reduzir los, ni castigarlos y yuan se les juntando muchas quadrillas de Gascuña, y Rossellon. Zurita, IV, 327. V-to.

боды, горѣли желаніемъ отмстить имъ за обиды и за упорство, съ какимъ сеньоры противились ихъ освобожденію. Дѣйствуя подъ вліяніемъ страсти, ременсы нерѣдко впадали въ ошибки, которыми пользовались ихъ противники.

Когда возстаніе охватило долину Міересъ, то, по распоряженію инфанта Генриха, двоюроднаго брата и намѣстника короля, въ сентябрѣ 1484 г. изъ Хероны выступилъ отрядъ, подъ начальствомъ Сальбы, – альгвазила Генриха, для усмиренія бунтовщиковъ. Ремексы, въ количествѣ 300 человѣкъ, подъ командой Пере Сала, встрѣтили отрядъ выстрѣлами изъ арбалетовъ. Сальба лишился глаза, вегье г. Хероны былъ взятъ въ плѣнъ, а прочіе бѣжали.

Вѣсть объ этомъ событіи привела сеньоровъ въ смятеніе и заставила барселонскія власти подумать о принятіи мѣръ противъ возставшихъ крестьянъ. Инфантъ Генрихъ, въ сопровожденіи отряда пѣшихъ и конныхъ солдатъ, выступилъ 30 сентября изъ Барселоны въ Херонскій діоцезъ. При его приближеніи ременсы разсѣялись во всѣ стороны съ тѣмъ, чтобы потомъ, когда опасность минуетъ, снова соединиться. Отказавшись отъ мысли преслѣдовать виновниковъ бунта, онъ завязалъ переговоры съ крестьянами съ цѣлью успокоить ихъ. Въ увѣренности, что цѣль его достигнута, 27 октября онъ возвратился въ Барселону [1]). Но черезъ нѣсколько дней гласные г. Хероны обратились къ Барселонскому городскому совѣту съ извѣщеніемъ, что ременсы подъ начальствомъ Пере Салы снова приняли угрожающее положеніе [2]). Инфантъ готовъ былъ снова выступить въ походъ и предложилъ членамъ депутаціи и городского совѣта выставить противъ инсургентовъ ополченіе, но предложеніе это было отклонено на томъ основаніи, что необходимо раньше освѣдомиться, насколько подобная мѣра будетъ угодна Его Величеству. Въ то же время они отправили королю посланіе, въ которомъ, давая отчетъ о событіяхъ и о предложеніи инфанта, заявляли, что раньше, чѣмъ принять послѣднее, они рѣшили спросить его согласія, ибо ремексы и вождь ихъ, производя насильственныя дѣйствія въ странѣ, ссылаются на данныя имъ для этого королемъ полномочія.

[1]) Sanpere y Miquel. L'alsament de Mieres. 123 – 124.

[2]) No creem ignoren les mag^cies^ v^res^ los auists e concitacions de que vuy tota la terra es plena, en gran deservici de la regia M^t^ e dan evident dela republica de tot aquest principat car en aquestes partides ses leuat un apellat Pere Ioan Sala. A. M. B. Cartas Comunas Originals, 10 Nov. 1484. f. 265.

Крестьянское возстаніе, начавшись въ долинѣ Міересъ, не распространилось въ другихъ частяхъ Ампурдана. Мѣстное населеніе оставалось спокойнымъ и не желало измѣнять депутаціи, отъ которой ждало освобожденія. Въ надеждѣ увеличить ряды своихъ приверженцевъ въ другихъ областяхъ, Пере Сала двинулся изъ Ампурдана въ Валлесъ и Маресму.

Тамъ онъ призывалъ крестьянъ къ возстанію и находилъ у нихъ сочувственный пріемъ. Нигдѣ не встрѣчая сопротивленія, въ половинѣ декабря Сала вторгся въ Аусону, пытался овладѣть г. Викомъ, но потерпѣлъ неудачу. Оттуда онъ спустился въ долину р. Теръ, захватилъ замокъ Англесъ и внезапно подступилъ къ стѣнамъ Хероны. Городъ подвергся осадѣ, но скоро освободился отъ нея, благодаря прибытію каталонскаго вице-губернатора Реквезенса де Солеръ, начавшаго переговоры съ крестьянами и заключившаго съ ними соглашеніе, по которому 1 января слѣдующаго года въ Олотѣ и Херонѣ должны были собраться ременсы и ихъ сеньоры для окончательнаго урегулированія взаимныхъ отношеній. Но мирные переговоры для Пере Сала служили лишь средствомъ выиграть время и дать возможность племяннику его—Варѳоломею Сала, уроженцу мѣстечка Монторнесъ, подготовить возстаніе въ Викскомъ діоцезѣ. Послѣднее и вспыхнуло въ концѣ декабря, когда подъ начальствомъ Варѳоломея собралось уже значительное количество ременсъ [1]). Тогда и г. Викъ сталъ подвергаться опасностямъ со стороны инсургентовъ. Но гласные этого города, вмѣсто того, чтобы просить у намѣстника принципата вооруженной помощи противъ нихъ, рекомендовали ему начать мирные переговоры, надѣясь, что этимъ путемъ скорѣе можно достигнуть возстановленія спокойствія въ странѣ. Чтобы сдѣлать возможными эти переговоры, члены Викскаго муниципальнаго совѣта предлагали инфанту объявить ременсамъ всеобщую амнистію [2]).

Какъ и во время перваго возстанія, такъ и теперь, въ дѣйствіяхъ барселонскаго правительства не было единства. Муниципальный совѣтъ и депутація—съ одной стороны, намѣстникъ принципата—съ другой, не оказывали другъ другу должнаго довѣрія и поддержки. Представители принципата и г. Барселоны держались того мнѣнія, что никакія мѣры противъ ременсъ не могутъ быть дѣйствительны, пока король открыто не заявитъ, что, не сочувствуя дѣйствіямъ ременсъ, отмѣняетъ дарованныя имъ охранныя грамоты

[1]) Sanpere y Miquel, L'alsament de Mieres, 126—127,

[2]) ... remissio de qualseuol desordens que en tals comoujments hayen comesos. A. M. V. Acuerdos de 1478 á 1495.

и право ассоціаціи. Король же, взгляды и интересы котораго представлялъ инфантъ, слѣдовалъ уклончивому образу дѣйствій.

Между тѣмъ Пере Сала продолжалъ совершать свои набѣги. Послѣ неудачной попытки овладѣть г. Гранольерсомъ, онъ занялъ приходы Монтмало и Монторнесъ, подошелъ къ замку Липасъ и потребовалъ отъ владѣтельницы его, сеньоры Корбера, освобожденія подвластныхъ ей крестьянъ отъ феодальной присяги. Наконецъ, онъ перешелъ границы Барселонской вегеріи и подступилъ къ г. Таррасѣ.

Тогда барселонскій вегье Рокакреспа получилъ приказъ выступить съ вооруженной силой противъ ременсъ. 4 января, въ сопровожденіи 60—70 рыцарей и такого же числа пѣшихъ воиновъ, онъ двинулся по направленію къ м. Кальдасъ, надѣясь застигнуть непріятеля врасплохъ. Но инсургенты успѣли скрыться въ Монторнесъ. Одна часть ихъ, въ числѣ около 100 человѣкъ, укрѣпилась въ мансѣ Варѳоломея Сала, другая, въ числѣ около 250 человѣкъ, поднялась на сосѣдній холмъ и окружила себя баррикадами изъ срубленныхъ тутъ же сосенъ. Вооруженные копьями и арбалетами, они приготовились къ оборонѣ. Несмотря на неравенство силъ, вегье рѣшилъ вступить въ бой. Пѣхоту онъ направилъ противъ усадьбы Варѳоломея Сала, а самъ, во главѣ коннаго отряда, поскакалъ на холмъ. Пѣхотинцы, втайнѣ сочувствовавшіе дѣлу ременсъ, неохотно вступили въ бой и скоро отказались отъ борьбы, а конный отрядъ потерпѣлъ полное пораженіе. Жалкіе остатки отряда возвратились въ Барселону и привели въ уныніе городское населеніе.

Пора уже было подумать объ организаціи военнаго ополченія противъ ременсъ, но барселонскіе представители принципата рѣшили раньше созвать собраніе депутатовъ отъ окрестныхъ селеній для обсужденія этого вопроса. А ременсы въ это время, пользуясь бездѣйствіемъ властей, дѣлали новые успѣхи.

Гордые одержанной побѣдой при Монторнесъ, они, подъ начальствомъ Варѳоломея Сала, вошли въ Кальдасъ де Монтбуи, пригородъ Барселоны; 11 января отряды двухъ крестьянскихъ вождей — дяди и племянника, соединились и достигали 1000 человѣкъ. Вскорѣ они овладѣли и г. Гранольерсомъ, прибѣгнувъ къ слѣдующей хитрости: часть инсургентовъ, наиболѣе храбрыхъ и рѣшительныхъ, подъ видомъ мѣстныхъ крестьянъ, вошли въ городъ, будто для продажи сельскихъ продуктовъ на базарной площади. Подъ верхней одеждой ихъ скрыто было оружіе. Въ условленный часъ они открыли ворота и впустили въ городъ своихъ товарищей,

подъ начальствомъ Пере Сала. Раньше, чѣмъ жители успѣли опомниться, городъ находился уже въ его власти и подвергся страшному разгрому: дома были разграблены, нѣсколько горожанъ, рыцарей и священниковъ были умерщвлены, остальные жители разсматривались, какъ военноплѣнные, и не раньше получили свободу, какъ по уплатѣ выкупа...

А король въ это время писалъ въ Барселону (отъ 16 января и 2 февраля) что положеніе дѣлъ не настолько серьезно, чтобы необходимо было выставлять противъ ременсъ ополченіе („E axí no curen de traure bandera, puig lo cas no ho requer"). Онъ настаивалъ на умѣренномъ образѣ дѣйствій противъ крестьянъ, на предоставленіи исключительно ему принятія мѣръ, необходимыхъ для ихъ успокоенія, и заявлялъ, что считаетъ самымъ вѣрнымъ средствомъ для прекращенія смутъ—установленіе соглашенія между крестьянами и ихъ сеньорами. При этомъ король сообщалъ о своихъ переговорахъ съ крестьянскими вождями относительно условій компромисса, объ инструкціяхъ, данныхъ имъ по этому дѣлу, Хаиме Ферреру и инфанту.

Завладѣвъ г. Гранольерсомъ, Пере Сала сдѣлалъ его опорнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ завоеваній. Онъ укрѣпилъ за собою Кальдасъ и захватилъ Таррасу. По пути между этими двумя городами находился замокъ барселонскаго гражданина Хофре де Сентманата. Послѣдній не послѣдовалъ примѣру другихъ феодальныхъ сеньоровъ, поспѣшившихъ, въ началѣ возстанія, скрыться въ Барселонѣ. Пере Сала осадилъ его замокъ. Объ этомъ дано было знать въ Барселону. На помощь Сентманату былъ отправленъ 1-го марта отрядъ изъ 180 конныхъ и 400 пѣшихъ солдатъ, подъ начальствомъ коннетабля арагонскаго Хуана. При ихъ приближеніи ременсы отступили отъ замка Сентманата къ г. Монкадѣ. Коннетабль тогда двинулся къ Таррасѣ, гдѣ имѣлъ сраженіе съ крестьянами, потерявшими 6 человѣкъ, оттуда, 5 марта,—къ Гранольерсу, который ременсы поспѣшили очистить, и, оставивъ тамъ гарнизонъ подъ начальствомъ Периса, возвратился, по требованію инфанта, въ Барселону.

Въ намѣреніи снова завладѣть Гранольерсомъ, крестьяне, въ числѣ 250 человѣкъ, подступили къ стѣнамъ города. 9 марта Перисъ далъ имъ сраженіе, въ которомъ двадцать ременсъ было убито, а восемнадцать—взято въ плѣнъ. Изъ нихъ четверо были повѣшены противъ того дома, гдѣ жилъ незадолго передъ тѣмъ убитый ими Тагаманентъ. Но ременсы не падали духомъ. 13 марта они напали на другой пригородъ Барселоны—Матаро́. Жители искали спа-

сенія въ церкви. Ее осадили ременсы и подожгли. Осажденные принуждены были сдаться (23 марта). Помощь, высланная имъ изъ Барселоны, опоздала. Коннетабль, находившійся въ Барселонѣ, когда пришло извѣстіе о сдачѣ Матаро́, снова выступилъ въ походъ. Оттуда ременсы повернули къ м. Леронѣ, жители котораго также искали спасенія въ церкви. Узнавъ объ этомъ, коннетабль безъ шума, скорымъ маршемъ, во главѣ пѣхоты и легкой кавалеріи, поспѣшилъ на помощь жителямъ Лероны. Уже наступила ночь, когда они достигли цѣли похода, но зарево пожара горѣвшей уже церкви освѣтило имъ окрестности и дало возможность разглядѣть расположеніе непріятеля, численность котораго простиралась отъ 800 до 1000 человѣкъ. Застигнутые врасплохъ, ременсы потерпѣли полное пораженіе. Въ числѣ убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ они потеряли до 210 человѣкъ, тогда какъ уронъ войска коннетабля не превышалъ 10 солдатъ. Предводитель инсургентовъ Пере Сала находился въ числѣ плѣнныхъ. Торжествуя побѣду, коннетабль возвратился въ Барселону. Сала ѣхалъ на мулѣ, окруженный конвоемъ пѣшихъ и конныхъ солдатъ. Толпа любопытныхъ, вышедшихъ за городскія ворота посмотрѣть на плѣнника, сопровождала его и по улицамъ города. Подъѣхавъ къ дворцу инфанта, Сала бросился на колѣни передъ Генрихомъ и умолялъ о пощадѣ, но напрасно. Его заключили въ тюрьму, изъ которой онъ былъ освобожденъ черезъ сутки, чтобы подвергнуться смертной казни. Когда Сала, въ сопровожденіи исповѣдника Фра-Люиса, вышелъ изъ тюрьмы, къ нему приблизился барселонскій гражданинъ Пере Фетъ и попросилъ его подтвердить передъ исповѣдникомъ тотъ фактъ, что онъ, Пере Фетъ, взялъ его, Пере Сала, въ плѣнъ въ сраженіи при Леронѣ. Просьба эта была удовлетворена, и Пере Фетъ могъ теперь разсчитывать на полученіе обѣщанной инфантомъ награды въ 500 флориновъ тому, кто захватитъ въ плѣнъ смѣлаго вождя ременсъ. Послѣдній погибъ жестокой смертью. Его привязали къ тремъ осламъ, которые тащили тѣло до берега моря. Тамъ онъ былъ обезглавленъ и четвертованъ, а голова его была выставлена на одной изъ городскихъ башенъ для устрашенія тѣхъ, кто послѣдовалъ бы его примѣру [1]).

Но и послѣ казни главнаго вождя ременсы продолжали борьбу. Они избѣгали открытыхъ сраженій. Скрываясь въ случаѣ опасности въ горахъ, лѣсахъ и болотистыхъ мѣстностяхъ, они вели партизан-

[1]) Sanpere y Miquel, L'alsament de Mieres, 128–151; A. Bofarull, Historia de Cataluña, VI, 346–348.

скую войну. Разсѣянные по различнымъ частямъ Старой Каталоніи, отряды въ 150—200 человѣкъ нападали на замки и монастыри, грабили и убивали духовныхъ и свѣтскихъ сеньоровъ [1]).

Среди этой борьбы королевскіе агенты исполняли миссію посредниковъ мира. Они старались собрать возможно больше подписей для заключенія компромисса между сеньорами и крестьянами при королевскомъ посредничествѣ. Съ своей стороны, и Фердинандъ Католическій въ цѣломъ рядѣ писемъ убѣждалъ представителей власти въ Каталоніи приложить всѣ старанія къ тому, чтобы привлечь возможно большее число лицъ къ принятію компромисса, который, по его словамъ, былъ единственнымъ средствомъ для прекращенія войны. Но сеньоры упорствовали въ своемъ стремленіи сохранить права надъ крестьянами, и дѣло медленно подвигалось впередъ. Король даже прибѣгалъ къ угрозамъ по отношенію къ тѣмъ лицамъ, которые противились заключенію компромисса „Мы, говорилъ онъ, не допустимъ и не позволимъ, чтобы, благодаря частнымъ интересамъ, нашъ принципатъ доведенъ былъ до гибели" [2]). Въ августѣ главное руководство по вопросу объ установленіи соглашенія между сеньорами и крестьянами онъ поручилъ Діего Лопесу Мендоса. Въ то же время онъ поддерживалъ переговоры непосредственно съ вождями и послами крестьянъ, посѣщавшими его въ Андалузіи. Мендоса удачно выполнилъ возложенное на него порученіе. 28 сентября въ Херонѣ состоялось собраніе сеньоровъ, которые рѣшили уполномочить короля рѣшить ихъ споры съ крестьянами въ качествѣ третейскаго и безапелляціоннаго судьи. Къ такому же рѣшенію пришли и крестьянскіе вожди, собравшіеся 8 ноября въ монастырѣ Амеръ.

---

[1]) Bofarull, VI, 648–658; Pella y Forgas, 694–697.

[2]) E axi venint a respondre a vestra letra vos diem que nostra voluntat es en tot cas lo dit compromes se ferme, car sens aquell es impossible poderse les dites differencies determinar... per ço vos encarregam e manam quant affectuosament podem que per gran servey nostre per vestra part e per totes les vies, que coneixeren esser necessaries e lo cas requer, treballen en conduyr la firma del dit compromes e en reposar la terra, certifficant vos que si aquell se destorbaria, lo que creure no podem, en tal cas nos aiudarem e favorirem la part qui ala firma de aquell vendra be contra la que recusara aquella, per que no es nostra voluntat nj seria de raho nos permetessem o donassem loch que per interesses particulars aqueix nostre principat vingues a total perdicio. Письмо Фердинанда Католика къ членамъ Барселонскаго Муниципальнаго Совѣта изъ Кордовы отъ 16 іюля 1485 г. A. M. B. Cartas Reals Originals, 1476–1485.

Въ декабрѣ Мендоса отправился въ Андалузію, къ королю, въ сопровожденіи крестьянскихъ депутатовъ. За ними слѣдовала депутація сеньоровъ, состоявшая изъ двухъ представителей духовенства, аббата де Галликансъ и херонскаго каноника П. Феррера, и трехъ представителей дворянства, Круиллесъ, Вилладемань и Вальсека. Отъ г. Барселоны были особо назначены послы для переговоровъ съ королемъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, прежде чѣмъ послѣдовала окончательная резолюція по крестьянскому вопросу. Задача была сложная и отвѣтственная. Королю предстояло примирить самые противоположные интересы и стремленія. Занятый также и другими дѣлами, король безпрестанно переѣзжалъ изъ одного мѣста въ другое, такъ что возникало даже подозрѣніе, не желаетъ ли онъ намѣренно затянуть окончательное рѣшеніе дѣла.

Наконецъ, по пути отъ Бехара къ Кордовѣ король остановился въ монастырѣ св. Маріи де Гвадалупе. 21 апрѣля въ одной изъ залъ монастырскихъ состоялось торжественное засѣданіе, въ которомъ, кромѣ короля, присутствовали вице-канцлеръ Алонсо де ла Кабаллерія, казначей Мендоса, секретари и депутаты отъ крестьянъ, сеньоровъ и города Барселоны. Первое слово было предоставлено крестьянскому депутату, Моссену Вила. Затѣмъ, въ защиту своихъ интересовъ, говорили сеньоры [1]).

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого засѣданія обнародована была знаменитая сентенція, отмѣнявшая въ Каталоніи крѣпостное право. Честь составленія этой сентенціи Сурита приписываетъ уму и такту вице-канцлера Алонсо де ла Кабаллерія [2]).

Самая же мысль третейскаго рѣшенія споровъ между сеньорами и крестьянами королемъ, какъ уполномоченнымъ сторонами судьей, была высказана еще въ 1479 г. херонскимъ епископомъ Маргаритомъ [3]). Мысль его получила всеобщее признаніе послѣ неудачныхъ попытокъ односторонняго рѣшенія вопроса или королевскою властью, которой не желали подчиниться сеньоры, или рѣшенія депутаціей, законность котораго отрицали представители королевской власти. Второе крестьянское возстаніе показало, что дѣло требуетъ безотлагательнаго рѣшенія, и заставило искать выхода изъ затруднительнаго положенія по пути, указанному Маргаритомъ.

---

[1]) Pella y Forgas, 697.

[2]) Esta sentencia... fue ordenada principalmente por la grande sabiduria, y prudencia de Alonso de la Caualleria, vicecanceller del rey. Zurita, IV, 346.

[3]) Fita, II, 55.

Сентенція 21 апрѣля 1486 г. написана на каталонскомъ языкѣ, состоитъ изъ предисловія и 28 главъ или параграфовъ, впервые издана была въ 1589 г. въ собраніи каталонскихъ законовъ и обычаевъ, гдѣ занимаетъ 10 страницъ in-f°, затѣмъ переиздана была въ собраніи каталонскихъ законовъ 1704 г. и, наконецъ, помѣщена въ видѣ приложенія къ сочиненію Виктора Балагера „Исторія Каталоніи“ [1]). Этотъ замѣчательный документъ начинается слѣдующими словами:

„Мы, донъ Фердинандъ, Божьей милостью, король и т. д., въ силу полномочія, даннаго намъ, съ одной стороны, владѣтелями и владѣтельницами ременсъ,—а съ другой—самими ременсами, для рѣшенія споровъ, несогласій, тяжбъ и процессовъ, происходившихъ и могущихъ произойти изъ-за личныхъ службъ, дурныхъ обычаевъ, цензовъ и другихъ повинностей, вытекающихъ изъ первыхъ, а также въ силу верховной власти, которую имѣемъ и которою должны, можемъ и желаемъ пользоваться, особенно въ этомъ дѣлѣ и вопросѣ, являющемся столь важнымъ и серьезнымъ, такъ какъ касается большей части и даже почти всего нашего принципата, вызывавшемъ и возбуждавшемъ столь сильные волненія и безпорядки въ странѣ,—для умиротворенія и успокоенія края и для установленія мира между сторонами... приходимъ къ рѣшенію въ слѣдующей формѣ:

Во-первыхъ, въ виду великихъ жалобъ, представленныхъ намъ со стороны крестьянъ по поводу шести, называемыхъ въ народѣ, дурныхъ обычаевъ—личной ременсы, интестіи, экзоркіи, кугусіи, арсіи и фермы де споли форсада, дающихъ мѣсто для незаконныхъ, несправедливыхъ и лежащихъ тяжелымъ бременемъ на совѣсти требованій со стороны сеньоровъ, то, хотя ременса, интестія, экзоркія и кугусія основаны на барселонскихъ обычаяхъ и каталонскихъ конституціяхъ, а арсія и ферма де споли форсада установлены силой обычая и, какъ намъ извѣстно, иногда пользуются защитой въ судахъ принципата, мы не можемъ долѣе ихъ терпѣть (nos potien per nos tollerar) безъ великаго грѣха и не подвергаясь тяжкимъ укорамъ совѣсти, такъ какъ названные дурные обычаи влекутъ за собою массу всевозможныхъ злоупотребленій и заключаютъ въ себѣ явную несправедливость (contenen euident iniquitat)“.

Условіямъ отмѣны шести дурныхъ обычаевъ посвящены первые пять параграфовъ сентенціи.

[1]) Balaguer, Historia de Cataluña, III, pp. 800 и слѣд. См. также Nolasco, IV, 190 и слѣд.

Если бы, подвергшись извѣстнымъ ограниченіямъ и будучи приведены въ законныя нормы, эти обычаи, говорилъ король, и могли быть терпимы, то трудно предположить, чтобы та и другая сторона соблюдали границы своего права и не давали повода для новыхъ споровъ и раздоровъ. Въ виду этого онъ опредѣлилъ, что впредь не должны имѣть мѣста по отношенію къ крестьянамъ, ихъ потомкамъ и имуществу дурные обычаи; крестьяне каждаго манса (capmas) обязаны были уплатить 60 барселонскихъ солидовъ единовременно или выплачивать ежегодно ренту въ размѣрѣ 3 солидовъ за всѣ шесть дурныхъ обычаевъ, подлежавшихъ отмѣнѣ; крестьяне, подчиненные дѣйствію не всѣхъ шести, а только нѣкоторыхъ обычаевъ, получали свободу по уплатѣ 10 солидовъ капитала или 6 ден. ежегодной ренты за каждый изъ дурныхъ обычаевъ. Означенные платежи крестьяне должны были вносить въ Барселонскій банкъ для индемнизаціи сеньоровъ, начиная со дня обнародованія сентенціи. Крестьянамъ каждаго прихода предоставлено было право устраивать совмѣстными силами выкупъ отъ дурныхъ обычаевъ и производить между собой разверстку.

§ 6 сентенціи отмѣнялъ права уголовной юрисдикціи сеньоровъ надъ крестьянами и ставилъ послѣднихъ подъ защиту королевской власти. „Отмѣняемъ мы также, говорилъ король, право, на которое претендуютъ сеньоры, угнетать своихъ крестьянъ. Въ случаѣ же упорства сеньоровъ, крестьянамъ позволяется прибѣгать за защитой къ намъ или нашимъ агентамъ, на судъ которыхъ обязаны являться сеньоры, обвиняемые крестьянами въ дурномъ обращеніи и подлежащіе отвѣтственности въ уголовномъ и гражданскомъ порядкѣ. Но сеньоры не лишаются гражданской юрисдикціи по отношенію къ нимъ, если таковою обладаютъ“.

Въ слѣдующемъ параграфѣ опредѣляются условія ленной присяги, приносимой земельными держателями своимъ сеньорамъ. Актъ присяги долженъ былъ состоять въ признаніи крестьянами того, что они держатъ въ зависимости отъ сеньоровъ мансы, дома и всякаго рода земли и угодья, но безъ обязательства подчиняться ременсѣ и другимъ дурнымъ обычаямъ, объ уничтоженіи которыхъ объявлено было выше (sien extincts, abolits e anichilats). Крестьянамъ предоставлено было право оставлять мансы своихъ сеньоровъ когда угодно, и уходить, куда угодно, съ сохраненіемъ при этомъ всего движимаго имущества, за исключеніемъ винограднаго пресса (...e que sen pugan anar liberalment a hont volran e tostemps que volran, ab tots ses bens mobles, exceptat lo cup principal). При этомъ крестьянамъ вмѣнялось въ обязанность уплатить всѣ долги сень-

ору до момента оставленія манса. Мансъ возвращался сеньору, который возсоединялъ dominium directum съ dominium utile надъ оставленнымъ участкомъ земли и могъ располагать имъ вполнѣ свободно. По отношенію къ земельнымъ держателямъ за сеньорами сохранены были права на лаудемій, форискапій и фадигу. Тѣ крестьяне, которые могли доказать на основаніи документовъ, что держатъ земельные участки безъ обязательства приносить присягу въ вѣрности сеньорамъ, и на будущее время освобождались отъ этого обязательства.

По прошествіи трехъ мѣсяцевъ со времени ухода крестьянъ изъ помѣстья, если на это они не получили согласія со стороны сеньора, ихъ мансы могли быть уступлены въ держаніе другимъ лицамъ. Крестьяне, прибѣгавшіе къ угрозамъ по адресу сеньоровъ и новыхъ держателей, исключались изъ охраны законовъ о Божьемъ мирѣ (§ 8). Всѣ тѣ повинности и обязательства, которыя были результатомъ злоупотребленій сеньоріальной власти надъ личностью крестьянина, какъ jus primae noctis, насильственный приводъ кормилицъ въ домъ сеньора и т. д., отмѣнялись, въ силу § 9 сентенціи, безъ всякаго вознагражденія въ пользу сеньоровъ.

Далѣе (§§ 10—11) отмѣнялись всякаго рода барщинныя службы и приношенія натурой, не занесенныя въ грамоты подчиненія (capbreve) или занесенныя туда путемъ обмана. Для провѣрки подлинности этихъ документовъ назначенъ былъ пятилѣтній срокъ, въ теченіе котораго крестьяне должны были представить на королевское разсмотрѣніе основанія для освобожденія ихъ отъ означенныхъ повинностей. Въ тотъ же срокъ должны были быть разрѣшены королемъ или его уполномоченными и другіе сомнительные вопросы въ отношеніяхъ крестьянъ къ сеньорамъ, какъ, напр., возстановленіе условій земельныхъ держаній въ случаѣ потери или порчи грамотъ подчиненія, опредѣленіе тѣхъ повинностей, которыя требовали сеньоры отъ крестьянъ на основаніи права давности, а не записи въ грамотѣ подчиненія, и т. д.

По § 12 крестьянамъ предоставлялась полная свобода въ распоряженіи своимъ движимымъ имуществомъ, за исключеніемъ виноградного пресса, для отчужденія котораго требовалось особое разрѣшеніе сеньора.

Отчуждать мансы и прилегавшія къ нимъ земли чужакамъ запрещалось крестьянамъ въ силу § 13 сентенціи. Но благопріобрѣтенными землями, хотя бы со времени присоединенія ихъ къ мансу прошло 30 и болѣе лѣтъ, они могли располагать по своему усмо-

трѣнію, если въ грамотахъ подчиненія добровольно не ограничили этого права.

Крестьяне освобождались отъ платежа цензовъ по содержанію, устройству и охранѣ замковъ, въ которыхъ нельзя было жить или укрываться въ случаѣ опасности, хотя бы такіе платежи и были записаны въ грамотахъ подчиненія (§ 14).

Но доставленіе десятинъ, примицій, цензовъ, таскъ, квинтъ, квартъ и удовлетвореніе другихъ „реальныхъ правъ", являвшихся платой за земельныя держанія, оставлены были въ силѣ, если крестьяне, на основаніе документовъ, не могли доказать, что свободны отъ несенія этихъ повинностей. Такъ какъ у многихъ крестьянъ накопились недоимки по отбыванію послѣднихъ, начиная съ 1480 г., то король простилъ имъ $^2/_3$ долга, обязавъ ихъ ежегодно, послѣ изданія сентенціи, кромѣ текущихъ платежей, уплачивать и $^1/_3$ недоимокъ за каждый изъ просроченныхъ годовъ (§ 15).

Остальные параграфы сентенціи представляютъ меньшій интересъ, чѣмъ разсмотрѣнные выше. Въ нихъ заключаются предписанія административнаго характера относительно приведенія сентенціи въ исполненіе, наказанія главныхъ участниковъ крестьянскаго возстанія и водворенія въ Каталоніи спокойствія (§ 19—27). Чтобы придать сентенціи должный авторитетъ въ глазахъ духовенства, Фердинандъ считаетъ нужнымъ просить папу объ утвержденіи ея (§ 18). Послѣ обнародованія сентенціи король предполагаетъ наказать смертною казнью зачинщиковъ и главныхъ участниковъ возстанія. Преступленія ихъ перечислены въ § 20 сентенціи... „Ременсы, говоритъ король, и многіе крестьяне, не будучи ременсами, но находясь подъ нашей властью или подъ властью прелатовъ, бароновъ, рыцарей, горожанъ и другихъ лицъ, возстали въ большомъ числѣ, съ оружіемъ въ рукахъ и начали открытую войну въ принципатѣ, силой вторгались въ королевскіе города и мѣстечки, убивали жителей принципата, рыцарскаго и другихъ сословій, незаконно пользовались королевскимъ знаменемъ и, что еще хуже, отъ нашего королевскаго имени захватывали, грабили и насильственно удерживали многіе замки, присвоивали себѣ королевскія права и прерогативы по выдачѣ охранныхъ грамотъ, требованію выкупа и заключенію въ тюрьму, оказывали сопротивленіе нашимъ агентамъ, нападая на нихъ, раня и преслѣдуя, такъ что мы вынуждены были выставить пѣшее и конное войско для обузданія ярости и неистовства крестьянъ"...

Наконецъ, въ послѣднемъ, 28-мъ, параграфѣ сентенціи король, предвидя возможныя, при осуществленіи ея на практикѣ, недоразу-

мѣнія, оставляетъ за собой право разъяснять, измѣнять, сокращать и дополнять отдѣльныя ея части.

Въ ближайшіе послѣ изданія сентенціи годы Фердинандъ Католикъ воспользовался этимъ правомъ сдѣлалъ рядъ поясненій и дополненій къ ней въ зависимости отъ соображеній практическаго характера и требованій заинтересованныхъ сторонъ.

Когда сентенцію стали примѣнять на практикѣ, то между сеньорами и крестьянами возникали споры, для разрѣшенія которыхъ необходимы были вмѣшательство королевской власти и интерпретація сомнительныхъ мѣстъ сентенціи. Уже одно признаніе крестьянъ „собственными людьми" (homines solidi et proprii) того или другого сеньора служило для послѣдняго основаніемъ требовать отъ нихъ полнаго взноса 60 солидовъ капитала или 3 солидовъ ренты въ качествѣ выкупа всѣхъ шести „дурныхъ обычаевъ", хотя бы въ грамотѣ подчиненія не было упомянуто ни одного изъ нихъ. Противъ этого крестьяне протестовали. Король сталъ на ихъ сторону и въ январѣ 1488 г. опредѣлилъ, что крестьяне должны платить выкупъ только за тѣ дурные обычаи, которые поименованы въ грамотахъ подчиненія, и притомъ по таксѣ, установленной въ сентенціи, т. е. по 10 солидовъ капитала или 6 ден. ренты за каждый изъ нихъ [1]). Чтобы предотвратить на будущее время возможность возстановленія дурныхъ обычаевъ и крѣпостной зависимости путемъ частныхъ договоровъ между сеньорами и крестьянами, король запретилъ имъ включать въ число обязательствъ „дурные обычаи" и предписалъ составлять грамоты подчиненія по слѣдующей формѣ:

„Я—такой-то, житель такого-то прихода, принимая во вниманіе, что свѣтлѣйшій господинъ король, нынѣ благополучно царствующій, въ силу судебнаго рѣшенія, произнесеннаго Его Величествомъ по спорамъ между сеньорами и крестьянами „ременсы и дурныхъ обычаевъ", объявилъ, что названные крестьяне должны приносить присягу въ вѣрности своимъ сеньорамъ, согласно формулѣ, заключенной въ седьмой главѣ сентенціи (слѣдуютъ соотвѣтственныя выраженія послѣдней)... признаюсь вамъ, такому-то, что держу въ зависимости отъ васъ такой-то мансъ, называемый такъ-то, и, въ силу владѣнія этимъ мансомъ, совершаю и приношу вамъ, какъ господину и собственнику его, присягу (sacramentum et homagium ore et manibus commendatum), согласно тому, какъ сказано въ названномъ параграфѣ сентенціи, съ сохраненіемъ за вами и за

---

[1]) Nolasco, IV, 213—214.

мною всѣхъ правъ, присужденныхъ королемъ, въ силу сентенціи, на которую ссылаюсь" [1]).

Таково было въ существенныхъ чертахъ содержаніе этого интереснаго памятника и сдѣланныхъ къ нему дополненій. Сентенція короля Фердинанда открываетъ новую эру въ исторіи аграрныхъ отношеній Каталоніи, уже выходящую за предѣлы нашего изслѣдованія. 1486-й годъ можно считать временемъ, когда завершенъ былъ процессъ средневѣковой крестьянской эмансипаціи.

---

[1]) Coroleu, 374

Заключеніе.

Заканчивая свое изслѣдованіе крѣпостного права въ Каталоніи въ средніе вѣка, я вкратцѣ повторю главнѣйшіе выводы, къ которымъ прихожу на протяженіи всей работы. Крѣпостное право стало нарождаться въ Каталоніи еще въ то время, когда она входила въ составъ Франкской монархіи, подъ вліяніемъ условій натуральнаго хозяйства и бенефиціальной системы. Крѣпостное населеніе образовалось въ періодъ отъ IX до XII в. изъ мелкихъ свободныхъ земельныхъ собственниковъ, спустившихся на степень зависимыхъ земельныхъ держателей и лицъ несвободнаго состоянія, возвысившихся до этой степени. Крѣпостное право охватило не всю территорію Каталоніи, а только древнѣйшую и наиболѣе населенную часть ея, расположенную между Пиренеями и р. Лобрегатомъ и служившую точкой опоры для борьбы съ маврами и колонизаціи отвоеванныхъ у нихъ земель. Въ противоположность колонистамъ Новой Каталоніи, пользовавшимся личной свободой и владѣвшимъ землей на основаніи эмфитевтическаго контракта, положеніе земледѣльческаго населенія Ст. Каталоніи, подъ вліяніемъ развитія феодализма, постепенно ухудшалось, что отразилось уже въ кодексѣ „Барселонскихъ обычаевъ" XI в. Законодательную санкцію крѣпостное право получило въ XIII в., когда держателямъ мансовъ запрещено было оставлять земли сеньора безъ уплаты имъ выкупа или „ременсы" и искать судебной защиты въ коронныхъ судахъ противъ сеньоріальныхъ злоупотребленій.

Въ XIV и XV вв. нормой земельныхъ держаній были мансъ и его составныя части. Условія держанія мансовъ представляли смѣшеніе элементовъ эмфитевтическаго и феодальнаго права отъ преобладанія тѣхъ или другихъ элементовъ происходила большая или меньшая степень личной зависимости земельныхъ держателей. Лицо, получавшее впервые или наслѣдовавшее отъ несвободныхъ родителей мансъ на феодальномъ правѣ, становилось въ условія личной зависимости отъ сеньора и приносило ему присягу въ вѣрности, что и свидѣтельствовали нотаріальнымъ порядкомъ въ т.

наз. грамотахъ подчиненія. Основными обязательствами, которыя принимали на себя крѣпостные держатели мансовъ, были ременса и повинности, называвшіяся „дурными обычаями“, въ силу которыхъ крестьяне прикрѣплялись къ землѣ сеньора и подчинялись ихъ юрисдикціи. Анализъ „дурныхъ обычаевъ“, получившихъ санкцію закона или юридической практики, приводитъ къ заключенію, что крѣпостные крестьяне пользовались извѣстными гражданскими правами, какъ правомъ наслѣдованія и завѣщанія, и что обычаи ферма де споли и арсія, нерѣдко представляемые въ исторической литературѣ, какъ вопіющія посягательства сеньоровъ на честь и семейныя права крестьянъ, имѣли совершенно иное значеніе. Кромѣ того, крестьяне пользовались и другими гражданскими правами, какъ правомъ производить всякаго рода имущественныя сдѣлки, правомъ, которое они могли осуществлять, наравнѣ съ эмфитевтами, съ согласія сеньора и подъ условіемъ уплаты ему извѣстнаго процента стоимости производимой сдѣлки (laudemium). Что касается „реальныхъ повинностей“, т. е. тѣхъ, которыя служили платой за земельныя держанія, то онѣ выполнялись двоякимъ образомъ или натурой, т. е. доставленіемъ извѣстной части урожая, различныхъ хозяйственныхъ продуктовъ, отбываніемъ опредѣленныхъ хозяйственныхъ службъ, или деньгами. Но не всегда договоръ полно и точно опредѣлялъ размѣръ и характеръ повинностей и обязательствъ крестьянъ въ пользу сеньоровъ. Не для всѣхъ крестьянъ повинности въ пользу сеньоровъ опредѣлялись договоромъ. Среди крѣпостныхъ существовала особая группа, т. наз. juvenes homines, въ отношеніяхъ которыхъ къ сеньорамъ отсутствовало начало договора. Наконецъ, отсутствіе судебной защиты для крѣпостныхъ крестьянъ въ коронныхъ судахъ и права юрисдикціи, которыми пользовались сеньоры, дѣлали возможнымъ безнаказанное для нихъ нарушеніе договоровъ, притѣсненіе крестьянъ и всякаго рода злоупотребленія.

Въ XIV и XV вв., когда крѣпостное право достигло высшей степени развитія въ извѣстныхъ частяхъ Каталоніи, другія области ея уже успѣли избавиться отъ него въ силу того освободительнаго движенія, которое началось еще въ XII в. и которое было результатомъ развитія городской жизни и денежнаго хозяйства. Замѣна разнородныхъ личныхъ службъ и натуральныхъ повинностей опредѣленными денежными платежами дѣйствовала разлагающимъ образомъ на крѣпостное право и способствовала обращенію лично зависимыхъ земельныхъ держателей въ лично свободныхъ арендаторовъ. Процессъ замѣны однѣхъ повинностей другими достигъ

уже значительнаго развитія, когда, благодаря чумѣ 1348 года, въ жизни каталонскаго народа произошелъ кризисъ, выразившійся въ сильномъ сокращеніи населенія, увеличеніи заработной платы, повышеніи цѣнъ на земледѣльческіе продукты и усиленіи бѣгства и эмиграціи изъ деревень въ города. Чтобы удержать крестьянъ на своихъ земляхъ и обезпечить себѣ земельную ренту, сеньоры, смотря по мѣстнымъ условіямъ, дѣйствовали различнымъ образомъ: то прибѣгали къ различнаго рода уступкамъ въ пользу крестьянъ и, такимъ образомъ, содѣйствовали освобожденію ихъ отъ крѣпостной зависимости, то, наоборотъ, обращались къ репрессивнымъ мѣрамъ и усиливали крѣпостную зависимость. Эти репрессаліи обостряли кризисъ и давали поводъ королевской власти для вмѣшательства въ соціальныя отношенія страны. Съ конца XIV в. короли становятся во главѣ освободительнаго движенія, стараясь лишить сеньоровъ правъ надъ крестьянами и облегчить имъ дѣло выкупа отъ предоставленіемъ права сходокъ для сбора и разверстки денежныхъ суммъ, предназначенныхъ для индемнизаціи сеньоровъ. Но королевская политика, отличаясь непослѣдовательностью и своекорыстнымъ характеромъ, особенно въ царствованія Альфонса IV и Хуана II, не привела къ желательнымъ послѣдствіямъ, къ мирному разрѣшенію крестьянскаго вопроса. Несмотря на матеріальныя жертвы, крестьяне достигли только временнаго пріостановленія „дурныхъ обычаевъ". Эта полумѣра, не удовлетворивъ ихъ, въ то же время раздражала сеньоровъ, смотрѣвшихъ на нее, какъ на покушеніе на ихъ права, обезпеченныя каталонскими обычаями и конституціей. Въ конечномъ результатѣ королевская политика только обострила взаимныя отношенія между крестьянами и сеньорами и подготовила возстаніе крестьянъ, отчаявшихся въ возможности мирными средствами достигнуть свободы.

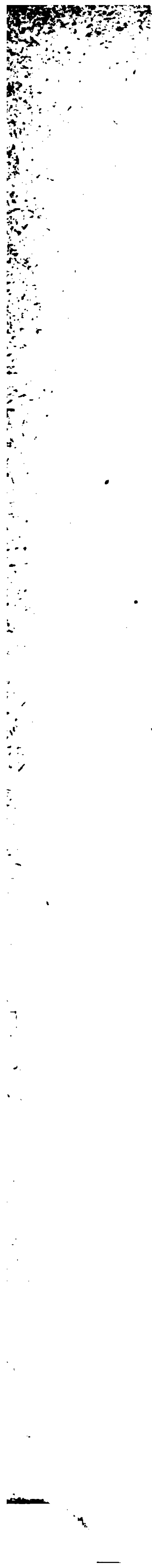
Пользуясь правомъ ассоціаціи, полученнымъ отъ королей для осуществленія выкупной операціи, крестьяне усвоили себѣ военную организацію въ то время, когда между чинами принципата и Хуаномъ II возникъ конфликтъ на почвѣ конституціонныхъ вопросовъ и когда королевская власть старалась привлечь на свою сторону крестьянъ въ борьбѣ противъ антироялистской партіи. Возстаніе началось съ отказа платить сеньорамъ обычныя земельныя повинности. Къ ременсамъ тогда примкнули и другіе элементы земледѣльческаго населенія, недовольные своимъ соціальнымъ и экономическимъ положеніемъ. Возставшіе нападали съ оружіемъ въ рукахъ на замки, монастыри и города, вступили въ открытую борьбу съ сеньорами, встрѣчая тайную поддержку со стороны королевской

власти. Главными вождями возстанія 1462 г. были Верntальятъ и Серроли, являвшіеся послушными орудіями Хуана II и способствовавшіе тому, что крестьянское движеніе измѣнило своему первоначальному характеру и, вмѣсто соціальныхъ задачъ, стало преслѣдовать политическія. Тогда же сословные представители принципата, члены постоянной депутаціи кортесовъ, рѣшили пойти на уступки въ пользу крестьянъ, чтобы удержать ихъ отъ союза съ королевской властью, и достигли того, что многіе крестьяне отказались слѣдовать за Верntальятомъ и сохраняли вѣрность депутаціи, ожидая отъ нея своего освобожденія. Первое крестьянское возстаніе и послѣдовавшая за нимъ междоусобная война окончились побѣдой королевской власти надъ чинами принципата. Но обязанный своимъ торжествомъ крестьянамъ Хуанъ II не освободилъ ихъ отъ крѣпостной зависимости. Наступившая затѣмъ реакція противъ крестьянской эмансипаціи привела къ тому, что при Фердинандѣ Католическомъ возстановлены были всѣ тѣ феодальныя повинности и обычаи, которые временно были отмѣнены Альфонсомъ IV. Мѣра эта подготовила новое возстаніе, вспыхнувшее въ концѣ 1484 года, подъ начальствомъ Пере Сала, и побудившее, наконецъ, сеньоровъ признать короля Фердинанда третейскимъ судьей для рѣшенія всѣхъ происходившихъ между ними и крестьянами споровъ и тяжбъ. Какъ третейскій судья, король обнародовалъ въ апрѣлѣ 1486 г. въ монастырѣ св. Маріи де Гвадалупе сентенцію, признававшую крестьянъ лично свободными, удерживавшую за ними право на земельные участки, по уплатѣ выкупа „дурныхъ обычаевъ" въ размѣрѣ 60 солидовъ единовременнаго взноса или 3 солидовъ ежегодной ренты, уничтожавшую уголовную юрисдикцію надъ крестьянами и ставившую ихъ въ непосредственную зависимость отъ королевской власти.

Такимъ образомъ, уничтожено было крѣпостное право въ Каталоніи. Медленный процессъ его разложенія, который могъ затянуться на неопредѣленное время, вслѣдствіе нежеланія сеньоровъ разстаться съ выгодами крѣпостного труда и зависимости и колебаній королевской политики по крестьянскому вопросу, былъ ускоренъ крестьянскими возстаніями. Они способствовали окончательному разрѣшенію одной изъ труднѣйшихъ проблемъ соціальной исторіи Каталоніи въ средніе вѣка.

Нѣжинъ,
апрѣль 1901 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

Noverint universi, quod ego, Petrus de Casadeuoll, prepositus elemosine panis sedis Gerunde, obtinens beneficium sacerdotale, quod venerabilis de Scala, quondam clericus sedis Gerunde, instituit... sciens et attendens, quod vos, Astruche, filia et heres Suneris de Costa quondam, domina utilis et proprietaria borde vocate de Costa, parrochie S-te Marie de Villabrexio, tenens pro dicto meo beneficio sub directo dominio eiusdem bordam ...cum omnibus terris et possessionibus eiusdem borde et pro qua quidem borda... vos tenemini et debetis michi facere homines et feminas et etiam dare, solvere et prestare michi et meis successoribus... annuatim perpetuo de censu unum par gallinarum in festo nat. domini et etiam XVIII den. barch. de terno in eodem festo et etiam de expletis omnibus provenientibus ex dictis borda, terris et possessionibus duas taschas. Attendens etiam, quod quia vos requisivistis homines et feminas et servitutes personales dicte borde ac census iam dictos et taschas predictas et agraria quecumque terrarum et possessionum dicte borde vobis et vestris perpetuo reduci ad certum censum annuatim in perpetuum. Reverendus in Xp̄o pater et dominus Berengarius, Dei gratia, episcopus Gerunde, volens ius dicti beneficii conservari ac se certificari, utrum ex reduccione subscripta utilitas vel inutilitas dicto beneficio subsequatur, fecit discreto Raymundo de Orta clerico ecclesie Gerund. comissionem subscriptam cum littera sua, suo sigillo in dorso sigillata, continentie subsequentis.

Berengarius, Dei gratia, episcopus Ger. Dilecto nobis in Xp̄o Raymundo de Orta, clerico nostre ecclesie Ger. salutem. In domino. Cum Petrus de Casadeuoll, prepositus elemosine panis sedis Ger. quendam mansum habeat in parrochia de Villabrexio vocatum mansum... Costa et ipsum pro taschis, tertiis, laudimiis et foriscapiis et omnibus aliis agrariis ac pro servitute hominum et mulierum ad certum censum annualiter habendum et pro certa intrata inde habenda reducere intendat, tum sibi et dicte preposRiture, sicut asseruit, utilius quam inde ha-

bere ipsas taschas et alia jura et homines, et feminas, ut premittitur, si de nostro tum processerit voluntate et assensu. Idcirco volentes nos certificari de predictis vobis... comittimus per presentes quatenus vos ad mansum, terras et possessiones ipsas personaliter accedatis ac, vocatis ad hec per vos duabus vel tribus personis fidedignis et in talibus expertis, vos plene et diligentia, qua convenit, certificari curetis, an utilius sit ipsis prepositure et elemosine ipsam reduccionem facere, quam inde habere ipsas taschas et servitutes et alia supradicta, et qui et quanti census inde haberi potuerint annualiter et que erit ipsa intrata, que ad utilitatem ipsius elemosine convertatur. Vos enim, cum informationem huius modi receperitis eam, nobis personaliter referatis aut per vestras speciales litteras vestro sigillo munitas, interclusas una cum presentibus, transmittatis, ut nos in instrumentis de ipsa reduccione faciendis assensum nostrum possimus concedere seu negare supra quibus vestram in domino conscientiam oneramus. Datum Gerunde pridie Idus Junij Anno Domini MCCCL. Attendens, inquam, quod dictus Raimundus de Orta... invenit utilius fore dicto beneficio et michi nomine eiusdem... fieri reductionem subscriptam... idcirco, attentis predictis... reduco sive torno vobis, dicte Astruche, et vestris perpetuo homines et feminas dicte borde, scilicet omnes intestias, exorquias et redemptiones personarum et quascumque alias servitutes borde prefate et etiam dictos census unius paris gallinarum et XVIII den. annualium et dictas duas taschas et quecumque alia agraria, quos, quas et que dare et prestare tenebamini michi et successoribus meis et consuevistis michi et precessoribus meis in dicto meo beneficio de expletis dicte borde et terrarum et possessionum eiusdem ad censum XXVI solid. dicte monete barch. de terno annualium solvendorum et prestandorum per vos et vestros successores in dicta borda michi et meis successoribus in dicto meo beneficio in festo sanctorum Petri et Felicis perpetuo annuatim. Ita quod amodo nec vos nec vestri successores in dicta borda teneamini ad faciendum michi aut meis successoribus in dicto meo beneficio homines et feminas aut servitutes personales aliquas pro dicta borda et eius terris et possessionibus nec soluere nec prestare dictum par gallinarum nec dictos XVIII den. annuales nec dictas duas taschas nec aliqua alia agraria ratione dicte borde et terrarum eiusdem et expletorum eiusdem. Immo per me et per omnes sucessores meos in dicto meo beneficio facio inde vobis et vestris perpetuo absolutionem et diffinitionem ac bonum et perpetuum finem et pactum de ultius non petendo, prout melius et utilius ad vestrum vestrorumque bonum et sanum intellectum possit intelligi atque dici, sed loco et in recompensatione dictorum hominum et feminarum et

servitutum personalium et unius paris gallinarum et XVII denariorum annualium et censualium etc. detis et prestetis michi et meis successoribus in dicto beneficio et elemosina annuatim perpetuo in dicto festo sanctorum Petri et Felicis dictos XXVI solidos. Pro intrata veró sive concessione ac reductione hujus modi confiteor a vobis habuisse et recepisse numerando CCCC solidos barch. de terno convertendos in utilitatem dicti mei beneficii...

VI Kal. Julii MCCCL. A H. G. Caj. 47. Perg. № 107.

№ 2.

Noverint universi, quod ego, frater Calserandus de Ulmis, sacrista maior S. Michaelis de Cuxano, sciens et attendens vos Bernardum Teylleti Iohannis Teylleti de Erbussollis, patrem et filios, tenere et possidere pro me et meis mansum sive bordam vestram sitam in dicto loco de Erbussollis, vocatam vulgariter lo mas ho borda d'En Teyllet d'Erbussolls, pro quo quidem manso et borda et possessionibus et terris eiusdem vos et vestri cum omni prole et progenie vestra inde nata et nascitura estis et esse debetis homines proprii et solidi, amansati et abordati, et de rehemensa, mei et meorum in dicta mea sacristia successorum et etiam debetis et tenemini et estis soliti facere et prestare michi et meis sacramentum et homagium hore et manibus comendatum, tale, quale ceteri homines amansati et abordati facere et prestare tenentur et sunt assueti de jure vel de consuetudine, unde cum vos propter aliquas bandossitates et aliquas alias inimicicias domicilium vestrum mutaveritis in locum de Eucio, jurisdiccionis nobilis viri domini Petri de Ffonolleto, recedendo omnino a loco et terminis de Erbussollis, cumque eciam ego dicto nomine requirerem vos et comonerem vos de tornando in dictum locum de Erbussollis, in eodem cohabitando, non obstante homagio per vos, dictum Bernardum Teylleti, ut asseritur, facto eidem nobili domino vicecomiti. Et dictus nobilis dominus vicecomes me rogaverit quatenus ad evadendum periculum dictarum bandositatum diffinirem et quitarem vos et vestros a dicta servitute dicte borde pactis infrascriptis michi illesis remanentibus. Ideo attentis precibus dicti nobilis domini vicecomitis gratis et ex certa scientia per me et meos in dicta sacristia successores affranquischo et eciam libero, quito et absolvo vos, dictos Bernardum Teylleti, patrem, Petrum Teylleti et Bartholomeum Teylleti, filios dicti Bernardi Teylleti, homines proprios et solidos, amansatos et abordatos mei et meorum et vestros descendentes et omnem prolem et proge-

niem vestram natam et nascituram ab omni servitute dicte mansate et borde, eciam de intestiis, exorquiis, fogagiis et cogossiis, intratis et exitis, et ab omni sacramento et homagio per vos et predecessores vestros factis et prestatis michi et predecessoribus meis sic, quod de cetero vos et vestri sitis et sint franchi, quitii, liberi et absoluti de predictis servitutibus, scilicet de prestacione sacramenti et homagii et de redemptione hominum et mulierum, de intestiis, exorquiis, fogagiis et cogossiis, intratis et exitis et eciam volo et concedo quod possitis vos et vestri facere homines et habitatores illius castri, ville et jurisdiccionis, que vobis placuerit absque metu et incursu alicujus pene et curie seu jurisdiccionis, prout quilibet homo sui juris, non amansatus nec abordatus facere potest; hoc tamen expresse michi et meis reservato, quod vos dictam mansatam seu bordam vendatis et vendere habeatis integriter alicui seu aliquibus qui teneatur seu teneantur ad omnes illas servitutes et jura, ad que dicta borda tenetur et eciam vos tenebamini pro eadem, ante quam dictam diffinicionem vobis fecissem et hoc a festo Beate Marie mensis augusti proxime instandi ad unum annum continuum et completum vel... infra ipsum tempus detis michi et meis in dicta sacristia successoribus hominem, qui teneatur ad omnia predicta et sit amansatus et abordatus ipsius mee sacristie, prout vos eratis ante huius modi diffinicionem, quoniam non intendo affranquire in aliquo dictam bordam, nisi solum vos et vestros, ut est dictum, et hiis michi retentis facio vobis et vestris dictam diffinicionem et affranquimentum totum integriter etc. Que fuerunt acta Insule et laudata die XXIV mensis Julii anno nat. Domini MCCCCXII. Testes etc. Post hec die XXV Octobris anno predicto in villa Perpiniani dictus venerabilis dominus Galcerandus de Ulmis, sacrista maior monasterii s-ti Michaelis Cuxanensis elongavit dictum tempus vendendi dictam bordam seu pro eadem habendi hominem eidem, ut predicitur, ad septem annos, confitens se habuisse pro predicto elongamento nonaginta sol. unum denarium Barch., de quibus etc. Testes etc. et me Jacobo Plani notario qui etc. B. M. P. Cartul. Rouss., 241—243.

№ 3.

Amats e feels nostres los consellers de la ciutat de Barchinona. Lo Rey.

Amats e feels nostres. Vostres letres hauem reebudes, per les quals y altres hauem sabud totes les commocions subseguides sobre les coses deles remençes, e pus axi es que lo Illustre infant e tots

los de nostre real consell e vosaltres son de parer determinadament, que la audacia e delictes per los pagesos perpetrats se deu castigar ans de entendre en la concordia, vos responem, que a nos plau seguir lo dit parer, e per ço scriujm al dit infant remetentli tot lo dit negoci e manant li ho fara e pose per obra, segons a ell e als del dit nostre consell sera vist fahedor e deliberat. A vosaltres encarregam e manam affectuosament, que tot lo que en lo dit negoci per lo dit Illustre infant ab deliberacio del dit consell sera provehit e manat executeu e poseu en obra ab effecte, com de vosaltres confiam. E per que lo dit infant e altres nos scriven e a nos ha paregut per millor reffrenar los excesses e temeritat comesos per los dits pagesos deure aquell convocar parlament general dels staments de aqueix principat en aqueixa ciutat, vos manam, que ensemps ab los altres de vostre stament e altres staments entengan en tot lo que sera necessarj e cumplidor per al castich dels sobradits e repos de aqueix nostre principat e donaren fe e creençia e metan per obra tot ço que per lo dit Illustre infant de part nostra vos sera dit e explicat, com de vosaltres confiam. Dat en Ecija a XIIII de Març any MCCCCLXXXV. Yo Lo Rey. A. M. B.—Cartas Reals Originals. 1476—1485.

Nº 4.

Als amats del senyor Rey e nostres los veguer, consellers e sindichs de la ciutat de Vich.

Lo infant Don Enric darago e de Sicilia, duch de sogorbe, lochtenent general.

Amats nostres: per reprimir e castigar les resistencies, comocions e actes detestables, fets e perpetrats per Pere Ioan Sala, pages de remença, gitar de pau e treua, conplices e sequaxes de aquel, en virtut del usatge de Barcelona qui comença: auctoritate et rogatu, proces de somatent, e altres leys dela patria, hauem convocats los tres staments de aquest principat e ab aquells hauem concordat e apuntat dela ajuda e subvencio, que cascun stament nos ha offert fer sens preiudici de lurs privilegis e drets per hauer gents darmes per fer la castigacio, com altrament fer nos puixa. E specialment hauem concordat... ab les ciutats e viles reyals e entre les altres ab los sindichs a nos per aquesta causa tramesos per la ciutat de Vich, ab les quals som restats de acort de certa quantitat per la dita ciutat e vegueria de Vich e de Osona per reembre la servitut, que los ciutadans e poblats en aquella e en la dita vegueria de Vich e de Osona en aquest

cas son tenguts fer al Senyor Rey e a nos en virtut del dit proces de somatent e altres. E per que es cosa deguda e rahonable que en lo pagament dela dita quantitat contribuexen totes aquelles parroquies dela dita vegueria de Vich e de Osona, qui en virtut del dit proces e altres son tengudes venir e seguir lo dit somatent, cometents a vosaltres, consellers e sindichs, que, segons deu e vostres consciençies, taxen les dites parroquies en lo que rahonablement degen contribuir en la dita quantitat concordata, a vos, dit veguer o regent la vegueria, diem e manem, que a simpla requesta dels dits consellers e sindichs compellian los deles dites parroquies a pagar oquella quantitat, quels sera per ells taxada la reempcio dessus dita. e per quant haven cara la gracia del Senyor Rey e nostra, no faran lo contrarj, com vullam axis fara. Dadta en Barcelona a XVIII dies de Març del any 1485. El infante. A. C. A. Reg. 3801, fº 104.

Nº 5.

Amats e feels nostres los consellers de la ciutat de Barcelona.
Lo Rey.

Amats e feels nostres. Dos letres vostres, la una de XXVII del pasat, l'altra del primer del present hauem rebudes, per les quals en hun mateix dia hauem sabut lo apuntament, que los ecclesiastichs e militars ab la intercessio de vosaltres hanien fet ab don Jnigo Lopez de fermar lo compromes sobre les differencies dels pagesos de remença e los grans desorders que... los dits pagesos stant guiats hauien fets e com ultimament per causa de aquells partit fa lo dit don Jnigo para comunicar ab los pagesos, aqueixa ciutat hauia treta la bandera en virtut del sometent, volent proceyr al castich e signantment a causa dela capitulacio, quelo dit don Jnigo hauia feta en S-t Salonj ab alguns dels dits pagesos sobre la restitucio de Castell Bell e altres coses, no parent vos be aquella, la qual, vista per nos, nos ha paregut satisfeya e era gran principi e cami pera reposar los pagesos e conduyr los al compromes, car si lo reverend abbat de Montserat hagues acceptada la tenencia del dit castell, es fos posat per obra lo contengut en la dita capitulacio, no podem pensar se fos dilatada la ferma del compromes e que los pageses no haguessen cessats los dans, com per alli se foren aderjts al repos, e aquell era lo verdader e bon orde que nos hauiem donat al dit don Jnigo ab ses instruccions. E per ço nos ha desplagut lo mouiment, e euantament del sometent sia stat tant

prompte com sia stat lo propri desconcert e perturbacio del compromes e tornar los pagesos alborotats als primers errors ans de dexarlos be oyr lo que lo dit don Jnigo de part nostra los hauia amonestar, e axi ho scrivim al illustre infant y als de nostre Real consell e al dit don Jnigo encarregant los... continuen la negociacio e signantment que la dita capitulacio sortisab effecte, pregam e manam vos quant affectuosament podem, e doneu tota aquella diligencia e endereça que de vosaltres se spera, car si apres desta fadiga los pagesos recusaran firmar lo compromes e perseveraran en ses malignes obres no perusen... la paciencia tant adormida ans sian certs que... hi manarem fer la prouisio e castich ques pertany en manera que restara digna memorja.—Dat en Alcala de Enares a XV de noembre any MCCCCLXXXV.—Yo Lo Rey. A. M. B.—Cartas Reals Originals.—1476 1485.

Nº 6.

Los consellers de la ciutat de Barcelona al Rey.

Molt alt e molt excellent Senyor.

Per mossen Ramon Marquet ensemps ab mossen Vivers havem rebuda una letra de creença de Vostra gran Excellencia, la qual explicada de continent havem mes en execucio, lo que per vostra gran Altesa era damanat e posat en lo consell general de aquesta vostra ciutat, tots ab molta voluntat son stats contents fer lo que Vostra Altesa damana, volguerem la ciutat stigues en tal disposicio que pogues fer maiors coses per lo servey de Vostra Excellencia, com en lo passat ha acostumat de fer per los reys predecessors de la Serenitat Vostra, pero tenjm sperança en nostre senyor Deu e en la gran prouidencia e felicitat dela Magestat Vostra, que nuya de aquella sera redressada e prosperada, e nosaltres porem fer en servey de Vostra Altesa lo que han fet en lo passat los predecessors nostres. Supplicat sia merce sua voler expedir lo ques te a declarar sobre los pagesos de remença, car ab veritat la dilacio porta molts dans e no leixa metre en repos aquest principat, e encara supplicam a Vostra Altesa que si donada la sentencia sera mester fer la gent per exequcio de aquella que sia merce sua no vage sots capita, car seria contra les leys dela terra, mas fer nos merce remetre la exequcio al illustre infant e lochtenent general de Vostra gran Altesa, a qui per constitucions pertany la exequcio de tals coses e ab veritat en elles ses por-

tat fins aci, de tal manera que ha molt mirat e mira per lo que cumple al servey de nostre Senyor Deu e de Vostra Altesa e al be de aquest Vostre principat...

Dat en Barcelona a 20 Març any MCCCCLXXXVI.—Consellers de Barcelona. A. M. B.—Letres closes. 1485—1487, fº 125.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

СТРАНИЦА:	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ:
VIII	19 св.	(1653 г.)[2]).	(1659 г.)[2]).
8	20 —	вѣсскихъ	вѣскихъ
13	3 сн.	Въ тоже время	Въ то же время
24	11 —	подъ плугомъ	въ плугѣ
26	1 —	обьясняетъ	объясняетъ
33	7 —	перпиньянекихъ	перпиньянскихъ
35	5 —	не думаемъ чтобы	не думаемъ, чтобы
42	1 —	(Прил. VI).	(Прил. VI къ статьѣ: Вопросъ о знач. и происх. шести „д. об." въ Каталоніи).
47	6 св.	обезлюденіемъ	обезлюженіемъ
75	3 —	uinstrumenta	и instrumenta
77	14 —	человѣкомъ и,	человѣкомъ, и.
78	10 —	восьмью	восемью
105	3 сн.	Monacales	Moncales
—	5 —	Sna hereditate	Sua hereditate
123	3 —	De la poblucion	De la poblacion
133	12 св.	„человѣка",	„человѣка"
134	8 —	медлепнымъ	медленнымъ,
137	2 сн.	dicte elemosina	dicte elemosine
141	8 св.	войнъ, и	войнъ и
142	20 —	(pro intrata), и	(pro intrata) и
—	24 —	Авиньонъ	Авиньонъ,
150	5 —	этихъ распоряженій	общихъ распоряженій
152	23 —	выкупа, могло бы	выкупа могло бы
153	3 сн.	также ст.	также соч.
155	11 —	Вважное	Важное
157	10 св.	усиливавшейся	начинавшейся
158	10 —	Альфонсъ V	Альфонсъ IV
165	14 сн.	рокой	рокій

СТРАНИЦА:	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ:
166	25 св.	освожденія	освобожденія
167	10 —	Альфонсъ V	Альфонсъ IV
169	8 —	пореживало	переживало
186	11 —	Депутаціей	депутаціей
190	7 —	Вилардонъ	Вилардонъ,
207	8 —	февраля)	февраля),
209	20 —	Діего	Иньиго
211	24 —	народѣ,	народѣ
—	25 —	дурныхъ	дурными,
—	28 —	то, хотя	хотя
214	13 сн.	рукахъ	рукахъ,
215	4 св.	правомъ	правомъ,
217	9 —	держателей	держателей,
—	21 —	имъ	ими
—	26 —	права	права;
218	18 —	образомъ	образомъ:
219	16 —	выкупа отъ	выкупа

